

17-74

СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

1957

п-74

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ ШЕСТЬ РАЗ В ГОД

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА ~ 1957

О ПОДГОТОВКЕ К XXV МЕЖДУНАРОДНОМУ КОНГРЕССУ ОРИЕНТАЛИСТОВ

Состоявшийся в Мюнхене с 28 августа по 4 сентября 1957 г. XXIV Международный конгресс ориенталистов наметил провести очередной, XXV конгресс в 1960 г. в Советском Союзе, в одном из старейших востоковедных центров — Ленинграде.

Традиция созыва международных конгрессов ориенталистов насчитывает несколько десятилетий: I конгресс состоялся в Париже в 1873 г. и на нем был выработан статут проведения таких конгрессов, который, с частичными изменениями, действует и по настоящее время. В статуте предусматривалось, что конгресс не может собираться подряд в одной и той же стране; что сессии конгресса должны происходить ежегодно (впоследствии периодичность была установлена — один раз в три года); в конце каждой сессии конгресс должен наметить страну, в которой будет проведена следующая сессия; председатель очередной сессии и ученые, помогающие председателю в ее организации, должны быть гражданами той страны, в которой намечено проведение сессии.

Состоявшийся в 1938 г. в Брюсселе XX конгресс наметил проведение очередной сессии на 1941 г., но этому помешала вторая мировая война. XXI конгресс состоялся лишь в 1948 г., в Париже. Последующие конгрессы созывались регулярно: XXII — в 1951 г., в Стамбуле, XXIII — в 1954 г., в Кембридже и XXIV — в 1957 г., в Мюнхене. В работе последних двух конгрессов активно участвовали советские делегации, представившие оба раза свыше полутора десятка докладов по различным отраслям и проблемам востоковедения.

Доклады на пленарных и секционных заседаниях международных конгрессов ориенталистов освещали различные области востоковедной науки; в значительной мере они были посвящены вопросам филологии. Сложилась более или менее устойчивая структура секционной работы конгрессов: частично по региональному признаку, в большей мере — по специальным отраслям (египтологии, ассириологии, семитологии, иранистики, синологии, исламоведению, буддологии, санскритологии и т. п.).

В деятельности конгрессов первоначально наметилась тенденция не касаться вопросов современности. Однако жизнь внесла свои коррективы, и уже на I конгрессе был заслушан доклад «О последней революции в Японии» (о революции Мэйдзи). На III конгрессе был заслушан доклад М. Н. Ростиславова «Очерк видов земельной собственности и поземельный вопрос в Туркестанском крае». Таких примеров можно привести немало. Они убедительно свидетельствуют о том, что нельзя отгораживаться от реальной действительности, от необходимости научной постановки сложных проблем современной жизни народов Востока.

Делегатами конгрессов являлись преимущественно западноевропейские ученые, кроме них на заседаниях присутствовали военные, дипломаты, миссионеры, колониальные чиновники. Участие ученых стран Востока было явно недостаточным. На последних конгрессах число представителей стран Востока заметно увеличилось. Ученые восточных стран все более начинают играть ведущую роль в изучении истории, экономики и культуры своих стран. Один из последних трех конгрессов ориенталистов состоялся в Турции (в Стамбуле), а на Мюнхенском конгрессе серьезный вклад в работу Конгресса внесли делегации стран Ближнего и Среднего Востока (арабские страны, Турция, Иран, Афганистан). Однако и на этом конгрессе все еще недостаточно были представлены ученые стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, не было делегации великого народного Китая, почти не было представителей Индии. Все это, разумеется, отрицательно сказалось на работе Конгресса.

XXV международный конгресс ориенталистов может и должен стать новой вехой в развитии мировой ориенталистики. Чрезвычайно важно, чтобы в своей работе он не только творчески развил лучшие из традиций международных собраний востоковедов, но и отразил величайшие качественные изменения, наметившиеся в востоковедной науке в связи с распадом колониальной системы и достижением рядом народов Востока национальной независимости, установлением ими своей суверенной государственности.

К числу традиций, заслуживающих всемерного продолжения и развития, следует отнести:

во-первых, научное сотрудничество востоковедов всех стран, независимо от их расовой, национальной и религиозной принадлежности и политических убеждений; такое научное сотрудничество содействует организации коллективных усилий всех ученых для разработки нерешенных или малоизученных проблем востоковедения и установления постоянных контактов между специалистами разных стран, исследующими общие вопросы;

во-вторых, всестороннее изучение проблем востоковедения во всех его аспектах — филологическом, историческом и экономическом; на данном этапе развития востоковедной науки в связи с ее специализацией такое изучение является наиболее эффективным;

в-третьих, — перенесение центра работы конгрессов на заседания секций, построенных в основном по региональному принципу; такая структура с некоторыми серьезными коррективами, подсказываемыми самим развитием востоковедной науки, ее специализацией, позволяет в рамках комплексного изучения проблем Востока лучше выявить то специфическое, что свойственно той или иной стране, или группе стран, тому или иному конкретному объекту изучения.

В работе XXV конгресса должно найти свое дальнейшее совершенствование также то новое, что уже в какой-то мере проявилось в работе последних конгрессов.

Имеются все возможности к тому, чтобы сделать XXV конгресс в подлинном смысле слова интернациональным конгрессом, чтобы в нем приняли участие ученые востоковеды всех континентов. Особенно желательно обеспечить широкое представительство ученых самих стран Востока. В настоящее время подлинно научное исследование по Востоку невозможно без учета того, что создано в данной области науки учеными соответствующей страны. Так, трудно представить себе сейчас работу по истории Китая, в которой не будут использованы данные исторической науки Китая, или работу по иранской литературе, написанную в отрыве от достижений иранских филологов.

Любая страна — участница Конгресса, сама определяет тематику и

содержание докладов своих представителей. Большой интерес представляло бы освещение многих нерешенных вопросов, связанных с борьбой народов Востока за свои национальные культурные традиции, за государственную независимость и строительство новой жизни. Научная дискуссия по актуальным востоковедным проблемам поможет сделать деятельность высоконаучного собрания, каким является Конгресс, еще более эффективной. Это требует заблаговременного оповещения участников Конгресса о вопросах, выдвигаемых на научную дискуссию, и своевременной публикации тезисов и проспектов.

Постановление Президиума Академии наук СССР по отчету советской делегации на Мюнхенском конгрессе определяет основные задачи советских востоковедов по подготовке к предстоящему в Ленинграде конгрессу. Эта подготовка должна вестись в двух направлениях: первое — *повседневная научная работа*, результаты которой смогут быть доложены на Конгрессе, и второе — *мероприятия, осуществляемые специально* в порядке подготовки к Конгрессу.

1) Советские востоковеды выступят на Конгрессе прежде всего с результатами многолетней работы научных институтов и университетов как Москвы и Ленинграда, так и республик Советского Востока. В этой связи уместно остановиться на характеристике основного хода развития советского востоковедения. Для начального этапа наиболее характерны отход от позиций буржуазной ориенталистики, освоение марксистско-ленинской методологии и применения теоретических положений марксизма-ленинизма к разработке и научному решению конкретных востоковедных проблем. Организационно это сопровождалось перестройкой 30-х годов, когда в Ленинграде на базе Азиатского музея был создан Институт востоковедения Академии наук. Для следующего этапа развития советского востоковедения характерны его актуализация, все большее приближение исследования к реальной жизни, к изучению сложнейших проблем современного Востока. Прерванное второй мировой войной организационное оформление этих исследований происходило уже в 50-е годы и нашло свое выражение, в частности, в реорганизации Института востоковедения и переводе его в Москву, а также в создании востоковедных центров в союзных республиках Советского Востока.

С трибуны XX съезда КПСС были подвергнуты критике крупнейшие недостатки в работе советских востоковедов, выражавшиеся в наличии элементов догматизма и начетничества, в слабом внимании к проблемам современности.

Преодолевая отмеченные съездом недостатки, советское востоковедение поднимается ныне на новую ступень своего развития.

Актуализация своих исследований востоковедами, изучающими восточные древности и средневековье, содействует выявлению ими передовых национальных традиций того или иного народа, изучению корней общественных институтов, сохранившихся до наших дней, определению того, что сегодня является пережитком далекого прошлого и мешает прогрессу, а что — передовым, подлинно народным, заслуживающим поддержки и дальнейшего развития. Научное исследование, базирующееся на критическом изучении первоисточников, рассматривающее явление в их возникновении и историческом развитии, дает возможность правильно решать многие вопросы современности.

Для успешного развития востоковедной науки необходимо сочетание различных ее отраслей и аспектов изучения. Глубокий филологический анализ подводит твердое основание под востоковедное историческое исследование, а строжайший историзм делает подлинно научным филологическое исследование.

Деятельность советских востоковедов проникнута идеей служения науке обществу. Для советского востоковедения во всех его научных изысканиях и трудах характерны боевой антиколониализм, выражающийся в острой, научно обоснованной критике апологетов империализма и расизма, дух подлинного интернационализма, находящий свое выражение в уважении к достоинству и национальным традициям народов Востока.

В своих трудах советские востоковеды исходят из факта глубокого взаимовлияния культур Востока и Запада как в историческом прошлом, так и в настоящем, они твердо придерживаются принципа всесторонней и бескорыстной помощи передовых социалистических стран слабо-развитым странам Востока. Советские востоковеды видят в народах Востока, сбросивших или сбрасывающих ярмо вековой зависимости, активных и последовательных поборников мира. Отстаивая свою национальную независимость, не допуская вмешательства империалистических сил в свои внутренние дела, стремясь ликвидировать отсталость и нищету как наследие колониализма, народы Востока ведут политику мира на основе известных пяти принципов мирного сосуществования. Идея мирного сосуществования стран Востока и Запада, несмотря на различия, имеющиеся в их социально-политическом строе, способствует укреплению творческих контактов между учеными всех стран и тем самым содействует развитию и расцвету мировой ориенталистики.

2) Перед советскими востоковедами стоят задачи, непосредственно связанные с предстоящим Конгрессом, проведения ряда мероприятий, таких как созыв в 1958—1960 гг. совещаний синологов, индологов, иранистов, тюркологов с участием зарубежных ученых, второго всесоюзного совещания по восточной филологии и второй всесоюзной конференции востоковедов, а также издание серии литературных и исторических памятников. Большое значение будет иметь дальнейшее укрепление связей с востоковедами социалистических стран, налаживание сотрудничества в разработке отдельных проблем.

Проведение Конгресса в Ленинграде, в городе с большими востоковедными традициями будет несомненно весьма полезным. Ленинград располагает квалифицированными кадрами востоковедов, в частности филологов. В отделении Института востоковедения и в Университете имеются богатые книжные фонды и замечательные собрания восточных рукописей, а в Эрмитаже — прекрасные коллекции памятников древности и средневековья. Востоковеды Ленинграда могут серьезно помочь в ликвидации отставания некоторых участков восточной филологии (древние языки, семитология), усилению научных связей с зарубежными учеными.

Необходимо ускорить создание Всесоюзного общества востоковедов, которое сумеет объединить усилия советской востоковедной общественности во всех республиках СССР в деле подготовки к Конгрессу.

* * *

Развертывающаяся на наших глазах новая жизнь народов Востока не может не воодушевить ориенталистов, любящих культуру седого и снова юного Востока, не может не наложить своего благотворного отпечатка на предстоящий XXV международный конгресс ориенталистов. Что касается традиции научного содружества ориенталистов, столь созвучной проводимой Советским Союзом политике мирного сосуществования, то эта традиция еще более окрепнет на предстоящих конгрессах. Ленинградский конгресс должен и в этом отношении послужить образцом.

Конгресс — это большое и торжественное событие для ориенталистов всего мира, воплощение огромного творческого научного труда. Срок в три года, отведенный для подготовки к Конгрессу, не велик, и чтобы обе-

спечить проведение предстоящей сессии на высоком уровне, требуется большая повседневная и планомерная работа — организаторская, научно-исследовательская, издательская. Институт востоковедения Академии наук, возглавляющий эту деятельность, в ближайшее время должен будет полностью ее развернуть. Наш журнал как орган Института будет систематически освещать эту работу, проводимую как в центре, так и на местах. Журнал охотно предоставит свои страницы советским и зарубежным ориенталистам для публикации своих предложений и соображений о содержании работы XXV конгресса, о его тематике. Долг всех советских ученых, востоковедных учреждений и организаций активно включиться в дело, успешное осуществление которого приведет к дальнейшему подъему советского востоковедения и завоеванию им достойного места в мировой ориенталистике.

БРИТАНСКИЙ РЕФОРМИЗМ И КОЛОНИАЛЬНЫЙ ВОПРОС

А. РОТШТЕЙН

В отчетах ежегодных конференций Британской лейбористской партии с момента ее основания в феврале 1900 г. и до 15 конференции в Бристоле в январе 1916 г. трудно найти какие-нибудь признаки, свидетельствующие о глубоком интересе партии к колониальному вопросу. В течение всего этого периода имели место как войны, так и свирепые акты расправы в колониях. Однако мы не найдем их осуждения в протоколах конференций лейбористской партии и конгрессов тред-юнионов по той простой причине, что подавляющее большинство лидеров лейбористов воспринимало существование Британской империи как нечто само собой разумеющееся. Аристократ В. С. Блант, известный своими антиимпериалистическими взглядами, записал в своем дневнике во время «инцидента» в Деншавайе, что «радикалы в парламенте были немые, как рыбы»¹. Это в равной степени относилось и к примыкавшим к ним членам парламента — лейбористам. Спустя четыре года в связи с заявлением о продолжении оккупации Египта Блант сделал следующую запись: «Угнетающее впечатление производит полное отступление лейбористов-членов парламента, а также и либералов. Все они придерживаются теперь в делах, касающихся Востока, империалистической доктрины Грея: «право на стороне сильного»². Незадолго до начала первой мировой войны Блант беседовал по ряду политических вопросов с Рамзеем Макдональдом, лидером лейбористов в парламенте. «Я спросил его, останутся ли лейбористская партия и социалисты антиимпериалистами и в том случае, если демократия в Англии действительно придет к власти. Он сказал: «Я думаю, что они останутся антиимпериалистами, но мне понятны Ваши сомнения»³. В действительности же лейбористская партия, как таковая, никогда не была антиимпериалистской. Что же касается социалистического меньшинства в лейбористском движении того времени, то термин «антиимпериалистское» может быть применен лишь к части этого меньшинства.

Не случайно, что в двух наиболее распространенных в те годы книгах, излагающих принципы социализма, «Веселая Англия» Роберта Блэтчфорда и «Принципы социализма» Фреда Гендерсона⁴ — существование Британской империи не упоминалось как проблема,

¹ Wilfrid Scawen Blunt. My Diaries, 1888—1914. London, 1919—1920. Запись 12 декабря 1906 г.

² Там же, запись от 22 июля 1910 г.

³ Там же, запись от 22 июля 1914 г.

⁴ Тираж книги Блэтчфорда достиг 1 млн. экземпляров, книга Гендерсона была издана в десятках тысяч экземпляров.

над которой должны задуматься социалисты. Не ставился этот вопрос и в книге «Фабианские очерки о социализме», предназначенной для пропаганды в средних слоях общества. Составители этих книг и не задавались целью показать, как социалистическая Великобритания будет относиться к существованию империи. Большинство английского народа в такой степени находилось под влиянием империалистической пропаганды его правителей, что авторы этих работ не отваживались критиковать с социалистических позиций колониальную систему. Вряд ли будет преувеличением сказать, что сотни тысяч людей в Великобритании — и прежде всего активные члены профсоюзов — получили первое представление о социализме, даже не подозревая, что он включает в себя и критическое отношение к существованию империи. Исключение составляла стихийная критика, свойственная даже многим либералам, исходившая из чисто гуманных соображений, когда люди узнавали, например, об ужасах британских концентрационных лагерей для бурских женщин и детей, о страшном преступлении в Деншавайе или об условиях жизни индийского народа.

Последующие события показали, что Блэтчфорд и фабианцы считали наличие империи необходимым и даже желательным. Первым подтверждением этого явилась выпущенная фабианским обществом в 1900 г. книга-манифест «Фабианство и империя». В этом манифесте впервые было дано «социалистическое» оправдание империализма. Он исходил из предположения, что окончательный раздел земного шара между великими державами является «лишь вопросом времени». В этой связи перед Великобританией вставала проблема: будет ли она по-прежнему находиться среди великих держав или «ее вытеснят из принадлежащих ей районов и ограничат былым островным статутом». Далее в манифесте отмечалось, что в интересах «международной цивилизации» необходимо положительно относиться к войне Британской империи против Бурской республики. Для управления Британской империей, утверждал манифест, необходимы прежде всего «разум и политическая наука», а не либерализм, консерватизм или империализм, другими словами — Англия должна оставаться империей, но управлять ею должны фабианские «социалисты»⁵.

Среди тех, кто в знак протеста против этого манифеста вышел из Фабианского общества, был Джеймс Рамзей Макдональд. В 1907 г., однако, Макдональд, являясь одним из руководителей лейбористской партии⁶, написал книгу «Рабочий класс и империя» («Labour and the Empire». London, 1907), в которой развивались в еще более лицемерной форме все основные идеи фабианского манифеста. Империя, по словам Макдональда, «должна существовать не только для безопасности, или порядка, или мира, но и для богатства жизни» (стр. 49). Демократические партии империи призваны «обеспечить гарантию того, что это моральное качество будет сохранено незапятнанным» (там же). С этой целью необходимо создать Совет премьер-министров империи, который «примет на себя от имени всей самоуправляющейся империи ответственность за управление, образование и развитие зависимых народов» (стр. 75). Как же нужно ими управлять? Макдональд отвечает на этот вопрос так: «Нашей основной ошибкой в области туземной политики является то, что мы рассматриваем туземцев как формирующихся британцев. Даже радикалы впадают в эту ошибку, считая, что наше управление туземцами, в конечном счете, должно превратиться в самоуправление народа». В одних случаях следует восстановить власть племенных вождей, в других — установить «нечто вроде полу-демократии,

⁵ «Fabianism and the Empire». London, 1900, p. 3, 44—46, 93.

⁶ Он был секретарем лейбористской партии с 1900 по 1906 г. и секретарем парламентской группы в Палате общин с 1907 г.

в которой народу частично предоставляются избирательные права, либо допускается выборность лишь части органов власти» (стр. 102).

Это программное заявление еще более показательнее, чем декларация фабианцев. Макдональд мог говорить рабочему классу о «незапятнанных моральных качествах империи» лишь потому, что он полностью игнорировал все то, что имело место в действительности. А именно, — огромные британские вложения в империю, выколачивание колоссальных прибылей британскими трестами путем безудержной эксплуатации сотен миллионов колониальных рабов, произвол британской полиции и оккупационных войск, полное отрицание всяких политических прав, даже прав на организацию тред-юнионов для огромного населения, во много раз превосходящего численность населения самой Великобритании. Прикрываясь разговорами об общей ответственности, которая лежит на самоуправляющейся империи за «зависимые народы». Макдональд предлагал по сути дела создать союз британского капитализма (поддерживаемого лейбористской партией) и эксплуататорских классов доминионов против зависимых народов. Критикуя даже самые умеренные шаги, направленные на предоставление колониям самоуправления, о которых говорилось время от времени (но которые редко предпринимались на деле), Макдональд тем самым всемерно поддерживал существовавшую тогда концепцию, согласно которой на Великобритании лежит особая «священная» обязанность быть «опекуном» колониальных народов. Эту обязанность Великобритания должна выполнять не в целях, так грубо изложенных фабианцами, а для обеспечения «богатства жизни». Что касается лейбористской партии, то она поддержит эти усилия⁷.

После посещения Индии Макдональд еще более откровенно применил свои принципы к этой самой большой британской колонии⁸. Он на все лады расхваливал низкие проценты, по которым британский капитал «предоставлялся в займы» Индии. Английское господство «спасло Индию» и было «необходимым злом». Макдональд уверял, что «в течение многих лет верховная власть Великобритании будет необходима для Индии» потому, что-де «нужна объединяющая и контролирующая сила». Великобритания была «нянькой Индии», и поэтому Индия «не должна быть покинута ее опекуном». Опасность изгнания Великобритании из Индии «так далека, что едва ли стоит об этом думать». Парламентские условия становятся там уже «преобладающими». Тем временем этой стране нужен вице-король «с либеральными традициями», который применит опыт либерализма. Все это означало: изменение налоговой системы, расширение местного и государственного самоуправления (с упомянутыми ограничениями), более широкое применение труда туземцев на государственной службе и «свободу печати».

Суть этого социал-империализма (или «социалистической колониальной политики») может быть очень хорошо выражена старой чартистской поговоркой: «богатый все сделает для бедного, только не слезет с его спины». Мы так обильно цитируем здесь произведения Макдональда именно потому, что развивавшиеся им идеи преобладали в британском рабочем движении в течение ряда лет, вплоть до 1917 г.

Однако против этих идей нередко выступали отдельные деятели партии. Председатель парламентской группы лейбористской партии Кейр Гарди был одним из тех немногих ее членов, которые время от времени вносили

⁷ Знаменательно, что в 1957 г., спустя 50 лет после выхода в свет книги Макдональда, народ Британской Гвианы (как и народы ряда других колоний) продолжает избирать членов «правительства» по предписанному Макдональдом рецепту «полудемократии».

⁸ «The Awakening of India». London, 1910, p. 221—222, 266, 294, 297, 301.

пролетарский дух в дебаты Палаты общин. В 1900 г. он разоблачал англо-бурскую войну не с позиций либерала, а с социалистических позиций. «Эта война — капиталистическая война, — писал Кейр Гарди. — Британский торговец надеется обеспечить себе рынки сбыта для своих товаров, вкладчик — выход для своих капиталов, спекулянт — большее число глупцов, из которых он сможет выкачать деньги, а золотопромышленные компании — более дешевую рабочую силу и более высокие дивиденды⁹. В другой статье он отмечал: «Потеря империи ускорила бы наступление социализма. Чем сильнее империя, тем больше военный бюджет и тем тяжелее участь рабочих¹⁰. В 1907 г. Кейр Гарди посетил Индию. Сделанное им в интервью с индийскими журналистами¹¹ заявление о том, что он приложит все старания, чтобы Индия стала такой же самоуправляющейся колонией как Канада, вызвало взрыв ярости у британских чиновников и политиков. В Южной Африке Кейр Гарди предложил профессиональным союзам белых рабочих принимать в члены и африканцев и помочь им добиться равной оплаты труда с белыми рабочими. «Это предложение произвело такую сенсацию, как если бы я предложил перерезать глотки всем белым, проживающим в Южной Африке», — писал Кейр Гарди¹².

Кейр Гарди был почти одинок в своем мировоззрении среди руководителей лейбористской партии, а также Независимой рабочей партии, наиболее влиятельным лидером которой он являлся. Но и его позиция по колониальному вопросу отнюдь не отличалась последовательностью. Неземно отрекаясь от марксизма и руководствуясь «социалистической верой», он нередко впадал в явный оппортунизм по этому вопросу, как, впрочем, и по многим другим. Так, во время своего визита в Индию Кейр Гарди писал: «Возможно, что народ Индии еще не созрел для колониальной формы самоуправления». Если хотеть, чтобы Индия «оставалась верна британской короне»¹³, то рано или поздно «должно быть положено начало предоставлению избирательных прав массам, а образованным туземцам следует предоставить возможность занимать более ответственные и высокооплачиваемые посты». Выступая на конгрессе египетских националистов в Женеве в сентябре 1909 г. Кейр Гарди утверждал, что им обеспечена поддержка со стороны лейбористской партии. Но при этом он воспользовался случаем, чтобы убедить египтян «остерегаться тайных организаций и мыслей о вооруженном восстании с целью сбросить британское господство...»¹⁴. Даже Блант квалифицировал речь Кейр Гарди как «половинчатую» и с удовлетворением отмечал провал его попытки завоевать поддержку Конгресса¹⁵.

Единственной партией, которая последовательно осуждала империалистическую эксплуатацию колоний, была Социал-демократическая федерация. Еще в 1884 г. в ее программный документ было внесено требование предоставления «законодательной независимости для Индии и других частей империи». Во время англо-бурской войны эта партия стояла на тех же позициях, что и Гарди; она противостояла охватившему всю страну шовинистическому угару. Когда в 1900 г. ее лидер Гайндман попытался

⁹ «Labour Leader», 6 января 1900 г.

¹⁰ William Stewart. J. Keir Hardie. London, 1921, p. 147.

¹¹ Emrys Hughes. Keir Hardie. London, 1956, p. 149—150.

¹² Там же, стр. 160.

¹³ «Keir Hardie's Speeches and Writings» (ed. E. Hughes. Glasgow, n. d.), p. 128.

¹⁴ William Stewart. Указ. соч., стр. 288.

¹⁵ W. S. Blunt. Указ. соч., записи от 31 августа и 24 сентября 1909 г. Полученный Гарди отпор обусловил его очередное колебание: в следующем году он выступил на Конгрессе за эвакуацию британских войск из Египта и «даже сказал египтянам, что они должны совершить революцию». (W. S. Blunt. Указ. соч., запись от 26 сентября 1910 г.).

остановить начатую партией кампанию борьбы против войны, это ему не удалось, и он оказался в изоляции. На Международном социалистическом конгрессе в Штутгарте (1907 г.) делегация этой партии голосовала за революционную резолюцию по колониальному вопросу, в то время как Макдональд и его соратники-оппортунисты голосовали против нее.

Характеризуя позицию Гайндмана в последующие годы как позицию «буржуазного филистера», В. И. Ленин отмечал, что «Гайндман до своего недавнего поворота к шовинизму был решительным врагом английского империализма и вел с 1878 года благородную кампанию разоблачений против тех позорных насилий, бесчинств, грабежей, надругательств..., которыми прославили себя издавна англичане всех партий в Индии...»¹⁶. Для иллюстрации можно привести выдержку из статьи Гайндмана о Британской Индии, написанной для ежегодника Социал-демократической федерации, получившего широкое распространение и за пределами этой партии. «Местное население Индии подвергается неслыханному угнетению со стороны хищного и разрушительного деспотизма, даже худшего во многих отношениях, чем деспотизм, против которого так блестяще борются русские... Богатство, вымогаемое у Индии, используется для поддержки реакции в метрополии»¹⁷.

Белфорт Бэкс, один из видных теоретиков Социал-демократической федерации, писал в том же году: «Несомненно, что социалисты и рабочее движение вообще заинтересованы в том, чтобы включиться в борьбу этих примитивных людей — варваров и дикарей, как мы их называем, — которые сопротивляются вторжению на их наследственные, родовые земли, уничтожению их общественных порядков и установлений ордами наемных головорезов, посылаемых европейскими правительствами, чтобы расчистить дорогу капитализму»¹⁸. Он советовал тем, кто эмигрировал в Африку, помочь «организации туземного сопротивления как путем строевой подготовки, так и обучением жителей колоний умению пользоваться огнестрельным оружием». Бэкс отмечал, что империализм является «последним и наиболее развитым выражением стремления капиталистов к захвату новых рынков, дешевой рабочей силы и месторождений полезных ископаемых», используя для получения монопольных прав политическую власть государства. Больше того, Бэкс считал беспредметным спор между фабианцами и сторонниками Макдональда по вопросу о «цивилизаторской» миссии империализма: «приобщение народов и стран, находящихся на низкой ступени исторического развития, непосредственно к сфере капитализма, — подчеркивал он, — вовсе не является существованием исторического процесса и способствует лишь продлению существования капиталистической системы, обеспечивая ей более широкое поле действий»¹⁹.

Можно, наконец, привести высказывания Гарри Квелча, редактора партийного органа «Джастис» (с 1892 г. по 1913 г.), о котором В. И. Ленин писал, что он и его товарищи «вели в течение десятилетий систематическую пропаганду и агитацию в марксистском духе»²⁰. Отвечая американскому социалисту, утверждавшему, что «замена белого капиталиста черным не поможет индийским рабочим», Квелч писал: «Сохранение британского господства в Индии означает, что рабочий класс Великобритании помогает своим хозяевам (классу, который его обворовывает) грабить несчастный

народ Индии ежегодно более чем на 30 млн. фунтов стерлингов»²¹. Таким образом индийцы, изнывающие под гнетом дани, которую они вынуждены платить иностранному государству были «доведены до такого состояния нищеты и нужды», к которому не может привести никакая «отечественная» капиталистическая эксплуатация. Социал-демократы, конечно, хотят, чтобы народ Индии, как и народ любой другой страны, обладал не только национальной независимостью и политическими правами, но также и социальной и экономической свободой. «Тем не менее, если народ Индии пожелает остаться в подчинении у капиталистов собственной нации, — это в конце концов его дело. Но это ни в какой мере не может оправдать навязывания ему господства нашего класса капиталистов. У нас будет достаточно времени, чтобы упрекать индийцев за то, что они продолжают оставаться под игмом капиталистов, когда мы сами сбросим его. Мы отстаиваем право индийского народа самому решать свои дела и мы горячо желаем свержения британского господства в Индии». Это было написано спустя три года после заявлений Макдональда и Гарди. Долголетняя пропаганда против колониализма помогла, между прочим, британским социал-демократам, несмотря на допущенные ими многочисленные ошибки, оправдать в середине войны, в 1916 г., свою былую репутацию. Этому не помешало даже ренегатство многих из тех, кто вел эту пропаганду (в частности Гайндмана и Бэкса). Следует подчеркнуть, однако, что пропаганда Социал-демократической федерации и ее преемника (Британской социалистической партии) ко времени Октябрьской революции оказывала влияние лишь на незначительное меньшинство британского рабочего класса. Наибольшим влиянием все еще пользовалась оппортунистическая пропаганда лидеров лейбористской партии и Независимой рабочей партии. Эта пропаганда усиливалась также влиянием империалистических предрассудков, ежедневным источником которых служила капиталистическая пресса.

* * *

В резолюции по вопросу о лейбористских взглядах на условия мира, принятой почти единогласно на конференции лейбористской партии в январе 1917 г., не содержалось каких-либо упоминаний о колониальном вопросе²². Но год спустя, вскоре после Октябрьской революции, положение начало меняться. В августе 1917 г. под влиянием мощного демократического движения в России, приведшего к свержению царизма, британское правительство публично обещало в документе, известном под названием «реформы Монтегю — Челмсфорда», «создать в Индии ответственное правительство, как в полноправной части Британской империи». В феврале 1918 г. конференция лейбористской партии заявила: «Настало время, когда наши братья во всех частях Индии в состоянии контролировать свои собственные дела». Далее следовало обязательство «любым возможным путем» содействовать установлению самоуправления в Индии. В другой резолюции содержалось осторожное обещание объединиться с лейбористскими и социалистическими организациями «в доминионах и зависимых странах» в целях «обеспечения более высокого уровня социальной и экономической жизни трудящихся соответствующих стран»²³. Конференция приняла новую программу партии — «Рабочий класс и новый социальный порядок», которая отвергала «насильственное владычество над

¹⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 272. Примечание.

¹⁷ «Socialist annual», London, 1906, p. 53—54.

¹⁸ E. Belfort Bax. Essays in socialism. London, 1906, p. 264, 320—321.

¹⁹ Там же, стр. 325.

²⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 333.

²¹ «Harry Quelch. Literary remains». London, 1914, p. 181—183.

²² «Report of 16th annual conference of the Labour party». London, 1917, p. 134—135.

²³ «Report of 17th annual conference of the Labour party». London, 1918, p. 138—140.

зависимыми народами, расами, колониями». Из этого документа явствовало также, что лейбористы стоят за сохранение Британской империи и «ее прогрессивное развитие по пути местной автономии», что они выступают за полное уважение прав каждого народа независимо от цвета кожи на «любое демократическое самоуправление, на которое он способен». Избирательная программа лейбористов в декабре 1918 г. выдвигала не только требование свободы для Ирландии и Индии, но и права на самоопределение для «всех зависимых народов внутри Британского содружества свободных наций»²⁴. Ну, а как поступить в том случае, если зависимые народы разойдутся с британцами в оценке степени самоуправления, на которое они «способны», если они захотят самоопределения вне рамок британского «содружества»? На все эти вопросы никакие резолюции (и речи) не давали ответа. Таким образом, хотя язык резолюций изменился — от лицемерного разговора об опекунстве в дни, предшествовавшие 1914 г., до применения терминов «самоопределение» и «самоуправление», — но оставалась и молчаливая оговорка, которую можно было при случае использовать в интересах империализма.

К началу 1919 г. произошел мощный подъем революционного движения по всей Британской империи. Крупные забастовки и массовые демонстрации (которые свирепо подавлялись, но постоянно вспыхивали вновь) происходили и в Индии, и в Египте. На международной конференции реформистов в Берне (26 января — 10 февраля 1919 г.) британская делегация повторила свои, принятые ею год назад обязательства в отношении Индии, в то же время она без всяких на то оснований расхваливала «реформы Монтегю — Челмсфорда», которые, по ее мнению, «в установлении самоуправления идут дальше того, что делалось в этом отношении до сих пор». Делегация была вынуждена признать, что «о самоопределении Египта так мало было слышно в Великобритании» (т. е. в среде реформистских лидеров), «что этот вопрос не обсуждался ни на одной лейбористской конференции». Члены делегации обещали вновь поставить этот вопрос в таком же плане, как и для Индии. Они даже обещали «поддержать предложение применить принцип самоопределения к Кипру, хотя тотчас же сделали оговорку, что остров «необходим Великобритании в стратегическом отношении, чтобы охранять торговые пути на Восток»²⁵.

Однако на конференции лейбористской партии, происходившей в июле 1919 г., колониальный вопрос не был упомянут ни председателем в его вступительной речи, ни выступившими в прениях, за одним лишь исключением. Этим исключением явилась резолюция, в которой содержалось требование, «чтобы принцип самоопределения был применен к правительству Египта», и говорилось о необходимости «запроса в связи с происходившими там недавно беспорядками».

Внесший резолюцию делегат заявил, что эти «беспорядки» были «подавлены самым позорным образом». Резолюция была принята без обсуждения²⁶. Никто не выступил даже по поводу содержавшегося в резолюциях Бернской конференции одобрения «реформ Монтегю — Челмсфорда». Эти резолюции были приложены к отчету Исполнительного Комитета. Стало очевидным намерение лидеров партии отходить от своей довоенной позиции оправдания британского империализма лишь в той мере, в какой этого потребуют обстоятельства.

В конце лета давление этих обстоятельств резко усилилось. В Великобритании стало широко известно о кровавой расправе с сотнями мир-

ных индийцев в Амритсаре, о беспрецедентной волне расстрелов, казней и арестов в Пенджабе. Английский рабочий класс был настолько возмущен продолжавшейся интервенцией в России, что «Тройственный Союз» (горняков, транспортных рабочих и железнодорожников) 16 марта 1919 г. потребовал созыва конференции всех тред-юнионов для того, чтобы выработать меры воздействия на правительство. Борьба в Ирландии также чрезвычайно обострилась. Больше того, возникшее во время войны внутри тред-юнионов мощное движение цеховых старост, в котором участвовали наиболее боевые и политически сознательные рабочие предприятий, начало находить общую платформу с теми членами различных социалистических партий, которые позже, в 1920 г., основали коммунистическую партию.

Создавшееся положение нашло отражение в дискуссиях по колониальному вопросу, которые велись на конгрессе тред-юнионов в Саутспорте в сентябре 1919 г. Впервые в истории английского рабочего движения на конференции выступил представитель индийских тред-юнионов Б. П. Вадия. Он подробно рассказал об ужасах британского владычества в Индии и призвал британских и индийских рабочих к взаимной поддержке. Его речь все время прерывалась аплодисментами. В конце выступления индийскому делегату была устроена продолжительная овация. Он разоблачил также «реформы Монтегю — Челмсфорда», которые несколько месяцев назад так расхваливали лейбористские лидеры. Этот документ был направлен, по его мнению, на отстранение индийского рабочего класса от участия в политической жизни страны. Внося резолюцию об оказании финансовой помощи индийским союзам, Бевин (делегат докеров) заявил, что на конгрессы следует приглашать большее число представителей восточных стран для того, чтобы они могли сами «излагать свои требования». Уолкер (делегат союза рабочих металлургической промышленности), предлагая резолюцию, содержащую требование «установить примерно одинаковый уровень заработной платы, продолжительности рабочего дня и других условий труда в империи», отметил, что в этом вопросе британские рабочие должны «отказаться от узконациональной позиции, которой мы придерживались в прошлом». Обе резолюции были приняты при шумном одобрении делегатов²⁷.

В 1920 г. выступления в пользу колоний, приобрели особую остроту. В то же время кампания «руки прочь от России!», достигла наибольшего подъема и страна была поставлена британскими тред-юнионами (август) перед угрозой всеобщей забастовки. Конференция лейбористской партии осудила репрессии, применявшиеся в Индии, и потребовала для нее «демократического самоопределения». Она настаивала на «подобных мерах» в Бирме, Цейлоне и других частях Британской империи, где могло быть выдвинуто требование самоуправления. Высказывая надежду, что народы, входящие в состав Британской империи, предпочтут остаться в ней, коль скоро они получают «достаточную автономию», конференция заявила, что «окончательное решение этого вопроса должно принадлежать самим народам». Это означало полный отход от старых доктрин «опекунства». Прения были отмечены официальным отречением (в речи Бэна Спура, члена парламента, выступавшего от имени Исполкома) от «Акта об управлении Индией», придавшего законную силу «реформам Монтегю — Челмсфорда», которые лейбористские лидеры так горячо одобряли 18 месяцев назад. Этот «Акт» означал, как отмечал Бэн Спур, что «по отношению к Индии не было

²⁴ «Report of the Nineteenth annual conference of the Labour party». 1919, p. 185.
²⁵ «Report of the Nineteenth annual conference of the Labour party», 1919 p. 205.
²⁶ Там же, стр. 172.

²⁷ «Report of proceedings at the 51st annual trades union congress». 1919, p. 314—316, 328—329, 330, 369.

принято никаких справедливых мер». В другой резолюции выдвигалось требование «полного признания прав египетского народа на создание независимого ответственного правительства». В резолюции указывалось, что британские действия в Египте, независимо от того, будут ли они касаться охраны канала или Судана, должны быть «ограничены настолько, насколько этого потребует ответственное национальное правительство Египта»²⁸.

Хотя ни в одной из этих резолюций не содержалось ясно высказанного требования вывода британских войск, тем не менее политический эффект, произведенный ими в колониальных странах, был значительным. Но тем очевиднее стало то обстоятельство, что именно лето 1920 г. явилось кульминационным пунктом в развитии политического маневра реформистских лидеров британского рабочего движения, маневра, заключавшегося в отказе от открытого империалистического языка довоенных лет и в принятии на вооружение великих лозунгов национального освобождения и самоопределения. После первых поражений рабочего класса (осень 1920 г.) характер этого маневра выступил еще более отчетливо.

На конгрессе тред-юнионов в сентябре 1920 г. колониальный вопрос уже не затрагивался. Только председатель во вступительной речи высказал мимоходом надежду на то, что британские войска будут выведены из Ирака. В следующем, 1921 г. конференция лейбористской партии ограничилась лишь принятием резолюции, в общих выражениях осуждавшей империализм и признававшей «право самоопределения для всех народов»²⁹. О Британской империи в этой резолюции ничего не говорилось, хотя в декабре 1920 г. сессия партии Индийский национальный конгресс впервые одобрила лозунги, призывавшие к борьбе за независимость именно вне рамок империи. Больше того, впервые после окончания войны конференция подняла вопрос о «несовершеннолетних народах», страны которых должны управляться «для пользы их населения», причем на эти страны должны быть распространены «наиболее практически осуществимые мероприятия по самоуправлению». Это — знакомые слова, которые возвращают нас к идеям десятилетней давности. Правда, в отличие от прошлого, на сей раз они не относились к Индии и Египту, во всяком случае теоретически. Но как мы увидим дальше, все это представляло лишь промежуточную стадию маневра, предпринятого лейбористскими лидерами.

Не встречается упоминаний о колониальном вопросе и в протоколах сентябрьского конгресса тред-юнионов 1921 г., а в 1922 г. ряд действий партийных лидеров с особой очевидностью продемонстрировал вновь ожившие, по сути дела, имперские, тенденции в лейбористском движении. Так, в январе Исполком лейбористской партии и Генеральный совет тред-юнионов приняли совместную резолюцию, в которой вожди египетского национального движения осуждались как «экстремисты» и выдвигалось требование, чтобы правительство осуществило предложения одного из наиболее отъявленных милитаристов — лорда Милнера. Эти предложения якобы обеспечивали установление независимости Египта «на прочной основе», путем соглашения, которое будет заключено с «избранным должным образом» египетским правительством. В действительности же предполагалось, что такое правительство будет избрано в условиях британской оккупации Египта, а само соглашение должно обеспечить имперские коммуникации и все «законные интересы иностранцев». В феврале те же организации опубликовали резолюцию об Индии,

²⁸ «Report of the 20th annual conference of the Labour party». London, 1920, p. 156—159, 159—160.

²⁹ «Report of the 21st annual conference of the Labour party». London, 1921, p. 207.

в которой заявили о «необходимости сохранения порядка в Индии», критикуя одновременно как то, что они именовали политикой «крови и железа», проводимой британским правительством, так и мощное массовое движение индийского народа, получившее название «движения несотрудничества». Они восхваляли при этом «парламентские институты, недавно дарованные Индии» в соответствии с «Актом об управлении Индией». Между тем две трети даже того незначительного числа избирателей, которое было допущено английскими властями к участию в выборах, бойкотировало эти «институты». В июне на конференции лейбористов, по настоянию партийных лидеров, «Акт» был снова одобрен, несмотря на протест индийца Саклатвала, который указал, что этот закон предоставлял избирательные права только 5% населения, что индийский конгресс тред-юнионов единодушно отверг его и что на съезде партии Индийский национальный конгресс за этот «Акт» проголосовало только 25 из 12 000 делегатов³⁰. На очередном конгрессе тред-юнионов (сентябрь) единственным упоминанием о колониальном вопросе была короткая дискуссия в связи с решением «назначить комиссию для расследования действительных условий труда в главных индустриальных центрах Востока», принимая во внимание угрозу, которую они представляли для британских условий труда³¹. В ходе всеобщей избирательной кампании (октябрь) председатель лейбористской партии Сидней Вебб выступил с заявлением, получившим бесславленную известность: «Британская империя перестала существовать со времени заключения Ирландского соглашения. Она стала Британским содружеством наций»³².

После этого не удивительно, что новые репрессии, предпринятые генералом Алленби в Египте весной 1923 г., не вызвали никаких откликов на конференции лейбористской партии в июне этого года, — если не считать длинной речи Макдональда. Последний высмеивал резолюцию, внесенную некоторыми местными партийными организациями, которые требовали принятия срочных мер для того, чтобы «разбудить общественное мнение в связи с преступлениями, совершенными британским правительством против зависимых народов в интересах экспансии империи, а также из империалистического и капиталистического честолюбия»³³.

Уже в течение ряда лет лейбористские лидеры не осмеливались так открыто насмехаться над подобной резолюцией. Отклонение ее подавляющим большинством голосов символизировало окончание определенного этапа в колониальной политике лейбористов, начавшегося в 1918 г.

Чем объяснить, что непосредственное влияние Октябрьской революции, вдохновившей мощное движение рабочего класса Великобритании и восстания колониальных народов в последний год войны и в первые годы после нее, теперь все меньше отражалось на позиции британского реформизма по колониальному вопросу? Прежде всего это объяснялось тем, что поражения, нанесенные рабочему классу в результате начавшегося весной 1921 г. наступления капиталистов не без помощи международной социал-демократии, развязали руки реформистам. Важным фактором, содействовавшим этому, было также начатое реформистами и усилившееся

³⁰ «Report of the 22nd annual conference». London, 1922, p. 34, 37, 204—206. Впоследствии Саклатвала стал видным трибуном Британской компартии и угнетенных народов империи.

³¹ «Report of proceedings at the 54th annual trades union congress». 1922, p. 457—459.

³² Цит. по: Clemens Dutt. British Labour and India. «Labour Monthly», сентябрь, 1926 г.

³³ «Report of the 23rd annual conference of the Labour party». London, 1923, p. 238—240.

с течением времени наступление против молодой коммунистической партии, созданной в июле — августе 1920 г. Коммунисты проявляли наибольшую решимость найти путь к осуществлению практической солидарности с народами колоний. В этом они не были одиноки. Поэтому усилия реформистов были направлены на изоляцию коммунистической партии, на постепенное ослабление влияния прогрессивных идей в колониальном вопросе. Большие организационные возможности, которыми все еще обладали реформисты, помогли им успешно вести эту кампанию.

К середине 1923 г. реформисты решили, что руки у них развязаны. Большой маневр, начатый ими еще в 1918 г., был окончен.

* * *

К осени 1923 г., накануне прихода к власти первого лейбористского правительства, отношение реформистов к колониям определялось следующими обстоятельствами. Во-первых, под непосредственным влиянием Октябрьской революции и вызванного ею подъема борьбы за национальное освобождение, боевые элементы тред-юнионов и рядовые социалисты в Великобритании начали требовать отхода от империалистической политики. Оказываемое ими давление еще более усилилось после создания коммунистической партии. Во-вторых, лидеры лейбористской партии (и крупных тред-юнионов), Независимой рабочей партии и Фабианского общества реагировали на это давление выдвиганием в своих программных документах и в ходе политических кампаний общих обязательств о необходимости предоставления колониям самоопределения и самоуправления. В-третьих, к практическим действиям в поддержку народов колоний они переходили только тогда, когда борьба последних и благоприятная для колониальных народов международная обстановка заставляли даже британское правительство идти на значительные уступки (как это имело, например, место в случае с Ирландией). В-четвертых, реформистские лидеры постепенно теряли интерес к колониальному вопросу и отменяли все попытки вновь поставить его, как только давление рабочего класса снизу ослабевало в результате поражений, нанесенных контр наступлением капитала в 1921—1922 гг. или в результате антикоммунистических раскольнических действий со стороны реформистов. В-пятых, реформистские лидеры начали все более и более открыто включать в свои формулировки по отношению к той или иной колонии или колониям в целом такие оговорки, которые позволяли лейбористскому правительству продолжать на практике осуждавшиеся на словах империалистическое угнетение и эксплуатацию.

Таковы были реформистская теория и практика в этой области. В течение этого периода лейбористскими лидерами была написана серия программных документов.

Рамзей Макдональд повторил свои прежние заявления, применив, однако, новую терминологию. Теперь он выступал за «самоуправляющуюся Индию», которая тем не менее должна оставаться в составе империи. Британский рабочий класс не должен раскалывать империю, а обязан стараться сохранить ее единство: «награбленное в результате прошлых завоеваний может послужить фундаментом для всемирной федерации, когда демократия станет наследницей награбленного». Но в этой «демократии» будет продолжать существовать капитализм, и социалистическое правительство такой капиталистической Великобритании обеспечит «политическое попечение и опеку» туземцам, которые не могут иначе защитить себя от «капиталистического материализма» (вопрос об экспроприации последнего не ставился). Следовательно, социалистическое правительство «не

откажется от ответственности за слабые народы, известные как туземные расы»³⁴.

В начале 1923 г. виднейший из коллег Макдональда — Филипп Сноуден (министр финансов в первом лейбористском правительстве) опубликовал брошюру, излагавшую программу действий такого социалистического правительства. «Британская империя является фактом, — писал он, — и, приняв на себя ответственность за государство... мы не можем ее (империю) сбросить со счетов». Пока существуют другие империалистические великие державы «уход британского правительства из зависимых стран, таких, как Индия и королевские колонии, не даст этим странам самоуправления, а сделает их жертвой грабительских замыслов других держав» (т. е. прямое возвращение к имеющим 23-летнюю давность идеям «Фабианизма и империи» — А. Р.). Британское управление этими территориями «будет проводиться в духе дарования милостей нашим соподданным (fellow-subjects), а не путем их эксплуатации», британское правительство «добровольно дарует им возможность самоуправления как только они станут достаточно образованными, чтобы ею воспользоваться»³⁵. В ноябре 1923 г. Независимая рабочая партия, главными политическими лидерами которой были также Макдональд и Сноуден, насчитывавшая в своих рядах около двух третей общего числа лейбористов — членов нового парламента (избранных месяц спустя), — опубликовала тезисы своей программы. Здесь нельзя было найти ни слова о политическом или экономическом положении Британской империи. Зато в программе содержалось обещание, что государственные организации будут покупать продовольствие и сырье для промышленности по долгосрочным контрактам, т. е. что народы колоний будут иметь дело с британским государственным капитализмом, а не с «безответственными спекулянтами и грабительскими монополиями». Британское государство будет действовать через «признанную законом незаинтересованную в прибылях монополию». Лиге наций можно будет когда-нибудь поручить «наблюдение за экономическим ростом неразвитых территорий и за тем, чтобы капиталистические группы не эксплуатировали зависимые народы». Она должна будет рассмотреть также возможность «международного контроля и распределения сырья». Но до тех пор, пока этого не произойдет (приятная перспектива для колониальных народов! — А. Р.), «мы должны продолжать действовать на национальной основе»³⁶.

Избирательный манифест лейбористской партии на выборах 1923 г. вообще не затрагивал проблем, связанных с существованием империи.

Таким образом первому лейбористскому правительству, созданному в 1924 г., практически была обеспечена полная свобода действий в защиту интересов капитализма. В течение своего кратковременного пребывания у власти оно широко использовало эту возможность.

Одним из первых шагов Макдональда, когда он стал премьером, явилось его послание в Индию, в котором содержалась угроза применить неограниченное насилие в защиту существующих методов управления этой страной, которые, как мы показали выше, лейбористская партия одобрила, а индийский народ отверг. «Я не вижу никаких надежд для Индии, если она станет ареной борьбы конституционализма и революции. Ни одна партия в Великобритании не испугается угрозы силой или политики, рассчитанной на то, чтобы парализовать деятельность правительства, и если какая-нибудь часть Индии сомневается в этом, то события

³⁴ «Socialism, critical and constructive». London, 1921, p. 251—252.

³⁵ «If labour rules», London, 1923 p. 47—48.

³⁶ «The Socialist Program: the constructive proposals of the Independent labour party». London, 1923, p. 12, 37, 47.

разочаруют ее» (телеграмма от 6 января 1924 г.) Что означал термин «конституционализм» для лейбористского кабинета министров, показала речь лорда Оливьера, нового министра по делам Индии, в Палате лордов 26 февраля 1924 г. Создание полностью представительного правительства, сказал он «было бы более чем рискованно, это было бы несчастьем для народа Индии... Программа конституционной демократии... чужда Индии.. Для индийского народа, индийских политиков невозможно сразу принять бразды правления. Право британских государственных деятелей, чиновников, торговцев и промышленников находится сейчас в Индии обусловливается тем, что именно они создали сегодняшнюю Индию».

Исходя из этого, лейбористское правительство в феврале 1924 г. отказалось вмешаться, когда в Джайто, «втором Амритсаре», были расстреляны 50 бенгальских текстильщиков, участвовавших в забастовке. В апреле правительство издало чрезвычайный декрет, предоставивший британским властям право арестовывать индийцев без санкции прокурора. Были проведены первые суды над индийскими коммунистами, которых обвиняли «в заговоре против короля-императора» (они были арестованы еще при правительстве консерваторов).

Когда пракские крестьяне стали энергично протестовать против так называемого «Союзного договора» с Великобританией, навязанного Иракскому правительству под угрозой применить военную силу, их деревни подверглись бомбардировке. Демонстрация в Судане за национальную независимость была разогнана английскими войсками. Переговоры с египетским премьером Заглулом были прерваны, потому что Макдональд отказался передать вопросы о египетском контроле над Суэцким каналом и о независимости Судана на рассмотрение Лиги Наций. Что касается «дарованных милостей нашим соподданным» в коронных колониях, то достаточно вспомнить, как английские власти разогнали и запретили митинги бастовавших докеров Ямайки, а также массовый расстрел всеобщей забастовки в Джорджтауне (Британская Гвиана), когда двенадцать рабочих было убито и много ранено.

Так, в течение каких-нибудь восьми месяцев стало ясно, что правление британских лейбористов означало для колоний абсолютно то же самое, что и правление консерваторов. Все многократные утверждения о якобы «социалистической колониальной политике» лейбористов в действительности значили не больше, чем, скажем, бесчисленные обещания британских либеральных и консервативных правительств «скоро» отозвать свои войска из Египта после его оккупации в 1882 г.

С этого времени эволюция реформистской колониальной политики в Великобритании следовала одному определенному образцу — все более тщательно разработанные формулы о социалистической политике в периоды пребывания в оппозиции к правительству и... зверская политика репрессий в периоды пребывания у власти. Отклонение от этого курса допускалось лишь тогда, когда и консервативное правительство вынуждено было идти на уступки.

Может показаться, что имело место известное расхождение между действиями первого лейбористского правительства, с его каучуковыми программами, политическими заявлениями реформистских лидеров, и решениями конгрессов тред-юнионов 1924 и 1925 гг. Так, Генеральный совет докладывал конгрессу в Гулле (1924 г.) о двух беседах, которые он имел с лордом министром колоний Оливьером. В ходе этих бесед Совет разоблачил ужасные условия жизни индийских рабочих, требуя, чтобы правительство провело открытое расследование и дало объяснение по поводу проводимых в Индии политических репрессий. Из отчета явствовало, что ответы Оливьера были неудовлетворительными,

и поэтому Генеральный совет поддержал на конгрессе решение (принятое единогласно) о том, чтобы назначить специальную делегацию для изучения условий труда индийских рабочих. Это решение рассматривалось всеми как осуждение политики, проводившейся лейбористским правительством³⁷. Конгресс тред-юнионов в Скарборо в 1925 г. после дебатов, в ходе которых министр по делам колоний Дж. Г. Томас (делегат национального союза железнодорожников) яростно возражал большинству конгресса, 3082 тысячами голосов против 79 тыс. при 1190 тыс. воздержавшихся принял следующую резолюцию: «Конгресс считает, что господство британского правительства над не-британскими народами является формой капиталистической эксплуатации, имеющей целью обеспечение для британских капиталистов: 1) дешевых источников сырья, 2) права эксплуатации дешевой и неорганизованной рабочей силы и использования конкуренции этой рабочей силы для снижения уровня жизни рабочих в Великобритании».

Конгресс заявляет о своей полной враждебности империализму и постановляет: 1) помогать рабочим во всех частях Британской империи, в организации тред-юнионов и политических партий для защиты их интересов, и 2) поддерживать право всех народов Британской империи на самоопределение, включая право на полное отделение от Империи»³⁸.

Эта резолюция также явилась прямым осуждением деятельности лейбористского правительства.

Как же могло получиться, что в то время как реформистские лидеры лейбористской партии (в числе которых были главные руководители крупных тред-юнионов) отказались от обещаний о самоопределении и уничтожении империалистической эксплуатации, тред-юнионы продолжали говорить языком, который неизбежно должен был поощрять развитие национально-освободительной борьбы в колониях? Чтобы ответить на этот вопрос, надо вспомнить, что рабочий класс с конца 1923 г. начинал приходить в себя после тяжелых поражений предыдущих двух лет, что с восстановлением его боеспособности восстанавливалась его политическая активность. Ведущая роль в этом процессе принадлежала национальному движению меньшинства в профсоюзах, организованному коммунистами и другими активными рабочими. Движение меньшинства было интернационалистским по своему духу. Более того, в то время как коммунисты, члены тред-юнионов, могли быть полноправными делегатами конгресса тред-юнионов (Гарри Поллит, например, отвечал Томасу в прениях), они не допускались к участию в конференциях лейбористской партии, даже в том случае, если их профсоюз входил коллективно в эту партию. Некоторая часть профсоюзного руководства, даже принадлежавшая к верхушке, не прочь была на этой стадии выступать совместно с движением меньшинства: упоминавшаяся нами резолюция была предложена Пэрселлом (союз мебельщиков) и поддержана Бромлеем (паровозостроительный союз) — оба они были членами Генсовета.

Однако положение коренным образом изменилось в 1926 г., когда всеобщая забастовка в поддержку горняков подняла вопрос о классовом господстве уже не в далеких колониях, а в самой Англии. Тогда произошла консолидация реформистского руководства, вначале для того, чтобы подавить всеобщую забастовку, а затем с целью повести наступление на движение меньшинства и коммунистов. Для этого были использованы все преимущества, которые давала реформистским лидерам возможность контролировать огромный и сложный механизм тред-юнионов. С тех пор уже не вы-

³⁷ «Report of proceedings at the 56th annual trades union congress». London, 1924, p. 262—263, 445—447.

³⁸ «Report of proceedings at the 57th annual trades union congress». London, 1925, p. 553—555.

посились революционные декларации против империализма с трибуны конгрессов тред-юнионов.

В ноябре 1928 г. (в предвидении всеобщих выборов, которые должны были состояться в следующем году) конференция лейбористской партии приняла новую программу — «Рабочий класс и нация». В этом документе говорилось, что лейбористское правительство превратит Индию «в возможно более короткий срок (при ее согласии) в равноправного партнера остальных членов британского содружества наций», т. е. в самоуправляющийся доминион (стр. 47). Программа обещала «обеспечить справедливые условия жизни и труда» для рабочих колоний и «рекомендовать правительствам этих стран распространить на местное население все те права, которые уже... имелись у европейцев» (стр. 49). Лейбористы обещали также «возложить на население этих стран, независимо от его расовой принадлежности и цвета кожи, политическую ответственность в том объеме, в каком оно способно ее нести» (там же). На этот раз, однако, ничего не говорилось о данных ранее обещаниях относительно Египта, Кипра и др.

Цена всем этим посулам и обещаниям проявилась в период существования второго лейбористского правительства с 1929 по 1931 г. В Индии было продлено действие закона, вносившего поправки в уголовное законодательство в Бенгалии и позволявшего заключать людей в тюрьму без суда и следствия. В широких масштабах продолжалось преследование печати. Были расстреляны массовые демонстрации в Пенджабе и других местах Индии. В течение 10 месяцев 1930—1931 гг. было арестовано около 90 тыс. человек. Индийские солдаты, отказывавшиеся стрелять в народ, приговаривались к длительному тюремному заключению. Широкие военные операции, сопровождавшиеся бомбардировкой деревень с воздуха, проводились против крестьян в районе северо-западной границы. На основании фальсифицированных показаний был организован массовый суд над коммунистами, так называемый «Мирутский процесс». Путем угроз вынудили Индийский национальный конгресс в марте 1931 г. подписать соглашение о переговорах с англичанами, которое окончательно исключало возможность предоставления независимости Индии и откладывало в долгий ящик установление самоуправления.

Новый министр иностранных дел Артур Гендерсон заявил (26 июня 1929 г.), что в Египте политика, проводившаяся всеми предшествовавшими правительствами Великобритании с 1914 г., будет продолжена, ибо «не произошло никаких изменений». Он предложил египетскому премьер-министру заключить соглашение по урегулированию англо-египетских отношений, которое представляло «крайние границы» британских уступок. Это соглашение предусматривало оставление британских войск в Египте для «охраны» Суэцкого канала, принудительное сохранение британских финансовых и судебных советников, продолжение защиты «иностранных интересов в Египте» англичанами и т. д. Когда король Египта назначил марионеточное правительство, чтобы заключить соглашение с Великобританией, и расстрелял патриотическую демонстрацию в Александрии, Макдональд направил туда два военных корабля.

В Палестине, в целях защиты британского «мандата», были расстреляны и арестованы сотни арабов, в том числе много коммунистов. В Нигерии жертвой колонизаторов стали женщины, участвовавшие в демонстрации протеста против низкой оплаты их труда британскими компаниями. В Бирме было потоплено в крови восстание, поднятое в борьбе за национальную независимость. Таковы были практические формы и методы политики «социалистического колониализма» вторым лейбористским правительством.

Вскоре после падения второго лейбористского правительства Испол-

нительный комитет лейбористской партии вновь взялся за работу по «формулированию» своей политики. На этот раз ежегодной конференции в Гастингсе в октябре 1933 г. был представлен отчет на 20 страницах под названием «Колонии». Он касался только 60 млн. населения колоний и протекторатов.

Свое отношение к Индии лейбористская партия уже продемонстрировала в период пребывания в оппозиции. В марте 1933 г. она отказалась голосовать против предложения правительства предоставить такое «самоуправление» Индии, при котором 89% населения лишалось права голоса при выборах провинциальных органов законодательной власти и 95% — при выборах центральных органов. Это предложение, кроме того, исключало возможность для законодательной палаты контролировать вопросы обороны и внешних сношений, «сохраняя» за вице-королем и губернаторами полное право самим издавать законы.

Что касается колоний, то упомянутый отчет и в этом вопросе следовал старым принципам. Здесь снова можно было встретить обещания принять меры к «социализации и самоуправлению... имея в виду благополучие и степень развития того или иного народа», и обязательства «подготовить народ» к введению самоуправления там, где «была очевидной невозможность или нежелательность» предоставления его немедленно. Однако и в этом документе не содержалось каких-либо конкретных указаний на то, что же сделает введение самоуправления «возможным». Таким образом, сохранялась полная возможность безграничного продолжения колониального господства. Вновь давались обещания «превратить империю в государство самоуправляющихся социалистических единиц в составе Лиги Наций». С другой стороны, в отчете подчеркивалось, что африканские народы «не в состоянии управлять своей страной современными методами». В ожидании их «образования и подготовки» к этому обещались реформы в области землевладения, отмены «цветного барьера», дифференцированного налогообложения, образования и т. д.³⁹

Возможность практически осуществить обещанные реформы представилась в 1945 г., когда лейбористская партия получила огромное большинство на выборах и было сформировано лейбористское правительство, опиравшееся на это большинство. Реформисты всегда утверждали, что наличие такого правительства позволит полностью осуществить социалистическую программу. Что же произошло на деле?

Достаточно рассмотреть вопрос об Индии. Первым шагом правительства Эттли было проведение выборов в провинциальные ассамблеи на старых условиях — избиратели составляли лишь 11% населения. Совет при вице-короле должен был быть перестроен с таким расчетом, чтобы он «при поддержке основных партий» мог обсуждать дальнейшие мероприятия, но отнюдь не как правительство, ответственное перед демократическим парламентом. Только восстание индийского флота в феврале 1946 г., поддержанное массовыми забастовками, вынудило лейбористское правительство внести некоторые изменения в намеченную схему. Затем последовало предложение созвать Учредительное собрание, не избираемое путем всеобщего голосования, а составленное из представителей провинциальных ассамблей с добавлением представителей феодалов. О предоставлении независимости не было и речи. Предлагаемый правительством статут доминиона уже задолго до этого отвергли все индийские партии. Британский главнокомандующий открыто заявил, что «индианизация» армии может продлиться «лет двадцать или больше». Напряжение в Индии достигло крайнего предела, когда британское правительство за-

³⁹ «Labour party policy report», № 6, «The Colonies». London, 1933, p. 4—6, 10—14.

явило, что оно не предоставит никаких прав центральному индийскому правительству, если принятая им конституция не будет предварительно одобрена Британией. В июне 1947 г. было достигнуто соглашение ценою раздела Индии на три отдельных государства.

Так, уступая внешнему и внутреннему давлению народов, лейбористское правительство пыталось вместе с тем маневрировать в Индии, проводя традиционную политику «разделяй и властвуй!». И когда народы Индии в результате мощного подъема национально-освободительного движения, наконец, добились политической независимости, то это произошло вопреки первоначальным намерениям правительства Эттли, а не благодаря им.

Подобным образом лейбористское правительство намеревалось предоставить «независимость» и Бирме. Оно хотело обязательно сохранить экономический и военный контроль Англии в этой стране, как это предлагал министр колоний консервативного правительства еще до победы лейбористов. Бирма, в противоположность Индии, была слишком слаба, чтобы отказаться от этого плана, хотя фактически даже такое признание независимости было для британского правительства вынужденным из страха перед «повсеместным возмущением, с которым мы не могли бы справиться», как заявили официальные представители Англии в Рангуне⁴⁰.

Обещанный уход из Египта был вновь отложен в связи с тем, что британское правительство выдвинуло традиционное требование военного союза «для защиты Суэцкого канала». Лейбористское правительство сложило свои полномочия в 1951 г., так и не выполнив этого обещания. Тем временем британская армия и полиция продолжали хозяйничать в Египте (лишь после того как кровопролитные военные столкновения привели к угрозе возникновения большой войны, консервативное правительство, пришедшее на смену правительству Эттли, было вынуждено отступить). Лейбористскому правительству удалось зато навязать Трансиордании военный союз взамен предоставления ей «независимости».

В 1948 г. лейбористское правительство начало настоящую войну против народа Малайи. Этому предшествовало жестокое подавление деятельности народных комитетов, тред-юнионов и объявление коммунистической партии вне закона для того, чтобы заставить народ Малайи принять «конституцию», угодную британскому правительству. Бомбардировки, охота за людьми в джунглях, сжигание посевов на полях и отравление колосов, разрушение деревень, заключение 600 тыс. человек в концентрационные лагеря и запрещение продажи продовольствия в определенных районах — все эти репрессии, проводившиеся в течение более девяти лет, являются чрезвычайно наглядным комментарием к ведущейся на протяжении четырех десятков лет пропаганде лейбористского «колониального социализма». И если в 1957 г. британскому правительству все-таки пришлось пойти на уступки и предоставить Малайской федерации внутреннее самоуправление (хотя в стране остались британские войска), то причиной этого была героическая борьба малайского народа против колонизаторов, а отнюдь не «социалистический колониализм» британских реформистов.

Следует, однако, заметить, что на 52-й ежегодной конференции лейбористской партии в 1953 г., а в следующем году — по инициативе местных организаций лейбористской партии выдвигались резолюции протеста против террора в Малайе и Кении. В нескольких промышленных центрах в октябре и ноябре 1953 г. местные организации лейбористской партии провели митинги протеста против британской вооруженной интервенции

⁴⁰ «Times», 28 марта 1947 г.

в Британской Гвинее. В результате интервенции было свергнуто законно избранное правительство Народной прогрессивной партии, возглавлявшееся д-ром Джейганом. Этот акт насилия со стороны консервативного правительства был официально поддержан руководством лейбористской партии. На конгрессе тред-юнионов в 1955 г. делегаты нескольких союзов выступили с критикой империалистического террора на Кипре, а на конференции лейбористской партии в 1956 г. тред-юнион электриков, поддержанный некоторыми другими союзами, потребовал вывода британских вооруженных сил из всех колоний. Каждый раз резолюции и протесты отклонялись подавляющим большинством голосов. В последнее время реформистские лидеры снова стали лицом к лицу с растущим чувством солидарности английских рабочих с колониальными народами. Ряд лейбористов — членов парламента и членов тред-юнионов создал внутри лейбористской партии «Движение за колониальную свободу». Это движение солидарности с национально-освободительным движением, сложившееся внутри лейбористской партии, представляет собою знаменательное явление, заслуживающее особого освещения. Что касается реформистских лидеров лейбористской партии, то они на практике всеми силами продолжали бороться с этим движением солидарности.

В 1957 г. лейбористские лидеры опубликовали еще более тщательно разработанную колониальную программу под общим названием «Колониальная политика лейбористской партии». Три брошюры (объемом в 121 стр.) посвящены многонациональным колониям таким, как африканские и карибские, менее крупным территориям, как острова Тихого океана и некоторые африканские колонии, а также вопросу об «экономической помощи», т. е. различным схемам вложений капитала в колониях. Как и прежде, эти документы изобилуют набившими оскомину выражениями об «опекунстве», «главной ответственности нашего времени», «предупреждении эксплуатации» и т. д. и т. п. Но в действительности в этих брошюрах нет ничего нового. Это всего лишь последнее издание старых планов продления господства в колониях в интересах британского империализма, причем этот процесс пытаются представить доверчивым британским избирателям 1958 или 1959 гг. как, якобы, процесс «социализации империи». Между тем, ни о какой «социализации империи» лейбористские лидеры никогда не помышляли и не помышляют. Мощеннический характер этой «социализации» выступил с особой яркостью на съезде лейбористской партии в Блэкпуле (октябрь 1957 г.), где обсуждались новые программные брошюры. Там, где мужественные народы Британской империи добились успеха в освобождении от сковывавших их цепей, это произошло в ожесточенных схватках с реформизмом, до последней минуты преданно защищавшим интересы своих хозяев.

S U M M A R Y

Operating a wealth of documentary materials, the author analyses in detail the policy of the British Labour Party on the colonial question for more than half a century. Whether they were in the government or in the opposition, the Labour leaders invariably advocated the need for the preservation of the colonial empire, while trying to mislead the working masses by demagogic promises to grant freedom to the oppressed peoples of the colonies. The author points out that in the midst of the Labour Party there formed a group named the Movement for Colonial Freedom which expressed its solidarity with the national liberation struggle. Special attention should be paid to the activities of this group.

БОРЬБА АЛЖИРСКОГО НАРОДА ЗА НАЦИОНАЛЬНУЮ НЕЗАВИСИМОСТЬ

Р. Г. ЛАНДА

Более трех лет продолжается вооруженная борьба алжирского народа за свободу и независимость. Французские империалисты сосредоточили в Алжире армию численностью более 500 тыс. человек, оснащенную всеми видами современного вооружения. Но им не удастся подавить волю алжирского народа к освобождению.

В стране происходит подлинная национальная революция, в которой активно участвуют все слои коренного населения: крестьянство, рабочий класс, интеллигенция, мелкая буржуазия, национальная буржуазия и прогрессивные круги мусульманского духовенства. Целями этой революции являются свержение господства французского империализма, уничтожение феодальных пережитков в общественно-экономической жизни и создание независимого буржуазно-демократического государства.

Вспыхнувшее 1 ноября 1954 г. вооруженное восстание явилось завершающим этапом непрерывной борьбы алжирского народа против жестокого колониального режима, навязанного Францией еще в 1830 г. Основными предпосылками этого восстания были коренные сдвиги в социально-экономической жизни Алжира в годы второй мировой войны и начавшийся после окончания войны распад колониальной системы империализма.

Ослабление экономических связей с Францией и другими странами во время второй мировой войны способствовало созданию в Алжире новых отраслей промышленности. Появились предприятия, выпускающие запасные части к машинам, заводы цементные и искусственных удобрений, развилось производство лака, красок, стекла и строительных материалов, возникла бумажная промышленность. Развивалась кустарная промышленность, ранее стесненная конкуренцией промышленных товаров метрополии. За 1943—1945 гг. добыча угля выросла с 117 тыс. тонн до 162 тыс. тонн, железной руды — со 184 тыс. тонн до 1 202 тыс. тонн, выработка электроэнергии — с 288,8 млн. квт-ч до 330 млн. квт-ч¹.

Создание новых отраслей промышленности и расширение эксплуатации местных ресурсов еще не могли обеспечить самостоятельного индустриального развития Алжира. Однако они закладывали основы такого развития в будущем и оказывали влияние на социальную структуру алжирского общества. Возросла, в частности, численность местного пролетариата и увеличилась его роль в национально-освободительном движении. Число членов коммунистической партии Алжира за годы войны утроилось².

¹ См. «Annuaire statistique de l'Algérie». Alger, 1939—1947, p. 155—156, 162.
² См. «Cahiers du communisme», 1946, № 1, p. 77.

Рост политической активности пролетариата способствовал подъему освободительной борьбы алжирского народа во время и после второй мировой войны. Однако алжирский пролетариат был еще слишком слаб, чтобы возглавить национальное движение.

За годы войны обострились классовые противоречия в алжирской деревне. Помещаемая ниже таблица дает яркое представление о социальной дифференциации населения, занятого в сельском хозяйстве Алжира.

Т а б л и ц а *

Социальная дифференциация сельскохозяйственного населения

Размер владения (в га)	Мусульмане**		Европейцы	
	Число владельцев	Общая площадь (в га)	Число владельцев	Общая площадь (в га)
Менее 10	391 000	1 850 000	8 000	40 000
10—50	118 000	3 013 000	7 000	209 000
50—100	17 400	1 226 400	4 000	306 000
100—500	5 000	1 108 000	5 100	1 202 000
Более 500	600	474 700	900	963 000
Всего	532 000	7 672 100 ***	25 000	2 720 000 ****

* Источник: См. L. Chévalier. Le problème démographique nord-africain. Paris, 1947, p. 80.

** «Мусульмане» — условный термин, обозначающий алжирцев арабо-берберского происхождения в отличие от алжирцев европейского происхождения. В настоящей статье данный термин употребляется именно в этом значении.

*** У L. Chévalier — 7 673 872.

**** У L. Chévalier — 2 722 723.

Следовательно, на каждого европейца приходилось в среднем по 108,8 га, на каждого коренного жителя, включая крупных собственников, — по 14,4 га. Европейским колонистам, как правило, принадлежали более плодородные земли, обрабатывавшиеся при помощи новейшей техники. Урожай на них был в 2—3 раза выше, чем на землях мусульман: в 1941 г. колонисты собрали 7 192 тыс. центнеров пшеницы с 663 тыс. га, а мусульмане — 5620 тыс. центнеров с 1041 тыс. га. В 1945 г. урожай пшеницы соответственно равнялся 1 591 тыс. центнеров с 527 тыс. га и 833 тыс. центнеров с 779 тыс. га³.

Значительная часть земель была отведена под виноградники (411 131 га в 1939 г. и 357 229 га в 1947 г.)⁴. Но мусульмане производили только 4,6% винограда, подавляющее большинство виноградников принадлежало европейцам.

Помимо мусульман-собственников земли, в алжирской деревне в 1946 г. было 713 тыс. хаммасов-издольщиков и 500 тыс. батраков, беспринадно эксплуатировавшихся крупными колонистами⁵.

³ См. «Annuaire statistique de l'Algérie». Alger, 1939—1947, p. 134—136.

⁴ См. там же, стр. 137.

⁵ См. «The Left news», 1946, № 124, p. 3679.

Падение сельскохозяйственного производства и сокращение поголовья скота в Алжире в годы второй мировой войны привели к резкому снижению жизненного уровня коренного населения. Это повлекло за собой обострение социальных противоречий в деревне, больше всего страдавшей от голода и болезней. Но ухудшение экономического положения страны задело и рабочий класс и многочисленную в Алжире городскую мелкую буржуазию, в основном мусульманскую. Недовольство широких масс трудящихся города и деревни, естественно, обратилось против колониального режима.

Антиколониальное движение алжирского народа возглавила национальная буржуазия. Ее позиции в экономике страны до войны были очень слабы: она была оттеснена на второй план европейскими магнатами Алжира и всецело зависела от них. Но в результате ослабления экономических связей с Францией во время войны она смогла занять более независимую позицию по отношению к французскому капиталу и усилить борьбу за устранение препятствий своему экономическому и политическому развитию. Алжирская национальная буржуазия стала активно выступать против колониального режима. Она повела за собой национальную интеллигенцию и часть мусульманского духовенства, оказывая при их посредстве сильное идейное влияние и на широкие народные массы.

Это движение, развернувшееся с конца 1942 г., в период пребывания в Северной Африке англо-американских войск, имело свою программу, нашедшую отражение в ряде документов, направленных политическими лидерами национальной буржуазии колониальным властям. Среди этих документов особое место занимает Манифест алжирского народа от 10 февраля 1943 г. Манифест отражал стремление широких масс алжирского народа к политическому и национальному равноправию, к улучшению экономического положения и разрешению главных социальных проблем. Манифест имел большое значение для идейного сплочения борцов за национальное освобождение Алжира⁶.

Французские власти категорически отвергали основные требования алжирского народа. Бесконечные маневры колониальной администрации, полицейские репрессии и провокации французских колонистов в отношении коренного населения привели в мае 1945 г. к восстанию в Баборской Кабилии.

Непосредственным поводом к восстанию послужил расстрел в городах Сетиф и Гельма демонстраций коренного арабо-берберского населения, организованных по случаю Дня победы над гитлеровской Германией (8 мая 1945 г.). Возмущенные демонстранты, в основном ремесленники и мелкие торговцы, оказали полиции сопротивление. Это послужило сигналом к нападению алжирских патриотов на французских чиновников, полицейских и административные учреждения. Волнения быстро распространились на соседние деревни и стали охватывать все новые и новые районы. К повстанцам присоединились отряды горцев из Кабилии. Всего в восстании приняло участие 50 тыс. алжирцев⁷.

Однако это восстание, стихийное и неорганизованное, не распространилось на весь Алжир. К концу мая 1945 г. оно было окончательно подавлено соединенными силами французской армии, авиации, военно-морского флота, полиции и полуфашистской «милиции», организованной французскими колонистами, якобы в целях самообороны задолго до начала восстания.

После восстания еще долго продолжались свирепые репрессии, аресты, суды, расстрелы и ссылки алжирцев⁸.

Национальному движению был нанесен большой урон, но оно не было разгромлено. Майское восстание 1945 г., в котором участвовали крестьянство и городская мелкая буржуазия, показало, что алжирский народ готов решительно бороться за освобождение своей страны от колониального ига.

Новый этап в развитии освободительного движения наступил в 1946 г., когда были созданы национальные политические партии «Демократический союз алжирского манифеста» («Union Démocratique du Manifeste Algérien» — UDMA) и «Движение за торжество демократических свобод» («Mouvement pour le Triomphe des libertés démocratiques» — MTLD). Партия UDMA выступала за реализацию принципов Манифеста и за создание в Алжире автономной республики, которая составляла бы с Францией единую федерацию. Основные кадры партии состояли из представителей национальной буржуазии и интеллигенции, многие из которых были брошены в тюрьмы в мае 1945 г., хотя и не участвовали непосредственно в восстании. Партия MTLD требовала полной независимости Алжира и отделения его от Франции. Эта партия выражала стремления главным образом городской мелкой буржуазии и некоторой части рабочих, т. е. тех слоев, которые в основном явились инициаторами майского восстания 1945 г. Вскоре она стала самой массовой партией Алжира.

Обе партии через своих представителей во французском парламенте, наряду с алжирскими коммунистами, вели упорную борьбу за удовлетворение справедливых требований народа Алжира. Однако в 1947 г. Национальное собрание Франции под давлением представителей французских монополий приняло Органический статут Алжира, нисколько не отвечавший этим требованиям. По-прежнему хозяином страны оставался французский генерал-губернатор, а действовавшие в Алжире законы определялись французским парламентом. В созданное, согласно статуту, Алжирское собрание половина делегатов избиралась европейцами, составлявшими девятую часть населения страны. К тому же Собрание имело ограниченные функции.

Проводившиеся в апреле 1948 г. выборы в Алжирское собрание протекали в обстановке жестокого полицейского террора. Результаты выборов были фальсифицированы. Вследствие этого не были осуществлены даже те незначительные демократические мероприятия, намеченные в статуте 1947 г., на реализацию которых требовалось согласие Собрания. В стране начался период открытой диктатуры европейских крупных капиталистов и земельных магнатов, связанных с монополиями Франции и превративших французскую администрацию Алжира в свое послушное орудие. На всех выборах, происходивших в Алжире после 1948 г., фальсификация результатов голосования, подкуп и запугивание избирателей применялись в более широких масштабах. Не ограничиваясь этим, колонизаторы стремились задушить печать национальных партий штрафами и конфискациями.

К алжирским патриотам стали применять статью 80 французского

⁸ Зарубежная печать по-разному определяла число жертв при подавлении восстания. Французское правительство утверждало, что было убито 88 французов и 1500 алжирцев (см. Ch.-A. Julien. Указ. соч., стр. 304). Однако командование французских войск признавало, что ими было убито 6—8 тыс. алжирцев (см. «Cahiers internationaux», 1956, № 73, p. 35). Лидеры национально-освободительного движения впоследствии приводили цифру в 40 тыс. убитых алжирцев (см. «The Middle East journal». Washington, 1948, vol. 2, № 2, p. 196).

⁶ См. «Du Manifeste à la République Algérienne». Alger, 1948, p. 25—43.
⁷ См. Ch.-A. Julien. L'Afrique du nord en marche. Paris, 1952, p. 304; «Revue politique et parlementaire». Paris, 1945, № 547, p. 153.

уголовного кодекса, предусматривающую заключение в тюрьму на 10 лет за «покушение на целостность французской территории». В качестве такого «покушения» суды стали рассматривать всякую пропаганду в пользу независимости Алжира. Помимо судебных и иных «законных» форм преследования борцов за независимость Алжира, применялись и другие методы насилия: увольнение с работы, штрафы, конфискация продовольственных карточек. Представителям коренного населения, особенно сельскохозяйственным рабочим, власти отказывали в праве объединяться в профсоюзы⁹.

В этих условиях профсоюзы, примыкавшие к Всеобщей конфедерации труда Франции и объединявшие как европейских, так и мусульманских трудящихся, активно защищали права коренного населения — создавали комитеты безработных и организации сельскохозяйственных рабочих, успешно добивавшиеся повышения зарплаты. Эти профсоюзы, в которых руководящая роль принадлежала коммунистам, возглавили борьбу алжирских докеров, отказавшихся в июне 1949 г. грузить военно-стратегические материалы для войны во Вьетнаме. Однако всякое подобное выступление влекло за собой жестокие репрессии.

В ответ на террор и репрессии французских властей по инициативе Коммунистической партии Алжира произошло объединение национальных сил. 25 июля 1951 г. была опубликована декларация о создании Алжирского фронта защиты и уважения свободы, в состав которого вошли коммунистическая партия Алжира, MTLД, UDMA и Ассоциация алжирских улемов¹⁰. В декларации клеймилось грубое попрание прав алжирского народа французской колониальной администрацией и провозглашались цели Фронта: аннулирование фальсифицированных выборов депутатов от Алжира в Национальное собрание Франции 17 июня 1951 г.; обеспечение свободы волеизъявления мусульманских избирателей; гарантия основных демократических свобод; прекращение всех форм репрессий и вмешательства французской администрации в дела мусульманского культа¹¹.

Задача создания подобного фронта, объединяющего все национальные партии и прогрессивные организации, была сформулирована еще в 1947 г. генеральным секретарем коммунистической партии Алжира Ларби Бухали¹². Тогда в основу программы единого фронта коммунисты включали совместную борьбу трудящихся за свободу, землю и хлеб. В 1949 г. к этим требованиям были присоединены пункты о борьбе за освобождение политических заключенных, против Атлантического пакта и использования алжирцев в «грязной войне» против Вьетнама. Программа Алжирского фронта защиты и уважения свободы была более узкой и ограничивалась требованием прекратить наиболее вопиющие беззакония французской администрации.

Были организованы постоянный секретариат Алжирского фронта и местные комитеты, проведен ряд совместных демонстраций, в частности первомайская демонстрация 1952 г. Однако в условиях жестокого коло-

⁹ См. *المعركة الكبرى لتحرير* (Великая битва за освобождение). Алжир, [1951], стр. 33.

¹⁰ Ассоциация улемов — популярная в Алжире организация, объединяющая передовых представителей мусульманского духовенства и ставящая своей задачей содействие развитию национальной культуры и образования на арабском языке, а также некоторую «модернизацию» ислама, чтобы приспособить его к новым позициям алжирской национальной буржуазии.

¹¹ См. *The Islamic review*. Woking (England), November 1951, p. 38.

¹² См. *Larbi Bouhali*. L'Algérie veut un statut démocratique. «Démocratie nouvelle», 1947, № 7, p. 357—361.

ниального режима деятельность Алжирского фронта защиты и уважения свободы была малоэффективной. Колонизаторы с самого начала приложили все усилия, чтобы развалить его. Генерал-губернатор Леонар расстреливал народные демонстрации, арестовывал и высылал руководителей коммунистической партии и MTLД. Одновременно так называемые «либералы» — умеренные представители европейской и мусульманской буржуазии в Алжирском собрании — всячески стремились перетянуть на свою сторону UDMA и улемов, внушая им, что Алжирский фронт выгоден будто бы лишь коммунистам¹³.

Колонизаторам не удалось привлечь на свою сторону национальные партии, но идеологические и тактические разногласия между участниками Алжирского фронта привели к его фактическому распаду в 1952 г.

В июле 1954 г. произошел раскол партии MTLД на «мессалистов» (сторонников лидера партии Мессали аль-Хаджжа) и «централистов» (сторонников центрального комитета партии). Причиной раскола явились расхождения по вопросам программы и тактики партии, а также стремление Мессали установить свою диктатуру в партии.

Таким образом, силы, боровшиеся за независимость Алжира, оказались разьединенными, а движение в целом — ослабленным. В то же время продолжали действовать факторы, объективно содействовавшие росту национального движения.

После второй мировой войны еще резче обозначились сдвиги в социально-экономическом развитии Алжира, происшедшие в годы войны. За 1950—1954 гг. прирост производства составил 25,7%¹⁴. Значительно увеличилась численность пролетариата: в горнодобывающей промышленности в 1954 г. было занято уже 20 715 рабочих (12 323 рабочих в 1939 г.) и на 668 крупных и средних промышленных и торговых предприятиях было сконцентрировано 94 103 рабочих¹⁵ (вместо 56 017 рабочих в 1946 г.). Вместе с тем росли доходы французских трестов и местных европейских магнатов: прибыли 24 крупнейших компаний Алжира составили в 1947 г. 462 млн. франков, в 1950 г. — 2023 млн., в 1953 г. — 6579 млн.¹⁶

Однако этот рост промышленности не устранил безработицы и нищеты коренного населения. В докладе Французского экономического совета от 23 июня 1955 г. говорилось, что, не считая алжирцев, эмигрировавших во Францию в поисках работы, в городах к концу октября 1954 г. насчитывалось 54 тыс. безработных. В деревнях постоянно было занято лишь 1200 тыс. человек, а 650 тыс. либо составляли армию безработных или полубезработных, либо поддерживали свое существование случайными заработками. Половину постоянно занятых в сельском хозяйстве мусульман составляли издольщики и бедняки; из них около 440 тыс. вынуждены были периодически прибегать к заработкам на стороне¹⁷.

Отпускавшиеся французскими властями кредиты феллахам по сравнению со средствами, выдававшимися европейским колонистам, составляли незначительную долю. Из 17 тыс. тракторов 16 500 принадлежали колонистам. Лишь 6% населения алжирских деревень пользовалось медицинской помощью. Хотя 2400 тыс. детей мусульман не посещали в 1954 г. школу, правительство урезало кредиты на образование¹⁸.

¹³ См. *Ch.-A. Julien*. Указ. соч., стр. 337.

¹⁴ См. *Annuaire statistique de l'Algérie*. Alger, 1954, p. 129.

¹⁵ См. там же, стр. 123, 198.

¹⁶ См. *Cahiers du communisme*, 1955, № 2, p. 151.

¹⁷ См. *Socialisme*. Bruxelles, 1955, № 11, p. 429—430.

¹⁸ См. *New statesman and nation*, 1955, № 1258, p. 539.

Средний доход алжирского феллаха был в десять раз меньше среднего дохода жителя Франции¹⁹.

Рост безработицы и нищеты коренного населения обострял социальные противоречия внутри алжирского общества. Поскольку основную массу эксплуатируемых составляли мусульмане, а главными эксплуататорами были европейские магнаты, социальные противоречия в Алжире переплетались с национальными. Национальные чувства алжирцев постоянно оскорблялись нарушением свободы выборов, полицейскими репрессиями, дискриминацией при приеме на службу и при оплате за равный труд.

С ростом численности рабочих в освободительное движение все больше вносилось элементов организованности и сознательности. Более решительной стала и национальная буржуазия.

Пример Вьетнама и Туниса, где народ с оружием в руках отстаивал свои права, оказал революционизирующее влияние на алжирцев.

После второй мировой войны партия MTLД приступила к созданию своей специальной боевой организации. Возникшие в связи с этим трудности были обусловлены отсутствием опытного руководства и обученных кадров, нехваткой оружия, постоянными раздорами внутри партии и полицейскими преследованиями. В 1950—1951 гг., когда террор стал невыносим и алжирский народ окончательно убедился в бесплодности мирных методов борьбы за национальное освобождение, секции боевой организации начали складываться во многих районах страны.

Во главе организации встал бывший сержант французской армии, участник второй мировой войны Мухаммед Бен Белла. С 1953 г. он находился в Каире, где вместе с лидером марокканских националистов Ал-лалем аль-Фаси и тунисскими деятелями Салахом бен-Юсуфом и Иззатдином Аззузом организовал единый штаб по руководству освободительным движением в Северной Африке. Этот штаб пользовался поддержкой Комитета освобождения Арабского Магриба, основанного еще в 1947 г. и возглавляемого знаменитым вождем рифов Марокко — эмиром Абд-аль-Каримом аль-Хаттаби. Совместными усилиями они поддерживали развернувшееся в 1952 г. движение тунисских партизан и готовили восстание в Алжире и Марокко.

После раскола MTLД члены ее боевой организации не примкнули ни к «мессалистам», ни к «централистам». Они выдвинули требование восстановить единство национального движения и организовать вооруженную борьбу против колонизаторов. С этой целью 10 июля 1954 г. в Каире был создан Революционный комитет единства и действия («Comité Révolutionnaire d'Unité et d'Action» — CRUA), который возглавил подготовку всенародного восстания²⁰. Одновременно Комитет повел активную пропаганду среди многочисленных алжирских эмигрантов в странах Европы, а также стремился заручиться поддержкой арабских стран, уже завоевавших независимость. 9 сентября 1954 г. Совет Лиги арабских стран заявил о своей поддержке независимости всех стран Северной Африки, включая Алжир.

Позиции CRUA быстро усиливались. В октябре 1954 г. в Каир прибыли бывший генеральный секретарь MTLД и лидер «централистов»

¹⁹ См. «La revue socialiste», 1956, № 96, p. 337.

²⁰ Помимо Мухаммеда Бен Белла, в состав руководства CRUA вошли бывший депутат французского парламента от MTLД, эмигрировавший в 1951 г. в Египет, Мухаммед Хидар; делегат MTLД на конференции социалистических партий Азии в Рангуне Хусейн Айт Ахмед и ряд других деятелей национального движения. Вскоре после совещания 22 делегатов от подпольных вооруженных групп (см. «Le monde», 28, 29 октября 1956 г.)

Хусейн Лахваль, а также бывший руководитель федерации MTLД во Франции Мухаммед Язид. Их вступление в CRUA положило начало последующему в дальнейшем фактическому слиянию с CRUA «централистов» из MTLД.

По сигналу CRUA, в ночь на 1 ноября 1954 г. вспыхнуло восстание алжирского народа против французского колониального господства. Его начали в горном массиве Аурес на юго-востоке Алжира несколько сот алжирских патриотов, большинство которых до октября 1954 г. сражалось в рядах тунисских партизан, а после свертывания вооруженной борьбы в Тунисе перешло в Алжир. Повстанцы прервали телефонную связь между отдельными городами, атаковали несколько поездов и автомобилей, заняли города Арис и Хеншела, а также деревню Фум-Туб.

Население единодушно поддержало повстанцев. В течение последующих дней была создана Армия национального освобождения, в которую вошло около трех тысяч человек. Восстание грозило распространиться на весь Алжир, и серьезно обеспокоенные французские власти предприняли ряд мер к немедленному его подавлению. Против повстанцев были брошены две дивизии. Одновременно правительство приступило к массовым репрессиям против легальных организаций национально-освободительного движения. 5 ноября 1954 г. была запрещена деятельность обеих фракций MTLД, хотя несколько дней спустя министр внутренних дел Франции Миттеран признал, что обе фракции не были причастны к организации восстания. 400 членов MTLД были арестованы²¹. Всего в течение ноября — декабря 1954 г. было арестовано около трех тысяч алжирцев²².

Однако на этот раз репрессиями не удалось подавить национальное движение алжирского народа. Всеобщая ненависть к колонизаторам, всенародная поддержка и прекрасная организация патриотов-подпольщиков, ослабление позиций Франции в Тунисе и Марокко объективно способствовали росту сопротивления алжирского народа политике колонизаторов.

Для сокрушения главного оплота повстанцев в области Аурес французы использовали авиацию и парашютные десанты, действовавшие во взаимодействии с наземными войсками. Каратели жестоко расправлялись с мирным населением. Например, 26 января 1955 г. была осуществлена массовая депортация 6 тыс. алжирцев из 5 деревень, а деревни разрушены²³. В марте 1955 г. численность французских войск в Алжире была доведена до 200 тыс. человек²⁴.

С прибытием в страну крупных соединений французской армии повстанцы изменили тактику. В течение весны 1955 г. они почти не нападали на французов, но поставили своей задачей изолировать французских колонистов и колониальную администрацию в Алжире, прервать их связи с туземным населением. Были созданы Трибуналы освобождения, которые предупреждали сотрудничавших с французами мусульман о грозившей им каре за предательство национальных интересов алжирского народа²⁵.

В июне 1955 г. генерал-губернатор Сустель выдвинул свой первый план «интеграции», т. е. слияния Алжира с Францией. Этот план включал ряд мероприятий, в том числе введение образования на арабском языке и свободу мусульманского культа, намеченных еще в статуте 1947 г.,

²¹ См. «The Islamic review». Woking (England), December 1954, p. 36.

²² См. «New statesman and nation», 1955, № 1258, p. 539.

²³ См. там же, стр. 541.

²⁴ См. там же, стр. 532.

²⁵ См. «Monde nouveau», 1955, № 87, p. 35.

но не осуществленных из-за сопротивления реакционных кругов²⁶. Однако все эти меры не могли уже изменить положения.

Вся фальшь мнимых уступок Сустеля была разоблачена заявлением министра внутренних дел Буржес-Монури: «Повстанцам не будет ни перемирия, ни жалости. Мы будем их преследовать, пока не истребим до последнего»²⁷. Сам Сустель, наряду с обещаниями реформ, усиливал репрессии, распространял осадное положение на все большее число районов, арестовывал и выселял сотни алжирцев, продолжал варварское разрушение деревень авиацией, и, наконец, ввел «коллективную ответственность»²⁸.

Ответом на это были всенародные демонстрации протеста, усиление активности повстанцев, пополнение их рядов патриотами, особенно молодежью. 20 августа 1955 г. восстание с новой силой вспыхнуло в 40 различных пунктах департамента Константина. С этого момента деятельность повстанцев приобрела более широкие масштабы и стала оказывать сильное влияние на позиции всех групп населения Алжира. 13 сентября 1955 г. колониальные власти запретили деятельность Коммунистической партии Алжира и ее печать, систематически разоблачавшую их преступления и требовавшую начать переговоры с подлинными представителями алжирского народа.

Повстанцы фактически установили свой контроль над многими районами страны. По их призыву даже умеренные делегаты Алжирского собрания, ранее послушно следовавшие указаниям французских властей, в знак протеста против действий последних отказались от участия в работе Собрания и образовали совместно с представителями UDMA так называемую «группу 61». Подали в отставку также большинство муниципальных советников-мусульман и многие мусульмане-чиновники французской администрации. Ассоциация улемов на своем собрании клеймила империалистическую политику Франции и потребовала, чтобы французские власти начали переговоры с восставшими²⁹.

В январе 1956 г. Сустель выдвинул новый план «интеграции», предусматривавший ликвидацию управления генерал-губернатора и Алжирского собрания, слияние администрации Алжира и метрополии, унификацию социального законодательства и постепенное уравнивание избирательных прав мусульман и французов с соответствующим увеличением числа депутатов от Алжира в Национальное собрание Франции³⁰. Однако даже «умеренные» отказывались обсуждать проекты Сустеля, а лидер UDMA Фархат Аббас, ранее выступавший за сохранение федеральных связей Франции и Алжира, заявил в январе 1956 г.: «Лишь те, кто действуют, правомочны говорить с Францией. Моя партия и я сам открыто заявляем о нашей полной поддержке дела, защищаемого «Национальным фронтом освобождения Алжира». Моя роль заключается в том, чтобы уступить дорогу лидерам вооруженного сопротивления»³¹. Это заявление свидетельствовало о дальнейшем углублении пропасти между алжирцами и французскими властями.

²⁶ См. «Cahiers internationaux», 1956, № 73, p. 41—42.

²⁷ См. «Cahiers du communisme», 1955, № 7—8, p. 942.

²⁸ Суть этого метода изложил администратор коммуны Бискра: «Всякий оазис, всякая деревня, где произойдут акты саботажа, будет нести коллективную ответственность за причиненный ущерб; если кто-либо не сообщит о террористе, то сам будет рассматриваться как террорист» (Там же).

²⁹ См. *الاهرام* (Аль-Ахрам), 20 января 1956 г.

³⁰ См. «Cahiers internationaux», 1956, № 73, p. 42.

³¹ «L'Année politique et économique», 1956, № 129, p. 90.

Армия национального освобождения, имевшая сеть своих отрядов по всему Алжиру, подчинялась Фронту национального освобождения, возникшему на базе CRUA³². Программа Фронта включала следующие задачи: достижение национальной независимости, создание в Алжире суверенного и демократического государства, уважение основных свобод граждан независимо от их расы и вероисповедания, уничтожение коррупции, мобилизация всех здоровых сил народа на ликвидацию последствий колониального гнета. В области внешней политики Фронт национального освобождения признавал необходимым вынести алжирскую проблему на обсуждение мирового общественного мнения, а после достижения независимости — создать федерацию стран Северной Африки.

Своей ближайшей задачей Фронт считал начало переговоров с правительством Франции на основе признания алжирской нации и принципа ее суверенитета при условии прекращения преследований борцов за независимость и освобождения всех политических заключенных. При этом программа Фронта предусматривала гарантию экономических и культурных интересов проживающих в Алжире европейцев, возможность укрепления связей Алжира с Францией на основе равенства и взаимного уважения.

Фронт национального освобождения открывал свои ряды для всех жителей Алжира, независимо от их национальной и религиозной принадлежности, если они признавали его программу и были готовы бороться за национальное освобождение страны. Разумеется, действие этой прогрессивной программы на все слои алжирского населения нельзя было нейтрализовать планами «интеграции» Сустеля, игнорировавшими волю алжирского народа к достижению национальной независимости.

В результате поражения сторонников старой колониальной политики на выборах в Национальное собрание Франции 2 января 1956 г. к власти пришло правительство Ги Молле. Предвыборную кампанию социалисты вели под лозунгом прекращения войны в Алжире. Но руководители социалистической партии вскоре после выборов «забыли» о своих обещаниях. В правительственной декларации Ги Молле признавалась «алжирская индивидуальность» (шаг к признанию алжирской нации) и содержалось обещание решить будущее Алжира путем переговоров. Однако условием переговоров Ги Молле ставил прекращение повстанцами военных действий. «Действительно свободные» выборы предполагалось провести через три месяца после «восстановления порядка».

Ги Молле упразднил должность генерал-губернатора и учредил в своем правительстве пост министра-резидента в Алжире. На этот пост был назначен генерал Катру, имевший опыт урегулирования сирийской и марокканской проблем путем компромисса. Однако после прибытия Ги Молле в Алжир 6 февраля 1956 г. там состоялись организованные реакционными элементами демонстрации части европейского населения. Демонстранты обвиняли Катру в «предательстве» интересов Франции и французов Алжира. Под нажимом реакционеров Ги Молле отступил, принял отставку Катру и назначил вместо него социалиста Робера Лакоста. Одновременно Ги Молле заявил, что в отношении Алжира не будут приняты решения, идентичные решениям о Тунисе и Марокко. Тем самым он фактически отступил не только от предвыборной программы, но и от своей правительственной декларации. Ги Молле предъявил повстанцам ультиматум, требуя сложить оружие; обещания освободить политических заключенных он также не выполнил.

³² На базе фракции «мессалистов» было создано и ныне действующее так называемое Алжирское национальное движение (МНА), которое, однако, пользуется влиянием в основном лишь среди алжирских эмигрантов во Франции.

В марте 1956 г. Лакост, получивший от французского парламента специальные полномочия, в качестве ближайшей задачи выдвинул «умиротворение страны военными средствами» и потребовал подкрепления в 200 тыс. человек. Одновременно он пытался привлечь алжирцев на свою сторону и издал ряд декретов: об обязательном повышении доли издольщиков-мусульман при распределении урожая, об облегчении мусульманам доступа к административным должностям, о предоставлении пенсий престарелым алжирцам. Однако подобные реформы, как и предшествовавшие им планы Сустеля, были бесплодны в создавшейся обстановке, тем более, что французские колонисты игнорировали социальные мероприятия Лакоста и мешали их осуществлению.

К лету 1956 г. повстанцы полностью контролировали треть территории Алжира и держали под угрозой другую треть. В конце апреля 1956 г. в Каир прибыли лидер UDMA Фархат Аббас и генеральный секретарь Ассоциации улемов Тауфик аль-Мадани. 25 апреля Аббас заявил на пресс-конференции, что война в Алжире может окончиться лишь «уничтожением или эвакуацией войск колонизаторов». Он обещал свободу и равенство европейскому населению Алжира при условии вывода французских войск³³. С присоединением UDMA и улемов к Фронту национального освобождения в его рядах возник союз широких масс трудящихся и мелкой буржуазии с национальной буржуазией, интеллигенцией и духовенством. 22 мая к Фронту примкнул также Всеобщий союз студентов-мусульман Алжира³⁴.

Состоявшийся летом 1956 г. съезд французской социалистической партии под давлением рядовых членов партии потребовал прекращения войны в Алжире. Ги Молле и Лакост формально обязались выполнить это решение, но на деле продолжали прежнюю политику. В июле 1956 г. численность французских войск в Алжире была доведена до 400 тыс. человек. При этом потери французских войск с ноября 1954 г. по июль 1956 г. составили около 10 тыс. человек³⁵. По данным Совета Лиги арабских стран, за этот же период французами убито до 100 тыс. алжирцев, в том числе женщины и дети³⁶.

22 октября 1956 г. французские власти, воспользовавшись предательством летчика марокканского самолета, арестовали делегацию Фронта национального освобождения, направлявшуюся из Марокко в Тунис. В состав делегации входили: военный руководитель Фронта Мухаммед Бен Белла, один из политических лидеров Фронта Мухаммед Хидар, делегат Фронта в США Хусейн Айт Ахмед, старый деятель MTLД Мухаммед Будиаф и известный журналист Мустафа Лапраф. Арест этих пяти лидеров национального движения вызвал взрыв возмущения во всех арабских странах. Правительства Туниса и Марокко отозвали из Франции своих послов. В этих странах была объявлена всеобщая забастовка протеста.

Колонизаторы явно надеялись обезглавить национально-освободительное движение. Но они просчитались. Возглавивший Фронт национального освобождения Тауфик аль-Мадани заявил, что арест пяти лидеров не отразится ни на военных операциях, ни на политических целях Фронта. Цель Фронта по-прежнему неизменны: независимость Алжира, освобождение всех политических заключенных, начало переговоров между Францией и временным правительством Алжира до прекращения огня³⁷.

Вместо ожидавшегося колонизаторами ослабления освободительного движения оно вспыхнуло с новой силой. К Фронту национального освобождения

ния примкнули алжирские коммунисты и многие алжирцы — члены французской социалистической партии. Борьбу алжирского народа за национальное освобождение поддерживают Всеобщий союз профсоюзов Алжира, возникший в июне 1954 г. на базе алжирского филиала Всеобщей конфедерации труда Франции, и Всеобщий союз алжирских трудящихся, созданный рабочими-мусульманами в начале 1955 г.

Решительная поддержка арабскими народами борьбы алжирцев за свое освобождение мешает империалистам подавить национальное движение в Алжире. Правительства Франции надеялись серьезно ослабить эту поддержку, организовав вместе с Англией и Израилем агрессию против Египта в октябре — ноябре 1956 г. Однако эта агрессия привела лишь к потере последних позиций Франции на Ближнем Востоке.

Затягивание алжирского кризиса обостряет отношения Франции с соседями Алжира — Марокко и Тунисом. Французские империалисты были вынуждены в 1955—1956 гг. предоставить Тунису и Марокко автономию, а затем и независимость. Но они стараются сохранить свои позиции в Алжире: через Алжир проходят кратчайшие пути из Франции в ее владения в Западной и Экваториальной Африке. В Алжирской Сахаре недавно обнаружены огромные запасы ценных полезных ископаемых. Господствующее положение в Алжире в значительной мере обеспечивает французским империалистам сохранение своих экономических позиций в Марокко и Тунисе.

Монополисты Франции сопротивляются требованиям алжирского народа еще и потому, что их экономические и политические позиции в этой стране прочнее, чем в Тунисе и Марокко. Алжир более длительное время находился под господством Франции, и его экономика теснее связана с французской. В стране проживает около миллиона европейцев, некоторая часть которых под влиянием реакционной пропаганды крупных колонистов враждебно относится к национально-освободительному движению алжирского народа. Исторически сложившиеся между Францией и Алжиром связи французские империалисты стремятся использовать для сохранения своего господства в этой стране.

Народы Марокко и Туниса, как и правительства этих стран, выступают против французского господства в Алжире. Они считают, что дальнейшее продолжение военных действий создает угрозу миру и безопасности в Северной Африке, а сохранение господства французских империалистов в Алжире угрожает самостоятельности Марокко и Туниса.

Правительства Ги Молле и Буржеса-Монури старались реабилитировать свою политику в Алжире в глазах французского народа и мирового общественного мнения. Особые усилия в этом направлении были предприняты в связи с рассмотрением алжирского вопроса в Организации Объединенных Наций. Французское правительство последнее время разрабатывало различные варианты политического устройства Алжира. Последний проект статута Алжира содержит различные формы автономии: предусматривается политическое равноправие мусульман и европейцев, превращение Алжира в федерацию шести автономных областей под управлением французского министра. Однако все эти многочисленные реформы и проекты предусматривают сохранение колониального господства Франции в Алжире. Их авторы хотели бы путем маневров добиться того, чего до сих пор не удалось добиться силой.

Генеральный секретарь Коммунистической партии Алжира Ларби Бухали заявил корреспонденту газеты «Унита» еще 25 октября 1956 г.: «Прекращение кровопролития в основном зависит от французского правительства. Чтобы остановить войну, оно должно начать переговоры с представителями алжирского сопротивления, а не маневрировать в Гене-

³³ См. «Marches coloniales du monde», 1956, № 546, p. 1237.

³⁴ См. «Аль-Ахрам», 23 мая 1956 г.

³⁵ См. «Christianisme social», 1956, № 7, p. 426—427.

³⁶ См. «Аль-Ахрам», 6 июля 1956 г.

³⁷ См. «Le monde», 27 октября 1956 г.

ральной Ассамблее ООН, стараясь внушить, что проблема будет решена введением нового статута, который неприемлем для любого алжирца»³⁸. Вести войну колонизаторам становится все труднее. Даже их наиболее преданные прислужники повсеместно отказываются теперь от участия в работе созданных Лакостом административных временных комиссий. Главнокомандующий французскими войсками в Алжире генерал Салан вынужден был в июне 1957 г. признать, что решение военной проблемы в Алжире зависит от решения «политических, социальных и человеческих проблем»³⁹.

В свою очередь представитель Фронта национального освобождения Мухаммед Язид заявил в мае 1957 г.: «Падение правительства Ги Молле является признанием того факта, что репрессивная война против алжирского народа позорно провалилась. Французы должны сейчас сказать, хотят ли они эры мира и прогресса для Франции и ее отношений с арабским миром или они желают продолжения войны и агрессии, что может лишь привести французский народ к катастрофе»⁴⁰.

Национально-освободительное движение алжирского народа — составная часть общего антиимпериалистического движения народов Востока, столь широко развернувшегося после второй мировой войны. Как и народы Индии, Индонезии, Египта, Сирии и других стран, народ Алжира борется за свержение колониального ига и уничтожение всех его последствий. Добившиеся независимости страны Азии и Африки полностью солидарны с алжирским народом и поддерживают его стремление к освобождению. Героическая борьба алжирского народа поддерживается всем прогрессивным человечеством, в том числе и патриотами Франции.

Самоотверженная борьба с превосходящими силами колонизаторов продолжается. Ни подавляющее военное и техническое преимущество французских войск, ни демагогические маневры колониальной администрации в области социально-экономических и политических реформ не могут подавить стремление народа Алжира к независимости. Национально-политических и социально-экономических противоречий. Только разрешив эти противоречия, т. е. уничтожив колониальный режим и связанную с ним систему политического и экономического гнета, можно обеспечить мир в Алжире.

S U M M A R Y

The tide of the national liberation struggle of the Algerian people has been rising during the second world war and after it. With the backing of the French Government and of the colonial administration, the European colonialists and capitalists forced upon the Algerians the anti-democratic Statut of 1947. But the French authorities failed to comply even with that Statut. An armed uprising against French colonial oppression broke out in Algeria, in November 1954. The National Freedom Front was formed. All the national political parties, the Communists included, gradually joined this Front. While trying to crush this movement by military force, the French authorities have taken recourse also to political manoeuvres in Algeria and on the international arena. The people of Algeria are carrying on the struggle for their independence.

МОНУМЕНТАЛЬНОЕ ИСКУССТВО СРЕДНЕВЕКОВОЙ КАМБОДЖИ

Ю. Д. ЛЕБЕДЕВ

Искусство средневековой Камбоджи принадлежит к величайшим проявлениям художественного гения всех времен и народов. Между тем оно начало изучаться совсем недавно, хотя спорадические сведения о нем появлялись с последнего десятилетия XIII в. (знаменитый отчет о пребывании в Камбодже члена китайского посольства Чжоу Да-гуаня). В 1601 г. испанский миссионер М. Рибаденейра (M. Ribadeneyra) в своей «Historia de las islas del Archipelago» с удивлением говорит о кхмерских памятниках, которые, по его словам, считались построенными римлянами или Александром Македонским. В конце XVII в. французский миссионер Р. Шеврё (P. Chevreuil) говорит об Ангкоре как о месте, чрезвычайно чтимом далеко за пределами Камбоджи. В первой половине XVII в. сёгун Иемицу послал в Ангкор человека, который привез план этого архитектурного ансамбля, существующий и поныне; впрочем, японцы приняли Ангкор за знаменитый монастырь Джетавана в Магадхе. В 1783 и 1850 гг. французские миссионеры вновь кратко упоминают об Ангкоре. Но настоящий интерес к кхмерскому искусству возбудил французский натуралист А. Муо (H. Mouhot). Спустя 12 лет после его смерти обширный материал археологического и искусствоведческого характера, собранный Дудар де Лагрэ (Doudart de Lagrée), был опубликован преемником последнего Ф. Гарнье (F. Garnier. Voyage d'exploration en Indo-chine. Paris, 1873). Позднее Дж. Фергюссон, на основании сделанных на месте фотографий, предпринял первую попытку дать обзор истории кхмерской архитектуры (J. Fergusson. History of Indian and Eastern Architecture. London, 1891). Но особую ценность даже сейчас представляет работа Луи Делапорта (L. Delaporte. Voyage au Cambodge. Paris, 1880). Все эти труды, а также организация в 1878 г. выставки и затем музея кхмерского искусства в Париже ближе познакомили широкие круги общества с шедеврами кхмерского зодчества. Чрезвычайно большую активность в области изучения истории, филологии и искусства средневековой Камбоджи развил Э. Эмонье (E. Aymonier). В 1900, 1901 и 1903 гг. появились три тома его обширного труда «Le Cambodge», ценного прежде всего переводом кхмерских текстов. Но эта работа, одна из первых, не свободна, конечно, от ошибок, которые особенно подчеркивались П. Пелльо (См., например, P. Pelliot. Deux itinéraires de Chine en Inde à la fin du VIII-e siècle. «Bulletin de l'Ecole Française d'Extrême-Orient», tome IV, 1904, p. 131—413). В 1887—1888 гг. архитектор Л. Фурнере (L. Fournereau), изучавший кхмерские архитектурные памятники, привез в Париж много зарисовок, фото-

³⁸ «France nouvelle», 3 Novembre 1956, № 568.
³⁹ «Le monde», 26 июня 1957 г.
⁴⁰ «Le monde», 24 мая 1957 г.

графий, планов, муляжей; появившиеся в результате две большие работы дали новый толчок изучению искусства и истории древней Камбоджи. В 1907 г. вышла книга Л. Белье (*L. de Beylié. L'architecture hindoue en Extrême-Orient. Paris, 1907.*)

Но указанные работы выполнялись преимущественно любителями кхмерских древностей — моряками, военными, чиновниками колониального аппарата. Поэтому очень плодотворным было создание в 1899 г. *Ecole Française d'Extrême-Orient* под контролем Французской Академии. В 1901 г. вышел первый номер бюллетеня этой Школы, который издается до настоящего времени и представляет совершенно необходимое пособие для занимающихся древним Индо-Китаем, в частности Камбоджей. Школа выпустила знаменитую (хотя далеко не свободную от ошибок, естественных для начала систематического изучения памятников) работу Люне де Лажонкьера (*Lunet de Lajonquière. Inventaire archéologique du Cambodge, vol. I—III. Paris, 1902—1912*); великолепны издания, посвященные Ангкор Вату и Бантеай Срей (текст, к сожалению, не соответствует прекрасным иллюстрациям). Сам Ангкор Ват заботами Ж. Коммая (*J. Commaille*), первого «хранителя Ангкора», за три года (1908—1911) был приведен в порядок. Наряду с Коммаем, очень много для расчистки храмов района Ангкора сделал А. Маршаль (*H. Marchal*). Перу этого теоретика кхмерского искусства принадлежит много работ, завершившихся превосходно иллюстрированной книгой «*Les temples d'Angkor*» (*Paris, 1955*). С некоторыми положениями маститого ученого, например, в «*L'architecture comparée dans l'Inde et l'Extrême-Orient*» (*Paris, 1944*), впрочем, нельзя безоговорочно согласиться. Несколько устарели и заслужившие в общем большого внимания книги А. Пармантье (*H. Parmentier. L'art khmer primitif. Paris, 1927*; *L'art khmèr classique. Paris, 1939*; *L'art architectural hindou dans l'Inde et en Extrême-Orient. Paris, 1948*). Важнейшими работами по истории кхмерского искусства до сих пор остаются: отличающаяся тонким анализом эволюции форм «*L'art khmer*» (*Paris, 1951*), принадлежащая Ж. де Кораль-Ремюза (*G. de Corail Rémusat*) и «*Pour mieux comprendre Angkor*» (*Paris, 1947*) лучшего ныне кхмериста Ж. Кёдеса (*G. Coedès*). Этот ученый внес одновременно огромный вклад в историю и филологию, что позволило ему с особым знанием дела говорить об искусстве Камбоджи.

Многолетнее изучение работ зарубежных исследователей, а также многих репродукций легло в основу настоящей статьи. Воспроизводимые здесь репродукции также взяты нами в основном из указанных работ.

* * *

Древнейшим государством на территории современной Камбоджи было царство, называемое в китайских летописях Фунань; само название до нас не дошло. Цари его носили титул «Царей Горы». В начале нашей эры Фунань подверглась индунизации, облегчавшейся известной общностью культуры доарийской Индии, Индо-Китая и Индонезии. Эта древняя аустроазиатская культура сохранила особую живучесть в районе, занимаемом Камбоджей. Здесь процветал древнейший культ змей и солнечного существа гаруды, наложивший своеобразный отпечаток на кхмерское искусство. Для него характерна также преобладающая роль женских образов — в монументальной настенной скульптуре изображаются почти исключительно одни женщины. Наконец, сохранившиеся отголоски культа предков привели к тому грандиозному строительству посвященных покойникам кхмерских храмов, которые сейчас удивляют мир.

У индийцев Фунань заимствовала ученый и поэтический язык — санскрит, религиозные представления и, в очень смягченном виде, касты Индии. В Индо-Китае найдены прекрасные бронзы стиля Амаравати II—IV вв. н. э. На кхмерскую статуарную скульптуру оказывали влияние и индийские стили Гупты и Гандхары.

Фунаньская архитектура была деревянной и исчезла, как и вся деревянная кхмерская архитектура, поэтому трудно судить о степени ее сходства с сохранившейся каменной. Согласно китайским источникам, здесь имелись города, окруженные деревянными стенами, двухэтажные дворцы и жилые дома, украшенные резьбой, для которой так хорошо подходили индо-китайские драгоценные породы дерева с тонкими и твердыми волокнами. К эпохе Фунань, возможно, относятся крайне немногочисленные каменные святилища, имеющие форму небольших целл простой формы, без сохранившихся украшений, кроме скромных пиллястров.

В VI в., а вероятно, и раньше, в Фунань входило зависимое княжество, расположенное в районе Бассака, около Ват Пху, которое называлось Кхмером или Камбуджей. Бхававарман I, в жилах которого текла кровь фунаньских царей, в середине VI в. напал на своего сюзерена и разбил его. Затем он захватил большую часть территории. Наследовавшие Бхававарману его брат, а затем племянник Ишанаварман покончили с Фунанью. Столица Ишанавармана, Ишанапура, может быть с большой долей вероятности отождествлена с Самбор Преи Кук, городом, в котором жило более 20 тысяч семей. Многочисленные сохранившиеся тут храмы относятся к VII в.

Это — небольшие кирпичные здания¹, большей частью прямоугольные в плане, имеющие форму башни, так называемого прасата. Снаружи верхняя часть их похожа на суживающуюся кверху ступенчатую пирамиду. Иногда группа из нескольких башен помещена на общей невысокой террасе. Общий вид башен напоминает как тямские «каланы», так и некоторые южноиндийские храмы, а также Бхитаргаон — храм эпохи Гупты в долине Ганга. Если известное сходство несомненно, то все же затруднительно говорить о полном заимствовании Камбоджей чужеземного архитектурного типа.

Монуменальное искусство Камбоджи неразрывно связано с религиозными представлениями. Основным официальным кхмерским культом сначала был культ Шивы, большей частью представляемого под видом лингама, а также культ Харихары (Вишну — Шивы), что особенно подчеркивает синкретические религиозные тенденции. Шиве никогда не поклонялись в его разрушительной и злобной форме: в Камбодже он всегда — бог-созидатель. Прекрасное знание Рамаяны, Махабхараты, Пуран давало скульпторам неисчерпаемое богатство тем.

В самом начале VIII в. Камбоджа разделилась на два государства: северное и южное, а последнее, в свою очередь, распалось на несколько частей, причем в южном районе установилась власть Явы. На рубеже IX в. с Явы (может быть с Суматры) прибыл восстановитель единства Камбоджи, Джаяварман II, по-видимому, принадлежавший к старой кхмерской династии. Для того чтобы устранить местных властителей и объединить страну, Джаяварман II должен был прибегать ко всем возможным для этого средствам, в том числе и к помощи религии.

Прежде всего надлежало показать себя наследником фунаньских «Царей Горы», титул которых узурпировала после падения Фунани яван-

¹ В VII—IX вв. в Камбодже, в частности в Самбор Преи Кук, кирпич был почти единственным каменным строительным материалом, декоративные же наддверия и придверные колонки делались из камня.

ская династия Шайлендров. Джаяварман призвал ученого брамина Хираньядаму «установить священный ритуал, чтобы страна Камбуджей более не была зависима от Явы и чтобы тут впредь был только один государь, который был бы вселенским государем. Этот брамин установил священный ритуал... и воздвиг Бога-Царя»² (санскр. Deva-*rāja*, по-кхмерски Kamrateng jagat ta rāja (raja)). Так было покончено с юридическими притязаниями Шайлендров. Созданный с этой целью новый своеобразный культ наложил глубочайший отпечаток на ряд архитектурных памятников Камбоджи.

Девараджа представляет собой божество «царской сущности» — либо вообще, либо определенного государя. Свое местопребывание оно имеет в священном лингаме, палладиуме царства, по преданию, данном Шивой Хираньядаме. Лингам этот всегда должен помещаться на вершине горы — естественной или искусственной. Если первый Девараджа, возможно, был просто установлен на Махендрапарвате, то есть на горе Кулене, временном местопребывании Джаявармана II, то затем для него сооружались уже грандиозные «храмы-горы».

Такой храм рассматривался как имеющая магическую силу копия пятиглавой ступенчатой священной горы Меру, находящейся в центре мироздания, на вершине которой пребывают главные боги индуистского пантеона. Вокруг Меру кольцами лежат чередующиеся океаны и континенты, последний из которых имеет вид скалистой ограды. У буддистов Меру также окружена водой. Для полноты сходства с космосом храмы часто окружались в Камбодже водной поверхностью — более или менее широкими каналами. Храм был ориентирован по странам света. Ламаистская китайская и тибетская пагода также считалась воплощением космоса.

Камбоджа, как и Китай, считалась «царством середины» вселенной, а столица — ее центром. На пересечении диагоналей квадратных столиц воздвигался главный храм-гора с Девараджей, который, таким образом, отмечал ось мироздания. Понятно, что храм старались делать как можно более величественным.

Уже простой по форме храм-башня (прасат), заканчивающийся суживающейся кверху ступенчатой пирамидой, символизировал космическую гору Меру. Этим мог довольствоваться основатель кхмерского храма, для которого самым важным было возможно лучше приспособиться к устройству мироздания, без чего, по его мнению, не могло быть благополучной жизни. Таким образом, храмовая архитектура в Камбодже является попыткой сделать видимым и непосредственно ощутимым строение космоса.

Архитектуре кхмерских храмов свойственна еще одна особенность, обусловленная тем, что они не строились для поучения священнослужителями приходящих масс людей. Христианский бог или мусульманский Аллах не «живет» в соборе или мечети. Другое дело в древней Камбодже. Священное храмовое изображение считалось действительно одухотворенным (независимо от присутствия людей) и только неподвижным богом. Для основателя храма, может быть, и для блага округи (как это было в Тибете), важно присутствие самого божества, а не масс верующих.

Такая концепция налагала резкий отпечаток на храмовую архитектуру. Во-первых, внутренность святилищ даже самых грандиозных храмов поразительно мала — сюда паства не допускалась. Во-вторых, богатейшие скульптуры, которыми покрывались с конца X в. почти все архитектурные плоскости, отнюдь не предназначались только для любования. На верши-

нах башен, на недоступной для невооруженного глаза высоте, развешивается сказочная скульптурная ткань; в руках богинь, которых и самих нельзя рассмотреть, — тщательно моделированные цветы. Все это делалось для того, чтобы придать храму больше святости. Особенно ясно ритуальный характер кхмерского искусства проявляется там, где подземная, невидимая часть горы Меру символизируется дивными скульптурами, покрывающими цоколь храма, который по мере его возведения наглухо закрывался другой стеной, также сплошь покрытой скульптурой; примером может служить Бапхуон (XI в.).

Возможно, что тот же Джаяварман II привез с собой из Индонезии особый вкус к процветавшему там пышному культу усопших, забытому в Индии, но зерно которого, может быть, сохранилось и в самой Камбодже от древнейшей аустроазиатской культуры. Надписи удостоверяют строительство храмов в честь родителей, дедов и бабок царей, начиная со второго преемника Джаявармана II — Индравармана. Но уже Джаяварман при жизни выбрал посмертное имя, указывающее излюбленного им бога, с которым он должен был соединиться после смерти. В кумире, по воззрениям древних кхмеров, они продолжали реальную жизнь, только не проявляющуюся движением. Постепенно великие мира сего, подобно китайским императорам, начали строить свои посмертные храмы-жилища уже прижизненно, надеясь жить в них в своих священных изображениях. Не совсем ясно, подлежали ли они погребению в таких храмах. Громадное значение для искусства Камбоджи несет сама идея посмертного спасения на земле в изображениях, помещаемых в специальных храмах. Этим объясняется колоссальное количество замечательных архитектурных памятников, которыми покрыта Камбоджа.

Совершенству архитектурных памятников древней Камбоджи способствовало также и убеждение, что храм — не только изображение божественного мира, но божественный мир в действительности, магически перенесенный на землю, в котором находится освященный кумир — живой неподвижный бог (не имеющий ничего общего со скульптурными изображениями, например, христианских святых). Боги, так сказать, в чистой форме в Камбодже изображались редко. Обычно надписи указывают, что под чертами Шивы, Парвати и других божеств представлены посмертно соединенные с ними смертные, сделавшиеся, впрочем, этим самым бессмертными.

Такая концепция имеет для кхмерской архитектуры, вероятно, и другое существенное значение: как люди царь и вельможи жили, согласно индийским традициям, в деревянных палатах (поэтому-то и отсутствуют каменные дворцы), но как боги они пребывали в величественных каменных храмах.

Ненужность одновременного пребывания под одной крышей масс верующих, как уже было сказано, наложила на эту архитектуру свою печать. Кроме того, кхмеры не употребляли настоящего свода, а применявшийся ими безраспорный ложный ступенчатый свод не позволял перекрывать большие пространства; максимальный пролет — около 6 метров. Но раз большие площади не требовались, то настоящий свод не был заимствован, например, из Китая. Изнутри свод не был виден и закрывался плоским деревянным потолком.

Храмы-башни, имеющие как одно помещение, так и святилища, с одним или двумя приделами, постепенно начали окружаться узкими длинными зданиями, образующими вокруг них прямоугольник или же два concentрических прямоугольника. Еще позже эти постройки приняли форму замкнутых четырехугольных галерей, также иногда расположенных в несколько concentрических рядов; по их углам возвышаются башни. Храмовый ансамбль замыкается несколькими concentри-

² Надпись храма Sdok Kak Thom; цит. по R. C. Majumdar. *Kambujadesa*. Madras, 1944, p. 77.

ческими оградами с величественными декоративными воротами (гопурами), в больших храмах принимающими вид грандиозных тройных павильонов.

Гармоническое сочетание оград и галерей с их угловыми башнями и внутренними башнями-святилищами, нередко помещаемыми на богато украшенных высоких цоколях, — одна из основных отличительных черт позднейшего кхмерского зодчества. Поддерживающие храмы искусственные горы-пирамиды обычно имели по сравнению с высотой большую площадь, и все цоколи (за одним-единственным исключением) — сплошные, без крипт. Внутренние лестницы отсутствуют; наружные отличаются большой крутизной, достигающей 70°.

Для строительства каменных храмов применялись кирпич, песчаник и латерит. Кирпич, великолепного качества и превосходной кладки, был почти единственным строительным материалом до X в., но и в X в. строилось много кирпичных храмов; в XI в. они — исключение, а в XII в. их совсем почти не делали. Связь между кирпичами, осуществленная практически незаметным слоем неизвестного вещества, настолько прочна, что стена представляет как бы монолит, который подвергался скульптурной обработке после кладки. Обычный цвет кирпича — желтоватый, с розовым оттенком.

Кхмерский песчаник необыкновенно красив. Обычно он серого цвета, но встречается желтый, красный, синеватый, зеленоватый. В зависимости от времени дня и освещения его оттенки изменяются, придавая строениям особую, неповторимую прелесть. Латерит, конгломерат вулканического происхождения красновато-коричневого цвета, встречается в Камбодже повсеместно, на глубине нескольких десятков сантиметров. Вначале он шел почти исключительно для устройства пирамид, цоколей и оград, а затем из латерита начали возводить большие храмы, которые покрывались кладкой из сравнительно редкого песчаника.

На каменную архитектуру должна была влиять деревянная. В деревянном же зодчестве кхмеры, несомненно, были великими мастерами; как указывалось, еще Фунань славилась искусными резчиками по дереву (и слоновой кости). Отсюда такое совершенное мастерство в почти сплошной скульптурной обработке наружных и внутренних стен. Внутренние стены башен-святилищ, впрочем, обычно оставались без украшений; возможно, что они покрывались росписью.

До XIII в. включительно кхмеры обращались с камнем, к которому они так и не привыкли, как с деревом — и в смысле конструкции, и при моделировке настенных скульптур, напоминающих резное дерево; кхмерский податливый песчаник представлял тут идеальный материал.

Однако применение техники деревянного строительства в каменном приводило, конечно, к плачевным результатам. О специфических свойствах камня как строительного материала кхмеры не знали и многовековой опыт строительства их почти ничему не научил.

Если в конструктивном смысле перенесение приемов деревянного зодчества нанесло большой вред сохранности кхмерской архитектуры и скульптуры, то наружность архитектурных памятников под влиянием той же тенденции только выиграла. Начиная с конца IX в. они напоминают драгоценные резные ларцы гигантских размеров, отделанные с тончайшим вкусом и ювелирной тонкостью.

Характерным украшением фасадов, начиная с первых памятников кхмерского зодчества и до его заката в XIII в., являются порталы, основные элементы которых на протяжении веков были одними и теми же: две пристенные колонки в начале круглого, затем иногда квадратного и, наконец, семи- и восьмиугольного сечения, поддерживают наддверие — широкую каменную плиту, украшенную скульптурой и почти всегда поражающую

тщательностью работы. Колонки с наддвериями обрамляются пилястрами. Сверху — вырезной фронтон. В кирпичных храмах пилястры и фронтоны обычно делались также из кирпича.

Чрезвычайно типичны (встречающиеся, впрочем, и в Индии, и на Яве) «ложные двери», точно повторяющие в середине трех фасадов обрамление и — в камне — деревянную дверь входа. Кхмерские окна, пропускающие свет, но предохраняющие от тропической жары, представляют явное подражание бамбуковым решеткам оконных проемов деревянных строений.

Громадную роль в изобразительном искусстве Камбоджи играли уходящие своими корнями в мифологию, важные в Китае и в других, впрочем, странах, два связанных между собой образа: змеи (наги, по-кхмерски *neak*) и солнечного существа гаруды. Змеиный культ характерен для доисторической аустроазиатской культуры, для доарийской культуры долины Инда, для дравидийской Индии, для древнего Тибета, для древнейшей Европы. Но нигде нага не получила такого значения, как в средневековой Камбодже. Каменная кхмерская нага, имеющая три, пять, семь, девять, одиннадцать, пятнадцать чудесно стилизованных голов (индийская кобра передается в реалистической манере), доныне парит на фронтонах, наддвериях, на гигантских парапетах; она ползет по земле, взвивается на террасах. Повсюду — ее капюшоны, повсюду — туловища, часто колоссальные, достигающие сотни метров. Величина наг и их приподнятых голов, имеющих форму веера, точно соответствует размерам храмов, с которыми они сливаются в одно гармоничное целое.

В IX в. появляются (может быть, они были раньше, но не сохранились?) эспланады, ведущие к большим храмам и городам, с обеих сторон ограниченные парапетами в форме наг; эспланады эти часто проходят по дамбам, которые пересекают опоясывающие каналы. Согласно индусской мифологии, путь единения между богами и людьми представляет собой радугу, олицетворяемую одной или двумя змеями — ведь и радуга бывает двойной. Проходя между двумя нагами-радугами, человек подготавливается к входу в божественную сферу храма или города-микрокосма, «сокращенной вселенной». Наги часто изображены и на наддвериях, они же обрамляют фронтоны. Если нет въездной дамбы или эспланады, смертный проходит в мир божественного не между ними, а под ними, это существенного значения не имеет: даже небольшой храм — не только символ всего мироздания, но и само мироздание. Примечательно, что фунаньские, тямские, сиамские, паллавские цари считали себя происходящими от наги (и чужеземца).

Именно в Камбодже чаще всего встречаются и изображения солнечного существа — гаруды. В больших сооружениях оно обладает поразительной монументальностью и декоративностью, особенно в качестве углового атланта. Гаруда играет большую роль в широко распространенном в кхмерском искусстве индусском мифе о пахтанье богами Мирового Океана для извлечения «масла бессмертия»; царь гаруд перенес для этой цели гору. Он — брат Аруны, возницы Солнца (Сурьи), а на нем ездит солнечный бог Вишну (рис. 1); он также гений победы.

Корни гаруды — древнее арийского эпоса и Пуран. Он неразлучен с нагами, существами водной стихии, с которыми олицетворяет дуализм мироздания. В страшных по мощи лапах гаруд — почти всегда по схваченной им наге, поднимающей голову вверх. И в Китае гаруда часто держит в лапах двух драконов, близких родственников наг (дракон — символ благодатных дождей). Для распространения изображений гаруд, вероятно, имело значение и то, что кхмерские цари, гордясь своим происхождением

от «лунной» династии Фунани, связанной с нагами, считали себя в то же время государами «солнечной» династии Камбу.

Большую декоративную роль играли стилизованные львы, свободно стоящие на лестницах и террасах. Они придавали ансамблям еще более

пышный и живописный вид, равно как и реже встречающиеся слоны, изображаемые в реалистической манере. В Ангкор Вате их было около трехсот, а в Ангкор Тхоме — тысячи.

Кхмерская орнаментика очень разнообразна. Большую роль играют стилизованные растения. Почти нигде глаз не может «отдохнуть» на свободной поверхности. Иногда мотивы повторяются по многу раз, усиливая создаваемое ими впечатление; но чутье мастеров помогало избегать при этом ощущения монотонности. Среди растительного орнамента масса иногда почти незаметных фигур богов, чудовищ, животных, святых аскетов, небесных танцовщиц (апсар) и богинь (деват); этим последним, впрочем, обычно придавалась почти статуарная форма. Их помещали в характерных нишах, встречающихся (как и ложный свод) и в Мохенджо-Даро, и в более поздней Индии, а также в древнейшей Месопотамии, на Яве, в Тибете.

Творческая фантазия кхмеров удивительна. Стены, цоколи, лестницы, пилястры, фронтоны — все, как каменной вышивкой, как кружевом, покрыто тончайшими рельефами. Террасы, лестницы украшены бесчисленными скульптурами. Возможно, что до нас даже не дошла вся тонкость моделировки, так как на скульптуре сохранился тонкий слой какого-то вещества, по которому, по-видимому, проходил резец для окончательной отделки. Мастера обладали секретом делать украшения органически нужными. К этому часто присоединялись удивительная грация, законченное изящество. Истинное величие кхмерского искусства заключается в том, что все богатство украшений не заглушает ясной гармонии целого. Большие мастера растительного и животного орнамента, кхмеры в отношении других мотивов не всегда имели такое удивительное воображение; некоторые цоколи и фриззы поэтому несколько скучноваты; это особенно касается архитектурных сооружений конца XII в. При часто совершенном чувстве гармонии кхмерские специфические пропорции сразу бросаются в глаза.

В Камбоджу не проникли ни усложненный стиль, подсказанный Индией сасанидским искусством, ни безобразные божества. Кхмерский скульптор

Рис. 1. Бантеай Чмар. Гаруда с Вишну на плечах

тщательно избегал показывать торжество смерти, в передаче которой он, однако, мог достигать совершенства. Он целомудрен. Шива, например, не носит ожерелья из черепов, и его лицо не сведено злобной судорогой — на его устах блуждает восхитительная улыбка. В кхмерском искусстве царят спокойная и ясная мощь и чистота. Отталкивающим мифологическим образам и сценам здесь нет места. Искусство Камбоджи как бы выше религии.

Ноту особенно величественной строгости в позднейших сооружениях вносят колоннады превосходных пропорций, с изысканно-простыми капителями, напоминающими античные. Античный же характер имеют и обломы (характерные вал, полка, выкружка, гусек и т. д.), причем верхняя часть цоколя часто повторяет, в обратном порядке, нижнюю. Древнейшие обломы более самобытны; они отличаются прямолинейными очертаниями, которые, вероятно, были присущи только непривычному вначале каменному зодчеству.

До середины XI в. храмы часто покрывались снаружи лепными украшениями, которые в большинстве случаев теперь отвалились. Сохранились только следы росписи наружных стен, воспроизвести которую пока не удалось.

Если первоначальные храмы-башни и древнейшая статуарная скульптура напоминают индийские, то в дальнейшем такое сходство все более исчезает. Архитектура Камбоджи расцветает в своей собственной, кхмерской манере. Основными делаются ясность плана и уравновешенность масс, отвечающие эстетическому чувству Средиземноморья и далеко не всегда встречающиеся на Востоке. Вместе с тем для храмовой архитектуры Камбоджи характерны крутые наружные лестницы до верха пирамид, святилища на их верхних площадках, многочисленные концентрические ограды и концентрические же галереи или узкие и длинные здания, окружающие центральный ансамбль; «мебоны» — храмы на островках среди священных водохранилищ. Лица, начиная с IX в., отмечены печатью красоты, диаметрально противоположной индийским канонам. Скульпторы, отрешившись от подражания чуждому этническому типу, придавали большую характерность лицам. Особенно поразительна улыбка, всегда оживляющая скульптуры, которую некоторые исследователи не без основания сравнивали с загадочной улыбкой Джоконды.

В статуарной скульптуре чувствуется уравновешенная сила тел: широкие плечи, узкие бедра. Кхмеры живо чувствовали красоту обнаженного тела. Иногда и в позднейшие времена моделировка торса и рук, не говоря уже о головах, поражает своей тонкостью, красотой и реалистичностью³.

В настоящей статье могут быть, конечно, упомянуты только некоторые из сотен чудесных храмов. Первый большой каменный ансамбль, храм-гора Баконг в столичном городе Ролуосе, окруженная 8 кирпичными прасатами, которые покрыты лепными украшениями, относится к последней четверти IX в. Весь ансамбль обнесен оградой и каналом. По обеим сторонам подъездных эспланад по земле ползут гигантские наги.

Около 900 г. была основана новая столица Яшодхарапура, центральным храмом которой был Пхном Бакхенг. Как было доказано в 30-х годах Вик-

³ Поэтому совершенно несостоятельны попытки некоторых ученых доказать, что кхмерское искусство просто ветвь индийского (См., например, *H. Parmentier. L'art architectural hindou dans l'Inde et en Extrême-Orient*; *L. de Beylié. L'architecture hindoue en Extrême-Orient* и т. д.). Нельзя согласиться и с А. Маршалем, когда он пишет, что «автохтонный элемент и тогда чувствуется в некоторых проявлениях искусства». (*H. Marchal. L'exploration scientifique. «Un empire colonial français. L'Indochine». Sous la direction de G. Maspéro, t. II. Paris, 1930).*

тором Голубевым⁴, эта столица частично перекрывала территорию будущего знаменитого города, известного под именем Ангкор Тхома. До тех пор Яшодхарапура часто отождествлялась с Ангкор Тхомом, что приводило к смещению всей хронологии кхмерского искусства. Так, например, основываясь на неправильной интерпретации одной лапидарной надписи

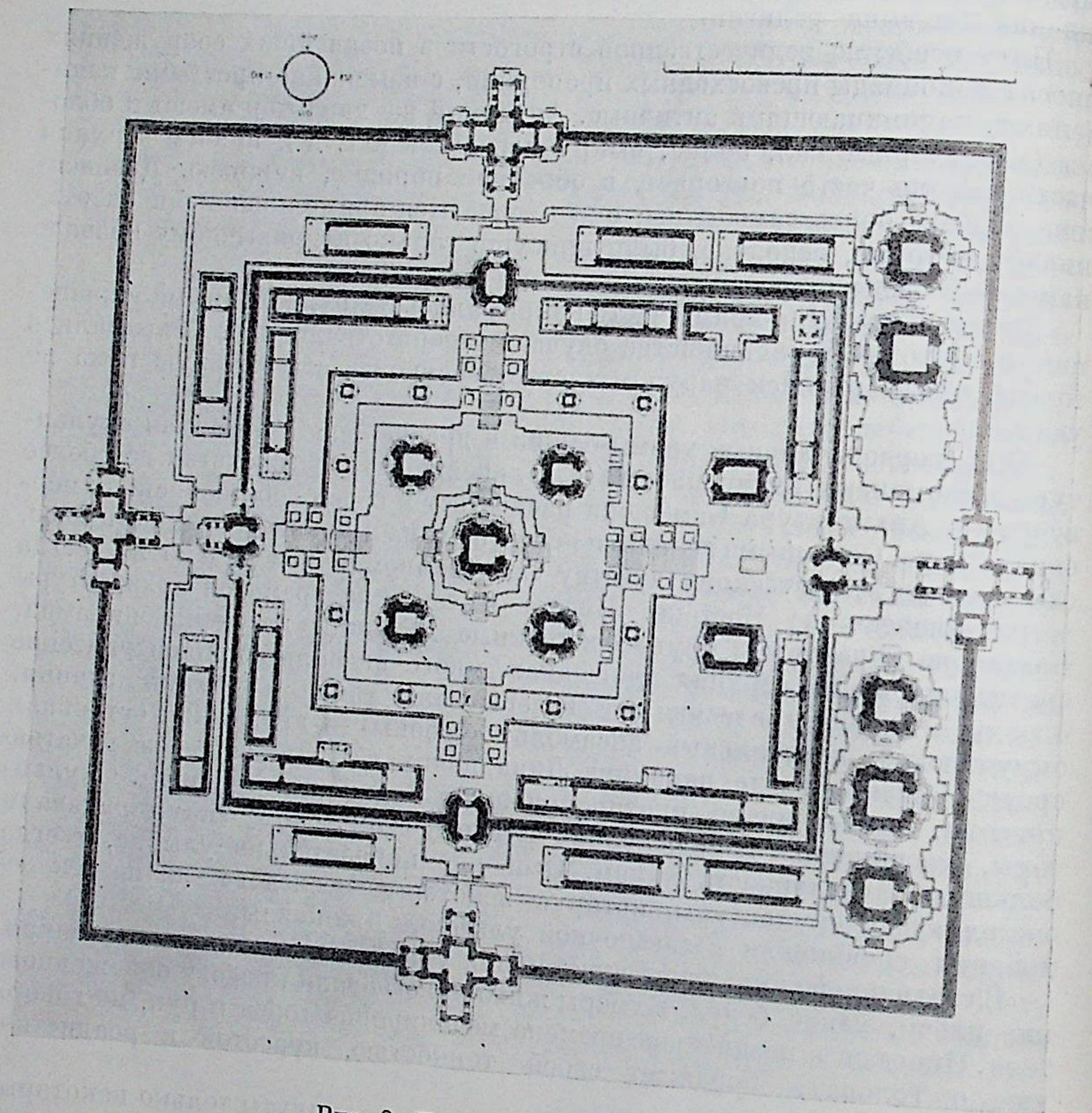

Рис. 2. Пре Руп. План ансамбля

(Sdok Kak Thom), каменные памятники XII—XIII вв. относили к IX в. Пхном Бакхенг представляет собой естественный холм, которому была придана форма пирамиды, покрытой каменной одеждой. На ее ступенчатых платформах воздвигнуты башни. Четырехугольник храмовой ограды имеет 436 м × 648 м.

К 961 г. относится величественный, сложный комплекс Пре Руп (рис. 2 и 3), один из последних больших храмов, не имеющих концентрических галерей. В его центральном святилище находился лингам Раджендрабхадreshвара (Бхадreshвара — местное божество, чтившееся в Ват Пху, колыбели Камбуджей). В одной из четырех угловых башен верхней плат-

⁴ V. Goloubew. Le Phnom Băkhèi et la ville de Yaçovarman. «Bulletin de l'Ecole Française d'Extrême-Orient», vol. XXXIII, fasc. I, 1934, p. 319—344.

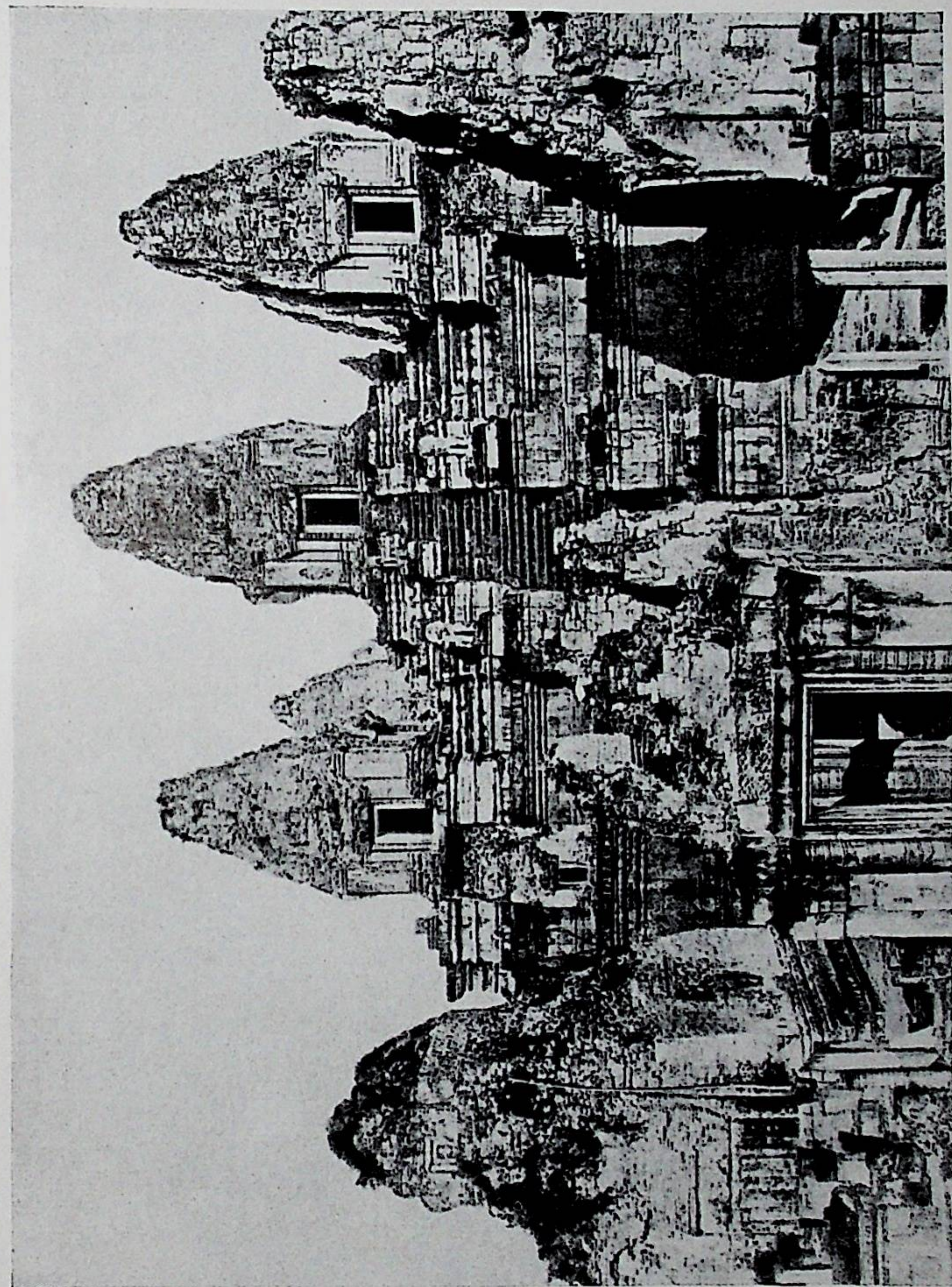

Рис. 3. Пре Руп. Общий вид

Рис. 5. Бантеай Срей. Фигура в нише фасада

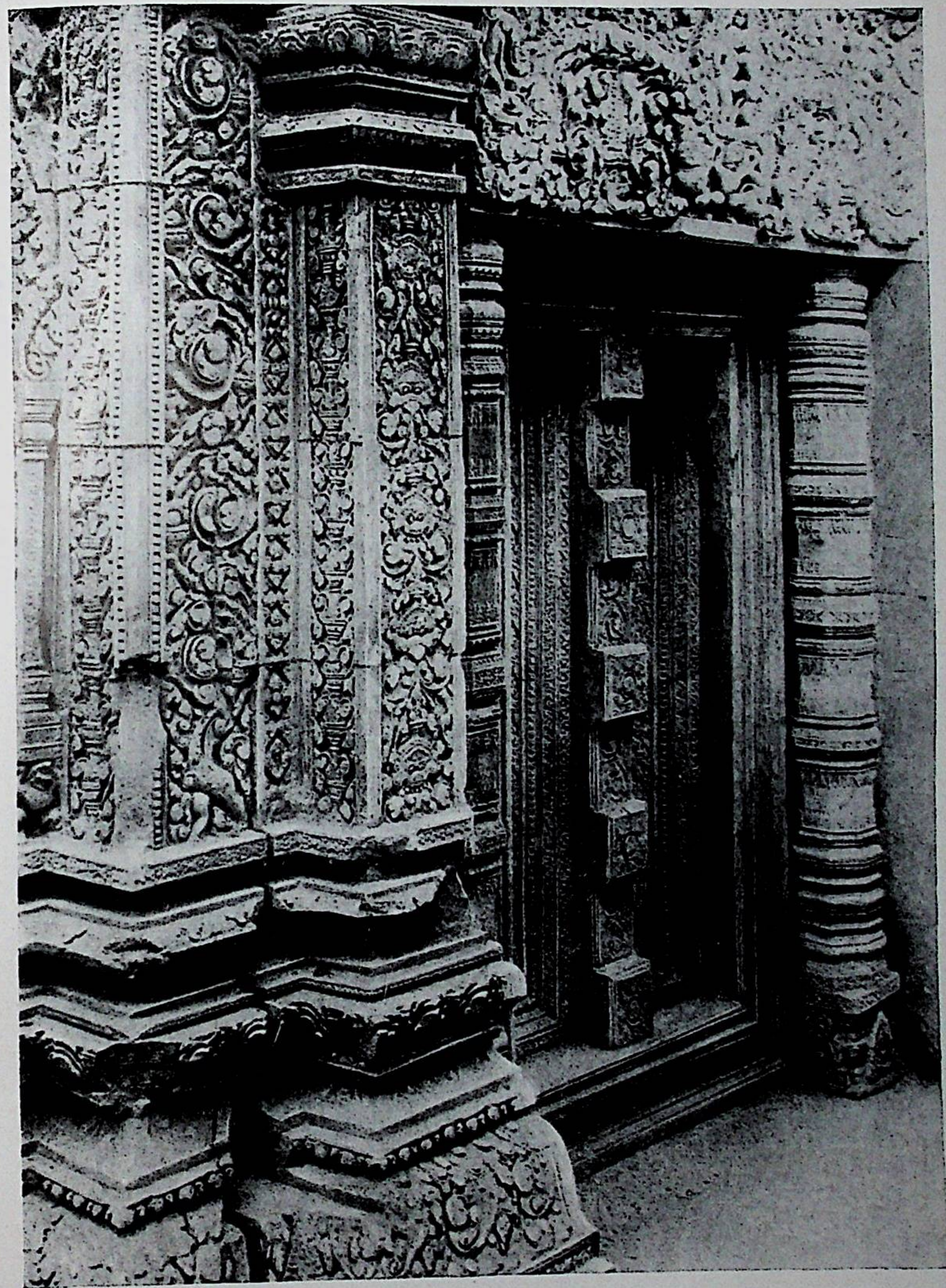

Рис. 6. Бантеай Срей. Один из ложных порталов

формы воздвигнут лингам Раджендравармешвара — «в целях преуспевания царя и как если бы это была собственная царская сущность», то есть Девараджа, который иногда занимал, следовательно, не центральное место. Но это «владыка — царь»; в центре же столицы, несомненно, находился

Рис. 7. Бантеай Срей. Один из фронтонов, окаймленный многоглавыми нагами

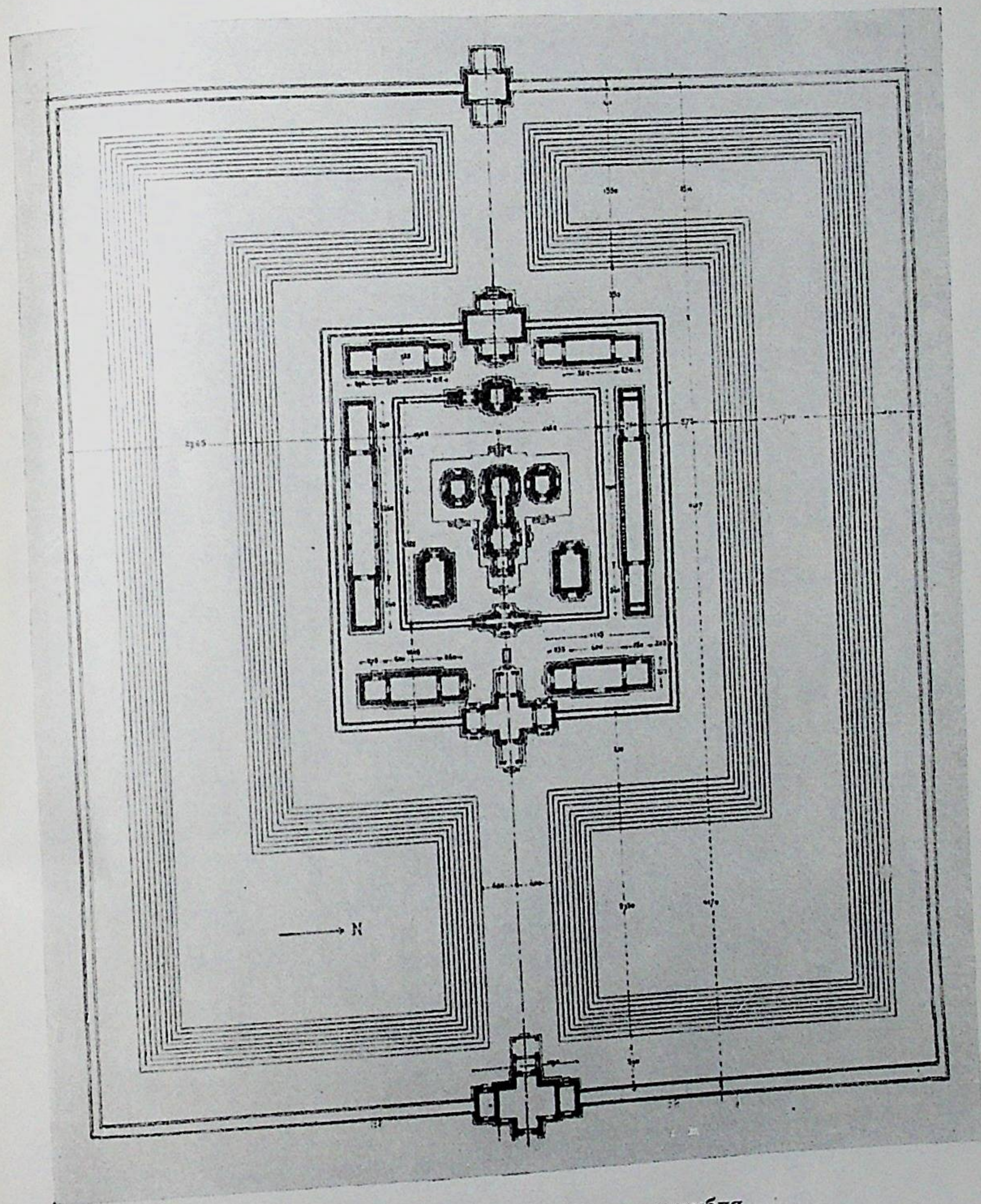

Рис. 4. Бантеай Срей. План ансамбля

«владыка — царственность» (Kamrateng jagat ta raja), в котором воплощена сущность не отдельного царя, а самой царственности.

К тому же времени (967 г.) относится знаменитый небольшой ансамбль Бантеай Срей в заброшенном городе Ишварапуре (рис. 4—7). Три центральные святилища этого ансамбля обнесены концентрическими строениями, тремя оградами и широким рвом. Траптовка фасадов с фигурами в нишах, каноническими ложными порталами, каскадом фронтонов — изыскания даже для Камбоджи, хотя здесь имеется ряд храмов, сходных в

этом отношении с Бантеай Срей. Особенно хороши скульптуры фронтонов.

В конце XI в. началось строительство грандиозного ансамбля Бенг Меалеа (ограда 750 м × 850 м), Бантеай Самре и многих других; лучшим

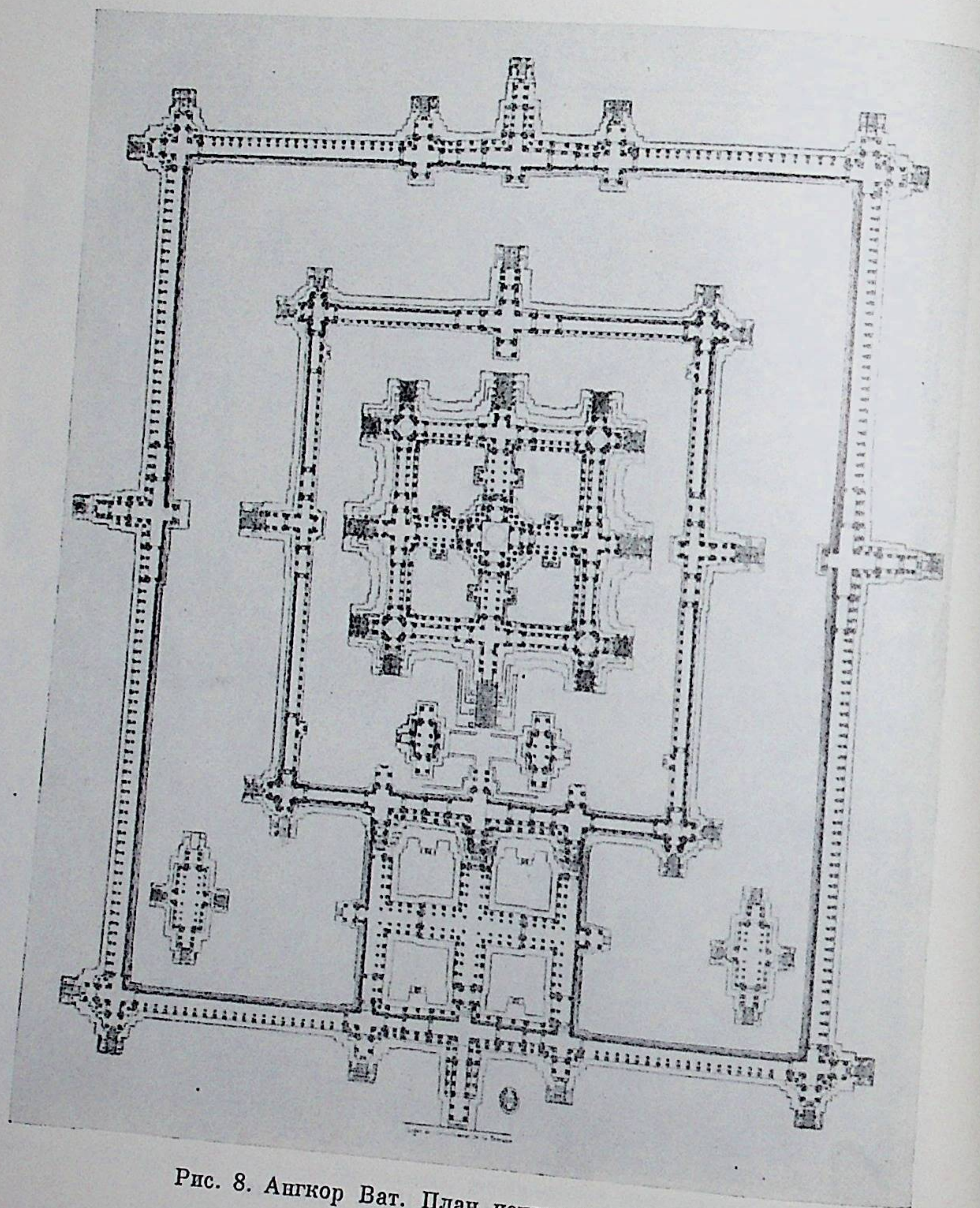

Рис. 8. Ангкор Ват. План центрального массива

выражением этого стиля был Ангкор Ват первой половины XII в., построенный при Сурьявармане II. Сурьяварман II был вишнуистом; не удивительно, что бессмертный памятник его эпохи, великий Ангкор Ват, полон вишнуистских реминисценций. План ансамбля логичен (рис. 8—9). Центральная башня возвышается на четырех уступах, изображающих гору Меру. Нижний уступ — открытая терраса. Вдоль внешнего края трех верхних уступов, имеющих соот-

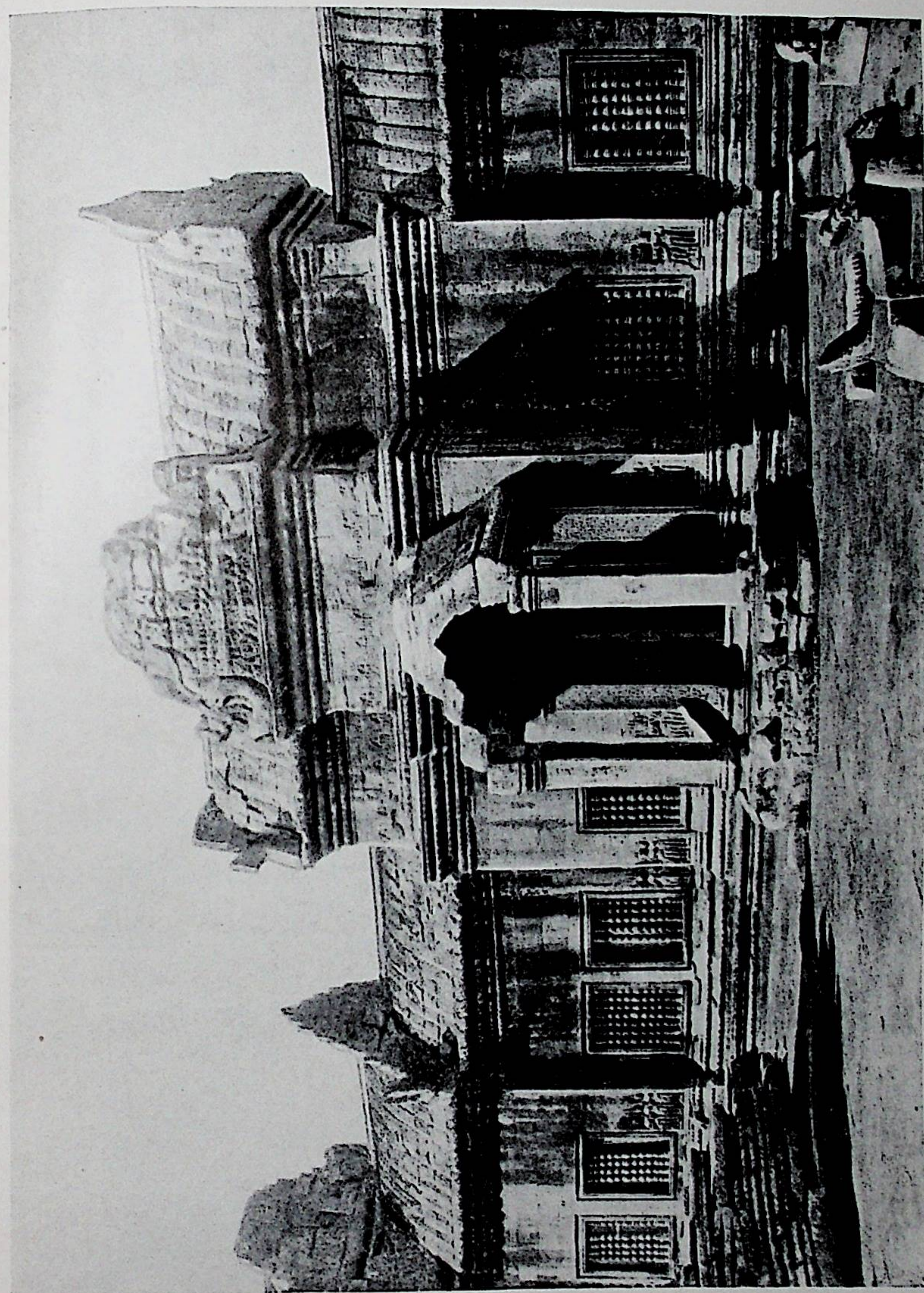

Рис. 9. Ангкор Ват. Деталь галереи

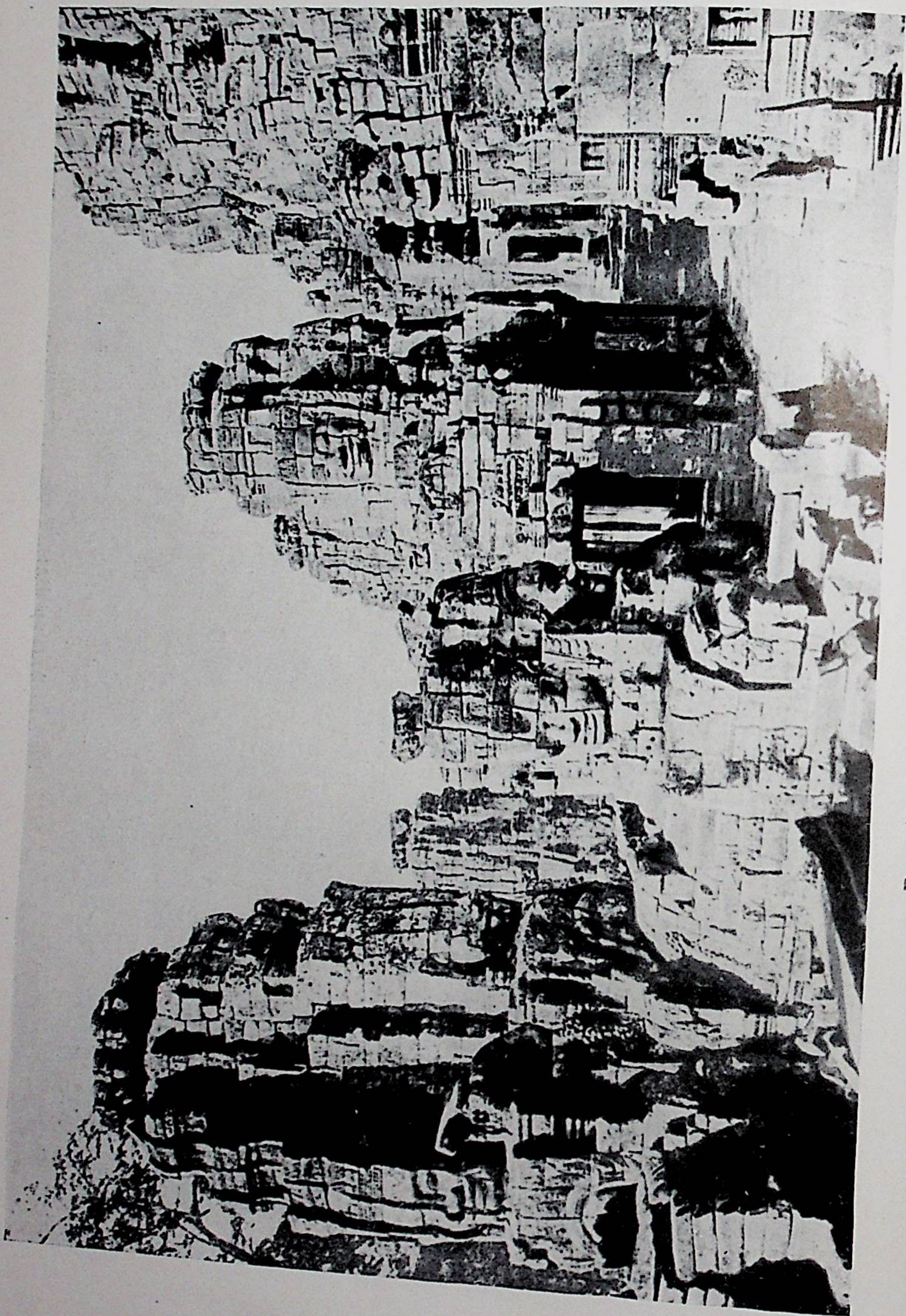

Рис. 10. Байон. Деталь верхней террасы

ветственно 4, 7 и 13 метров высоты, расположены концентрические замкнутые галереи с башнями по углам и павильонами-воротами посредине. Центральная башня соединена с внутренней, третьей, галереей четырьмя крытыми переходами.

Пропорциональность и гармония масс царят в пространственных решениях; нигде нет нагромождения деталей. Разнообразие архитектурных элементов, разворачивающихся по мере приближения к центральному святилищу, обилие эффектов, создаваемых водной гладью (опоясывающий канал имеет около 200 метров в ширину), широкие эспланады, украшенные пагами, портики, уходящие, кажется, в бесконечность, галереи и коллонады, дворы и дворики прекрасных пропорций, скульптуры, каскады изукрашенных фронтонов, тончайшие каменные кружева наддверий, каменные вышивки фризов внутренних стен, живописные рифленые крыши с бегущими по ним ажурными гребнями — все это создает и классический, и вместе с тем сказочный облик храма.

Величина Ангкор Вата грандиозна: километр в ширину, полтора километра в длину; площадь центрального массива равна приблизительно 180×200 м; общая высота около 66 м. Верх пяти центральных башен лишен украшений и покрыт каким-то желтоватым веществом. Эта часть, возможно, была окрашена или позолочена. В других местах сохранились следы как позолоты, так и окраски.

Внутренние стены первой, внешней, галереи на протяжении сотен метров покрыты сплошными барельефами высотой в 2,5 м, показывающими преимущественно божественный путь Сурьявармана-Вишну; часть стен отведена изображению его земной жизни. Эти сцены большей частью отличаются четкостью изображения и убедительностью. Язык этих барельефов, как и язык отчасти соответствующих им скульптур средневековых порталов Западной Европы, прост и доступен: они предназначались для широких масс верующих.

Превосходны пилястры. То они сплошь покрыты растительным орнаментом, в котором гнездятся крошечные, тщательно моделированные фигурки, то внизу, посредине, изваяны одна или две мифологические женские фигуры, которые в Ангкор Вате покинули свои ниши.

Об Ангкор Вате за рубежом писали довольно много, но часто не осознавая его действительной эстетической ценности. Наиболее показательна в этом смысле известная книга Моэма. О великом творении древних неизвестных мастеров автор пишет: «Ангкор Ват скорее волнует, чем поражает своей красотой»... «Архитекторы не проявили особого дара изобретательности... Они не обладали ни щедрой фантазией, ни живым воображением»... Что касается фактической стороны, то здесь многое также вызывает недоумение. Так, в соответствующей главе, написанной под влиянием одной французской книги почти столетней давности, говорится о несуществующей кирпичной кладке и гигантских ликах гопур, к тому же изображающих якобы «лики Брахмы», о разрушенных галереях (они же разрушены), о том, что Ангкор Ват — город с дворцом (хотя в каменных дворцах цари, согласно индийским традициям, не жили), о монотонности плана (который, напротив, дает разнообразие аспектов) и т. п.⁵

В 1177 г. тямь, разграбившие и сжегшие столицу Камбоджи, были побеждены Джаяварманом VII. При нем махаяна достигла в Камбодже наибольшего развития. Даже Деваджа был заменен Буддой-Царем, пребывавшим, впрочем, опять в центре храма-горы, которая отмечала

⁵ *W. S. Maugham*. The travel books. The gentleman in the parlour. Melbourne—London—Toronto, 1955, p. p. 130—142.

центр города, государства и вселенной. Этот период ознаменован новым расцветом самобытной кхмерской архитектуры, отличающейся единственным в мире декором — гигантскими ликами бодисатвы (за которым может быть скрывался царь), помещаемыми на верху всех четырех фасов храмовых башен и гоцур.

Джаяварман VII восстановил столицу, немного сократив ее размер и несколько сдвинув квадрат к северу. Он обнес город новым каналом в 100 м шириной и стеной с пятью увенчанными ликами, гоцурами, имеющими более 20 м в высоту. Ведущая к воротам эспланада окаймлена парапетами, причем с одной стороны нагу поддерживают добрые божества, а с другой — злые асуры. Парапеты эти, возможно, имели двойное значение: во-первых, символизируя радугу, они подготавливали вход в священный город и в сам центральный храм — Байон, который в виде совершенного исключения не имеет ограды, представляемой, вероятно, городскими стенами; с другой стороны, наги могли изображать и космического змея, которым боги крутили священную гору для пахтанья Мирового Океана. Но разве Байон — не Меру? Поэты сравнивали битвы, в которых Джаяварман достиг счастья и победы, с божественным пахтаньем Океана. Парапеты с нагами, богами и гигантами посреди вод опоясывающего город канала могут символизировать священный мир, обеспечивая этим победу Камбоджи над врагами. Не даром в лапидарных надписях указывалось, что ограда — это Джаягири, космическая скалистая ограда, а ров — это космический океан, Джаясиндху.

Внутри ограды Ангкор Тхома — множество храмов, бассейны, террасы. От дворца сохранились только ограды с чудесными гоцурами XI в. и знаменитые «Царские террасы», заменяющие ограду с восточной стороны, покрытые скульптурами, относящимися частично к концу XII в. Рельефы стенок рассказывают о жизни, развлечениях, охоте кхмеров; на них изваяны также многочисленные мифологические и реальные животные.

Центральный храм, Байон, возможно самое фантастическое здание мира, очень сильно пострадал от времени. Окруженный концентрическими галереями, поднимается центральный массив с десятками башен и башенок, которые вверху все имели по четыре лика (рис. 10). Байон — кульминационный пункт кхмерского «романтизма». Он производит впечатление не столько строения, сколько гигантской, сплошь покрытой изваяниями каменной глыбы, откуда сверху со всех сторон смотрят лики с величественной, застывшей улыбкой⁶.

Внутри двух концентрических галерей непрерывные барельефные сцены, главным образом бытовые; качество барельефов очень неравноценное. Почти все другие поверхности также покрыты скульптурой. План композиции очень запутан. Внутренние дворы похожи на колодцы, так что не видна украшающая их скульптура. Это — начало упадка. Но общее впечатление, создаваемое Байоном, таково, что недостатки его как-то незаметны.

Одного Байона, одной ограды Ангкор Тхома было бы достаточно, чтобы увековечить имя любого владыки. Но с именем Джаявармана VII связаны посвященные его близким такие грандиозные и сложнейшие ансамбли, сплосшь «затканые» скульптурой, как Та Прохм, Прах Кхан, Бантеай Кдеи — все три около Ангкор Тхома; площадь каждого из них — более половины квадратного километра. При Джаявармане воздвигнуты также колоссальные Бантеай Чмар на северо-западе страны, Ват Нокор и Та Прохм в провинции Бати.

⁶ Высота ликов с тиарами — от 170 до 240 см.

В каналах, в многочисленных бассейнах Ангкора, во всей этой массе воды отражались высокие башни храмов и дворцов, покрытые, как неснимаемым праздничным ковром, скульптурами. В небо возносились бронзовые, золотые, медные башни, сверкавшие на солнце и сиявшие в лунные ночи. Золотом и красками светились фасады. Эспланады, которые вели к крупным сооружениям, были широки и величественны, с блестяще задуманными парапетами. Десятки квадратных километров «Большого Ангкора» были обдуманно распланированы и усеяны монументальными террасами, лестницами, фигурами животных. Разнообразные архитектурные формы, лес башен с ликами, вырезные гребни, бегущие по кровлям, возвышающиеся друг над другом фронтоны, грандиозные размеры гармонических сооружений — все это создавало неповторимое впечатление.

Одно из чудес света, район Ангкора, до сих пор по-настоящему не оценен. Достаточно вспомнить полную иронической снисходительности оценку, данную ему Ж. Бабелом⁷.

Писатели, специально осматривавшие район Ангкора, иногда путали в своих работах Ангкор Тхом с Ангкор Ватом. В частности, о «пяти знаменитых воротах» этого последнего пишет А. Бродик⁸; тот же автор в указанной статье считает культ Девараджи новой разновидностью культа Нагараджи. Х. Роулинсон утверждает, что Байон построен на рубеже IX и X вв.⁹ Некоторые недоразумения встречаются и в главе, посвященной Камбодже, в интересной и содержательной в целом книге Германа и Георга Шрайбер¹⁰.

Последние каменные памятники древнего кхмерского зодчества были сооружены Джаяварманом VII и, возможно, его непосредственным наследником. Затем начались набеги таев. В результате в XV в. кхмеры оставили старую столицу, и главным городом Камбоджи сделался Пхном Пен. Воцарившаяся хинаяна не требовала пышного каменного зодчества. Оставленные без присмотра, памятники древнего кхмерского искусства сильно обветшали. Буйная растительность, запусив корни в щели и разрастаясь, постепенно разрушала кладку. Тропические ливни проникали сквозь разваливающиеся крыши. Если прибавить сюда недостатки конструкции, хрупкость песчаника, акты религиозного вандализма (правда, редкие), грабежи и пожары, то приходится лишь удивляться, что кхмерская архитектура и скульптура дошли до нас в их нынешнем виде.

S U M M A R Y

The monumental art of medieval Cambodia belongs to the great masterpieces which bear the hall-mark of genius.

Being in common with Indian ideology the cosmological, philosophic and religious ideas of this art brilliantly expressed themselves in architecture which developed alongside with sculpture an original style of its own. The grandeur and form of the celebrated mountain temples where the Dewaraja cult was being performed was due, firstly, to the conviction that they represented the universe as a whole, or, at least the mythical mountain Meru, and, secondly, to the belief that life on earth could be prolonged in sanctified idol portraits. The splendour of the sculptures which cover the temples is associated with the idea of the «revival» of the temple.

The article contains an analysis of the forms of Cambodian art, a brief description of some of the temples and of «Great Angkor».

⁷ J. Babelon. Vie des Mayas. Paris, 1933.

⁸ A. H. Brodrik. Cambodia and its monuments. «Indian art and letters», new series. 1944, vol. XVIII, 1, p. 9—12.

⁹ H. G. Rawlinson. India. A short history. London, 1954.

¹⁰ Hermann und Georg Schreiber. Versunkene Städte. Wien—Berlin—Stuttgart, 1955.

О ГЕНЕЗИСЕ КАПИТАЛИЗМА В ИНДИИ*

К. А. АНТОНОВА

Вопрос о генезисе капитализма в Индии является одной из важных, но, к сожалению, еще недостаточно изученных проблем индийской истории. Некоторые советские индологи считают, что в XVII—XVIII вв. появляются «ростки» капитализма. При этом они ссылаются на развитие торговли и денежного обращения, на детальное разделение труда в отдельных мастерских, на усиление роли скупщика, в чем видят появление рассеянной мануфактуры. В настоящей статье сделана попытка рассмотреть отдельные стороны указанной проблемы.

Товарно-денежное обращение в Индии. Товарно-денежное обращение в Индии было сильно развито еще в древности. В средние века во многих крупных деревнях существовали мелкие базары, на которые крестьяне привозили свои продукты для обмена. Следует видеть в этом развитии торговли и денежного обращения зачатки капиталистических отношений в средневековой Индии?

Развитие товарно-денежных отношений в Индии имело некоторые особенности. В средние века торговля здесь была более развита, чем в средневековой Европе. В Индии не было такого упадка городов и разрыва торговых связей, какие имели место в Европе при переходе от рабовладельческой формации к феодализму. Обилие находимых нумизматами в Индии средневековых индийских монет, поселения индийцев в странах Южных морей и распространение индийской культуры в Бирме, Малайе, Индонезии и Индокитае — все это свидетельствует о непрекращавшихся торговых отношениях Индии с другими странами. Позднее, в XVII в. индийские купцы проникли на запад, через Персию и Астрахань в далекую Москву.

Внутренняя торговля была развита настолько, что в XVI в. правитель Могольской империи Акбар смог ввести денежную ренту-налог во всех основных областях своего государства¹. С этого времени крестьянство стало связано с рынком в качестве продавца своих продуктов для уплаты земельного налога, но оно не выступает на рынке в роли покупателя².

* Печатается в порядке продолжения обсуждения вопроса о генезисе капитализма в странах Востока.

¹ Например, в «Аин-и Акбари» (написанной во времена Акбара) говорится о Бенгалии: «Крестьяне послушны приказам и покорно платят налоги. Каждый год в течение 8 месяцев они постепенно отдают налог. Рупии и мохуры они сами приносят в назначенное место, поскольку обычая раздела урожая там нет». Речь здесь явно идет о старостах, которые вносят налог за всю деревню (об этом говорится в другом месте «Аин-и Акбари»), поскольку налог на одного крестьянина немог, конечно, доходить до золотого (мохура). «Ain-i-Akbari». Calcutta, 1877, p. 389.

² Таким образом, товарного обращения по формуле Маркса $T - D - T$ в это время в Индии не было. Для крестьян существовало только $T - D$, а деньги крестьянин отдавал безвозмездно феодалам. Феодалы же знали только сторону $D - T$, товары же

В Европе рост товарно-денежных отношений был тесно связан с развитием городов. В Индии городская жизнь не достигла в средние века такого расцвета, как в Европе. Средневековой Индии были неведомы борьба городов за свои вольности, выступления городов на политической арене как самостоятельной силы, ожесточенная политическая борьба между городским патрициатом и плебсом. Воздух индийского города никого не делал свободным, и в городе господствовали те же феодалы, что и в деревне.

Рента в Индии со времен раннего средневековья приняла характер продуктовой ренты, что, при искусственном орошении, давало значительное количество продукта, а благоприятные природные условия позволяли феодалам оставлять крестьянам настолько малую долю, что на нее европейская крестьянская семья не могла бы существовать; все же остальное феодалы забирали себе. Поскольку забота о воспроизводстве при феодализме целиком лежит на крестьянстве, феодалы обычно тратят свои средства на непроизводительные цели. В Индии феодалы содержали вооруженные отряды и армии, насчитывавшие у крупных правителей несколько десятков, а иногда и сотен тысяч человек. В Могольской империи эти войска были наемными, и при армиях, состоявших из воинов и их семей, всегда находился обширный базар, на котором можно было приобрести все необходимое и где можно было продавать военную добычу. Вокруг ставки крупного феодала концентрировался также обслуживавший двор и армию ремесленный люд; туда торговцы привозили свои товары, военачальники строили здесь прочные жилища, и так возникал город. Описание подобных городов-лагерей у путешественника XVII в. Бернье отметил К. Маркс. С переменой местопребывания правителя такой город в течение нескольких лет обезлюдевал и превращался в развалины (например, выстроенный Акбаром Фатхпур-Сикри).

Кроме городов-лагерей, многолюдными были также города, возникавшие вокруг индуистских или мусульманских «священных» мест. Ежегодно туда прибывали десятки и сотни тысяч паломников. Для обслуживания всех этих масс людей в таких «священных» местах раскидывался базар, сюда стекались ремесленники, и возникал город. Так вырос Бенарес. Самыми крупными городами средневековой Индии были именно города-лагери или города-центры паломничества. В такого рода городах была очень сильная власть феодала, светского или духовного. От него зависела жизнь всего города, поскольку город был прежде всего местом, где феодалы — светские и духовные — потребляли полученный ими прибавочный продукт. Жизнь и имущество купцов и ремесленников никак не были защищены от произвола феодалов. Купцы скрывали свои богатства, превращали свои деньги в сокровища и зарывали их в землю, чтобы охранить от алчности правителей. Купеческие гильдии (шрени) иногда пытались защищать своих членов, но такие действия предпринимались крайне редко, лишь в исключительных случаях.

В период распада Могольской империи получил большое распространение откуп земельного налога. Как при торговле предметами потребления феодалов, их двора и армии, так и при ссужении денег из ростовщических процентов самим феодалам или крестьянам для уплаты феодальной ренты-налога, так, наконец, и при откупе налогов, прибыль купца и ростовщика составляла фактически часть феодальной ренты. Поэтому купец-ростовщик был теснейшим образом связан с феодальной системой эксплуатации, его деньги не вкладывались в производство, а оставались в сфере обращения или изымались в виде сокровищ.

Если богатый купец в средневековой Индии не был редкостью, то богатый ремесленник был исключением. Индийские ремесленники в средние века не имели никаких прав. В Индии не было цехов, их лишь в какой-то мере заменяли ремесленные касты. Если кастовый строй Индии еще лучше европейских цехов сохранял профессиональную монополию, то защитить ремесленника от произвола феодала каста не могла. Согласно кастовым правилам, ремесленником той или иной профессии нельзя было стать, им

ими потреблялись непроизводительно. Так, несмотря на существование базаров, не было подлинного, капиталистического товарного обращения.

можно было только родиться³. Положение ремесленника почетной профессии, например кузнеца, не отличалось от положения полноправного общинника-крестьянина, однако ремесленники многих других профессий, например, кожевники, считались самыми презренными из людей, и крестьянин смотрел на них так же свысока, как феодал смотрел на крестьянина. В Индии, где не было юридического прикрепления крестьян к земле, жизнь в городе сама по себе не давала никаких привилегий.

Ремесленники, однако, жили не только в городах. Деревенское ремесло было неотъемлемой частью организма сельской общины, что придавало ей самодовлеющий характер. Именно поэтому при сравнительно значительном развитии товарно-денежного обращения в Индии оно на протяжении всех средних веков почти не затрагивало основ деревенской жизни. Крестьянин выступал в роли продавца лишь для получения денег на уплату ренты-налога. Все свои несложные потребности он удовлетворял в пределах общины, не прибегая к помощи рынка.

Таким образом, особенностью развития товарно-денежных отношений в Индии было то, что при наличии самодовлеющих сельских общин торговля оказала мало влияния на общественную жизнь населения. Как известно, товарно-денежные отношения сами по себе не приводят к развитию капиталистических отношений, но могут облегчить переход от феодального строя к капиталистическому только там, где налицо все необходимые условия для развития капитализма. В Индии до английского завоевания товарно-денежные отношения не привели к возникновению капитализма. При сохранении феодального способа производства они лишь способствовали разорению «владельцев старых условий труда». К. Маркс писал о разорении владельцев старых условий труда «ростовщичеством»⁴. Несмотря на довольно высокую степень развития товарно-денежного обращения в Индии, оно не было достаточно сильно, чтобы довести до явного разложения сельскую общину, которая в Индии сохранилась до середины XIX в., оно не изменило существовавших форм производства, не привело даже к унификации мер и весов в масштабе всей страны. Товарно-денежные отношения в Индии целиком покоились на системе феодальной эксплуатации. Купец и ростовщик срослись с феодальным строем и существовали очень долго. «При азиатских формах, — писал К. Маркс, — ростовщичество может существовать очень долго, не вызывая ничего иного, кроме экономического упадка и политической коррупции»⁵. О купеческом капитале Маркс писал что «его развитие, взятое само по себе, недостаточно для того чтобы вызвать и объяснить переход одного способа производства в другой»⁶. Поэтому в самом наличии товарно-денежного обращения в Индии XVI—XVIII вв. нельзя видеть тех «ростков нового», которые свойственны генезису капиталистического строя.

Разделение труда в мастерской. Средневековые индийские хроники и грамоты ничего не сообщают нам об организации труда в индийской мастерской. Первым источником, приводящим подробные данные по этому вопросу, является отчет Бьюкенена об обследовании территории Майсурского государства в 1800—1801 гг., т. е. через год после завоевания англичанами Майсура⁷. Согласно сведениям, приведенным Бьюкененом, в железоделательных заведениях Майсура работало от 10 до 22 человек в каждом, и существовало некоторое слабое разделение труда. В заведении были печь и кузница. Рабочие добывали с поверхности железную руду, иногда они же и привозили ее, в некоторых случаях для этого выделялся специальный возчик. Одни закладывали печь

³ Дети с малолетства обучались ремеслу в своей семье, но не было приема учеников со стороны, не было правил перехода ремесленника от ученика к подмастерью и мастеру; самостоятельное занятие ремеслом зависело не от степени достигнутого искусства, а передавалось по наследству после смерти отца.

⁴ См. К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 624.

⁵ Там же, стр. 611.

⁶ Там же, стр. 339.

⁷ F. Buchanan. A journey from Madras through the countries of Mysore and Canara under the orders of the Governor-General the noble Marquis of Wellesley..., vol. 1 — 3. London, 1807.

и очищали ее после плавки, другие раздували меха, третьи готовили уголь. В кузнице также одни рабочие ковали, другие раздували меха, третьи поддерживали огонь в горне и, наконец, один человек держал заготовку на наковальне. Известно, что еще в XVI в. рукописи для библиотеки Акбара подготавливала группа в несколько человек, из которых одни были переписчиками, другие занимались тиснением кожи для переплета, и несколько человек рисовали миниатюры, причем один рисовал контуры, другой — только фон, третий — мельчайшие детали, четвертый — лица. Можно ли считать такое разделение труда признаком появления мануфактуры?

Рукописи для библиотеки Акбара создавались вообще не для рынка, а по заказу двора. После окончания одной рукописи, переписчики и художники не принимались за изготовление другого такого же экземпляра, а начинали готовить новую рукопись, иного содержания, с иными миниатюрами, так что каждая рукопись становилась уникальным произведением искусства. Понятно, что в обоих указанных случаях нет оснований расценивать это как рождение капиталистической мануфактуры в феодальной Индии. Фактов появления капиталистической мануфактуры в независимых государствах Индии в индологической литературе не приведено. Даже если будут обнаружены впоследствии единичные факты, это едва ли изменит суть дела.

Мануфактура характеризуется разделением труда, но не всякое разделение труда в производстве свойственно только мануфактуре. Некоторые виды производства по своему характеру требуют одновременного выполнения разнородных операций, что не под силу одному человеку, или же такой массы труда, на которую одному работнику потребовалась бы целая жизнь. Так, еще в древней Греции кузнец работал с подручными, из которых одни поддерживали огонь в горне, другие раздували меха, третьи держали заготовку на наковальне, в то время как сам кузнец со своим помощником били попеременно молотом. Другими словами, такое разделение труда является естественным, требуемым самим производством, раз не существует машин, могущих заменить рабочие руки. Точно так же еще древние финикийцы и египтяне строили суда сообща, причем одни рубили деревья, другие доставляли их к побережью, третьи сбивали остои судна, четвертые сучили канаты, пятые шили паруса и т. д.

К. Маркс специально подчеркивал, что капиталистическая мануфактура возникает только тогда, когда организатором производства выступает капиталист. Мануфактурное разделение труда как «специфически капиталистическая форма общественного процесса производства, — а на той исторической основе, на которой оно возникает, оно может развиваться только в капиталистической форме, — оно есть лишь особый метод производить относительную прибавочную стоимость или усиливать за счет рабочего самовозрастание капитала...»⁸. В железоделательных заведениях Майсура в XVIII в. из всех средств производства «организатору производства» в заведении принадлежали только кузнечные меха. Наковальню, молот и щипцы должен был доставлять главный кузнец, повозку и волов — возчик руды, а навес и плавильные печи складывали сами рабочие заново в начале каждого сезона, они же добывали сырье — руду или песок с примесью железа. По окончании производственного цикла выработанные изделия делились по долям между принимавшими участие в производстве, причем организатор производства фактически получал (после вычета его расходов) меньше главного плавильщика, а иногда и меньше всех остальных основных рабочих⁹.

Роль скупщиков в Индии. В XVIII в. в Индии была широко развита система предоставления скупщиком аванса ремесленникам и крестьянам под залог будущей продукции. Производитель, получавший такой аванс, обычно попадал в долговую кабалу к скупщику и редко мог от нее освободиться. Такая долговая зависимость часто по смерти отца переходила на его детей, и так целые поколения ремесленников и крестьян работали на скупщика как его долговые рабы. Когда в Индии появились европейские купцы, они

⁸ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 372.

⁹ См. мою статью «Отчет Бьюкенена о Майсоре 1800—1801 гг. как исторический источник». «Ученые записки Института востоковедения», 1957, т. XVIII.

переняли индийскую систему раздачи авансов и прибавили к этому требование поставлять ткани определенной ширины, подходящие для европейского рынка. В Дакке выросло крупное поселение ткачей, целиком зависящих от английской Ост-Индской компании. Индийские агенты компании, пользуясь своим положением, сами от себя также раздавали заказы и выдавали авансы, поставляя компании для экспорта готовые ткани. Поскольку вся эта система выросла из индийской практики предоставления авансов, следует ли это считать «зародышем» рассеянной мануфактуры, самостоятельно появившимся в Индии?

Купец-скупщик является характерной фигурой индийского средневековья. Именно там, где общественное производство велось самостоятельными мелкими производителями, скупщик выполнял известные общественно-полезные функции. Только с помощью скупщика продукты труда множества мелких производителей могли попасть на более отдаленные рынки. Нищета ремесленных и крестьянских масс в Индии затрудняла приобретение ими сырья и орудий труда, необходимых для воспроизводства. Поэтому так часто ремесленнику в Индии приходилось прибегать к получению кабальных авансов от скупщика, а крестьянину к денежной помощи государства (так называемому «такавви»), ростовщика или купца, дававшего аванс под будущий урожай. При окончательном расчете скупщик вычитал из уплачиваемой цены не только деньги, данные в аванс, но и ростовщические проценты на них, соединяя, таким образом, в своем лице и купца и ростовщика. Свою прибыль такой купец-скупщик получал, независимо от того, авансировал ли он ремесленника или крестьянина, от разницы между фактически уплаченной им ценой за продукт и ценой, вырученной им при его продаже, обычно на более отдаленном рынке. Эта разница была обычно весьма велика, поскольку раздачей аванса купец обеспечивал себе, в известной мере, монополию торговли тем товаром, который он скупал. Таким путем купец, закабалия производителя, ухудшал условия его жизни и труда, но обычно не вмешивался в процесс производства. Если качество товара ухудшалось в связи с обеднением непосредственного производителя, купец уплачивал за такой продукт меньшую цену и по-прежнему паживался на разнице цен. Конечно, при докапиталистических формациях торговля сама создает спрос, и деятельность купца-скупщика сказывалась на объеме производства, но только косвенным образом. В активного организатора производства такой скупщик не превращался. При системе авансов крестьянин и ремесленник продолжали работать самостоятельно и производили законченный продукт, имеющий определенную рыночную ценность.

Совсем другая картина получается, когда скупщиком становится мануфактурист. Он в первую очередь выступает в качестве организатора производства, свою прибыль получает в процессе производства и только реализует ее в торговле. Поэтому такой скупщик вмешивается в производство и регулирует его в соответствии со своими интересами. Самостоятельных ремесленников он превращает в детальных рабочих, о которых В. И. Ленин писал: «Их работа не могла бы производиться, их продукт не имел бы даже иногда никакой потребительной стоимости *вне связи* с другими детальными работами, с другими частичками продукта. А эту связь мог создать и создать только *крупный капитал*, господствующий (в той или иной форме) над массой детальных рабочих»¹⁰. В Индии XVII и XVIII вв. не существовало централизованной мануфактуры, где могла быть доработана сделанная ремесленником деталь¹¹. Поэтому ремесленники не превращались в детальных рабочих, целиком зависящих от капиталиста, лишь в руках которого их изделия приобретали потребительную, а тем самым и самостоятельную рыночную ценность. Другими словами, индийское ремесло не превращалось в XVII—XVIII вв. в рассеянную мануфактуру, которая является, по выражению Ленина, только

¹⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 375—376.

¹¹ Конечно, нельзя считать капиталистической мануфактурой казенные мастерские средневековой Индии, даже когда там при изготовлении некоторых предметов применялось разделение труда: работник казенной мастерской не был свободным наемным рабочим, продававшим свою рабочую силу, изделия же этой мастерской не поступали на рынок, а шли в царскую казну.

«внешними отделениями» мануфактуры централизованной. Скупщик в Индии XVII—XVIII вв. был обычной фигурой феодального общества, а не представителем новых, капиталистических отношений. Лишь когда место индийского скупщика занял английский мануфактурист, можно проследить зарождение рассеянной мануфактуры в Индии.

Мануфактура как начальная стадия капитализма. В Европе передовые страны переживали до возникновения крупной капиталистической промышленности длительный мануфактурный период. В Индии до английского завоевания не только не было мануфактурного периода, но в литературе не отмечено даже самостоятельно возникших отдельных спорадических мануфактур. Можно ли все-таки говорить о генезисе капиталистических отношений до мануфактуры и помимо мануфактуры? Какую роль в возникновении капиталистического строя играет мануфактура?

К. Маркс считал капиталистическую кооперацию «исходным пунктом» капиталистического производства. Он указывал на «спорадическое применение кооперации в крупном масштабе» в древности и в средние века, но подчеркивал, что «...капиталистическая форма кооперации уже с самого начала предполагает свободного наемного рабочего, продающего свою рабочую силу капиталу»¹².

Итак, для самостоятельного возникновения капиталистического строя в стране требовалось три непеременимых предварительных условия: наличие свободных от средств производства и от личной зависимости рабочих, сосредоточение капитала в немногих руках на другом полюсе и, наконец, определенный уровень развития производительных сил. Отсутствие хотя бы одного из этих трех условий уже препятствовало установлению производственных отношений капитализма. В Индии во всяком случае не было класса свободных наемных рабочих, поскольку господствующей формой труда как крестьян, так и ремесленников был труд в сельской общине. Производительные силы Индии, видимо, не достигли достаточного уровня развития.

Мануфактура была переходным этапом от феодального способа производства к развиту капитализму, т. е. к крупной, машинной промышленности. Переходный характер мануфактуры сказался в характере самого производства и производственных отношений. Хотя в централизованной мануфактуре применялось новое, мануфактурное разделение труда, дававшее возможность увеличить количество выпускаемых товаров, однако основой мануфактурного производства оставался ручной труд, и потому само производство менялось очень медленно и незначительно. Отношения в мануфактуре были чисто капиталистическими: с одной стороны капиталист — владелец средств производства, с другой — наемный рабочий. Однако мануфактура пуждалась в мелких побочных промыслах, в зависимых ремесленниках, работающих на дому своими собственными орудиями производства. «Уничтожая эти побочные промыслы и городское ремесло в одной их форме, в известных отраслях промышленности, на известных пунктах, она вызывает их снова к жизни на других, потому что она до известной степени нуждается в них для обработки своего сырого материала»¹³. В этих побочных промыслах еще сохранялась форма взаимоотношений простых товаропроизводителей, следовательно, не было чисто капиталистических отношений, капиталиста и наемного рабочего. Именно поэтому «период мануфактур в собственном смысле этого слова еще нечего. Именно поэтому «период мануфактур в собственном смысле этого слова еще не приводит к радикальному преобразованию»¹⁴. В мануфактурный период капиталистическое производство было лишь укладом при господствовавшем феодальном строе. «Мануфактура не была в состоянии ни охватить общественное производство во всем его объеме, ни преобразовать его до самого корня. Она выделялась как архитектурное украшение на экономическом здании, широким основанием которого было городское ремесло и сельские побочные промыслы»¹⁵.

Господство капитализма, победа капиталистического строя, самая крутая ломка общественных отношений производства и быстрое распространение капита-

¹² К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 341.

¹³ Там же стр. 751.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, стр. 376.

листической системы на всем земном шаре — все это смогло наступить только при победе крупной машинной промышленности. В. И. Ленин писал, что «именно переход от мануфактуры к фабрике имеет особенно важное значение в вопросе о развитии капитализма»¹⁶. С внедрением машинного производства заканчивается переходный период от феодального строя к капиталистическому, и побеждает капиталистическая система производства.

Итак, исходным пунктом капиталистического производства была зачаточная форма мануфактуры — капиталистическая кооперация, а господство капитализма — капиталистический строй — наступило с победой крупной машинной промышленности. Таким образом, мануфактурный период и был временем развития ростков капиталистического способа производства вплоть до расцвета капиталистической промышленности и победы капиталистической системы, наступившей с переходом от мануфактуры к фабрике.

Конечно, исходный пункт капитализма — мануфактура была подготовлена всей предыдущей историей человеческого общества. Однако лишь апологеты капитализма, считающие капиталистическую систему вершиной человеческого развития, рассматривают всю докапиталистическую историю общества только как историю появления и роста тех элементов, из которых потом могли развиваться капиталистические отношения. Такие историки по существу отрицают самостоятельное развитие докапиталистических формаций и фактически сводят всю историю к возникновению и развитию капитализма. В действительности же все отмеченные историками Индии явления развития в период средневековья (рост товарно-денежных отношений, ремесла, усиление роли скупщика и т. п.) были показателями дальнейшего развития феодальной формации. Считая все эти признаки развития феодализма только свидетельством появления элементов капитализма, буржуазные историки отрицают процесс развития в условиях феодального общества на Востоке, пишут о полной стагнации Востока. На самом деле Восток развивался по тем же основным законам, что и Запад, но вследствие особенностей феодализма в главных восточных странах, это развитие на конечных этапах происходило медленнее, чем в передовых странах Европы. Вступив в мануфактурный период, передовые европейские страны обогнали Восток, который до того был более развитым.

Нет никакой необходимости искать «ростки», «зародыши» и «зачатки» капитализма до появления «исходного пункта» капиталистического производства, т. е. до возникновения мануфактуры. Поэтому нельзя видеть в Индии XVII и XVIII вв. эти ростки капиталистического производства в таких явлениях, которые свидетельствуют лишь о дальнейшем развитии феодализма. Так, нельзя усматривать зачатки капиталистических отношений в изменении формы феодальной собственности на землю (переход от государственной к частной феодальной собственности), в изменении формы сельской общины (от общины, охватывающей несколько деревень, до общины, включавшей только одну деревню), в усилении влияния скупщика на непосредственных производителей — крестьян и ремесленников, в росте торговли. Все это доказывало лишь, что феодальный строй в Индии продолжал развиваться, что он не исчерпал возможностей своего развития.

Доказательства способности индийского феодализма к развитию в XVIII в. имеются не только в области экономики, но и в области политической жизни. Так, еще в XVIII в. и в первой половине XIX в. в Индии возникали сильные феодальные государства, которые долгое время могли противостоять англичанам и одерживать над ними отдельные победы: Майсур, сикхское государство Ранджит Сингха, маратхские княжества Гвалиур и Индур.

Таким образом, отсутствие мануфактурного периода в истории Индии свидетельствует о том, что Индия XVIII и начала XIX в. еще не достигла, хотя бы в зачаточной стадии, того этапа, когда происходит самостоятельное развитие капитализма. Капитализм развивался в Индии позднее. Индия миновала переходный мануфактурный период. Капиталистические предприятия насаждались англичанами, и развитие капитализма совершалось не в интересах Индии, а в интересах ее иностранных поработителей. Однако, укрепившись на почве Индии, капитализм стал развиваться в стране

уже по своим собственным законам. Вслед за английским, появился и стал развиваться индийский предпринимательский капитал, в ряде отраслей — сразу с фабрики, минуя стадии централизованной или рассеянной мануфактуры. История тщетных попыток английских империалистов помешать этому развитию индийского капитала, предпринимательству индийской национальной буржуазии в конце XIX в. и в нашем столетии, причины численного преобладания мелких предприятий в Индии с низким органическим составом капитала — все это выходит за пределы темы данной статьи.

Роль английских земельно-налоговых систем в Индии. Маркс отметил, что своими первыми земельно-налоговыми системами в Индии англичане ввели и утвердили частную собственность на землю. Однако ныне ведутся споры, была ли при этом введена феодальная или буржуазная земельная собственность. Для решения этого вопроса необходимо предварительно четко установить, в чем разница между феодальной и буржуазной собственностью на землю.

Право собственности отражает производственные отношения людей. При рабовладельческом строе собственник полностью владел всем необходимым для производства: не только орудиями труда, но и рабочей силой — рабом. Поэтому собственность понимается в римском праве более полно, чем даже в буржуазном, так как, по римскому праву, собственник мог не только свободно распоряжаться своей собственностью, но и злоупотреблять ею. При феодализме, с одной стороны, производитель уже не раб, с другой — он не свободен, а зависим. С одной стороны, большую роль еще играет внеэкономическая зависимость, с другой — появляются и экономические причины, заставляющие крестьянина работать на феодала. Вот эта двойственность в производственных отношениях феодализма и отразилась на двойственности феодального права собственности, в первую очередь на землю.

На одну и ту же землю имели владельческие права крестьяне и феодалы, причем их права были строго разграничены. Права эти были различны в зависимости от страны и периода: у феодала — от полной собственности на землю до права лишь взимать небольшую, иногда даже символическую ренту, у крестьянина — от почти полного владения своим участком до состояния почти совсем бесправного арендатора. Везде, где существовал господский манор, «барская» земля была отделена от «крестьянской»¹⁷. Полностью распоряжаясь барской землей, феодал должен был считаться с крестьянскими правами и обычаями, когда дело касалось крестьянской земли. При вступлении нового владельца в распоряжение своим поместьем, он перенимал с землей и право взимания с нее ренты, так же как и крестьянин, в свою очередь, мог передавать свою землю только со всеми наложенными на нее повинностями. К. Маркс говорит, что крестьяне имели на свои участки «...такое же феодальное право собственности, как и сами феодалы»¹⁸.

Говорить только о собственности феодала на землю, тем более о его «монопольной собственности» на землю, значит по существу отрицать владельческие права крестьян. Тогда непонятным становится ряд исторических фактов: например, независимый характер английских йоменов, объяснявшийся именно их прочными владельческими правами на землю, борьба феодалов и крестьян за землю в районах расширения барской запашки, права индийских общинников на свою землю, с которой государство лишь взимало земельный налог, и т. п. Английские лендлорды в период огораживаний насильственно ликвидировали права крестьян на их землю, и, согнав их с этой земли, действительно сделали ее своей монопольной собственностью. К. Маркс считал, что этим лендлорды «...присвоили себе современное право частной собственности на поместья, на которые они имели лишь феодальное право...»¹⁹.

¹⁷ Отсутствие юридического прикрепления крестьян к земле в Индии объяснялось именно тем, что в подавляющей части Индии не было барской запашки и вся земля, как правило, находилась в распоряжении сельских общин.

¹⁸ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 723.

¹⁹ Там же, стр. 727.

¹⁶ См. В. И. Ленин Соч., т. 3, стр. 397.

Возвращаясь к аграрной политике англичан в Индии, необходимо отметить, что их субъективное стремление создать буржуазную собственность на землю в Индии не подлежит сомнению. В районах заминдари земля должна была, по их замыслу, стать собственностью индийских лендлордов, в районах райатвари — собственностью крестьян-фермеров. По словам Корпуоллиса, его закон о Постоянном землеустройстве должен был утвердить «признание индийских заминдаров наследственными владельцами на вечные времена». В одном официальном обзоре так характеризуется политика колониальных властей в Индии в период введения закона о постоянном землеустройстве: «Считалось необходимым признать его (заминдара. — К. А.) владельцем не только его собственных полей, но и каждого поля, даже принадлежащего другому земледельцу, находящемуся в пределах всего заминдарства [т. е. владения, подлежащего его юрисдикции как наследственного сборщика налогов]..., путая земельный налог с самой землей, этот закон теперь дает наследственному праву на сбор земельного налога название „имения“. И этим странным словоупотреблением превращает наследственного держателя права на сбор земельного налога в „действительного собственника“ всей земли в пределах всего его заминдарства»²⁰. Позднее постановление 1812 г. ввело и узаконило «право заминдаров сдавать землю в аренду на любой период... и за любую ренту, какую они сочтут соответствующей своим интересам»²¹. Как объяснил английский генерал-губернатор Гастингс, «поскольку признается только один собственник земли, права всех тех, с которыми до сих пор имело дело правительство, при этом признании целиком уничтожаются»²². Тем самым английское колониальное правительство ликвидировало феодальные владельческие права индийского крестьянства на свою землю, признавая только монопольное право заминдара, которого таким путем юридически ставили в положение английского лендлорда в период огораживаний.

При введении системы райатвари было объявлено о «стремлении как почтенного Совета директоров, так и правительства и налогового ведомства поддерживать частные права... собственности на землю»²³. Неоднократно утверждалось, что система райатвари «специально задумана для охраны прав и интересов земельных собственников»²⁴. Такими полноправными земельными собственниками в районах райатвари были признаны мирасдары, т. е. в некоторых районах высшие, а в большинстве мест основные категории крестьянства²⁵.

Однако огораживания в Англии вызывались резко возросшим спросом на шерсть со стороны развивавшихся суконных мануфактур. В Индии аграрные системы англичан не вызывались экономической необходимостью, не отражали требования каких-либо слоев индийского общества. В стране в тот период не происходило развития промышленности, наоборот, гибель ремесла вела к хозяйственному упадку. Ни у заминдара, ни у крестьянина не было ни стимула, ни условий для перехода к новой системе хозяйствования.

Кроме того, проводя новую аграрную политику не в интересах крестьян и не в интересах индийских помещиков, а только в интересах колониальных властей, английская администрация в Индии отнюдь не желала поступиться доходами от земельного налога-ренты. Однако, сохраняя феодальную ренту, да еще чрезвычайно завышенную, как в районах райатвари, так и в районах заминдари, английские колониальные

власти закрепляли феодальную эксплуатацию крестьянства. Заминдары, принужденные первоначально отдавать государству по крайней мере $\frac{9}{10}$ собранных налогов, изыскивали всяческие способы повысить и без того крайне тяжелую феодальную ренту и с этой целью, воспользовавшись своими новыми правами, фактически уничтожили феодальные права на землю всех высших категорий крестьянства, низведя их до положения бесправных арендаторов помещичьих земель. Так была ликвидирована феодальная пестрота в категориях крестьянских держаний. Однако осталась сама система взимания феодальной ренты с крестьян, а это мешало переходу к какому-либо другому методу хозяйствования, поскольку заминдары получали крупные доходы, не вкладывая в землю никаких капиталов. У разоренных крестьян не было возможности уйти в города, поскольку промышленность Индии не развивалась. В результате увеличивалось аграрное перенаселение, ухудшались условия жизни крестьянства и закреплялась его феодальная и полуфеодальная эксплуатация заминдарами и ростовщиками.

В районах райатвари чрезмерная феодальная рента-налог привела к тому, что собственность крестьянина — его земля — потеряла всякую ценность. Позднее поднялась цена и земли перешли в руки ростовщиков. Заторможенность развития промышленности в Индии не побуждала владельцев земли в районах райатвари — ни ростовщиков, ни крестьян — к переходу к таким методам хозяйствования, которые требовали первоначальной затраты определенного капитала. Так и в районах райатвари господствующей формой аграрных отношений осталась издольная аренда земли.

Таким образом, насаждение буржуазной собственности — помещичьей и крестьянской — на землю в Индии было с самого начала несовместимо с сохранением феодальной ренты. Поэтому аграрные системы англичан не привели, как того желали колониальные власти, к внедрению капиталистических методов в сельское хозяйство Индии, а только к упрочению полуфеодальной эксплуатации индийского крестьянства. Именно поэтому К. Маркс характеризовал систему заминдарства как карикатуру на английский лендлордизм, а райатвари — как карикатуру на французскую систему крестьянской собственности²⁶.

К характеристике общественного строя Индии после завоевания. До английского завоевания в Индии господствующим классом были феодалы, и в стране господствовали феодальные отношения. С превращением Индии в английскую колонию ее судьбы стала решать английская торговая, а затем и промышленная буржуазия. Между тем в основных областях Индии, по крайней мере до 60-х годов XIX в., продолжал господствовать феодальный способ производства и основным источником доходов господствующего класса оставалась феодальная рента. Как же следует охарактеризовать общественный строй Индии в первый период после завоевания ее англичанами — как феодальный или капиталистический? Если считать его феодальным, то получается, что превращение Индии в колонию ничего не изменило в ее социальном строе, если же превращение Индии в колонию ничего не изменило в ее социальном строе, если же полагать, что эксплуатация Индии в интересах английской буржуазии дает основание считать весь строй Индии капиталистическим, то как же оценивать феодальные методы этой эксплуатации?

Индия осталась феодальной страной, в которой государственная внутренняя политика стала определяться буржуазией Англии. Таким образом, единственно правильным определением будет характеристика Индии как феодального придатка капиталистической Англии. Впоследствии, в начале XIX в., когда английскую колониальную политику стали определять фабриканты, заинтересованные в вывозе из Индии сырья для своих фабрик, Индию стали характеризовать как аграрно-сырьевой придаток промышленной метрополии²⁷.

²⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 343.

²⁷ Различие между этими двумя этапами колониальной эксплуатации Индии заключается в том, что в процессе превращения в аграрно-сырьевой придаток происходило развитие товарности крестьянского хозяйства и появилась зависимость от мирового рынка.

²⁰ Доклад Кэмпбелла о земельном налоге в Индии. «Affairs of the East India Company. Ordered by the House of Commons to be printed 16 August 1832», vol. III. Revenue, part 2, Appendix, p. 14.

²¹ Там же, стр. 15.

²² Отчет генерал-губернатора маркиза Гастингса о налоговом управлении Бенгалии от 21 сентября 1815 г. Там же, стр. 85.

²³ Доклад Кэмпбелла. Там же, стр. 38.

²⁴ Письмо налогового ведомства Мадраса от 12 марта 1814 г. Там же, стр. 406.

²⁵ О мирасдарах см. мою статью: «К вопросу о введении райатвари в Индии (классовая сущность мирасдаров)». «Краткие сообщения Института востоковедения», вып. X, стр. 81—94.

Заключение. Отсутствие в истории Индии мануфактурного периода, являющегося предварительным этапом генезиса капитализма, доказывает, что развитие феодализма шло в том же направлении, что и в Европе, но до английского завоевания не достигло еще того этапа, на котором происходит возникновение капиталистических отношений. Первые капиталистические фабрики в Индии были построены в XIX в. английским капиталом²⁸. В дальнейшем, стремясь обратить развитие капитализма в своей колонии целиком в свою пользу, английские колонизаторы препятствовали росту национального капитала и появлению ключевых отраслей индустрии в Индии, сохраняя в то же время феодальные пережитки, мешавшие развитию экономики в стране, в течение двух веков выкачивали средства, тормозя накопление капитала в Индии, обрекая ее народы на нищету и отсталость. Капитализм в Индии принял уродливый, однобокий, колониальный характер. Однако вопрос о развитии капитализма в Индии во второй половине XIX в. выходит за рамки этой статьи.

S U M M A R Y

The article contains a critical analysis of the arguments advanced by some historians who believe that the «shoots of capitalism» had been springing into existence in India in the 17th and 18th centuries. The author of the article proves that advanced commodity-and-money relations, the growing role of the merchant who was buying up products in the village and from the handicraftsmen, and a natural division of labour in the workshops did not cause the independent rise of non-artisan manufactures (and still less of the manufacturing period) in India in the 17th and 18th centuries.

ОТ РЕДАКЦИИ

В редакцию поступило письмо К. А. Антоновой, в котором она справедливо протестует против допущенного Л. Б. Алаевым в его статье «Развитие индийского ткачества» («Советское востоковедение», 1957, № 3, стр. 95) неправильного цитирования, искажающего, по мнению К. А. Антоновой, смысл ее высказывания. В приведенной из монографии К. А. Антоновой цитате Л. Б. Алаев опустил, не поставив отточия, следующую после слова «набойку» фразу: «Положение такого средневекового кустаря на дому было еще хуже положения ремесленника и некоторые ткачи, например, отрезали себе пальцы, чтобы избавиться от невыносимой кабалы у скупщика-индийца, поставляющего товар европейским компаниям». К. А. Антонова выразила также протест против неуместного сравнения ее с Морлендом.

²⁸ См., например, А. И. Левковский. Некоторые особенности развития капитализма в Индии до 1947 г. М., Госполитиздат, 1956.

ИЗ ИСТОРИИ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ КИТАЕМ И ИНДИЕЙ*

В. М. ШТЕЙН

Почти полвека тому назад Поль Пеллио опубликовал перевод заключительной части 28 главы «Цянь-Хань-шу»¹. В переведенном отрывке речь идет о морских экспедициях эпохи Хань, осуществлявшихся из района Тонкинского залива на запад, к государству Хуанчжи. Экспедиции эти имели место, судя по упоминаниям в рассматриваемом источнике имен императора У-ди (140—86 г. до н. э.) и Ван Мана (первые годы н. э.), на рубеже нашей эры. Пеллио отметил, что путешественники направлялись в какие-то края, расположенные в Индийском океане, возможно, в западной его части².

После публикации Пеллио этого отрывка из «Цянь-Хань-шу» был предпринят ряд попыток установить район действий описываемых в нем морских экспедиций. Различные авторы определяли его на пространстве от Эфиопии на западе до Малайи на востоке. Однако наибольшую поддержку получила гипотеза Феррана, выдвинутая им в 1919 г. По мнению Феррана, в результате упомянутых экспедиций была установлена связь Китая с Южной Индией. В качестве главного аргумента в пользу такого утверждения он выдвигал фонетическую эквивалентность Хуанчжи и Канчи³. Недостаточность аргументации Феррана не помешала тому, что возобладала его точка зрения. Так, ссылаясь на этого автора, индийский ученый Шастри признал несомненным, что начиная с I в. до н. э. продукты из Южной Индии стали проникать в Китай морем. Вслед за Пеллио Шастри утверждал, что около начала нашей эры китайская миссия по приказанию ханьского правительства «пересекла весь Индийский океан»⁴. Миллс в статье о ранних китайских путешествиях подтверждает, что «в период 140—86 гг. до н. э. китайский император У-ди морем отправил посольство в государство Хуанчжи, которое Ферран отождествляет с Канчипурой (т. е. с Кандживерамом, на 46 миль к юго-западу от Мадраса), тогдашней столицей династии Паллаво»⁵.

При всей своей привлекательности мнение Феррана о путях следования морских экспедиций в эпоху Хань не подтверждается в достаточной мере историческими фактами. Некоторые указания текста из «Цянь-Хань-шу», бесспорно, противоречат утверждению Феррана. Так, в рассматриваемом отрывке имеются точные сведения о продолжительности отдельных этапов путешествия. Естественно предположить, что,

* Учитывая спорный характер интересной гипотезы, выдвинутой автором, редакция просит востоковедов высказаться по существу затронутых в статье вопросов.

¹ P. Pelliot. Bulletin critique. «T'oung Pao». Leiden, 1912, XIII, p. 457.

² Там же, стр. 460.

³ «Journal Asiatique». Статья Феррана вышла и отдельным изданием под названием: «Le K'ouen Louen et les anciennes navigations interocéanique dans les mers du sud», extrait du «Journal Asiatique». Paris, 1919, p. 204.

⁴ K. A. Nilakanta Sastri. The beginnings of intercourse between India and China. «Indian historical quarterly», June 1938, vol. XIV, № 2, p. 386.

⁵ I. V. Mills. Notes on early Chinese voyages. «Journal of Royal Asiatic Society», 1951, parts 1 and 2, p. 4—5.

5 Советское востоковедение, № 6

если экспедиция направлялась из Тонкинского залива и следовала вокруг Индокитайского полуострова, а затем через Индийский океан, то наиболее длинным должен был быть отрезок пути на последнем этапе. В действительности, однако, судя по данным «Цянь-Хань-шу», это было не так. Отмечая, что все этапы пути совершались на кораблях «Цянь-Хань-шу» неожиданно говорит о сухопутном отрезке пути, который покрывался примерно за 10 дней. Феррану, конечно, следовало установить по карте, какая это могла быть часть пути. В тексте далее сообщается, что к югу от Хуанчжи находится страна, по прибытии в которую ханьская посольская миссия, отделившись от китайских купцов, направлялась домой. Гипотеза Феррана не объясняет этого явления.

Некоторые европейские и американские ученые связывают рассматриваемые здесь плавание с посещением китайскими купцами нынешней Индонезии. Такого мнения, например, придерживается Холл⁶. Однако он строит свои предположения, не опираясь на текст «Цянь-Хань-шу».

В настоящей работе мы попытаемся доказать, что морские экспедиции, о которых идет речь, начинались с того, что китайцы огибали Индокитайский полуостров, затем высаживались на берегу Бенгальского залива, и дальнейшее продвижение шло уже вверх по Гангу, почти до самых его истоков. У китайских и индийских исследователей (не говоря уже об ученых Запада) общепринятым было мнение, что интересы китайцев в Индии с древнейших времен были связаны лишь с территорией, расположенной по берегам Инда. Ганг почти не упоминался. Более того, в современной литературе можно встретить предостережения против отождествления этой реки, на которой, по указанию Сыма Цяня, расположена Индия, с Гангом⁷.

Между тем ознакомление с китайскими историческими источниками убеждает нас в том, что во времена ханьской династии китайские путешественники стремились установить торговые отношения именно на Ганге.

Кантонские купцы, искавшие новые торговые пути, завязывали связи на территории нынешнего Вьетнама уже во II—I вв. до н. э. Для дальних поездок они пользовались «варварскими» индийскими судами. В Индии в это время уже развивалось кораблестроение. Вскоре после начала нашей эры она стала морской державой, распространив свое культурное влияние на обширный пояс «индуизированных» (как их теперь называют) государств.

Переведенный Пелльо отрывок полезно сопоставить с предшествующей ему частью 28 главы «Цянь-Хань-шу». Тогда яснее станет замысел авторов китайской летописи. «Цянь-Хань-шу» впервые воспроизводит впечатления китайцев от знакомства с экономикой новых для них государств, которые в рассматриваемом тексте называются «странами Южных морей». Китайские историки выражали свое удивление и восхищение весьма развитыми производительными силами. В этих районах имелись металлы, жемчуг, особенно было развито производство высококачественных тканей, высокого уровня достигло земледелие, сочетавшееся здесь с животноводством. В рассматриваемом нами тексте выделены два экономически наиболее передовых района: Чжуй («Жемчужный Берег») во Вьетнаме и Хуанчжи. Повествуя о последнем, «Цянь-Хань-шу» указывает: «Здесь народные обычаи и правление, схожие с Чжуй. Пространства обширны, население многочисленно, очень много диковинных предметов».

Хотя, по словам Пелльо, государство Хуанчжи принадлежит к числу загадочных географических названий, однако упоминания о нем имеются также и в других сочинениях ханьского периода. Эти сочинения цитирует Цзи Сянь-линь в своей статье о проникновении в Индию китайского шелка и приходит к выводу об оживленных сношениях Китая с государством Хуанчжи. В главе о Ван Мане из «Цянь-Хань-шу» также говорится о государстве Хуанчжи, расположенном в южном направлении (南懷黃支). В докладе государю (до воцарения) Ван Ман сообщал, что Хуанчжи, расположенное от Китая на

расстоянии 30 тысяч ли, прислало в качестве дани живого носорога. Цзи Сянь-линь нашел упоминания о Хуанчжи также у Бань Гу (班固) и Ду Ду (杜篤)⁸. Но если самое существование государства Хуанчжи, с которым у Китая были сравнительно частые сношения, не вызывает сомнений, то вопрос о его местонахождении требует специального исследования.

28 глава «Цянь-Хань-шу» не содержит никаких прямых указаний на место расположения государства Хуанчжи. Однако имеющееся в тексте рассматриваемого отрывка одно чрезвычайно интересное совпадение географических названий может пролить свет на интересующий нас вопрос. Так, в начале говорится о государстве Хуанчжи (黃支國), а затем о пункте Хуанмын (黃門), находящемся в пределах этого государства. Пелльо перевел «Хуанмын» как дворец «Желтых ворот» и даже повествует о евнухах, принимавших участие в торговых операциях Кигая. Думается, что повторение в обоих названиях иероглифа «Хуан» можно объяснить иначе. Если предположить, что это транслитерация названия реки Ганг, то становится ясным, что «Хуанчжи» это Гангское государство, о котором нередко упоминают греческие авторы, а «Хуанмын» не что иное, как знаменитые «ворота Ганга».

Птолемей (II в. н. э.) называет «Ганге» столицей народа гангерилов. Ганга как страна нередко упоминается в индийской эпиграфике. В одной из надписей местонахождение государства Ганга обозначено между Магадхой и Калингой, т. е. примерно между современной Патной и северо-восточным побережьем Декана. Диодор (I в. до н. э.)⁹ сообщал, что Ганг огибает с восточной стороны страну гангерилов¹⁰. Примечательно, что название «Ганг» фигурирует в греческой литературе и как страна, и как народ, и как город. Все эти сведения относятся приблизительно к тому же времени, когда составлялась «Цянь-Хань-шу». Известный буддийский паломник танских времен VII в. Сюань Цзан (или Чжуан) свидетельствует, что «ворота Ганга» под этим названием были известны людям всех «пяти Индий»¹¹.

Следует отметить, что в китайской литературе до сих пор не встречалось наименования «Хуан» для Ганга. На протяжении веков эта река называлась по-разному; скорее всего ее названия представляли транслитерацию индийского слова. Так, у Фа Сяня Ганг называется рекой Хэн: Хэншуй (恒水)¹², Бил сообщает, что в древности название реки Ганг обозначалось как Хан-хэ или Хан-цзя¹³.

Сведения, которые мы находим в китайских источниках ханьского периода относительно характера связей между Индией и Китаем, дают основания отождествлять государство Хуанчжи с Гангским государством. Соплемея, например, на известное сообщение из «Летописи» Сыма Цяня об открытии, сделанном Чжан Цянем в Тохаристане (глава 123 из «Ши-цзи»). Он увидел там бамбук и ткани из китайской провинции Сычуань. На вопрос китайского дипломата, как попали эти вещи в Среднюю Азию, он получил ответ, что жители Тохаристана покупают их в Индии. Эта страна «такой-же величины как Дася (т. е. Тохаристан), но лежит глубже и является более влажной и теплой; в ней даже жарко. Народ там в случае войны ездит на слонах. Страна лежит на большой реке»¹⁴. Гроот, переведя этот отрывок из 123-й главы «Ши-цзи», от себя в скобках поставил на-

⁸ 季羨林. 中國蠶絲輸入印度問題的初步研究 (Цзи Сянь-линь. Начало исследования вопроса о проникновении китайского шелка в Индию «Ляши-яньцзю», 1955, №4, стр. 78).

⁹ Nundo Lal Dey. The geographical dictionary of ancient and mediaeval India. «Cuttia Oriental Series». London, 1927, 2-d ed. № 21, E. 13. p. 62, 64.

¹⁰ Там же, стр. 164.

¹¹ Si-Yu-Ki. Buddhist records of the western world. Transl. by Samuel Beal. Popular edition. London, s. a., p. 197.

¹² См. Fa Hien. A record of Buddhistic kingdoms. Oxford. 1866. Приложение, гл. XVI. Переводчик Легг указывает, что знак 恒, по-видимому, всегда стоит вместо: 恒.

¹³ Si-Yu-Ki. Указ. соч., т. 1, стр. 11—12. Примечание.

¹⁴ У Сыма Цяня говорится о «большой воде», (大水); комментатор объясняет, что под этим разумеется река.

⁶ D. Y. E. Hall. A history of South-East Asia. London — New York, 1955, p. 15.
⁷ E. H. Gutt. Chinese-Indian contacts (prior to the later half of the first century). «Indian historical quarterly», September 1938, vol. XIV, № 3, p. 494.

звание реки: Инд¹⁵. Гроота при этом не смутило указание источника на влажность климата в бассейне упоминаемой им реки. Между тем оно, несомненно, уместнее для характеристики бассейна реки Ганга, чем Инда¹⁶.

Существенное другое соображение. Торговый путь из Тохаристана в Сычуань должен был, конечно, проходить не по Инду, а по Гангу, так как Инд лежит в стороне от естественного направления движения купцов и товаров. Наоборот, путь по широкой аллювиальной равнине Ганга, на которой даже камень величиной с кулак является редкостью, очень удобен и им нельзя было не воспользоваться еще до возникновения регулярного сообщения на кораблях. Поэтому между Бенгалией, с одной стороны, и Бирмой и Юньнанью, с другой, с незапамятных времен завязываются, как известно, прочные сношения. Эбергард говорит даже о «колониционной линии» индийского влияния в Китае, которая проникала до бассейна верхней Янцзы. Эта индийская «колониционная линия» была аналогична линиям, созданным китайцами¹⁷.

Еще определеннее говорит о проникновении в Китай индийского влияния через Бирму Бишоп. По его словам, «наиболее существенные индийские культурные элементы проникли в Китай, насколько об этом можно судить в настоящее время, в течение или, возможно, до второго тысячелетия до Р. Х. Путь, по которому они следовали, шел от северо-восточной Индии через верхний бассейн Иравади и отсюда в глубь центральной и северной частей западной китайской провинции Юньнань»¹⁸. Бишоп различает два культурных потока, шедших извне и переплетавшихся в бассейне Янцзы, — среднеазиатский и индийский¹⁹. Среднеазиатская культура получила распространение в государстве Цинь, индокитайская — в государстве Чу. Оба государства вели борьбу за господство в бассейне Янцзы²⁰. В суждениях Бишопы многое тенденциозно преувеличено, но самый факт взаимодействия между Китаем и Индией в указанном направлении бесспорен. Ориентация на бассейн Ганга была вполне реальной, тогда как знать об Инде китайцы могли лишь понаслышке.

В рассматриваемом нами источнике говорится, что китайцы расплачивались за получаемые ими в Индии товары не только золотом, но и шелком. Одним из важнейших путей проникновения шелка в Индию был Ганг. О «побочных путях» движения шелка из Китая сообщает Нидхэм: «Первым был Ганг. Каким-то путем, который представляется довольно неясным, но который определенно упоминается у Птолемея, торговля шла через Тибетское плато вниз (возможно, дорогою на Ладаки или Сикким к Палимботре (Паталипутре, ныне Патна) на Ганге, где она встречала западные корабли в устье реки, как говорит автор «Перипла»²¹. Второй путь, который описан в китайских источниках между Юньнанью и Бирмой — вел к портам Сабаны (вблизи Моульмейна) и Такола (вблизи Рангуна)»²².

¹⁵ Groot-Franke. Chinesische Urkunden zur Geschichte Asiens. II. Teil. Die Westlande Chinas in der vorchristlichen Zeit. Berlin und Leipzig, 1926, S. 20.

¹⁶ Страбон сообщает об одном путешествии, примерно в районе Синда, продолжавшемся 10 месяцев, во время которого не выпало ни капли дождя. «Ancient Indian as described in classical literature». Westminster, 1901, p. 23.

¹⁷ W. Eberhard. Kultur und Siedlung der Randvölker Chinas. Leiden, 1942. «T'oung Pao». Suppl. au vol. XXXVI, p. 325—326.

¹⁸ C. W. Bishop. The rise of civilisation in China with reference to its geographical aspects. «Geographical Review», October 1932, vol. XXII, p. 619—620.

¹⁹ Там же, стр. 619.

²⁰ C. W. Bishop. The geographical factor in the development of Chinese civilisation. «Geographical Review», January 1922, p. 36.

²¹ Имеется в виду известное анонимное сочинение «Перипл Эритрейского моря», появившееся около 70 г. н. э.; путь, который кажется Нидхэму неясным, шел в действительности скорее всего через Кантон и далее вокруг Индокитайского полуострова на Ганг.

²² I. Needham. Science and civilisation in China. Introductory orientations. Cambridge, 1954, vol. I, p. 182.

Из самого текста 123 главы «Ши-цзи»²³ вытекает, что тохаристанцы ездили за сычуаньскими товарами в Индию, а индийские купцы приобретали их в Китае. Мы не знаем, какими средствами передвижения пользовались купцы, совершая со своими товарами путь с Ганга в Сычуань и обратно. Однако легко предположить, что, когда в Индии начало развиваться судостроение, корабли явились удобным способом для закрепления существовавших уже торговых и культурных связей. В одной из джатак мы находим интересное изображение торговых операций, имевших место во время появления в гавани Бенареса корабля, груженного товарами²⁴. Это подтверждает предположение, что именно на Ганге раньше всего могли появиться торговые суда. Однако торговые трассы были проложены до возникновения кораблестроения.

Таким образом, выдвигаемая в настоящей статье гипотеза имеет то преимущество, что морское путешествие на запад, описываемое в 28 главе «Цянь-Хань-шу», предстает перед нами как закономерное завершение длительного периода в сношениях обоих государств. Связь между индийцами и китайцами закреплялась веками. Пути, по которым она осуществлялась, были давно изведаны.

Имеется еще одно свидетельство ханьской эпохи, подтверждающее, что в те времена в представлении китайцев Индия была расположена на большой реке и что речь в данном случае идет о Ганге. Это — выдержка из главы 118 «Хоу-Хань-шу». (Нужно иметь в виду, что эта работа появилась лишь в V в. н. э.) Во многом она совпадает с приведенной выше цитатой из «Летописи» Сыма Цяня. Кроме того, в этом источнике есть указание на то, что жители Индийского государства исповедуют буддийскую религию. Распространение буддизма в Индии исторически тесно связано с бассейном Ганга. Привожу отрывок из «Хоу-Хань-шу» с некоторыми сокращениями: «Государство Тяньчжу (Индия) называется также Шэньду. Оно находится на несколько тысяч ли на юго-восток от юэцжи. Его нравы и обычаи схожи с юэцжи, но страна является низменной, сырой и жаркой. Это государство расположено на большой реке. Его жители, чтобы сражаться, взбираются на слонов. Они физически слабее, чем юэцжи. Они исповедуют религию Будды. У них возникла также традиция не убивать и не воевать...

В этом государстве встречаются слоны, носороги, черепахи, золото, серебро, медь, железо, свинец, олово... В нем есть также тонкие полотна, шерстяные ковры высокого качества, парфюмерия всех видов, леденцы, перец, имбирь, черная соль»²⁵.

Возникает естественный вопрос, почему плавание по Гангу представляло столь большой интерес для китайских купцов. Ниже мы подробно покажем, что не сам по себе Ганг привлекал китайцев, а возможность добраться от «ворот Ганга» по удобному сухопутному тракту к Индийскому океану и на большие пути, ведущие в пределы «Западного мира». До сих пор синологическая наука придерживалась выдвинутого в свое время Рихтгофеном и развитого Геррманном взгляда, что в ханьский период существовал лишь один большой тракт из Китая в бассейн Средиземного моря — знаменитый «великий шелковый путь» от западной окраины китайской стены через оазисы Синьцзяна на Парфию и далее на территорию Сирии. Этот путь в основной своей части лежал через полупустынные пространства Средней Азии, заселенные преимущественно кочевниками. Путь, о котором идет речь в данной статье, ставил китайцев в непосредственное соприкосновение с индийскими, греческими и египетскими морскими коммуникациями. Он далеко уклонился от среднеазиатских пустынь в сторону Бенгальского залива, Индийского океана и Персидского залива и был совершенно изолирован от влияния кочевников. Путь по Гангу появился вскоре после того, как был проложен «шелковый тракт». Это свидетельствует о том, что II—I вв. до н. э. были временем быстрого роста потребности в китайских товарах (прежде всего в шелке) на Западе. Товары, о приобретении которых говорит 28 глава «Цянь-Хань-шу», не обязательно производились в са-

²³ Groot-Franke. Указ. соч., стр. 22.

²⁴ R. Fick. Die sociale Gliederung im nordöstlichen Indien zu Buddha's Zeit. Kiel, 1897, S. 174—175.

²⁵ См. Elmer H. Cutts. Указ. соч., стр. 502.

мой Индии, иногда они привозились издалека, например стекло, которого сами китайцы в то время не производили и которое очень высоко ценили. Таким образом, смысл развиваемой в настоящей статье концепции, заключается в том, что южный морской путь (наряду с «шелковым трактом») открывал для китайских купцов перспективы торговых связей, далеко перераставших масштабы внутреннего китайского рынка.

Переходя непосредственно к рассмотрению морского путешествия, о котором идет речь в 28 главе «Цянь-Хань-шу», необходимо отметить, что на первых порах эти путешествия скорее всего были каботажными плаваниями. Трудно предположить, чтобы индийские моряки уже в I в. до н. э. были в состоянии пересекать Индийский океан и вообще пускаться в рискованные океанические путешествия в неизведанные страны (до открытия муссонов в I в. до н. э. и западные мореплаватели ограничивались, как известно, каботажным плаванием). Рассматриваемое здесь плавание начиналось с портовых пунктов провинции Жинань (в Тонкинском заливе) Сюйвэнь и Хэпу, на обратном пути корабль возвращался к берегам Жинаня в пограничном пункте Сяньлинь. «Торговые суда варваров поворачивают (после окончания торговых операций. — В. Ш.), чтобы взять их обратно»: 蠻夷賈船轉送致之. Таким образом, путешествие разбивалось на два, примерно одинаковой продолжительности, этапа: около года продолжалось плавание к «воротам Ганга» и около 10 месяцев тратилось на обратный путь. После пяти месяцев пути корабли прибывали в государство Дуаюань. Летописец отмечает его, очевидно, потому, что оно было расположено на оконечности Маллакского полуострова или вблизи него, откуда менялось направление пути — с юга на север. Еще через 4 месяца суда прибывали в Илumo. Возможно, что под этим названием имеется в виду нижняя Бирма, территориально во всяком случае это должна была быть именно она. Затем через 20 дней путешественники, по-видимому, приплыли к Бенгальскому заливу. Здесь вместо того, чтобы плыть по Бенгальскому заливу до самого устья Ганга, они останавливались на территории современной Бирмы (на северо-западном ее побережье) и, чтобы «выпрямить» и сократить свое продвижение к рекам Брахмапутре и Гангу, дальше совершали небольшой отрезок пути по суше — прямо к рекам. Дорога по сухопутью отнимала всего 10 с небольшим дней, и путешественники попадали в Фуганьдуло. Это загадочное название и должно скорее всего означать Брахмапутру.

Но от Фуганьдуло предстояло еще двухмесячное путешествие по рекам, и в частности вверх по Гангу. Сюда китайские купцы направлялись для проведения торговых операций. «Цянь-Хань-шу» упоминает только о трех товарах, привлекавших внимание китайцев: жемчуге, стекле и редких камнях (не считая всякого рода «дикивинок»).

Из-за лаконичности текста источника нельзя получить ясного представления о характере коммерческих операций, производившихся китайскими купцами в Гангском государстве. Текст 28 главы «Цянь-Хань-шу» дает основание думать, что существовал какой-то порядок, согласно которому иностранцы должны были производить свои закупки под контролем индийских чиновников, состоявших на службе в Гангадваре. Последние участвовали в совместной экспедиции к «морскому рынку».

Вероятно, в 28 главе «Цянь-Хань-шу» речь идет не об одной, случайной экспедиции, а о том, что индийские корабли с китайскими купцами совершали в бассейне Ганга регулярные рейсы. В тексте говорится, что если торг бывал прибылен, то индийские моряки не раз грабили и убивали своих пассажиров. Последние могли погибнуть и в морской пучине в результате действия тайфуна. Если же всего этого не случалось, то плавания могли продолжаться ряд лет: 不者數年來還. Это лишний раз убеждает нас в том, что китайцы были хорошо знакомы с бассейном Ганга уже на пороге нашей эры и что район этот очень привлекал их в торговом отношении. Инициатива торговли исходила, по-видимому, от китайского правительства. Во всяком случае в состав отправлявшихся на Ганг экспедиций входили чиновники дипломатического ведомства.

Понятным становится также и указание источника на то, что обратный путь ханьской посольской миссии был иным, чем путь купцов. В тексте есть указание, что корабли, возвращаясь по Гангу, прямо направлялись в Бенгальский залив. Ханьские

чиновники, достигнув расположенного к югу от Хуанчжи государства Ичженбу (территория Бирмы), покидали корабль, ибо отсюда, через Сычуань, им было ближе добираться к центру китайской державы, чем обходным путем, через Жинань. Отсюда путь домой был хорошо известен, здесь всюду можно было встретить множество китайцев. Кантонские же купцы направлялись в свои родные края и поэтому, естественно, должны были проделать маршрут до конца.

Подтверждением правильности нашего предположения, что в 28 главе «Цянь-Хань-шу» речь идет о путешествиях китайцев по Гангу, является также почти полное тождество упоминаемых в ней экспортных товаров с перечнем изделий, вывозившихся из района Гибинь, который приводится в 96 главе «Цянь-Хань-шу». Синологи, как известно, чаще всего определяют местоположение этого района в Южном Афганистане или Пенджабе. Район Гибиня был тесно связан с северной, а не с Южной Индией. Достаточно сравнить перечисляемые в обеих главах предметы торгова Гибиня и Хуанчжи, чтобы убедиться в том, что это два варианта одного сообщения. В 96 главе, как и в 28, упоминаются жемчуг и стекло. «Редкие камни» главы 28 «Цянь-Хань-шу» скорее всего означали янтарь или «туземную медь». Особенно показательно наличие в том и другом районе стекла, бывшего в то время очень редким предметом торгова. Но если из Хуанчжи вывозились те же товары, что и из Гибиня, то, естественно, возникает мысль о близком соседстве, если не идентичности этих районов.

При чтении 28 главы «Цянь-Хань-шу» нетрудно заметить, что отбывавшие из Тонкинского залива экспедиции китайских купцов не ограничивались плаванием по Гангу. В сопровождении индийских чиновников они направлялись также для проведения торговых операций к морю. На первый взгляд это утверждение кажется недостаточно достоверным ввиду сравнительно большого расстояния от «ворот Ганга» до моря. Однако передвижение китайских купцов с Ганга к Индийскому океану было вполне закономерным. Активную роль в международных торговых операциях в районе к югу от Ганга играли в этот период греки. После похода Александра Македонского в Индию в Бактрии и по побережью Индийского океана были созданы сравнительно многочисленные торговые колонии, являвшиеся посредниками в торговле между Западом и Востоком. В результате район Бактрии, занимавший часть нынешнего Афганистана, оказался прочно связанным с Баригазами (нынешний Броч), а от Баригаз большой тракт шел к столице тогдашней Индии Палимботре (современная Патна). На этом пути, следовавшем от Баригаз через Уджайн (центр тогдашней культуры и крупнейший торговый пункт) и через Косамби, скрещивались торговые направления от Декана и Ганга к «западному морю»²⁶. Вся эта территория много греческих купцов. Таким образом, трасса, по которой следовали китайцы от Ганга к Индийскому океану, не была изолированной. Она составляла часть разветвленной системы торговых путей в районе между Гангом и Индийским океаном. Естественно, что предприимчивые китайские мореплаватели стремились добраться от «ворот Ганга» до крупных рынков, где они могли встретиться с торговцами самых разнообразных стран. Конечно, высказанное предположение является пока всего лишь догадкой, но оно вполне согласуется с историческими известиями о существовании «больших путей» восточной торговли на грани нашей эры.

Сообщение 28 главы приобретает особый смысл, если сопоставить его, например, с текстом известного анонимного «Перипла Эритрейского моря» (оба памятника являются по-видимому, близкими современниками, так как написаны они в I в. н. э.). Составленный греко-египетским купцом «Перипл» дает яркое описание морской торговой трассы, по которой шло движение товаров из восточной части Средиземного моря и до устьев Ганга. 28 глава «Цянь-Хань-шу» является своеобразным «Периплом Южно-Китайского моря», переключаясь с данными и впечатлениями греко-египетского автора. Встречи с торговцами отдаленных стран должны были расширять культурный кругозор китайцев, плававших по Гангу, и открывать им новые географические гор-

²⁶ W. W. Tarn. The Greeks in Bactria and India. Cambridge, 1938, p. 151.

зонты. Скорее всего эти встречи могли происходить в уже упоминавшихся Баригазах, которому «Перипл» уделяет исключительное внимание. Расположение Баригазы при впадении реки Нарбады в Камбейский залив было весьма удобным местом для ведения торговых операций. В главе 28 рассказывается, что китайские купцы, приезжая к морю, обменивали там шелка и золото на жемчуг, стекло и редкие камни. Среди других встречавшихся на рынке в Баригазах товаров в «Перипле» упоминаются стекло, которое в те времена чаще всего было египетского происхождения, и как предмет вывоза — серские, т. е. китайские, ткани²⁷. В «Перипле», кроме того, называется множество других товаров. Таким образом, можно сделать вывод, что 28 глава не приводит исчерпывающего списка товаров, бывших предметом торгового обмена, а перечисляет лишь наиболее важные из них.

«Цянь-Хань-шу» упоминает две основные трассы, которые вели из Китая в «западные страны», одна из них, южная, проходила через южный Афганистан или, возможно, верховья Ганга и направлялась далее на юг. Иногда в китайских источниках указывается, что эта южная трасса доходила до страны Аньси, идентифицируемой с Персией или Парфией; в другом случае, при характеристике государства Александрии, говорится, что оно является «крайней оконечностью южной трассы». Южной эта трасса пути в «западные страны», очевидно, называлась потому, что смыкалась с линией движения кораблей, приходивших из района Средиземного моря.

Путь от «ворот Ганга» к Индийскому океану не был в те времена ни затруднительным, ни опасным. Рельеф местности благоприятствовал движению, многочисленность следовавших по трассе купцов с товарами устраняла риск быть ограбленным.

Существует мнение, что в представлении древних китайцев внешний исторический мир для них всегда тяготел к Средней Азии и был очень далек от моря. Между тем среди описанных в «Цянь-Хань-шу» иностранных государств некоторые весьма определенно тяготели к морю. Некоторые авторы убеждены, что важнейшим, если не единственным источником сведений о других государствах, которыми располагала ханьская эпоха, китайцы были обязаны Чжан Цяню (на его материалах построены в известной мере сведения о западных странах и в «Цянь-Хань-шу» и в «Ши-цзи»). Но круг стран, которые лично посетил Чжан-цянь, хорошо известен. Все они названы в 123 главе «Ши-цзи»: это — Давань, Даюэцзи («страна Великих Юэцзи»), Дася и Канцзюй. Эти государства действительно явственно обнаруживают «среднеазиатские» черты. Однако сведения, которые имелись у китайских историков о странах, расположенных по берегам современных Персидского залива и Аравийского моря, едва ли были того же происхождения, что и материалы о среднеазиатских странах. Если даже не считать Лисюань, который, возможно, тяготел к морю, но не находился на самом побережье, то по крайней мере три страны, и притом очень крупные, были приморскими в самом прямом смысле: Александрия, Аньси и Тяочжи. Аньси ханьские историки считали чуть ли не самой большой страной в мире, располагавшей сотнями городов. Здешние купцы совершали рейсы в тысячи ли за товарами в повозках и на судах. Таким образом, прямо отмечается наличие морских сношений Аньси с другими государствами. Тяочжи, обычно отождествляемое с двуречьем Тигра и Евфрата, расположено на несколько тысяч ли на запад от Аньси на берегу Западного моря. Здесь тепло и сыро. Рис возделывают на заливных полях. Население весьма многочисленно. В Александрии жарко. Растительность в этом районе исключительно богатая, поверхность ровная (по-видимому, низменная). Эта страна расположена так далеко, что ханьские посланцы посещают ее редко. Пути между Аньси, Тяочжи и Александрией были китайцам хорошо известны. Они довольно точно определяли продолжительность путешествия в эти страны. Однако Тяочжи представлялся им «пре-

²⁷ Последнее обстоятельство всегда вызывало недоумение историков, так как они не могли объяснить появления в Баригазах китайских товаров. На этой почве возникла, как известно, тенденция считать, что *Seres* совсем не Китай, а какая-то часть Индии. Если китайцы сами привозили из Тонкинского залива по Гангу свои шелка, то наличие их в Баригазах перестает быть загадкой.

делом» земного шара. «Если путешествовать из Тяочжи по воде на запад, то по истечении периода более чем в сто дней прибывают на место захода солнца»²⁸.

Сведения об этих приморских западных странах, уходивших до самого «края света», заимствованы не у Чжан Цяня. Источником этих сведений могли быть китайские купцы, не раз побывавшие в бассейне Ганга, а затем совершавшие дополнительные путешествия к Индийскому океану. Разнообразие географических сведений, которыми располагали китайцы ханьских времен, объяснялось именно тем, что они сравнительно много путешествовали, знакомясь с бытом народов не по чужим рассказам, как бы поучительны они ни были, а на собственном опыте. Ханьские хроники и сообщения Сыма Цяня имеют под собой не менее реальную почву, чем «Перипл Эритрейского моря». Китайские историки не зря обобщали часть собранных ими материалов под рубрикой стран Южных морей. Они прекрасно отдавали себе отчет в том, что под этим названием нужно разумеать не только Тонкинский залив, острова Индонезии, бассейн Ганга, но и Индийский океан. Так в китайской науке открылась новая страница страноведения.

Наше мнение о существовании, начиная с эпохи Хань, устойчивого маршрута, связывавшего Кантон с бассейном Ганга, подтверждается еще и позднейшими сведениями о путешествиях буддийских пилигримов из Китая в Индию. Особенно показательны в этом отношении сведения, которые дает нам И Цзинь. Японский ученый Такакусу еще в 1896 г. опубликовал английский перевод его труда и приложил к своей книге карту путешествия этого монаха. И Цзинь отплыл из Кантона на персидском корабле²⁹. Как показано на карте, первоначальное направление судна было на юг, вплоть до северо-восточной Суматры, оттуда, после передвижения в крайнюю северо-западную точку Суматры, путешественники направились напрямик через Бенгальский залив в Тамралипти, недалеко от устья Ганга. Основное отступление от маршрута, описанного в 28 главе «Цянь-Хань-шу», заключалось в данном случае лишь в том, что, отказавшись от прежнего принципа каботажного плавания (как и следовало ожидать в VII в.), корабль, сокращая путь, миновал Бирму. Но исторически исходным пунктом этого путешествия как раз является маршрут, с которым мы познакомились по 28 главе «Цянь-Хань-шу». О Тамралипти И Цзинь говорит: «Это то место, где мы садимся на корабль, возвращаясь в Китай»³⁰. Из этого следует, что И Цзинь двигался по маршруту, бывшему в то время обычным для буддийских монахов. В самом деле, было бы очень странно, если бы путешествие, описанное в 28 главе «Цянь-Хань-шу», при всей его торговой целесообразности, не нашло подражания в последующие века и оказалось случайным эпизодом в истории внешних сношений Китая. Мы видим, следовательно, что маршрут, отмеченный в 28 главе, был лишь началом установления регулярных рейсов, для которых точкой отправления был Кантон, промежуточной станцией — оконечность Малакки или прилегающие районы Суматры, а конечным пунктом — низовья Ганга.

SUMMARY

The author attempts to prove that the route of the sea voyages made in the Han era and dealt with in Chapter 28 of Ch'ien Han Shu extended from the Bay of Tonking to the West. After skirting the peninsula of Indo-China, the Chinese disembarked on the shores of the Bay of Bengal and then sailed up the Ganges. The author believes that the Westward sea voyage described in Chapter 28 of Ch'ien Han Shu may be taken as one of the episodes in the relations maintained between China and India over a long period of time. The routes between India and China had long been explored. The Southern sea route (along with the "silk route") presented to the Chinese merchants good prospects for the expansion of their foreign trade.

²⁸ Groot-Franke. Указ. соч., стр. 91.

²⁹ I. Tsing. A record of the buddhist religion as practiced in India and the Malay archipelago (A. D. 671—695). Oxford, 1896, p. XXVIII.

³⁰ Там же, стр. XXXIV.

АБУЛЬКАСИМ ЛАХУТИ

З. Г. ОСМАНОВА

В октябре 1957 г. исполнилось семьдесят лет со дня рождения выдающегося поэта нашего времени Абулькаси́ма Лахути. Говоря о Лахути как о поэте Ирана, нельзя упускать из виду всех тех факторов, которые сделали его советским поэтом, так же как, оценивая и анализируя его роль в становлении и развитии советской таджикской литературы, нельзя забывать всего значения творчества Лахути для литературы современного Ирана. С этой точки зрения иранский и таджикский периоды жизни Лахути рассматриваются нами как определенные этапы его творческой эволюции.

Абулькасим Лахути родился в 1887 г. в гор. Керманшахе (Западный Иран). Его отец — бедный башмачник Ахмед Ильхами, обремененный заботами о большой семье, находил время и для поэзии. Он был неграмотен, но в своем кругу слыл искусным стихотворцем. Первые жизненные впечатления Лахути во многом питались поэзией. Подражая отцу, он и сам стал слагать стихи¹.

На способного мальчика обратила внимание местная бехаистская община, отправившая его на свои средства учиться в Тегеран. Но духовная карьера мало привлекала молодого Лахути. Наступал 1905 год. Революция в России оказывала свое сильное влияние и на Иран. В Иране начался мощный подъем революционного движения, направленного против политики империалистических держав, за ограничение шахской власти.

В эту бурную эпоху и начался творческий путь Лахути. Он писал позже: «Я никогда не забуду комнату, задрапированную красным коленкором, красные знамена и револьвер на стене, револьвер, на котором я поклялся быть стойким солдатом революции. Как член кружка, я писал и распространял листовки «Шабнамэ», направленные против шаха и феодальной аристократии... В те дни среди революционных песен, которые распевал народ, были и мои стихи»².

Иранская демократическая литература, развивавшаяся, как известно, не без воздействия прогрессивных писателей Азербайджана³, стремилась к простоте и доходчивости языка, к ясности образов. Она была насыщена романтикой революционных боев и антиимпериалистическим пафосом. Все эти черты мы находим уже в первых стихах, опубликованных молодым Лахути. Он активно сотрудничает в нескольких прогрессивных газетах, выходивших тогда в Иране и за его рубежами. В те годы Лахути еще не отдавал себе ясного отчета в подлинном соотношении классовых сил в стране, но он видел, как безмерно страдал народ, в какой нищете жили крестьяне, как распродавались богатства Ирана. И поэт поднимал свой мужественный голос в защиту народа, еще не зная, как лучше ему помочь, еще не видя, кто главный враг родины, но уже отчетливо понимая, что отечество спасет «не вельмож почетное собрание»,

¹ См. А. Лахути. About myself. «Soviet literature», 1954, № 9, p. 139.

² Там же, стр. 139—140.

³ См. А. Г. Тагирджанов. Исторические корни персидской политической сатиры. «Вестник Ленинградского Государственного Университета», 1952, № 8, стр. 93.

а «безжалостный к врагу отточенный булат». С открытым забралом вступал Лахути в борьбу за правду:

...Визирь и богатей-векиль — изменники, скажу открыто!
Воздаст петлею иль мечом за это мне джаллад, не знаю.
О Лахути! Идешь на смерть, но что скорей тебя погубит —
Дар вдохновенья или твой правдолюбивый склад, не знаю⁴.

Его стихотворение «Клич народа» (فریاد ملت, 1909 г.) звучало клятвой патриотов своей отчизне:

...О родина-мать, твои сыновья не погибли,
Будь спокойна, они не поддались лживым уговорам
высokорoжденных.

Каждый твой уголок станет отныне логовом льва,
Каждая улица станет отныне станом храбрецов...⁵

Годы, последовавшие за поражением иранской революции, явились для поэта временем тягчайших испытаний. Приговоренный к смертной казни, он вынужден был в 1914 г. покинуть Иран. Но уже в 1915 г. поэт вернулся на родину и принял участие во вновь развернувшимся национально-освободительном движении.

В канун Октябрьской революции Лахути впервые знакомится с большевиками, которые находились в русских войсках, расположенных в Иране.

В 1918 г., когда английские войска вошли в Иран и вкупе с иранскими реакционерами и российскими белогвардейцами начали жестокую расправу с революционерами, Лахути снова был вынужден эмигрировать, на этот раз в Стамбул, где его ожидали новые невзгоды и лишения. Однако он не сложил оружия. В 1921 г. с одним из своих товарищей Лахути начинает издавать журнал «Парс» (پارس). Этот журнал, выходивший на персидском и французском языках, давал много интересного и живого литературного материала, но уже на седьмом номере издание его было запрещено властями⁶.

Великая Октябрьская социалистическая революция в России, положившая начало новой эпохе в истории русско-иранских отношений, способствовала бурному подъему национально-освободительного движения в Иране. Лахути рвался на родину, но турецкие власти несколько раз отказывали ему в визе. Если в некоторых ранних стихах стамбульского цикла сквозили нотки пессимизма и тоски, а лирический герой уподоблялся жертве злого охотника⁷, то уже к началу 1920 г. в сознании поэта происходит резкий перелом. Именно в это время он пишет программное стихотворение «В изгнании» (بستند هم‌رهان سوی یار و دیار بار), где окончательно определяет свою позицию поэта-трибуна:

...Судьба, я разгадал, зачем со мной ты споришь:
Чтобы моя душа была твоей рабой!
Эй, небо, не грози: я тверже, я сильнее!

⁴ Лахути. Избранное (в дальнейшем — Избранное). М., 1954, стр. 9 (Пер. О. Румера); لاھوتی دیوان (Лахути. Диван; в дальнейшем — Диван). М., 1939, стр. 10. Как сообщает в примечаниях к «Дивану» Е. Э. Бертельс, за это стихотворение Лахути платился несколькими днями ареста. Освобожден он был лишь благодаря требованию народа и вмешательству группы левых депутатов меджлиса. См. Диван, стр. 594.

⁵ لاھوتی. سرودهای آزادی و صلح (Лахути. Песни свободы и мира; в дальнейшем — Песни). М., 1954, стр. 19.

⁶ К. Чайкин. Краткий очерк новейшей персидской литературы. М., 1928, стр. 143—144.

⁷ Стих. «Боясь, не освободит меня из клетки охотник»... ترسم آزاد نسازد ز (Цветник литературы), сост. Хусейн Макки. Тегеран, 1941, стр. 349.

Эй, жребий, покорись: я выиграю бой!
 Ты можешь поразить меня мечом печали,
 Ты можешь мне грозить гибели стрелой,—
 Я не боюсь тебя, защитница презренных,
 Судьба, я не мишень твоей насмешке злой!
 Судьба, ты хищница, ты пожираешь падаль,
 Твоей добычей не стану я — живой!
 Я меч. А для меча нет в наготе позора.
 Я лев. И пусть в плену — свободен я душой.
 Ты не гляди, что я убог и беден с виду:
 Мои сокровища — дар вдохновенный мой!
 Кто ясен разумом, заискивать не станет —
 Он должен действовать, дышать и жить борьбой! ⁸

Последующие за этим события показали, что гордые слова поэта не остались фразой. Пешком через Аравийскую пустыню Лахути пробрался в Иран и примкнул к революционным частям. Он возглавил февральское восстание 1922 г. в Тавризе, которое вошло в историю под названием восстания Лахути-хана. Однако вскоре восстание было подавлено. Лахути пришлось эмигрировать в страну Советов.

Так завершился первый большой период жизни и творчества поэта.

Активное участие Лахути в революционных событиях, стремление жить интересами народа способствовали тому, что он стал певцом иранской революции, первым персидским пролетарским поэтом. Демократическая поэзия Ирана XX в., представленная именами М. Бахара, М. Ишки, Фаррухи Йезди и др., дала немало ярких образцов патристической гражданской лирики. Но по силе обличения, по антифеодалному и антиимпериалистическому пафосу ранняя поэзия Лахути могла быть поставлена рядом лишь с произведениями Фаррухи Йезди, хотя последний и уступал Лахути в ясности и непримиримости своего мировоззрения. Уже тогда в творчестве Лахути звучали пламенные призывы к революционным преобразованиям, твердая и непоколебимая уверенность в победе народа.

В 1922 г., как отзвук только что отгремевших боев за Тавриз, рождается стихотворение «Красная революция» (انقلاب سرخ), которое быстро завоевало признание в Иране, в Азербайджане и Таджикистане и вызвало много поэтических откликов. Как и большинство произведений Лахути этих лет, оно было написано в традиционной форме газели. Редиф «سرخ» — «красный» словно окрашивает все произведение, заставляет читателя почти физически ощущать пафос революции, ее пламень, видеть кровь ее сынов, льющуюся на баррикадах осажденного города и чувствовать ветер победы, развевающий красный стяг:

Пью за радостные вести залпом красное вино —
 Солнце красное восстанья на Востоке зажжено!
 Пью за миг, когда от крови иступленных палачей
 Будет море бед народных красной пеной вспенено.
 Близок час, когда за горло схватит выродка народ,
 Час, когда петлею красной будет сдавлено оно...
 Да прольется кровь тиранов, должен мир омыться в ней —
 В красной книге революций так записано давно ⁹.

По примеру старых мастеров Лахути всесторонне раскрывает значение наиболее важного для него слова. Игра словом не приобретает у него формального, самодовлеющего характера, она свидетельствует не о стремлении поэта к изощренности, а о желании его

⁸ Избранное, стр. 17 (Пер. С. Липкина); Диван, стр. 59.

⁹ Избранное, стр. 22 (Пер. Т. Спендиаровой); Диван, стр. 91.

подчинить один из художественных приемов классической поэзии наилучшему, наиболее полному выявлению идеи произведения — прославлению революции и веры в конечное торжество народного дела. В этом стихотворении Лахути удалось достичь убедительного единства старой формы с новым революционно-романтическим содержанием. Такое обогащение и развитие традиционной формы революционным содержанием, ясностью образов и политической заостренностью составило одну из особенностей всего последующего творчества Лахути. Он никогда не порывает с национальной традицией, стремясь использовать все лучшее, что она может дать в новых исторических условиях.

Но уже тогда, в первые десятилетия творческого труда поэта, мы встречаемся с произведениями, написанными в другом плане и в другом стиле. Романтический пафос и высокая патетика уступают место строго реалистической манере. Таково, например, стихотворение «Исполненное обещание» (وفای به عهد, 1909). Оно звучит, как торжественно-скорбная баллада о мужестве и стойкости солдат революции, павших жертвами в борьбе за свободу своей родины. И самый замысел поэта, и использованная им строфическая форма для создания сюжетного стихотворения — все это было по тому времени новаторством.

Таким образом, уже в раннем творчестве Лахути можно выделить как бы две тенденции, две линии развития художественного образа: с одной стороны, использование классических художественно-изобразительных средств, наполнение старых форм новым революционным содержанием и, с другой — создание стихотворений с драматическим сюжетом в форме баллад или маленьких поэм, в которых главную роль играет реалистический портрет, реалистическая жизненная деталь. Можно сказать, что уже в конце этого периода в творчестве Лахути создаются необходимые предпосылки, которые впоследствии облегчат ему переход на позиции социалистического реализма.

Прибытие в Советский Союз знаменует начало принципиально нового периода в творчестве Лахути. «Я приехал в страну Советов (СССР), — писал Лахути, — искать убежище, выпустив из рук боевое оружие, но неразлучное со мной мое другое оружие — мое перо, отточенное напильником советского воспитания, стало во много раз острее, а сам я в его применении стал гораздо искуснее» ¹⁰.

С первого же дня жизни на советской земле Лахути включился в активную общественную деятельность, которая расширила диапазон его творчества, обогащала и обогащала мировоззрение.

Но судьба Ирана, судьба его народа навсегда осталась одной из ведущих тем творчества Лахути:

...Источник первый вдохновенья
 и вздох последний мой,
 Обитель мудрости нетленной,
 поэзии живой,
 Воспоминанье и мечтанье,
 о, мой Иран родной ¹¹, —

так говорил об этом поэт.

В 1923 г., работая в московском Центриздате, выпускавшем литературу на языках народов СССР, Лахути собственноручно набирает первый сборник своих стихотворений «Рубайят» (رباعیات), вышедший в канун Первого мая 1924 г. На обложке книги было

¹⁰ هزار مضرع (Лахути. Тысяча строк). М., 1935, стр. 8.

¹¹ Избранное, стр. 40 (Пер. Ц. Бану); دیوان (Лахути. Диван). М., 1946, стр. 215.

напечатано четверостишие, которое не только являлось ключом ко всему сборнику, но и перекликалось своим содержанием со всей советской поэзией первых лет революции:

Эй, трудящиеся, эй, бедняки, объединяйтесь!
Против существования богатых объединяйтесь!
Без различия рас, религий и национальностей,
Эй, рабочие всего мира, объединяйтесь!¹²

Пафос революционной борьбы, призывы к единению и солидарности, к освобождению женщин Востока от вековых предрассудков и унижения, острое обличение мира бесправия и лицемерия, все то, что затем стало темой его крупных произведений, поэмы и баллад, можно уже найти в его миниатюрах-рубаи. Самая форма рубаи требовала от автора лаконизма и глубины мысли без ущерба для образности. И это, несомненно, удавалось поэту.

В 1924 г. Лахути вступает в Коммунистическую партию Советского Союза. Вскоре он уезжает на работу в только что созданную Таджикскую советскую автономную республику.

В эти годы таджикская советская литература лишь начинала свой путь. Творчество поэтов старшего поколения, искренне ставших на сторону Советов, и начинающих молодых писателей, — все это жило, участвовало в борьбе, но не имело ни достаточного широкого звучания, ни даже своего организационного центра. Лишь небольшой отряд литераторов группировался вокруг первых таджикских журналов и газет. Лахути отдает много сил и времени воспитанию молодых кадров таджикской литературы, ведет большую работу в таджикском обкоме партии, Народном комиссариате просвещения и ЦИК республики, является одним из организаторов Союза писателей Таджикистана, выступает с докладами перед рабкорами и селькорами¹³. Таджикские поэты, такие, как Пайрав Сулаймони, Мухаммаджон Рахими, Сухайли и другие, чье творчество началось в 20-е годы, многому учились у Лахути, находясь подчас под непосредственным воздействием его творчества.

В 20—30-е годы вышло более 20 сборников стихотворений поэта на таджикском, персидском и русском языках.

Горячо звучала уже тогда в творчестве поэта тема солидарности трудящихся, угнетенных масс Востока. В 1923 г. Лахути создает одно из своих самых замечательных произведений антиимпериалистического цикла «Сожженная нива» (چمن سوخته). Это стихотворение до сих пор волнует не только силой своего обличения, но и совершенной художественной формой. Мастерски использована здесь каждая деталь, каждая метафора. Все служит эмоциональной передаче авторской мысли. С каждой строкой, с каждой строкой картина разоренной, вытоптанной сапогами наемных солдат страны становится все отчетливее, убедительнее, беспощаднее:

Этот холм с повалившимся кедром,
Этот пепел сожженной травы,
Эти трупы птиц среди черной листвы
Под горячим и гнилостным ветром;

Эти горы в сухом и кровавом огне,
Эта линия рыжей реки,
Это небо, упавшее мглой в тростники,
Эти кладбища памятны мне.

¹² رباعیات لاهوتی (Лахути. Рубайят). М., 1924.

¹³ Об одной из таких встреч сообщалось, например, в корреспонденции из Курган-Тюбе, где в 1933 г. Лахути выступил перед рабкорами местных газет и учащимися. См «Тоҷикистони сурх», 10 апреля 1933.

...Из камней и развалин трава не растет,
Базилик на лугах не цветет,
И в угрюмой трясине кровавых болот
Голодающий бродит народ.

Я спросил у дорог: «Кто прошел здесь огнем?..»
У холмов: «Кто вас кровью залил?»
Как зовется страна? Как мы воду зовем?..»
И услышал: «Вода эта — Нил.

Здесь прошли батальоны английских солдат,
Батареи английских полков,
Смертоносные сохи английских бригад
И мотыги английских штыков...»¹⁴

В 30-е годы сформировались основные жанры поэзии Лахути, определилась ее основная тематика, которой он оставался верен и в последующие годы. Лахути выступает певцом дружбы народов, борьбы с империалистической реакцией, он разоблачает феодально-клерикальные пережитки в сознании людей, воспекает успехи социалистического строительства в Советской стране.

К первому Всесоюзному съезду советских писателей А. Лахути вместе с С. Айни приходят во главе таджикской советской литературы. После съезда А. Лахути и С. Айни были избраны в президиум ССП. С этого времени и примерно до середины 40-х годов Лахути активно работает в Правлении Союза советских писателей. Тогда же завязывается интересная переписка Лахути с А. М. Горьким, не только свидетельствующая об огромном уважении и любви, которые питал к Горькому Лахути, но и проливающая свет на деятельность поэта как одного из организаторов и пропагандистов национальных литератур нашего Союза¹⁵.

В июне 1935 г. Лахути участвует в Международном конгрессе писателей в защиту культуры в Париже, где выступает с большой речью, посвященной развитию культуры национальностей в СССР¹⁶.

По возвращении из Парижа Лахути пишет большую поэму «Путешествие во Франгистан» (سفر فرنگستان). Пафос ее состоит в противопоставлении мира социализма, страны Советов — миру угнетения, бесправия и лицемерия, западноевропейской действительности 30-х годов. Поэма создана приемом контрастных сопоставлений в излюбленном Лахути жанре притчи — «масал».

Интерес к жанру притчи у Лахути весьма устойчив. На протяжении всего своего творчества он то и дело обращается к приемам иносказания и аллегории не только для показа своего отношения к событиям настоящего и прошлого, для сатирического изображения действительности, но и для выражения больших гражданских чувств, для глубоких философских обобщений. Великолепное знание фольклора и классики приходило на помощь поэту, когда он хотел посмеяться над людьми, которых прельщает только внешний лоск, — «Осел и седло» (خرهمن خراست); и когда предостерегал молодежь от верхоглядства, поверхностного отношения к жизни, от недооценки героических дел советского народа — «Гора и зеркало» (کوه و آئینه); и когда он призывал к отпору фашистским войскам — «Рыцарь Мира» (پهلوان آشتی); и когда он с негодующим словом обращался к южнокорейским солдатам, поднявшим руку на своих единокровных братьев — «Лисынымановскому солдату» (اگر مردی حمایت کن وطن را). Чтобы запеть — «Лисынымановскому солдату» (اگر مردی حمایت کن وطن را).

¹⁴ Избранное, стр. 65—66 (Пер. Б. Лапина и З. Хапревина); Диван, стр. 129.

¹⁵ Письмо Лахути А. М. Горькому от 15 ноября 1935 г. Фотокопия. Шифр КГ-п-44-1; письмо А. М. Горького Лахути от 17 ноября 1935 г. Фонд — личный архив Горького. Шифр ПГ-рл, 23-10-1. Архив А. М. Горького при Институте мировой литературы им. Горького АН СССР.

¹⁶ «Международный конгресс писателей в защиту культуры», М., 1936, стр. 302 и сл.

чатлеть облик Горького и раскрыть внутреннюю сущность его творчества, Лахути также обращается к этому жанру, создав одну из своих самых ярких и оригинальных поэм-притч «Три капли» (سه قطره).

Но не всегда идея произведения удачно воплощалась в притче. Хотя Лахути и проявлял большую изобретательность в развитии этого жанра, однако порой возможности притчи оказывались недостаточными и лишь затрудняли глубокое и гармоничное решение темы. Так получилось, например, с его большой поэмой «Пери счастья» (پری بخت, 1947).

Представляется целесообразным несколько подробнее остановиться на анализе этого произведения, поскольку и достоинства его и недостатки весьма поучительны. Острые споры о поэме не прекратились по сути дела и до сих пор. Наиболее определенно и четко отрицательная оценка этой поэмы была сформулирована в выступлениях и статьях В. Инбер, Н. Кладо и др.

«Пери счастья» — это романтическая поэма-притча. Сказка, фантастика перемежаются в поэме с лирическими отступлениями, написанными в реалистическом духе, как бы связывающими самое содержание сказки, судьбы ее героев с современностью и раскрывающими символику и аллегорию.

Новаторство этого произведения состояло в том, что в нем по-новому (в сравнении с традиционным фольклорным мотивом, к которому оно восходит) представлены были пути борьбы народа за освобождение томящейся в неволе Перп, олицетворяющей свободу. Стремясь к счастью, отдельные герои терпят поражение за поражением, и только объединившись, действуя по заветам мудрого Счастьевода (Бахтшенаса), люди разных национальностей дружными усилиями свергают Дэва насилия и освобождают Пери счастья. Совершенно очевидно, что при анализе таких явлений литературы, как «Пери счастья», речь должна идти прежде всего о методе писателя. Вопрос о методе Лахути, о правомерности избранных им художественных приемов закономерно перерос при спорах о поэме в разговор о допустимости, желательности или нежелательности в искусстве социалистического реализма языка символов, аллегорий, условностей.

Раз в «храм реализма», по мнению отрицателей поэмы, аллегория не вхожа¹⁷, то произведение Лахути оказывалось, таким образом, неприемлемым для советского читателя, каким бы значительным по идее и замыслу оно ни было.

Гораздо более правильной кажется нам точка зрения тех критиков, которые, особенно в последние годы, не противопоставляют аллегорию реализму, символические образы — реалистическим, а признают правомерным использование аллегорий и символов в искусстве социалистического реализма¹⁸.

Нельзя не считаться с тем, что поэтическое мышление символами и аллегориями имеет особенно прочные и давние традиции в странах Востока. Система символических образов, гипербола, аллегорий стала неотъемлемой частью национальной формы культуры и литературы народов Индии, Ирана, Афганистана и других стран. Конечно, национальная форма не есть нечто статическое, окаменевшее, раз навсегда данное, но опыт истории этих литератур показывает, что именно символическость оказывается наиболее живучим и гибким элементом национальной формы, имеющим и сейчас актуальное значение.

Выше мы назвали «Пери счастья» романтической поэмой-притчей. Романтизм ее сродни тому «активному романтизму», который, по определению Горького, «стремится усилить волю человека к жизни, возбудить в нем мятеж против действительности, против всякого гнета ее»¹⁹. Такой романтизм не только не противоречит искусству со-

¹⁷ Декада таджикской советской литературы в Москве. Сборник материалов. Сталинабад, 1950, стр. 132 (выступление В. Инбер). См. также Н. Кладо. О новаторстве и мастерстве. В кн. «Таджикская советская литература». Сталинабад, 1954, стр. 231—232.

¹⁸ Г. Мирзоев. Заметки о современной таджикской поэзии, в кн. «Таджикская советская литература». Сталинабад, 1954, стр. 316. С. Улуг-Зода. Какая литературная критика нам нужна. «Дружба народов», 1955, № 12, стр. 121.

¹⁹ М. Горький. Собр. соч., т. 24, стр. 471.

циалистического реализма, но является одним из его действенных и плодотворных элементов.

И все же в поэме Лахути бесспорно имеется определенный художественный просчет, который помешал тому, чтобы это произведение стало этапным в творчестве поэта. Оно не явилось шагом вперед по сравнению с такими его поэмами, как «Три капли» или «Путешествие во Франгистан», хотя по широте замысла «Пери счастья» и претендует на то, чтобы стать выше этих произведений. Причина, на наш взгляд, кроется в том, что в художественном решении темы, в самих аллегориях и символах Лахути повторял самого себя. В каждой из упомянутых нами поэм-притч есть какой-то новый прием, новое в разработке сюжета, композиции и т. д., которые обогащали этот жанр, являлись его развитием. В «Пери счастья» мы этого не наблюдаем.

В одном из своих публицистических выступлений Лахути сформулировал следующие основные условия плодотворного литературного творчества: идейность, высокая художественность формы, знание действительности, читательской аудитории и, наконец, творческое освоение традиций классического наследия²⁰.

Лахути не раз обосновывал свой взгляд на проблему овладения мастерством классиков, подчеркивая жизненность их традиций, выступая в защиту классиков от вульгаризаторов и нигилистов. Так, в период подготовки ко Второму Всесоюзному съезду советских писателей в 1954 г. он писал: «...Новые поэтические формы, которых ждет литература братских народов, должны быть не заимствованы извне, а созданы талантом наших поэтов на основе творческого использования опыта классической литературы своих народов и передовой литературы всего мира, прежде всего русской классической и советской литературы...»²¹.

Творчество Лахути и представляет собой образец того, как, уходя корнями в классическую поэзию, можно создавать вещи новаторские и по форме и по содержанию. Одним из поэтических приемов, позволяющих поэту создавать оригинальные произведения, является прием «ответа-противопоставления» — «назира». Лахути часто выбирает эпитафию из старых поэтов, фрагмент, заключающий мысль, с которой он собирается вступить в спор, противопоставляя старому мироощущению — новое. На этом приеме основывается, например, одно из замечательных ранних произведений Лахути — его героико-романтическая поэма «Кремль» (کرمل, 1923). Эта поэма — «назира» на элегию «Развалины Медаина» (هان ای دل عبرت بین از دیده نظر کن هان) знаменитого поэта XII в. Афзаладдина Хакани.

Хакани всеми исследователями его творчества считается одним из блестящих представителей нового направления в поэзии, характеризуемого «сложностью и напряженностью стиля» (К. Чайкин), «мощным изяществом языка» (А. Крымский), «глубиной философской мысли, максимальным использованием всех значений слова, переходящим порой в виртуозную игру» (Е. Бертельс). В «Развалинах Медаина» поэт скорбит о безвозвратно ушедшем могуществе сасанидского Ирана и обращается со словами грозного предсказания о тленности всего земного к современным ему властителям — Ширваншахам. Скорбь по ушедшему могуществу, мрачные мысли о неизбежной смерти всего живущего — основной тон элегии Хакани.

«Кремль» Лахути написан в светлых, мажорных тонах. Это симфония победившего мира социализма, и потому гуманистический пафос поэмы звучит на неизмеримо более высокой ноте, чем у Хакани. Девятым валом революционной бури встает в поэме Великая Октябрьская социалистическая революция. От патетических размышлений о судьбах Кремля и Медаина, от конкретных реальных событий истории одной страны, одного народа Лахути переходит к глубоким поэтическим обобщениям о судьбах народов мира, в течение веков воздвигавших на своих костях дворцы для своих угнетателей.

²⁰ Гасем Лахути. Мой творческий опыт — рабочему автору. Ташкент, 1935, стр. 20.

²¹ Лахути. Творческое освоение традиций классиков. «Литературная газета», 31 августа 1954 г.

Ликующим финалом своей поэмы отвечал Лахути мрачным предсказаниям Хакани:

Рабочий встанет класс, победы грянет час,
Я вижу: целый мир — единая страна,
И молот — властелин, и серп — эмир один,
И Красною звездой земля озарена.
Царей, попов обман растает, как туман,
Корона упадет, народом сметена.
Тьма сгинет, в мир сойдет познание — и народ
Забудет имя «бог» и слово «сатана»²².

Оттолкнувшись от элегии Хакани, Лахути создал произведение, насыщенное новым содержанием, новым мироощущением, и сделал он это, верный традициям «назира», используя форму, поэтические приемы, монорифму и даже самый размер, которыми была создана поэма Хакани. Но Лахути сумел подчинить виртуозную поэтическую технику далекого предшественника утверждению нового, социалистического идеала.

Другим крупным произведением, которое также стало вехой на пути поэта, овладевавшего методом социалистического реализма, явилась его поэма «Корона и знамя» (تاج و بیرق, 1935)²³. В основу поэмы положен тот же прием поэтической переключки с далеким прошлым — на этот раз с эпической поэмой Фирдоуси «Шахнаме».

Осуществлению замысла поэта — показать людей сегодняшнего Таджикистана — немало содействовал М. Горький²⁴. Своеобразным прологом к поэме послужил фрагмент из «Шахнаме», в котором рассказывалось о кровопролитной битве между воинами Ирана и Турана за шахскую корону, потерянную в одном из боев. Событие это, как повествует предание, произошло в районе Ходжента (нынешнего Ленинабада). В 1933 г. Лахути побывал в этих местах. «Но там, — вспоминал он, — уже шла борьба совсем иного рода. Семь бригад колхоза «Коммунист» боролись за Красное знамя... (за то), кто быстрее и лучше соберет хлопок... Красное знамя в этом соревновании присуждалось ежедневно...»²⁵. Лахути поставил художественную цель — раскрыть смысл нового отношения к труду со стороны советского передового колхозника-таджика.

В основе конфликта поэмы — соревнование колхозников и их борьба с остатками разгромленных басмаческих банд. Второй конфликтный узел представлен в единоборстве Арифа с бывшим кулаком Султан-Ходжой. И здесь — снова переключка с поэмой Фирдоуси, в которой повествуется о единоборстве иранского витязя Бахрама с туранским витязем. Картина сражения дана целиком в духе Фирдоуси, но смысл борьбы совершенно иной, иные условия и результаты победы. Ариф выигрывает бой при помощи подоспевших на выручку колхозников из обеих соревнующихся бригад. Внутренний смысл конфликтов поэмы раскрывается в заключительной части. Переключаясь с прологом, эта заключительная часть делает художественно законченной композицию поэмы, сюжет которой как бы выступает в обрамлении классического произведения Фирдоуси.

Поэмой «Корона и знамя» Лахути закрепил свои достижения как в создании сюжетной поэмы, так и в создании реалистических характеров своих современников. Если раньше в таких произведениях, как «Исполненное обещание», «Шамсе Кесмаи» (به شمس کسمائی), «На смерть революционера» (مرگ انقلابچی), «Единение» (وحدت) и другие, были найдены элементы реалистического портрета и дана тонкая психологическая обрисовка отдельных образов, то поэма «Корона и знамя» явилась многоплановым произведением. Образ колхозника Арифа как бы вбирает в себя типические

²² Лахути. Кремль. Сталинабад — Ленинград, 1938 (Пер. Ц. Бану), стр. 16; Диван, стр. 128.

²³ Впервые опубликована в «Тоҷикистони сурх», 11 октября 1935 г.

²⁴ См. Лахути. Великий друг Советского Востока. «Литературная газета», 26 июня 1936 г.

²⁵ «Тоҷикистони сурх», 11 октября 1935 г.

черты всего советского крестьянства. В таджикской литературе начала 30-х годов эта поэма явилась одним из первых произведений на колхозную тему и была в свое время высоко оценена таджикской общественностью. Вот почему нам представляется принципиально неверной оценка творчества Лахути, данная в «Очерке истории таджикской советской литературы», где Лахути упрекают за то, что ему якобы так и не удалось создать «запечатлевающийся образ таджикского героя советской эпохи»²⁶.

Но Лахути не только автор крупных эпических полотен. И в Советском Союзе, и в странах зарубежного Востока большой известностью и популярностью пользуются лирические стихотворения Лахути: газели, рубай, экспромты. Он пишет их и в тяжелые годы стамбульской эмиграции, и сражаясь на баррикадах, и в период борьбы с басмачами, и во время мирного созидательного труда советского народа.

Новаторская сущность поэзии Лахути, эволюция художественного метода в лирическом жанре, точнее, в интимной лирике поэта, проявилась особенно своеобразно. Как это ни парадоксально на первый взгляд, но лирический герой подавляющего большинства его любовных стихотворений гораздо дольше сохранял традиционные черты. Так, довольно устойчивым в творчестве поэта остается уподобление лирического героя соловью, тоскующему по розе, влюбленному мотыльку, сжигающему свои крылья на огне свечи-любви, и т. п.

В чем же, однако, заключается секрет популярности лирических стихотворений Лахути, их обаяние? Ведь не только и не столько в том, что эти стихи по своим формальным достоинствам мало уступают прославленным газелям классиков. Чем объяснить, что многие газели Лахути стали подлинно народными песнями, прочно бытуют в фольклоре, а советские композиторы (например Бурханов, Шахиди, Сайфиддинов) пишут музыку, создают романсы на слова Лахути?

Несомненным достоинством лирики Лахути является то, что мы не найдем у него стихов без адреса. Нет в его творчестве и отвлеченных умозрительных рассуждений о любви. Его газели и рубай всегда окрашены личным переживанием, несут на себе явственную печать времени, эпохи, дел и свершений, которыми живет страна, ее народ. И хотя образ возлюбленной часто окутан флером традиционных эпитетов и уподоблений, он всегда включает в себе передовую мораль, а нравственный идеал поэта всегда высок и чист. Еще в дореволюционных лирических стихах поэта наблюдаются следы поисков не только новых героев, но и новых художественно-образительных средств — метафор, сравнений, эпитетов — для их характеристики. Однако борьба и поиски проходили не без острых противоречий, гораздо труднее и медленнее, чем в других жанрах. Причины этого кроются, как нам кажется, в самой истории персидской и таджикской литератур. Если, обращаясь к гражданской тематике, к пафосу революционных боев и социалистического строительства, создавая новые жанры — поэмы, баллады, марши, песни и т. д., — Лахути шел непроторенными путями, творчески используя старые формы, то в сфере интимных переживаний он долгое время находился во власти привычных, любимых народом и непревзойденных по мастерству образов лирики Саади, Хафиза, Камола Худжанди... Знаменательно, что еще в 1918 г. в стихотворении «Иранской девушке» (به دختر ایران)²⁷ Лахути мастерски развенчал традиционное представление о восточной красавице, переключаясь в этом отношении с азербайджанским поэтом Сабиром²⁸.

Но в отличие от Сабира, который ограничился осмеянием эпигонской манеры современных ему поэтов, Лахути, развенчивая традиционный образ, стремится противопоставить ему свой идеал женской красоты. Вторую часть своего стихотворения он посвящает свободной, равноправной, культурной женщине, которая только и может стать достойной воспитательницей молодого поколения. Именно в этом видел поэт пат-

²⁶ «Очерк истории таджикской советской литературы». Сталинабад, 1955, стр. 111.

²⁷ Диван, стр. 27.

²⁸ См. сатирическое стихотворение Сабира «Подражание нашим поэтам» (1909) в кн.: Сабир. Сатиры и лирика. Л., 1950, стр. 197.

риотический долг иранской женщины перед своей родиной. Не только в условиях полуфеодалного Ирана, но и позднее, когда поэт стал активным участником борьбы за раскрепощение таджички от многовекового рабства религиозных и бытовых пережитков, это стихотворение, как и другие на ту же тему, звучало в высшей степени актуально. Это было одно из первых стихотворений Лахути, опубликованное в Таджикистане²⁹.

В лирических стихах Лахути, особенно в его экспромтах и рубаях, много удачных словесных находок, остроумных параллелей, меткой игры образом-словом:

Мне твоим бы соседом, любимая, стать,
Стать бы посохом деда — тебя провожать,
Или облаком — в поле от знойных лучей,
Благодатною тенью тебя укрывать.³⁰

Но рядом со стихами, в которых заключается оригинальная мысль, по-новому решается тема любви, встречаются такие, где снова обыгрывается традиционный образ:

Что на тебя напало, сердце, сердце?
Иль биться ты устало, сердце, сердце?
Сгораешь ты и счастье видишь в том,
Иль мотыльком ты стало, сердце, сердце?³¹

С годами Лахути все чаще обращается к русской литературе. Осмысливая через переводы, прежде всего блестящие переводы из Пушкина, новые для персидского языка стиль, строй образов, художественно-образительные средства, он заставляет звучать и свой стих по-новому. Многие лирические произведения 40- и 50-х годов отличаются гораздо большей глубиной философской мысли, в них все реже встречаются традиционные образы, а самая разработка лирической темы, не теряя своего национального колорита, приобретает более глубокое, общечеловеческое звучание. Этим стилизуется, например, проникнутая элегическим настроением газель «Темноволосая моя» (ماه مشک موی, 1953)³².

Однако несмотря на серьезные успехи, в лирическом жанре в целом Лахути все же не удалось достичь полной гармонии содержания и формы. Общественная значимость художественного образа, его новаторская сущность часто оказывались приглушенными канонизированными художественно-образительными средствами классической поэтики. Но Лахути постоянно стремился к преодолению этого разрыва, который на первых этапах развития таджикской советской литературы, а также соловленной статичности формы постепенно преодолевается уже новым поколением таджикских и персидских поэтов.

Во время Великой Отечественной войны и в послевоенное десятилетие Лахути по-прежнему много и интенсивно работает. Он составляет письмо в стихах от имени таджикского народа «Борющемуся народу Украины», принятое 16 апреля 1942 г. на митинге интеллигенции в Сталинабаде, выпускает сборник антифашистских стихов «Вооруженные песни» (Сурудҳои мусаллаҳ, 1942), создает поэмы «Страдания мужественных» (Мардистон), посвященную двадцати восьми гвардейцам-панфиловцам (эта поэма отдельным изданием вышла в 1944 году и в Иране), «Победа Тани» (Ғалабаи Тани) и другие. В послевоенные годы, кроме упомянутой уже поэмы «Пери счастья», он пишет ряд стихотворений и баллад, посвященных событиям в Корею, Китае, Египте, движению за мир, цикл газелей, множество лирических миниатюр...

²⁹ См. *Авоан таҷик* (Голос таджика), 12 и 18 февраля 1925 г.

³⁰ Избранное, стр. 157 (Пер. Ц. Бану), Диван, стр. 522.

³¹ Избранное, стр. 155 (Пер. Ц. Бану), Диван, стр. 523.

³² Избранное, стр. 144 (Пер. К. Арсеновой), Песни, стр. 347.

Но ослабевает и общественная деятельность Лахути. В 1947 г. его избирают депутатом Сталинабадского городского совета депутатов трудящихся. В 1954 г. на втором Всесоюзном съезде писателей Лахути вновь избирается членом правления Союза писателей.

До последних дней Лахути живо трогали жгучие политические проблемы. Он неоднократно выступал с разоблачениями клеветнических кампаний, время от времени поднимавшихся за рубежом³³.

Реакционеры Ирана и других стран боятся Лахути. Но народы Востока — и советского, и зарубежного — любят поэзию Лахути. С годами она все прочнее овладевает сердцами его читателей, неотъемлемой частью входя в их духовную жизнь. Вот, например, что писал таджикский поэт Мирсайд Миршакар: «...Полтора месяца я отдыхал в Шугнанах и был свидетелем того, как колхозники во время работы, пастухи, пася свои стада, школьники во время каникул, влюбленные, идя на свидания к своим любимым, ... поют ваши газели. Отец мой, Вы не только наставник поэтов, но и наставник в труде, в отдыхе, в любви и дружбе. Вы участник всей нашей счастливой жизни»³⁴.

А недавно довелось обнаружить трогательное свидетельство популярности Лахути в Афганистане. В провинциальной афганской газете «بيدار» (Бодрствующий), издаваемой в городе Мазар-и-Шариф, был помещен мухаммас на газель Лахути «Сердце» (دل). Автором его является афганский поэт Садем³⁵.

Лахути скончался 16 марта 1957 года. Смерть прервала осуществление больших творческих замыслов. На декаде таджикского искусства и литературы, которая проходила в Москве 9—19 апреля 1957 г., творчество Лахути было представлено новыми яркими произведениями. «Литературная газета» и журнал «Дружба народов» опубликовали несколько лирических стихотворений Лахути, написанных им незадолго до кончины. Государственный таджикский драматический театр имени Лахути показал москвичам шекспировского «Короля Лира» в переводе А. Лахути и Ц. Бану. Этим же театром принята к постановке и последняя работа Лахути — перевод пьесы Грибоедова «Горе от ума». В Сталинабаде накануне декады вышел сборник стихов поэта «Голос жизни» (Нидои зиндаги), а в Москве томик стихотворений разных лет на персидском языке и фундаментальный труд — первый том перевода на русский язык «Шахнаме» Фирдоуси, осуществленного Ц. Бану под редакцией и при непосредственном участии самого А. Лахути. Последние две книги поэту уже не довелось увидеть.

Всей своей жизнью и творчеством Лахути внес достойный вклад в поэтическую сокровищницу двух народов, бережно сохранив и обогатив традиции одинаково близких и дорогих и персам и таджикам Фирдоуси и Саади, Хайяма и Хафиза. Но не только в этом видел он свою заслугу. В одном из последних произведений, которое по справедливости может быть названо его поэтическим завещанием, Лахути так писал о себе, о своем месте в борьбе за лучшее будущее человечества:

Я тот, о милая отчизна, кто за тебя на смерть пойдет,
Кто сотней уст неутомимых тебе во славу гимн поет.
Я тот, кто пламенно и страстно в тебя до старости влюблен,
Кому любовь к тебе дарует и юный жар, и смелый взлет.
Я тот, кто в час беды грозящей, при свисте вражеской стрелы
Вперед кидается без страха и грудью за тебя встает.
Урок для юношей — в сраженьях промчавшаяся жизнь моя,
Рассказ о том, как люд рабочий встает на бой, свергает гнет.
Сегодня юноши недаром отцом зовут меня, я тот,

³³ См. «Литературная газета», 21 ноября 1953 г.; «Известия», 19 декабря 1953 г.

³⁴ Из личного архива поэта. Письмо Мирсаида Миршакара от 10 января 1946 г.; написано на таджикском языке. Отрывок из письма публикуется впервые с любезного разрешения Ц. Бану и М. Миршакара.

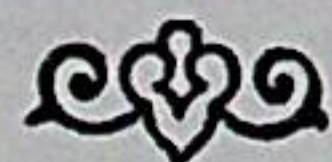
³⁵ *بيدار*, 23 января 1956 г.

Кого своим солдатом старым признал весь трудовой народ.
 Но к знанию разум мой стремится и к очищению душа,
 Пустых невежд самодовольство во мне приюта не найдет.
 Таков при жизни, а настанет мой час глаза навек сомкнуть,
 С живыми рядом я незримо продолжу боевой поход.
 Когда услышишь дальний голос, что каждой песней и стихом
 Тебя с восторгом прославляет,— знай, это голос мой поет.
 Цветок, в чьем аромате верность, увидишь на своем пути —
 Вглядись в него, меж лепестками мой взор живой тебе сверкнет.
 С любовью к дорожному краю все существо мое срослось,
 С бессмертной родною вместе мой дух бессмертье обретет.
 Певец отчизны я, не диво, что людям громко говорю:
 Я — Лахути из Керманшаха, пусть каждый так меня зовет³⁶.

SUMMARY

The article contains a brief analysis of the works of Abū-l-Qāsim (Ghasem) Lāhūtī (1887—1957), outstanding poet of the Persian and Tajik peoples.

His first poems to appear in print date back to the time of the Persian revolution of 1905—1911, and they are full of revolutionary ardour. On the eve of the October Revolution of 1917 Lāhūtī made his first acquaintance with Bolsheviks who served in the Russian units in Persia. In 1922 Lāhūtī was forced to leave his country. He went to the Soviet Union. The first Persian proletarian poet, he became also one of the founders of Tajik Soviet poetry. But the Persian theme remained one of the main themes in his productions. Analysing Lāhūtī's major works written in the Soviet period, such as «The Kremlin», «The Crown and the Banner», and «Peri of Happiness», the reviewer brings out the characteristic features of his style, such as the use of the «nazīrah» (an answer controverting some classical production) and the «mazal» (allegoric parable). In the opinion of the author of the article, the poet's faithfulness to tradition is more pronounced in intimate lyrics than in other genres. The article analyses the strong and weak points of Lāhūtī's poetry, emphasizing its great significance for modern Persian and Tajik literatures.

³⁶ Из личного архива поэта. Пер. Ц. Бану. Подлинник стихотворения полностью еще не опубликован, перевод публикуется впервые с любезного разрешения Ц. Бану.

РАННИЕ ХРИСТИАНСКИЕ ИСТОЧНИКИ ЛЕГЕНДЫ О ХОСРОВЕ И ШИРИН

Г. Ю. АЛИЕВ

Легенда о Хосрове и Ширин, широко распространенная на Ближнем Востоке, в Средней Азии и Индии, увековечена в поэме великого Низами Гянджеви.

В течение последнего тысячелетия легенда о Хосрове и Ширин была положена в основу сюжета более шестидесяти произведений, среди которых многие по праву считаются шедеврами той или другой национальной литературы, а некоторые вошли в сокровищницу мировой литературы. Именно поэтому вопрос об источниках темы Хосрова и Ширин представляет интерес не только для филолога и, естественно, может стать предметом научного изучения.

В настоящей статье, являющейся частью большого исследования об истории этой легенды с VII по XIV вв., автор ставит своей задачей проанализировать сообщения ранних христианских источников¹, прежде всего тех, которые дают сведения о взаимоотношениях между Ширин и Хосровом и о самой Ширин, поскольку почти все хронологические истории сасанидской династии Ирана, содержащие богатейший материал о сасанидском царе Хосрове, но редко упоминают имя Ширин.

Исследование источников легенды о Хосрове и Ширин уводит нас к историческим событиям, происходившим в Иране в конце VI в. Из исторических документов мы знаем, что в 591 г. сын свергнутого царя Хормузды (Hormisdas, هرمزد) Хосров с помощью войск византийского императора Маврикия (Mauricius, موريس/موريق) подавил мятеж, возглавляемый полководцем Бахрамом Чубином, и занял сасанидский престол. По сведениям восточных источников, «император Маврикий дал свою дочь Хосрову в жены». Греческие (византийские) авторы об этом ничего не сообщают. Хосров II, упрочив свою власть, начал расширять территорию сасанидской империи. В 603 г. его войска напали на Византию, которая еще в 590 г. вынудила Сасанидов отказаться от некоторых подвластных Ирану провинций. Предлогом для этого нападения явилась казнь императора Маврикия (602 г.). Сасанидские войска завоевали одну за другой ряд провинций на Ближнем Востоке и в Малой Азии, в том числе Антиохию, Сирию, Египет и другие.

¹ Вопрос об источниках легенды о Хосрове и Ширин, кроме специальных исследований (Е. Э. Бертельс. Низами. М., Изд-во АН СССР, 1956; Н. W. Duda. Ferhād und Schirīn. Praha, 1933), частично затрагивается и в работах по истории восточных династий и Византии (Le Beau. Histoire du Bas-Empire. Paris, 1829; G. Rawlinson. The seventh great oriental monarchy. New York, 1875; М. К. Патканян. Essai d'une histoire de la dynastie des Sassanides d'après les renseignements fournis par les historiens Arméniens. «Journal Asiatique», février — mars, 1866, p. 101—238; Ed. Gibbon. The decline and fall of the Roman empire, 4 vol. London and New York, 1887; Th. Nöldeke. Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden. Leyden, 1879; Н. В. Пугачевская. Византия и Иран на рубеже VI и VII веков. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1946).

В начале VII в. Иран выступает на Ближнем Востоке как могущественная держава, представлявшая угрозу для Византии. В 615 г. полководец Хосрова II Шахрбараз (شهربراز) разрушил Иерусалим. В числе награбленных богатств из центра христианства было увезено также «святое древо». Все эти события оставили глубокий след в хрониках современников. Как христианские, так и мусульманские авторы отводят особенно большое место описанию царствования Хосрова II, последнего выдающегося сасанидского правителя, упоминают иногда и имя его жены Ширин, ставшее впоследствии на Востоке символом красоты и преданности. Как историческая личность она упоминается в византийских, армянских и сирийских источниках, а позднее также в арабских и персидских хрониках.

Самое раннее сообщение о Ширин встречается у византийского историка Феофилакта Симокатты, египтянина по происхождению. Он жил в конце VI — начале VII в. и являлся современником исторических событий, которые позднее легли в основу легенды о Хосрове и Ширин. Симокатта был осведомлен в сирийском и среднеперсидском языках. Ему принадлежит ряд книг, написанных по-гречески, из которых особенно большой интерес представляет работа, описывающая события правления Маврикия.

Латинский перевод этой книги, ставшей известной впоследствии под названием «История Симокатты»², вместе с греческим текстом опубликован в 1834 г. в «Corpus scriptorum historiae Byzantinae»³. В своей «Истории» Симокатта большое место отводит и отношениям византийцев с персами. Рассказывая о Хосрове, автор приводит текст двух его посланий. В первом, адресованном храму Сергия Русафского⁴, говорится о возвращении им (Хосровом) двух золотых крестов «Храму святого Сергия»⁵. Содержание второго послания Хосрова тому же храму целиком относится к героине легенды — Ширин. Симокатта пишет, что вскоре после отправки первого послания храму святого Сергия Ширин была возведена в сан царицы Ирана: «... На следующий после этого год персидский царь публично признает царицей Сирю⁶, рождением ромейнку и христианку по религии (genere Romanam et religione christianam), и тем самым нарушает законы и обычаи персов»⁷.

Большинство авторов склонно считать, что «genere Romanam» следует толковать как «римлянка». Однако, с нашей точки зрения, правильнее усматривать здесь значение «ромейнка». Византия, возникшая в восточной части Римской империи после ее распада, отличалась своей этнической пестротой; в ее состав в те времена входил ряд стран Ближнего Востока, Малой Азии и Северной Африки. Подданные Восточно-Римской Империи (Византии) «...не называли себя ни римлянами,

² Подробно о нем см.: К. Krumbacher. Geschichte der Byzantinischen Litteratur. München, 1897, S. 247—252; Борис. Очерки по истории просвещения в период византийский. Киев, 1893, стр. 23—25; Н. В. Пугулевская. Указ. соч., стр. 7—16.

³ См. «Theophylacti Simocattae Historiarum libri octo». «Corpus scriptorum historiae Byzantinae». Bonnae, 1834 (в дальнейшем — «Th. Simocattae Historiarum...»).

⁴ Сергей Русафский (в армянских источниках — Саргис, в арабских سرچيس) был самым читаемым духовным лицом у христиан Переднего Востока — греков, сирийцев и арабов. Его храм, находившийся в Русафа (Rosafa), пользовался исключительным влиянием также в Иране. Впоследствии это городище стало называться Сергиополем. См. J. Labourt. Le Christianisme dans l'empire Perse sous la dynastie Sassanide (224—632). Paris, 1904, p. 209.

⁵ «Th. Simocattae Historiarum...», p. 233.

⁶ В византийских источниках имя Ширин встречается в форме Σιρη или Σειρεμ. По этому поводу известный французский ориенталист Сен-Мартен (Saint Martin) пишет: «Cette femme (т. е. Ширин. — Г. А.) appelée Sira ou Sire par les écrivains grecs, est nommée Schirin dans les historiens et dans les poètes de l'Orient» (см. Le Beau. Указ. соч., т. X, стр. 334, прим. 3). Соответствующие комментарии к X тому работы Лебо принадлежат Сен-Мартену.

⁷ «Th. Simocattae Historiarum...», p. 231.

ни эллинами, а усвоили себе имя ромей»⁸. Заметим, что такая тенденция была особенно сильной в начале VII в. Естественно, что императорский писец Симокатта легко мог превратить христианку Ширин в «ромейнку», под которой можно подразумевать также «византийку». Правильность такого именно понимания подтверждает также содержание второго послания Хосрова, в котором он мотивирует недовольство, вызванное Ширин. не ее ромейским происхождением, а скорее ее христианским вероисповеданием. Ниже приводится перевод того места из послания Хосрова, которое относится к Ширин:

«Великому Свидетелю Сергию Хосров, царь царей. Я Хосров, царь царей, сын Хормузда, послал эти дары с алтарем не для того, чтобы на них смотрели люди, и не для того, чтобы из моих слов обнаружилась вся широта почитания имени твоего, а для того, чтобы в них нашли выражение та искренность действий, те многие милости и благодеяния, которыми ты обязал меня. Ведь я сужу об исполнении своего желания, поскольку вижу имя свое на твоих священных сосудах. Когда я был в Берраме⁹, молил тебя, муж святой, чтобы ты поддержал меня своею помощью и Сира (Ширин) зачала. Но она была христианкой, и я почитал таинства греков, и поскольку я по нашим законам не мог иметь ее в браке, я, вследствие преданности к тебе, спокойно ввел ее к себе и ее предпочтительно перед другими женами повседневно любил искренним чувством и душою. И вот я решил воззвать к твоей доброте, чтобы Сира (Ширин) стала беременной. Я молил и решил, что если это свершится, я пошлю твоему почитаемому престолу крест, который она носила на шее, и по этой причине я и Сира (Ширин) пришли к решению, прибегая к имени твоему, святой муж, удерживать этот крест при себе и уплатить за него цену не менее четырех тысяч трехсот статеров, миллиарезнов, даже пяти тысяч статеров. Так я возымел в душе такого рода желание и об этом размышлял сам с собою, пока мы не пришли в Rhosochosrum¹⁰. И не прошло десяти дней, как ты, святой, не потому, чтобы я это заслужил, но потому, что ты добр, явился в мире и в третий раз сказал, что Сира (Ширин) беременна. И тогда я тебе ответил: «Это хорошо, хорошо, хорошо...»

Далее Хосров перечисляет все дары, которые он отправил храму Сергия, и заканчивает послание выражением благодарности:

«...А оставшиеся миллиарезны я оставил твоему святому храму, чтобы были мы под твоей защитой, святой, во всех делах, чтобы ты прежде всего снизошел к просьбе моей и Сире (Ширин), чтобы это было нам дано твоими молитвами и милосердием благодати твоей, чтобы это осуществилось по нашему общему желанию, чтобы я и Сира (Ширин) и все смертные возлагали надежды на твое могущество и в тебя верили»¹¹.

Из второго послания Хосрова вытекает, что Ширин некоторое время находилась на положении наложницы именно в силу того, что была христианкой. Располагая некоторыми данными, сообщаемыми самим Симокаттой, нетрудно установить время бракосочетания Хосрова и Ширин. В первом послании Хосрова, в котором говорится о передаче двух золотых крестов храму Сергия, имеется сообщение о том, что 9 февраля он (Хосров) получил голову Задаспры (Zadasprates)¹², военачальника Бахрама Чубина, убитого в 591 г.¹³. Согласно сообщению Симокатты, Хосров в том же году приказывает своему сатрапу вернуть крест, захваченный в ромейской земле. Симокатта говорит: «Сатрап, повинаясь приказанию, возвращает крест с царским посланием»¹⁴.

Из сообщения Симокатты узнаем также, что на следующий год после передачи цар-

⁸ Ф. Успенский. Византия. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. XI, стр. 251.

⁹ Беррам — город в Малой Азии.

¹⁰ Одна из пяти резиденций Хосрова (см. J. Markwart. A catalogue of the provincial capitals of Ērānshahr. «Analecta Orientalia», № 3. Roma, 1931, p. 60).

¹¹ «Th. Simocattae Historiarum...», p. 232—233. Считаю приятным долгом выразить свою благодарность проф. С. А. Лясковскому, принявшему на себя труд по редактированию вышеприведенного перевода.

¹² См. «Th. Simocattae Historiarum...», p. 230.

¹³ См. G. Rawlinson. Указ. соч., т. II, стр. 146.

¹⁴ «Th. Simocattae Historiarum...», p. 231.

ского послания Хосров публично признает Ширин царицей. Таким образом, Хосров официально женится на Ширин только в 592 г. Заметим, что эта дата приблизительно совпадает с сообщением Фирдоуси в «Шахнаме». По Фирдоуси, Ширин была подружкой Хосрова тогда, когда последний был еще юным царевичем:

چو پرویز بی باک بود و جوان
پدر زنده و پور چون پهلوان
Отец [еще] жив, а сын, словно богатырь,—
Был на земле его подружкой Ширин,
Броер چو روشن جهان بین بدی
Был она для него дорога, как ясные очи.

Затем наступает недолгая разлука, вызванная тем, что Хосров в это время вел борьбу против Бахрама Чубина:

بدانگه که شد بر جهان شهریار
ز شرین جدا بود یک روزگار
Когда он стал правителем мира,
Был в разлуке с Ширин некоторое время.
بگرد جهان بر بی آرام بود
که کارش همه رزم بهرام بود¹⁶
Блуждал он беспокойно по всему миру,
Так как все его дело была борьба с Бахрамом.

Мятеж Бахрама Чубина подавлен (591 г.), и через некоторое время Хосрову удается вновь встретиться с Ширин. Царь решает жениться на своей возлюбленной:

مر او را بآئین پیشین بخواست
که این رسم و آئین بد آنگاه راست¹⁷
[Хосров] захотел [жениться] на ней по обычаю предков,
Ибо эти законы и обычаи были в то время тверды.

Любопытно, что второе послание Хосрова, приведенное Симокаттой в «Истории», перекликается с сообщениями Фирдоуси. Оно проливает свет на ту часть «Шахнаме», в которой идет речь об отрицательном отношении вельмож и зороастрийских жрецов к решению Хосрова — жениться на Ширин «по обычаям предков». Один из старейших служителей культа — мобедов говорит царю:

کنون تخمه مهتر آلوده گشت
بزرگی از آن تخمه پالوده گشت
چنان دانکه هرگز گرامی پسر
نبودست یازان بخون پدر
پدر پاک و مادر بود بدهنر
چنان دانکه پاکی زیابد پسر¹⁸
Теперь великий род замаран,
Величие из этого рода исчезнет,
Так знай, что никогда достойный сын
Не покушался на кровь отца.
[Если] отец благороден, а мать порочна,
То знай, что сын не найдет благородства.

Недовольство вельмож и жрецов вызвало, по Фирдоуси, незнание (нецарское) происхождения Ширин. Однако на самом деле причина была не в этом. В послании храму Сергия Русафского Хосров говорит, что, женившись на Ширин, он нарушил обычаи и законы персов, ибо эти законы, установленные его предками, запрещали ему иметь наследника от иноверной жены¹⁹. Таким образом, мы видим, что Фирдоуси,

¹⁵ *Шахнаме* (Фирдоуси. *Шахнаме*), т. IX, изд. под ред. С. Нафиси, Тегеран, 1314/1935, стр. 2869.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же, стр. 2872.

¹⁸ Там же, стр. 2875.

¹⁹ См. *Th. Simocattae Historiarum...*, p. 232.

сохранив исторический факт, дал ему иное толкование, которое естественно вытекало из общих воззрений поэта.

На том, что Ширин была христианкой, сходятся большинство источников. Именно по этой причине сасанидский царь обращается к главе христиан — мученику Сергию. Известно, что во времена Хосрова II влияние христианства в Иране особенно усиливается²⁰. Терпимость Хосрова по отношению к христианской религии объясняется как «дружбой» с Византией²¹, так и большим влиянием, которое оказывала на него жена-христианка Ширин, о чем подробно рассказывают армянские и сирийские источники. Они сообщают, что у сасанидского царя родился от его «любимой жены» Ширин сын по имени Марданшах (в византийских источниках — Merdesas), который был объявлен наследником престола. Суеверный царь Ирана рождение своего сына и все свои военные успехи приписывал молитвам Сергия Русафского²², которого, по словам Симокатты, почтил дарами и почестями, «присоединив письмо, составленное по-гречески»²³.

Упомянутые выше послания Хосрова сохранились и в «Церковной истории» Евагрия²⁴, который также был современником сасанидского царя. Расхождения между Симокаттой и Евагрием имеются лишь в отдельных словах²⁵.

Имя Ширин встречается также в «Chronographia»²⁶ (написана в 814 г.) Феофана (ум. 817 г.). Поскольку этот автор ничего не добавляет к сообщениям Симокатты, нет необходимости подробно останавливаться на нем.

Сведения о героине легенды сохранили в себе также армянские источники. Себеос является первым армянским историком, который упоминает о Ширин в своей «Истории императора Иракла»²⁷. О самом авторе этой «Истории» известно очень мало. Рукопись Себеоса была обнаружена в знаменитой Эчмиадзинской библиотеке архиепископом Шахатуни²⁸. Большинство армянистов считают Себеоса историком середины VII в.²⁹, это подтверждают и собственные слова автора³⁰. В «Истории» Себеоса приводятся древние армянские предания, синхроническая таблица армянских, византийских и иранских царей до падения Сасанидов и, наконец, большая часть этого произведения посвящена ирано-армяно-византийским отношениям, в основном периода царствования Хосрова II.

В этой чрезвычайно интересной хронике имеется небольшая глава, названная автором «Благочестие супруги царя Хозроя, царицы Ширин». В ней говорится: «У Хозроя было много жен, следовавших учению магизма, но он брал в жены и христианок. Супруга его, христианка Ширин, была дивной красоты. Она была родом из страны Хужастан. Она и есть Бамбиш, царица царей»³¹.

Таким образом, Себеос, подобно византийскому историку, утверждает, что Ширин была христианкой. В армянском источнике впервые встречаем сообщение о том, что

²⁰ См. *J. Labourt*. Указ. соч., стр. 208.

²¹ *H. В. Пугулевская*. Указ. соч., стр. 241.

²² См. *Ed. Gibbon*. Указ. соч., т. III, стр. 287.

²³ *Th. Simocattae Historiarum...*, p. 231.

²⁴ См. «Церковная история Евагрия, схоластика и почетного префекта». СПб., 1853, стр. 303—307.

²⁵ Этот вопрос рассматривается в статье М. Хиггинса (*M. J. Higgins. Chosroes II's votive offerings at Sergiopolis. «Byzantinische Zeitschrift», Bd. 48. Heft 1. München, 1955, S. 89*).

²⁶ *Theophanis Chronographia, vol I. «Corpus scriptorum Historiae Byzantinae». Bonn, 1839, p. 499 сл.*

²⁷ См. *Себеос*. История императора Иракла. Пер. К. Патканьяна. СПб., 1862.

²⁸ См. *M. Brosset. Rapports sur un voyage archéologique dans la Géorgie et dans l'Arménie, troisième rapport. St.-Petersbourg, 1851, p. 49*.

²⁹ См. *M. K. Patkanian*. Указ. соч., стр. 109.

³⁰ См. *Себеос*. Указ. соч., стр. 122.

³¹ Там же, стр. 49—50.

у Хосрова было много жен, число которых позже в восточной традиции было неправдоподобно увеличено³². Себеос, как и Симокатта, признает высокое положение Ширин в сасанидском дворце. Говоря о ней, армянский историк употребляет титул Бамбиш, означающий на пехлеви 'царица'³³ и соответствующий سيدة النساء, стереотипному выражению арабских историков³⁴. Автор «Истории императора Иракла» первым подчеркивает «дивную красоту» Ширин, описанию которой посвящены стихи Низами и его последователей.

В отличие от византийского историка Себеос сообщает, что Ширин «была родом из страны Хужастан», т. е. из Хузистана (древней Сузианы), расположенного в юго-западной части территории сасанидской империи, который в те времена служил летней резиденцией персидских царей. Себеос сравнительно подробно рассказывает о деятельности Ширин по распространению христианства в столице Сасанидов. Благодаря своему уму она имела большое влияние на Хосрова, который поддерживал царицу даже в тех случаях, когда желания последней ущемляли права магов — служителей господствовавшей в Иране религии:

«Она (т. е. Ширин. — Г. А.) построила монастыри и церкви недалеко от царского жилища и поселила в них священников и церковнослужителей; назначила им жалование и плату на одежды из казны..., смело проповедовала евангелие при дворе царском, и никто из старших магов не смел раскрыть рта и сказать что-нибудь неприятное христианину»³⁵. Разумеется, все это не могло не вызвать недовольства со стороны высших представителей зороастризма, принадлежавших к знати³⁶. С другой стороны, Византия, которой Хосров был обязан своим воцарением, требовала прекращения гонений на христиан. Все это приводило к обострению конфликта между последователями зороастризма и христианским населением и усиливало беспокойство в стране. Хосров был вынужден издать закон, который требовал от подданных сасанидского монарха «крепко придерживаться религии своих отцов»³⁷. По этому закону никто не имел права обратиться из зороастризма в христианство и наоборот.

В «Истории» Себеоса приводится легендарный рассказ о перенесении тела Даниила³⁸. В рассказе также фигурирует Ширин. Император Маврикий попросил у Хосрова «тело умершего мужа», находящееся в городе Шош (ср. с библейским Шошан). Хосров дал приказ исполнить просьбу своего покровителя. Однако царица Ширин не пожелала, чтобы «та благодать ушла из ее страны». Она призвала всех жителей помешать исполнению приказа Хосрова. Когда увозили тело Даниила, совершилось чудо: везшие тело мулы, вопреки воле их погонщиков, вернулись в город и тут же все иссякшие источники «забили полным потоком»³⁹.

В рассказе наличествует элемент чудесного, который, кстати говоря, встречается очень редко в исторической части хроники Себеоса. Это свидетельствует о том, что постепенно в христианских кругах, к которым была близка царица, историческая личность Ширин окружается легендой. Конечно, не все версии этой легенды о Ширин получили распространение в последующие периоды. В своих «Путевых записках»⁴⁰

³² Например, Табары сообщает, что у Хосрова было двенадцать тысяч жен и наложниц (см. «Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari». Leyden, 1881—1882, p. 1041).

³³ См. A. Christensen. L'Iran sous les Sassanides. Copenhagen, 1936, p. 284—285.

³⁴ См. Abou Mansour abd al-Malik... al Thaalibi. Histoire des Rois des Perses. Paris, 1900, p. 694 (texte arabe).

³⁵ Себеос. Указ. соч., стр. 50.

³⁶ См. Н. В. Пигулевская. Указ. соч., стр. 235—236.

³⁷ Себеос. Указ. соч., стр. 50.

³⁸ Даниил — один из пророков, который упоминается в Библии. Согласно легенде, он был похоронен в Сузах, главном городе Хузистана.

³⁹ Себеос. Указ. соч., стр. 51.

⁴⁰ «The itinerary of Rabbi Benjamin of Tudela», vol. 1. London — Berlin, 1840 (Текст параллельно на древнееврейском и английском языках).

еврейский путешественник Вениамин из Туделы (город в Испании)⁴¹, посетивший Сузы в 70-х годах XII в., приводит предание, напоминающее рассказ армянского историка. Однако в нем имя Ширин не упоминается.

Интересно, что в рассказе Себеоса Ширин характеризуется как царица, которая заботится о народе. Эта черта, присущая образу Ширин в легенде, развита Фирдоуси в «Шахнаме» и особенно Низами в поэме «Хосров и Ширин».

Немало ценных материалов для изучения истории развития легенды о Хосрове и Ширин дают сирийские источники. Среди них имеется небольшое компилятивное сочинение неизвестного автора, в котором содержатся сведения о действующих лицах этой легенды. Оно обнаружено в конце прошлого столетия итальянским ориенталистом Гвиди⁴² и названо сириологами «Анонимной сирийской хроникой». По мнению Т. Нёльдеке, которое разделяют почти все сириологи⁴³, дошедший до нас вариант составлен сирийским клириком в 670—680 гг.⁴⁴

«Анонимная сирийская хроника» излагает историю Сасанидов начиная с 580 г. Описываемые в ней события излагаются без прикрас, столь часто встречающихся в хрониках арабских и персидских авторов. Как указывает Н. В. Пигулевская⁴⁵, материал данного памятника местами представляет записи современников событий. Ширин упоминается здесь как любимая жена сасанидского царя. В одном из эпизодов говорится, что Хосров после сражения с Бахрамом Чубином сообщил «своей жене Ширин» о «старом муже», который ему показался перед боем. «Она (т. е. Ширин) сказала ему: „Это Сабришо, епископ из Лашома“. Хосров это принял к сведению и молчал»⁴⁶. Далее рассказывается о том, как в связи со смертью главы христианской церкви Хосров, по указанию Ширин, приказал христианскому населению Ирана: «„Привезите Сабришо из Лашома и поставьте его себе главой“. И быстро привезли его и поставили себе главой. И он был весьма почитаем во все его дни царем и его двумя женами-христианками — арамейкой Ширин и Мариам ромейкой»⁴⁷. Таким образом, сирийская хроника сообщает нам третью версию о происхождении Ширин.

Этот источник впервые упоминает имя другой жены Хосрова — Мариам, о которой говорится почти во всех поэмах, посвященных теме Хосрова и Ширин. В «Истории» Симокатты Ширин по происхождению ромейка, в восточной же традиции ромейкой является Мариам, так же характеризует ее и сирийская хроника. Ширин и Мариам, согласно этим источникам, исповедуют одну и ту же христианскую религию. С другой стороны, ранние византийские и армянские источники умалчивают о существовании жены Хосрова по имени Мариам⁴⁸. Исходя из этого, некоторые авторы считали Ширин и Мариам одним и тем же лицом, впоследствии раздвоенным в литературах народов Востока⁴⁹. Правда, кое-кто из исследователей придерживался иного мнения. Напри-

⁴¹ Подробно о нем см. A. Gabriel. Die Erforschung Persiens. Wien, 1952, S. 25—31.

⁴² См. Н. В. Пигулевская. Указ. соч., стр. 30.

⁴³ См. A. Baumstark. Geschichte der Syrischen Literatur. Bonn, 1922, S. 207, а также Н. В. Пигулевская. Анонимная сирийская хроника о времени Сасанидов. «Записки Института востоковедения АН СССР». М.—Л., 1939, т. VII, стр. 57.

⁴⁴ См. Th. Nöldeke. Die von Guidi herausgegebene syrische Chronik. Übersetzt und kommentiert. «Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Klasse der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften», Bd. 128, Abt. IX. Wien, 1893, S. 1—48.

⁴⁵ См. Н. В. Пигулевская. Анонимная сирийская хроника..., стр. 55—56.

⁴⁶ Там же, стр. 64.

⁴⁷ Там же, стр. 64—65.

⁴⁸ Сообщение о том, что Маврикий выдал замуж свою дочь Мариам за Хосрова, встречается у армянских историков начиная с X в. Возможно, что эти сведения восходят к арабским источникам [Моисей Каганкатвацци (X в.). История Агван. СПб., 1861, стр. 135 и Михаил Асорик (XII в.), см. M. Éd. Dulaurier. Extrait de la chronique de Michel le Syrien. «Journal Asiatique», 1848, octobre, p. 302.]

⁴⁹ См. Le Beau. Указ. соч., стр. 334; G. Rawlinson. Указ. соч., т. II, стр. 166.

при этом Казвини ссылается, в частности, на поэму Низами⁶³. Выдающийся индийский поэт конца XIII — начала XIV в. Амир Хосров Дехлеви (1253 — 1325) в своей поэме «Ширин и Хосров»⁶⁴, написанной по образцу поэмы Низами, изобразил Ширин армянской царевной. То же — и в поэме Алишера Навои.

Наконец, среди азербайджанских литературоведов и историков распространено мнение, что Ширин была азербайджанкой. При этом исследователи исходят главным образом из поэмы Низами, которая не может, конечно, считаться историческим документом. Вместе с тем делаются попытки подкрепить это утверждение сведениями из армянских источников. Так, например, З. Ибрагимов, толкуя слова М. Каганкатвацци, пишет: «Преданной дочери своего народа (т. е. азербайджанского. — Г. А.) Ширин удалось держать своего соотечественника (sic!) Виро во дворце, оберегая его от кары жестокого царя»⁶⁵. В действительности же М. Каганкатвацци не только не называет имени «царицы, получившей жизнь его (т. е. Виро. — Г. А.) в подарок от царя»⁶⁶, но и не говорит о том, что Виро был соотечественником царицы.

Итак, мы видим, что вопрос о национальной принадлежности Ширин является весьма спорным. Однако, независимо от того, каким будет окончательный ответ ученых-востоковедов по тем или иным моментам, касающимся исторической Ширин, совершенно очевидно, что образ этот под влиянием народного творчества отошел от своего прототипа и стал высокохудожественным символом женской преданности и духовной красоты в поэзии многих народов Востока.

S U M M A R Y

Early Christian sources (Greek, Armenian and Syriac) contain relatively truthful information which affords an idea of the prototypes of the heroes in the well known legend about Khusraw and Shirin. These sources, which came into existence only a few decades after the death of Khusraw and Shirin, show how rapidly a halo of legend was growing up around their names.

All the Christian sources agree that Shirin was a Christian. The question of her nationality is more difficult to decide. And yet, a careful comparison of the sources leads one to doubt the opinion current hitherto that Shirin was Greek, Armenian, or Persian. The Syriac chronicle testifying to the Aramaic origin of Shirin encounters the least objections.

⁶³ См. «Zakarija Ben Muhammed Ben Mahmud el-Cazwini's Kosmographie», hrsg. von F. Wüstenfeld, zweiter Theil. Göttingen, 1848, S. 351.

⁶⁴ См. *امير خسرو دهلوی، شیرین و خسرو* (Амир Хосров Дехлеви. Ширин и Хосров). Алигарх, 1927.

⁶⁵ З. Ибрагимов. Азербайжан гадынларынын гәһрәман кечмишиндән. Баку, 1943, стр. 10.

⁶⁶ М. Каганкатвацци. Указ. соч., стр. 117—118.

О ТИПАХ ОСНОВ И ОКОНЧАНИЙ СЛОВА В ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИХ ЯЗЫКАХ

О. П. СУНИК

I

В науке о языке существует, как известно, несколько аспектов изучения многогранной и сложной природы слова. Все эти аспекты применяются и при исследовании слова так называемых агглютинативных, в том числе тунгусо-маньчжурских, языков. Семаснологический аспект правомерно преобладает в лексикологии и лексикографии, фонетический — в фонетике и фонологии, грамматический — в морфологии и синтаксисе. Так общий и единый (но не единственный) объект лингвистического изучения — слово выступает в качестве различных предметов соответствующих лингвистических дисциплин, изучающих разные стороны данного сложного явления.

Основа (тема) и окончание (флексия) — категории морфологические, непосредственно связанные с грамматическим изучением слова, с исследованием его морфологической структуры и синтаксических функций. При изучении грамматической природы всякого слова, при изучении морфологической структуры определенных типов слова¹ неизбежны те или иные экскурсы в области, подведомственные смежным лингвистическим дисциплинам.

В связи с фонетическими процессами, происходящими в морфемах слова при его образовании и изменении, основы и окончания в различных тунгусо-маньчжурских языках делятся на несколько *фонетических* классов, или типов. Это так называемые типы склонения и типы спряжения. В одних языках (письменный маньчжурский, некоторые бесписьменные диалекты нанайского) число таких фонетических типов невелико (два-четыре). В других же языках тунгусо-маньчжурской группы, например в эвенкийском, эвенском, удайском, в некоторых диалектах нанайского, исследователи устанавливают от двух до четырех типов склонения и от четырех до восьми типов спряжения².

¹ В тунгусо-маньчжурских языках могут быть установлены три важнейших типа простого («синтетического») слова: 1) суффиксально-продуктивный («суффиксированный»), 2) суффиксально-непродуктивный и 3) нессуффиксальный («корневой»).

Известные особенности морфологического строения слов первого типа дали основания называть тунгусо-маньчжурские языки (наряду с монгольскими, тюркскими и многими другими) агглютинативными. Основа и окончание слова выделяются только в словах того же первого морфологического типа.

² И. Захаров. Грамматика маньчжурского языка. СПб., 1879; Г. М. Василевич. Очерк грамматики эвенкийского (тунгусского) языка. Л., 1940; Т. И. Петрова. Очерк грамматики нанайского языка. Л., 1941; В. И. Цинциус. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. Л. 1947; Е. Р. Шнейдер. Краткий удайско-русский словарь. М.—Л., 1936; В. А. Аврорин. Грамматика нанайского языка, ч. 1 (Автореферат докторской диссертации). Л., 1955.

Нередко эти типы трактуются как явления чисто морфологические или «фоно-морфологические». Поэтому в их число включаются, например, и различия в спряжении так называемых правильных и неправильных глаголов, т. е. факты, которые фонетическими процессами современных языков не обусловлены и не могут быть ими объяснены. Но многообразие фонетических типов основы и окончания не дает оснований для установления такого же разнообразия морфологических типов склонения и спряжения. Склонение в каждом из этих языков, несмотря на разнообразие фонетических вариантов соответствующих морфем, в общем одно. Для тех же языков, в которых налична система притяжательных суффиксов, выделяются два морфологических подтипа — склонение простое и склонение притяжательное. Однотипно также в общем и спряжение, с выделением в этом едином типе двух морфологических подтипов — спряжения «правильных» и спряжения «неправильных» глаголов.

При отмеченном единообразии форм склонения и форм спряжения, которое свойственно словам многих агглютинативных языков, в том числе и тунгусо-маньчжурских, наблюдается значительное разнообразие морфологических типов основы изменяемого слова и соответственно типов его окончания. Различение и систематизация (классификация) такого рода морфологических типов находятся в прямой связи, во-первых, с основообразованием (деривация основ, формообразование) и, во-вторых, если можно так сказать, с основозавершением — превращением основы (части слова) в законченное, целое слово (путем «прибавления» к основе соответствующего окончания). В плане лексикологии эти лингвистические процессы и их результаты рассматриваются как образование новых слов или различные изменения одного и того же слова. В плане грамматики они рассматриваются как образование частей речи (так называемое словообразование существительных, глаголов и т. д.) или как изменение одних и тех же частей речи, обусловленное их синтаксическими функциями (так называемое словоизменение существительных, глаголов и т. д.).

В связи с грамматической классификацией слов и делением их на части речи такие составные компоненты изменяемого слова, как основа и окончание, тоже делятся на именные, глагольные и т. п. Деление это в известной мере условно как в отношении окончаний, так и в отношении основ. Объясняется это тем, что нередко разные части речи могут иметь одни и те же окончания, а от одной и той же первичной («корневой») основы могут быть образованы разные слова, не обязательно относящиеся к одной и той же части речи.

Учитывая это важное обстоятельство, свойственное языкам различных морфологических систем, следует все же сказать, что широко распространенное положение традиционной агглютинативной теории, согласно которому в агглютинативном языке будто бы необходимо отсутствует различение именных и глагольных основ, не может быть подтверждено материалами современных тунгусо-маньчжурских языков. Оно, как кажется, вообще находится в противоречии с бесспорным фактом наличия в этих и других агглютинативных языках частей речи (существительного, глагола и т. д.). Попытки же отыскать в самом корне или даже основе слова все признаки части речи, так же безосновательны, как и попытки отыскать эти признаки в одном лишь окончании слова³. Устанавливаемые преимущественно по семантическим признакам класс именованных основ и класс основ глагольных не всегда имеют четкие морфологические признаки, по которым они могли бы легко различаться формально (внешне) во всех без исключения случаях. Морфологические различия между ними наиболее отчетливо проявляются в том, что преобразование основы одного из названных классов в основу другого класса либо влечет за собой суффиксальное осложнение первичной основы, либо свя-

³ Части речи образуются, как известно, определенными разрядами целых, законченных слов, а не составляющими эти слова компонентами (корень, основа, аффикс, окончание и т. п.), хотя и в этих составных компонентах, взятых отдельно, можно в той или иной мере обнаружить признаки, характерные для соответствующей части речи. Отсюда такие выражения, как «именной корень», «глагольный суффикс», «местоименная основа» и т. п.

зано со значительными различиями в формах завершения основы, т. е. превращения ее в законченное слово. Именные основы отличаются от основ глагольных еще и тем, что первые могут быть превращены в законченные слова посредством так называемых нулевых окончаний (ср., например, окончания существительных им. пад. простого, непряжательного, склонения), в то время как для вторых характерно окончание суффиксальное (ср., например, окончания деепричастий, окончания глагольных форм изъявительного и других наклонений). Относительно немногочисленные случаи внешнего совпадения именных и глагольных основ не являются в тунгусо-маньчжурских языках чем-то из ряда вон выходящим. Нанайская основа *тугдэ-* в слове *тугдэ* (*тугдэ-О*)⁴ «дождь» является основой именной, в слове же *тугдэ́ни* (*тугдэ́-ни*) «идет дождь, дождит» — основой глагольной. Глагольные суффиксы (видовые, временные, деепричастные, причастные и т. п.), будучи прибавлены непосредственно к некоторым так называемым первичным именным основам, превращают такие основы в глагольные (т. е. делают их компонентами основ глагольного слова) и, наоборот, именные суффиксы (числа, падежи, притяжания), будучи прибавлены непосредственно к некоторым так называемым корневым глагольным основам, превращают такие основы в именные (т. е. делают их компонентами основ именного слова): нанайск. *таон-* глагольная основа «считать», но *таон* (*таон-О*) «счет, исчисление, число» — существительное ед. числа, им. пад., простого склонения. Ср. *таонсал* (*таон-сал-О*) «числа», *таондоачи* (*таон-доа-чи*) «в числе их», «каждому из них».

Основы непрямых прилагательных (качественные прилагательные), а также основы числительных и некоторых местоимений, с известными оговорками, могут быть включены в общий класс именных основ. Основы отдельных разрядов наречий, хотя и являются по своему происхождению именными (в частности, местоименными), но в современных языках настолько обособились и срослись со своими окончаниями, что их выделение носит в значительной мере этимологический характер. От такого рода «наречных основ» не могут быть образованы слова других частей речи или основы других классов (именные, глагольные)⁵.

Итак, наиболее крупное грамматико-семантическое деление основ и окончаний слова связано с установлением, во-первых, класса именных и, во-вторых, класса глагольных основ и окончаний. Внутри каждого из этих классов выделяется, по дополнительным грамматико-семантическим признакам, целая серия более мелких классов, или типов: основы первичные (непроизводные) и основы вторичные (производные), основы простые и основы сложные. Кроме так называемой *первой* основы изменяемого слова, в нем выделяются различные *вторые* основы — основы различных форм слова. Так, например, кроме общего типа глагольной основы, выделяется видовая глагольная основа, залоговая, временная и т. п. Кроме общего типа именной основы, выделяется основа числовая, основа формы субъективной оценки, отчуждаемой и неотчуждаемой принадлежности и т. п.

Окончания слов — суффиксальные и нулевые — делятся, как сказано, на именные и глагольные, внутри которых имеются свои более мелкие разряды:

а) Окончания существительных — падежные (во всех языках группы), падежно-притяжательные (в языках тунгусской подгруппы), предикативно-личные (в нанай-

⁴ Здесь и ниже нулевая форма окончания («нулевое окончание») передается посредством знака «О» (нуль).

⁵ Слова этого рода и образуют указанный выше второй морфологический тип («суффиксально-непродуктивный»), состоящий из слов неизменяемых, но обладающих признаком морфологического членения. Для характеристики их современной структуры применяется другая пара соотносительных терминов и понятий — «корень» (корневая морфема) и «суффикс» (суффиксальная морфема). В плане историческом многие из этих корней и суффиксов оказываются членимыми, но на морфемы, ныне уже омертвевшие (этимологические корни, суффиксы и т. п.). См. Ф. Ф. Фортунатов. Избр. труды, т. 1. М., 1956, стр. 141—142.

ском, ульчском языках). Именительный падеж имеет нулевое окончание, все прочие окончания — суффиксальны⁶.

б) Окончания глагола отличаются большим разнообразием. В зависимости от разряда глагольных форм их окончания делятся на причастные, деепричастные, собственно глагольные (окончания наклонений).

Все окончания (не исключая и нулевые), как правило, полисемантичны и полифункциональны. Традиционная формула «одна форма — одно значение» вообще не выдерживает серьезной проверки на материалах тунгусо-маньчжурских и ряда других агглютинативных языков, но особенно несостоятельной эта формула оказывается в отношении морфем окончания.

Функция окончания — завершение слова, превращение его части (основы) в целое, законченное слово, обладающее своим лексическим и грамматическим значениями⁷. С известными оговорками ее можно признать также и функцией образования изменяемых частей речи, так как каждое знаменательное слово, обладая соответствующим общеграмматическим значением (предмета, признака и т. п.), является той или иной частью речи.

Другой функцией того же окончания является выражение синтаксической формы слова (формы сочетания одного слова с другим). Односторонний учет только этой функции окончания связан, между прочим, с безуспешными, на наш взгляд, попытками заменить (или подменить) категорию «окончание» в тунгусо-маньчжурских и других агглютинативных языках не очень ясным понятием «словоизменяемая часть слова», «морфологическая часть слова» и т. п.

Грамматические значения окончаний неразрывно связаны с указанными их функциями. Но между функциями и значениями окончаний существует и определенное различие. При общности функций всех окончаний они делятся, как сказано, на окончания именные и глагольные. Кроме этих грамматических значений, каждое окончание имеет и более узкие, частные грамматические значения. Окончания склоняемых слов и слов спрягаемых обладают реляционными значениями — падежа вообще и отдельного (конкретного) падежа, наклонения вообще и данного (определенного) наклонения и т. п. Общее значение каждого из окончаний включает обычно несколько частных значений. Так, например, в ряде глагольных окончаний слиты значения лица, числа и наклонения. В притяжательных окончаниях существительного слиты значения лица, числа и посессивности; в предикативных окончаниях — значение лица, числа, предикативности. Не однозначны и падежные окончания в силу многозначности (полифункциональности) каждого из тунгусо-маньчжурских падежей. Окончания деепричастий могут обладать значением грамматического числа (единственного или множественного), видо-временным и модальным значениями (ср. деепричастия «разновременные», «условные», «уступительные» и др.).

В чем же заключается отличие окончаний слова в агглютинативном языке (например, в тунгусо-маньчжурских) от соответствующих окончаний слова во флективном языке (например, в русском)? В окончаниях тунгусо-маньчжурского слова нет и не может быть значения грамматического рода, поскольку эти языки, как и многие другие, категорией грамматического рода не обладают. В отличие от русского, например, именительный падеж в языках тунгусо-маньчжурских, как и в некоторых других, всегда имеет нулевую форму. Несколько иначе выражается в тунгусо-маньчжурских языках и категория грамматического числа. В отличие от русского многие языки тунгусо-маньчжурской группы обладают лично-притяжательными и возвратно-притяжательными

⁶ Результаты изучения именных основ и окончаний в тунгусо-маньчжурских языках автор предполагает более подробно изложить в другой статье.

⁷ Ср. характеристику соответствующей категории в языках флективных (индоевропейских): «Окончания служат для образования слова и указывают его синтаксическую функцию...» (В. Пизани. Этимология. М., Изд-во иностр. лит.-ры, 1956, стр. 99).

окончаниями. В некоторых из этих языков причастия, прилагательные, существительные могут иметь особые лично-предикативные окончания, чего нет в русском. В тунгусо-маньчжурских языках иной состав падежей и соответственно падежных окончаний.

Все это говорит об очень важных и весьма существенных различиях в формах и значениях слова сопоставляемых языков, в том числе о различиях между значениями окончаний слов русского и тунгусо-маньчжурских языков. Но было бы большой ошибкой не видеть за этими частными, хотя и существенными различиями также и определенных общих черт в функциях и значениях окончаний слова в языках двух сопоставляемых типов. Существенные различия имеются и между основами слова в каждом из этих разносистемных языков, а также между общей для них и всех других языков категории целого слова. Можно ли поэтому думать, что существующие структурные различия между словом агглютинативного и флективного языков наилучшим образом выявляются посредством произвольного отрицания понятия «окончание» при изучении морфологии агглютинативных, в частности тунгусо-маньчжурских, языков?

Одна из задач предлагаемой работы — показать на материале ряда тунгусо-маньчжурских языков, что такие категории научной морфологии, как основа и окончание слова (в частности, нулевое окончание), могут и должны быть применены не только при исследовании флективных языков, но также и языков агглютинативных. Без этих и некоторых других узловых понятий общей морфологии структура слова тунгусо-маньчжурских языков не может быть глубоко изучена и правильно описана во всем ее подлинном своеобразии.

В этой статье мы ограничимся рассмотрением некоторых особенностей глагольных основ и окончаний.

II

Подобно именным, глагольные основы, в зависимости от значения их начальной (корневой) морфемы, делятся на два разряда: основы собственно глагольные и основы отыменные. Одни из них называются первичными («непроизводными», «корневыми»), глагольными основами, другие — вторичными («производными», «некорневыми»).

Таковы *первые* основы глагольного слова (общие основы различных форм собственно глагола, причастия, деепричастия). Им противопоставляются *вторые* основы — основы глагольной словоформы (видовые, залоговые), которые также могут быть общими для различных форм собственно глагола, причастия, деепричастия. Особыми видами вторых основ выступают основы причастий и различных модальных форм собственно глагола (основы наклонений).

Кроме того, глагольные основы делятся по своим значениям на основы простые (с простым, однородным значением) и основы сложные, выражающие одновременно не одно, а несколько глагольных значений («действий»).

Простейшим видом первичных основ глагольного слова (внешне они не отличаются от соответствующих корней) являются следующие основы, встречающиеся во всех языках тунгусо-маньчжурской группы: *бй*-«быть», *буй*-«дать», *га*-«взять», *дб*-«сесть» (о птице), *тэ*-«сесть» (о человеке), *й*-«войти», *или*-«стать», *сй*-«знать», *вй*, *мй*-«убить», *гун*-«сказать» и пр. В современных языках основы эти морфологически не членимы, хотя в плане историческом некоторые из них, по-видимому, восходят к членимым глагольным образованиям.

Другая разновидность первичных («корневых») глагольных основ — основы простые, этимологически состоящие из двух морфем — корневой и омертвевшей или полумертвевшей суффиксальной: ульчск. *туку*-, маньчж. *тухэ*-, эвенк. *тик*-, нанайск. омертвевшей суффиксальной: ульчск. *туку*-, маньчж. *тухэ*-, эвенк. *тик*-, нанайск. *пулси* < **пул-тй* ~ *тук*-, *туз*-«упасть» < **ту-ку*-, **ту-хэ*-, **ти-ки* и т. п. Нанайск. *пулси* < **пул-си*-, «ходить», маньчж. *акун* < **а-ку-на*-«причалить» (к другому берегу), ср. *акунзи* < **а-ку-нзи*-«причалить» (к этому берегу). Ср. нанайск. *хако* < **ха-ко*-«причалить», *хабо* < **ха-бо*-«вытащить на берег», *хй*-«приплыть» и т. п.

В плане историческом (этимологическом) членимы и такие ныне «корневые» глагольные основы, как нанайск. *балзи*-, удэйск. *багди*-, маньчж. *банзи*-, эвенк. *балди*-.

эвенск. *балда* — 'жить, родиться'. Они членятся на архапческий корень *ба- и омертвевшие суффиксы -лда-, -лди-, -лди-. Ср. также нанайск. *долзи* (*до-лзи-), удэиск. *догди* (*до-гди-), маньчж. *донзи* (*до-нзи-), эвенк. *долди* (*до-лди-), эвенск. *долда* (*до-лда-) 'услышать', нанайск. *гулда* (*гу-лда-) 'растянуть', *дабда* (*даб-да-) 'проиграть'. *даб-зи* (*даб-зи) 'победить', *хулзи* (*хул-зи-) 'согреть', *хулзи* (*хул-зи-) 'согреться' и т. п.

Заметим, что в некоторых других случаях выделенные здесь омертвевшие глагольные суффиксы выступают как живые, продуктивные.

Таковы первичные собственно глагольные основы современных тунгусо-маньчжурских языков. Примерами вторичных, отыменных основ могут служить нанайск. *гидала* 'колоть' (ср. *гида* 'копье'), маньчж. *дороло* 'поступить по закону, по обычаю' (ср. *доро* 'закон, обычай'), эвенк. *чукала* 'пойти за травой', (ср. *чука* 'трава'), нанайск. *чорда* 'долбить' (ср. *чор* 'долото'), эвенк. *сукэдэ* 'рубить, ударить топором' (ср. *сукэ* 'топор'), эвенск. *туркида* 'ехать на нарте' (ср. *турки* 'нарта'), нанайск. *ан'ара* 'праздновать' (ср. *ан'а* 'праздник'), маньчж. *фулара* 'покраснеть' (ср. *фулан* 'красный'), эвенск. *момир* 'ехать на лодке' (ср. *моми* 'лодка'), нанайск. *бэжунтэ* 'охотиться' (ср. *бэжун* 'зверь'), маньчж. *нимахаша* 'рыбачить' (ср. *нимах* 'рыба'), эвенк. *оллоти* 'есть рыбу' (ср. *олло* 'рыба'), *чэчэг* 'разделить на куски' (ср. *чэчэ* 'кусочек'), нанайск. *даири* 'увеличить' (ср. *даи* 'большой'), маньчж. *амбара* 'увеличиться' (ср. *амба* 'большой'), эвенк. *ајаңги* 'улучшить' (ср. *аја* 'хороший') и т. д. Подобного рода отыменные глагольные основы могут быть в случае необходимости образованы от корня почти каждого существительного, от корней качественного прилагательного, количественного числительного, некоторых местоимений (личных), от некоторых наречий, междометий, звукоподражаний.

Выделяется относительно небольшая группа глагольных основ, которые, в отличие от вышеприведенных, образуются от корней или основ имени без посредства специальных суффиксов: нанайск. *хэдун*, *хэдун* 'ветер', *хэдун-зи* 'дует ветер', маньчж. *жалу*, *жалу* 'полный', *жалу-мби* 'наполняется', эвенк. *бали*, *бали* 'слепой', *бали-жами* 'слепнуть', эвенск. *ота*, *ота* 'волна', *ота-дай* 'волноваться' и пр.

Некоторые из основ этого типа в плане историческом членимы на этимологический корень и сросшийся с ним омертвевший суффикс или суффиксы. Так, например, основа нанайск. *тугдэ*, эвенк. *тыгдэ*, ('дождь'; 'идти дождю') < *ту-гдэ-дэ ~ *ты-гдэ-дэ (где *ту- ~ ты- (> туг-, туку-, тук-) известный нам глагольный корень (первичная основа) 'упасть', а -гдэ- и -дэ- — омертвевшие глагольные суффиксы. Ср. также эвенк. *нулги*, эвенск. *нулгэ* ('кочевка'; 'кочевать') < *нул-ги-, ~ *нул-гэ-, где *нул- этимологический корень, а -ги- ~ -гэ- омертвевшие глагольные суффиксы.

Вторые глагольные основы отличаются от приведенных выше первых (первичных и вторичных) наличием одного или нескольких дополнительных суффиксов. Одни из них — суффиксы первой категории — сообщают основе дополнительные грамматические значения (видовая характеристика действия — однократность, многократность, повторение, раздробленность, постоянство, обычность и т. п.). Однако в ряде случаев употребление этих суффиксов связано и с изменением реального (лексического) значения основы: маньчж. *тэ* 'сесть, сидеть', *тэчэ* 'посиживать, сидеть вместе' (ср. нанайск. *тэ-сесть*, *тэси* 'сидеть'), *ал'а* 'ждать', *ал'ак'а* 'поджидать', 'долго ждать', *афа* 'напасть, сразиться', *афану* 'сражаться вместе', *афан'ду* 'схватываться', 'нападать друг на друга'; нанайск. *мора* 'крикнуть', *морачи* 'кричать', *морасин* 'закричать', 'воскликнуть', *ичэ* '(у)видеть', *ичэзи* 'смотреть', *ичэгу* 'взглянуть', 'оглянуться', *бугу* 'отдать', *нэ* 'класть', *нэктэ* 'раскладывать' и многие другие.

К этому типу относятся и вторые основы, образованные суффиксами с каузативным и другими подобными значениями. Ср. маньчж. *таци* 'учиться', *тацих'а* 'обучать', *хафу* 'уразуметь', *хафук'а* 'вразумить', нанайск. *й-войти*, *йву* 'ввести', *хулун* 'вылезти', *хулумбу* 'вынести', 'выгрузить', *чали* 'отрезать', *чалип* 'отрезаться' и т. п. Ср. также эвенк. *тэв(у)* 'нагрузить', *тэвулгэ* 'разгрузить', *нама* 'навьючить', *намалга* 'развьючить', прочие *сукча* 'сломать', *сукчарга* 'сломаться', *дуку* 'написать', *дукумат* 'переписываться', *бака* 'найти', *бакалды* 'найти друг друга', 'встретиться' и т. п. Возможно комбинирование в одной основе двух или нескольких суффиксов этой категории. На-

пример, нанайск. *хулун* 'вылезти', *хулумбу* 'вынести', 'выгрузить', *хулумбучи* 'выгружать' и проч.

Многие из такого рода суффиксов служат средством для образования глагольных основ от основ именных. Ср. нанайск. *эну* 'болезнь', *энуси* 'заболеть', *энучи* 'хворать, длительно болеть'. Некоторые из них встречаются как омертвевшие компоненты собственно глагольных и отыменных глагольных основ типа нанайск. *балзи* 'жить, рождаться', *тугдэ* 'дождь', 'идти дождю', *хабо* 'вытащить на берег' и т. п.

Из примеров видно, что образуемые суффиксами первой категории вторые глагольные основы либо получают новые реальные значения, либо их прежнее значение осложняется различными дополнительными формальными значениями. Суффиксы эти таковы, что о каждом из них, взятом отдельно, вне сочетания с другими компонентами конкретной глагольной основы, нельзя сказать, является ли он только словообразующим или только формообразующим. Ясно лишь, что все они являются *основообразующими* суффиксами и относятся к той части основы, которая выражает главным образом вещественное значение слова. Ни с категорией вида, ни с категорией залога, с которыми исследователи обычно пытаются связать эти суффиксы, они, по существу, не могут быть связаны, если, конечно, не стремиться расширить названные общеграмматические категории (понятия) до полной их неопределенности и неузнаваемости.

Особая разновидность вторых глагольных основ образуется посредством суффиксов, обладающих не только формальным, но и определенным реальным («глагольным») значением. Назовем их глагольными суффиксами второй категории, а основы, образованные с помощью этих суффиксов, — сложными глагольными основами.

В русском переводе тунгусо-маньчжурские суффиксы второй категории передаются «аналитически» — посредством тех или иных глагольных слов, чаще — служебных. Характерно, что некоторые из этих суффиксов обладают способностью падежного управления. В глагольном слове они могут сочетаться (комбинироваться) с суффиксами первой категории, т. е. в сложной глагольной основе могут выступать в строго определенном порядке как суффиксы первой, так и второй категории. Порядок следования суффиксов второй категории (если их несколько в одной глагольной основе) имеет существенное значение; от него зависит многое в смысловом значении этой основы. Следует также заметить, что наряду с глагольными словами, образованными от так называемых сложных основ, в речи употребляются (как бы в параллель этим синтетическим формам) формы аналитического типа — сочетания основного (знаменательного) и вспомогательного (служебного) глаголов, передающих приблизительно такое же смысловое значение. Глагольные слова со сложными основами соотносительны, следовательно, сложным глагольным конструкциям или сложным глаголам, а в плане синтаксическом — составным глагольным сказуемым.

Тема, как и само понятие «сложная глагольная основа», требует специального и более подробного освещения. Здесь в качестве кратких замечаний к постановке этого вопроса можно ограничиться беглым обзором наиболее характерных случаев, детально описанных в опубликованных грамматических работах по отдельным тунгусо-маньчжурским языкам, но разобранных под иным углом зрения (характеристика отдельных глагольных суффиксов — вида, залога и т. п.)⁸.

⁸ Попытки разместить глагольные суффиксы так называемой второй категории по рубрикам «вид», «залог», «наклонение» не привели к удовлетворительным результатам. Не дали, как нам кажется, желаемых результатов и попытки выделить некоторые из интересующих нас глагольных суффиксов в особую грамматическую категорию (например, категорию «породы», предложенную В. А. Аврориным для нанайского глагола). Некоторые из исследователей тунгусо-маньчжурских языков выделили интересующие нас суффиксы (или глагольные основы с этими суффиксами) в особую группу, оставляя вопрос об их грамматическом определении открытым: «образование глагольных основ с выражением двух действий» (Г. М. Василевич), «глаголы, выражающие несколько действий» (Е. Р. Шнейдер) и т. п.

Приведем несколько характерных примеров глагольных суффиксов второй категории и образованных с помощью этих суффиксов сложных глагольных основ.

Посредством прибавления к первым глагольным основам суффиксов эвенк. удэйск., маньчж. *-на/-нэ/-но-*, эвенск. *-на/-нэ/-ни-*, нанайск. *-нда/-ндэ* (кур.-урм. *-на/-нэ-*), ульчск. *-нда/-ндэ* образуются сложные основы со значением «пойти совершить действие, выраженное первой основой»: маньчж. *ала-* «сказать», *алана-* «пойти сказать», ср. *аланзи-* «прийти сказать», эвенк. *дуку-* «написать», *дукуна-* «пойти написать», эвенск. *тэг-* «сесть», *тэгнэ-* «пойти сесть», нанайск. *ичэ-* «увидеть», *ичэндэ-* «пойти увидеть, посмотреть» и т. п.

И. Захаров считает суффикс *-на/-нэ/-но-* «сокращением» глагола *гэнэ-* «пойти» (эвенк. *гэнэ-*, нанайск. *энэ-* «пойти») и отмечает две функции этого суффикса: 1) образование глагольных основ от основ именных (*сужэ-* «колос», *сужэнэ-* «колоситься, идти в колос») и 2) образование вторых глагольных основ («глаголов отбытия или отхождения предмета к месту действия»)⁹. Думается, что мысль эта заслуживает внимания и требует дальнейшей разработки¹⁰.

Посредством суффиксов нанайск. *-кича/-кичэ-*, *-јча/-јчэ-* (кур.-урм. *-кча/-кчэ-*), ульч. *-дича/-дичэ-*, *-јча/-јчэ-*, эвенк. *-кци-*, *-сса/-ссэ/-ссо-*, эвенск. *-счи-*, *-со-* образуются сложные основы со значением «пытаться (стремиться, хотеть) совершить действие, выраженное первой основой»: нанайск. *ун-* «сказать», *укичэ-* «стремиться сказать», *ва-* «убить», *вајча-* «стараться убить» ~ «охотиться» и т. п. В маньчжурском подобные значения выражаются аналитически: *алаки сэби* «стремиться сказать» < букв. «говорить — скажу».

Можно думать, что слияние форм этого типа и дало суффиксальные образования *-кичэ/-кчэ/-кци-* и т. п. (*-ки+сэ*). Возможно и другое предположение, вытекающее из сопоставления суффикса *-кичэ-* с непронизной глагольной основой маньчж., нанайск. *кичэ-* «стараться, ухаживать, следить, наблюдать».

В ряде случаев к этому же разряду сложных основ (основы с суффиксом второй категории) относятся и различные каузативные формы: маньчж. *ала-* «сказать», *алабу-* «заставить сказать», *аланзи-* «послать сказать». Ср. *алабунзи-* «послать заставить сказать», *аланзибу-* «заставить послать сказать» и т. п. Этимология И. Захарова, согласно которой каузативный суффикс *-бу-* есть «сокращение глагола *бумби* «даю»¹¹, представляется нам приемлемой, хотя и требующей дальнейших уточнений и обоснований. То же в общем можно сказать и о предложенной им этимологии суффикса *-нги-* < *унги-* «посылать, командировать»¹².

В нанайском, ульчском, удэйском языках имеются сходные по звучанию и значению каузативные суффиксы: *-бо/-бу-*, *-во/-ву-*, *-му/-му-*, *-о/-у-* (маньчж. *-бу/-мбу-*), а также суффиксы *-ван/-вэн-*, *-бан/бэн-*, *-уан/уэн-*, которые часто выступают в комбинации с *-бо/-бу-* (*-бувэн/-бован-* и т. п.).

В эвенкийском, эвенском имеются те же суффиксы: *-ву/-вэ-; -у-* (ср. маньчж. *-бу-*, нанайск. *-бу/-ву/-у-*) и *-вкан/-вкэн/-вкон-*, *-мукан/-мукэн/-мукон-*, *-мкан/-мкэн* и т. п. (соответствует нанайск. *-бу-ван/-бу-вэн-*).

Имеются основания один из этих суффиксов сопоставить с первичной основой *бү-* «дать», другие с основой *-вэн/-ун/-гун-*, а также *хэн/-кэн-* «сказать», «приказать», «заставить». Ср. нанайск. *й-* «войти», *й-ву-* «дать войти, ввести», *й-ву-вэн-* «приказать дать войти, позволить ввести». Эвенск. *й-* «войти», *й-ву-* «дать войти, ввести», *й-ву-вкэн-*

⁹ И. Захаров. Указ. соч., стр. 163.

¹⁰ Г. И. Рамstedт отождествляет этот суффикс с корейской глагольной основой *на-* «выходить», «происходить». См. «Введение в алтайское языкознание» (пер. с немецкого, под ред. и с предисл. Н. А. Баскакова). М., Изд-во иностр. лит-ры, 1957, стр. 161.

¹¹ И. Захаров. Указ. соч., стр. 159. Ср. Г. И. Рамstedт. Указ. соч., стр. 144.

¹² И. Захаров. Указ. соч., стр. 163. См. также Г. И. Рамstedт. Указ. соч., стр. 166.

«заставить ввести», ср. *й-вкэн-* «заставить войти», *й-вкэн-укэн-* «приказать заставить войти» и т. д.

К суффиксам второй категории, образующим сложные глагольные основы, относятся также и некоторые другие, например, нанайск. *-моси/-муси-*, удэйск. *-муни-*, ульчск. *-мси-*, эвенк. *му-*, эвенск. *-м-* (*-мса/-мсэ-*) — «хотеть, испытывать необходимость совершить действие, обозначенное первообразной основой»; нанайск. *-гила/-гилэ-* — «долженствование совершить действие, выраженное первообразной основой» и т. п.¹³.

В одной сложной основе, как уже говорилось, возможно различное сочетание нескольких суффиксов второй категории: например нанайск. *ва-јча-нда-ван-* «заставить пойти стремиться убить», «послать охотиться», *ичэ-вэн-кичэ-* «стремиться заставить видеть» («стараться показать») и т. п. При этом каждый или только некоторые из компонентов таких сложных основ могут иметь после себя (подобно простой основе) соответствующий суффикс первой категории: *хола-чи-јча-нда-со-* «ходить (многократно), стремиться читать (постоянно)» и т. п.

Что касается правил сочетания, количества и порядка следования различных суффиксов, образующих простые и сложные основы, то, как видно из приведенных примеров, они состоят в следующем.

Состав глагольных основообразующих суффиксов (их количество и качество-значение) определяется коммуникативными задачами, т. е. зависит от того, что говорящий желает выразить. Сложные глагольные основы выражают два или несколько действий одновременно. Главное из них выражается начальной глагольной основой (первичной или вторичной). Действия второстепенные выражаются особыми суффиксами, восходящими к первичным собственно глагольным основам. Закономерности соединения главной основы с основами-суффиксами не имеют каких-либо принципиальных отличий от правил сочетания компонентов сложных (аналитического типа) форм глагола: компонент знаменательный предшествует компоненту служебному. Общая закономерность построения глагольных основ может быть раскрыта в следующей схеме:

- 1) начальная глагольная основа (собственно глагольная или отыменная) со «своим» суффиксом (или суффиксами) первой категории;
- 2) один из суффиксов второй категории, который может иметь «свой» суффикс первой категории;
- 3) другой из суффиксов второй категории, который также может иметь при себе суффикс первой категории, и т. д. в зависимости от количества суффиксов второй категории в каждом из языков.

Следует отметить, что действующая в современных тунгусо-маньчжурских языках закономерность построения глагольных основ в живой, обыденной речи используется далеко не всегда в полной мере: пять-шесть морфем, составляющих так называемую вещественную часть глагольной основы, — практическая норма для бытующих в языке глагольных основ данного типа.

Таковы вещественные, реальные или знаменательные части глагольных основ, состоящие из одной корневой морфемы и одной или нескольких суффиксальных, обладающих как определенным формальным, так и своеобразным вещественным значением. От глагольных основ этого типа могут быть образованы посредством специальных суффиксов, во-первых, некоторые из вторичных именных основ (основы имени действия, имени деятеля, имени орудия, места действия) и, во-вторых, особые вторые основы различных форм (разрядов) глагола. От этих же основ могут быть образованы законченные глагольные слова — деепричастия и собственно глаголы, окончания которых несут не только основозавершающую функцию, но и функцию особого глагольного формообразования.

Анализ и описание указанных вторых глагольных основ необходимо связать поэтому с анализом и описанием различных типов глагольных окончаний.

¹³ Относительно этимологии этих суффиксов см. Г. И. Рамstedт. Указ. соч., стр. 162, 166.

III

Простейшей в отношении морфологической структуры формой законченного глагольного слова являются некоторые формы деепричастия.

Суффиксы (окончания) этих деепричастий выступают, во-первых, средством образования деепричастия вообще, во-вторых, средством образования одной из частных форм самого деепричастия. Они являются одновременно и основозавершающими (образующими законченное глагольное слово) и формообразующими в двойном смысле этого термина, так как образуют не только одну из форм глагола, но и одну из форм самого деепричастия.

Так, например, маньчж. суффикс *-мэ* в соединении с глагольной основой разных типов образует форму одновременного деепричастия (или деепричастия настоящего времени) *аламэ* 'говоря', *аланамэ* 'идя сказать', *аланабумэ* 'заставляя пойти сказать' и т. п. В нанайском, ульчском, удэйском языках маньчж. суффиксу *-мэ* отвечает *-ми* (форма ед. числа) и *-мари/-мэри-мэј* (форма мн. числа) такого же одновременного деепричастия. В эвенкийском и эвенском языках этим формам соответствует форма на *-ми* (окончание условного деепричастия).

Деепричастие разновременное (иначе — прошедшего времени) образуется от тех же основ в маньчжурском посредством окончания *-фи(-ни)*: *алафи* 'сказав', *аланафи* 'отправившись сказать', *аланабуфи* 'заставив пойти сказать' и т. п. В нанайском и ульчском ему отвечает *-ни* (форма ед. числа), *-парь/-пэри* (форма мн. числа) — деепричастие условное (или условно-временное): *ва́ни/ва́пари* 'когда (если) убить', *ва́чани/ва́чапари* 'когда (если) пытаться убить' и т. п. Деепричастия разновременные (прошедшего времени) в нанайском и ульчском имеют окончания *[-ра/-рэ, -да/-дэ; -а́ра 'убив', ундэ 'сказав'* и т. п. По своему происхождению — это обособившаяся архаичная форма причастия, которая выступает в других случаях как форма глагола настоящего времени третьего лица, изменяясь в этих случаях по числам (*-ра/-рал, -да/-дал*).

Таковы же по своему типу и эвенкийские формы деепричастий — одновременное с окончанием *-на/-нал*, разновременное с окончанием *-кса/-ксал* и некоторые другие.

Причастия образуются от глагольных основ таких же типов посредством ряда видо-временных причастных суффиксов. Но в отличие от окончаний деепричастий, окончания тунгусо-маньчжурских причастий имеют не собственно глагольный, а именной характер. Суффиксы, образующие формы причастий, окончаниями этих форм не являются. Если же эти суффиксы выступают в качестве окончаний, они образуют не причастия, а либо некоторые формы деепричастий (ср. нанайск. и эвенк. деепричастия с окончаниями *-ра, -на, -кса*), либо изъявительные формы собственно глагола (ср. нанайск. формы с окончаниями *-ра/-рал, -ка/-кал*). В тех же случаях, когда эти или сходные формы являются причастиями, они всегда имеют именное окончание, в частности нулевое. Их окончания не имеют каких-либо принципиальных отличий, с одной стороны, от окончаний некоторых качественных прилагательных, с другой — от окончаний существительных. В последнем случае, имея окончания существительных, причастия субстантивируются. От существительных (в частности, от имени действия и имени деятеля) их отличают присущие причастным основам видо-временные грамматические значения. Эти же значения отличают причастия и от прилагательных (в частности, от прилагательных отглагольных, так как последние не обладают видо-временными категориями).

Для образования причастных форм глагола употребляется несколько серий особых суффиксов, которые присоединяются к первой глагольной основе либо непосредственно (маньчжурский, нанайский, ульчский языки), либо через посредство показателей видов законченного или незаконченного действия (языки эвенкийский, эвенский): маньчж. *-ра-*, нанайск. *-ри-*, *-жи-*, *-ј-* образуют причастные формы настоящего (настояще-будущего) времени, противопоставляемые формам прошедшего времени: маньчж. *-ха/-ка-*, нанайск. *-хан/-кин/-чин-*. В ряде случаев эти формы противопола-

гаются как видовые — вид незаконченного и вид законченного действия¹⁴: маньчж. *ала-ра-* 'говорящий', *би-си-рэ-* 'сущий', *ван-дэ-рэ-* 'плавающий' и т. п.; нанайск. *бүри-* 'дающий', *бү-су-ри-* 'даваемый', *энэ-ј-* 'идущий', *энэ-ван-/жи-* 'заставляющий идти', 'посылающий' и т. п. Ср. соответственно *ала-ха-* 'сказавший', *би-ха-* 'бывший', *ван-кэ-* 'расплавившийся', *бү-хэн-* 'давший', *бу-су-хэн-* 'данный', *[энэ-хэн-* 'ушедший', *энэ-ван-кин-* 'заставивший идти', 'пославший' и т. п.

В эвенкийском и эвенском языках выделяется большее число различных форм причастия. Посредством суффикса *-ри-*, которому при этом предшествует *-жа/-жэ/-жо-* (показатель незаконченного вида), образуются основы причастия настоящего времени: эвенк. *эмэ-жэ-ри-* 'приходящий', ср. *эмэ-ри-* 'пришедший', (нулевой показатель законченного действия). Основы причастий прошедшего времени образуются суффиксом *-ча-*: эвенк. *эмэ-жэ-чэ-* 'шедший', *эмэ-чэ-* 'пришедший' и т. п. Имеются, кроме того, причастия будущего времени (суффикс *-жаңа- < *-жа-ңа-*): *эмэ-жэңэ-* 'тот, который придет' и т. п. Исследователи эвенкийского языка выделяют еще причастия неопределенного времени (суффикс *-ки-*), ближайшего будущего (суффикс *-лтэк-*), причастия долженствовательные, причастия результативные и некоторые другие.

Эвенкийские и эвенские причастия могут склоняться. К причастным основам присоединяются при этом падежные окончания (в им. пад. — нулевое). Склонение субстантивирует причастия, и они выступают как особые имена деятеля, действия, обладающие (в отличие от отглагольных существительных) видо-временными значениями. Субстантивированные причастия могут иметь и притяжательные окончания, присоединяемые к падежной форме причастия-имени. Выступая в роли определения и сказуемого, причастия имеют либо нулевое окончание, либо лично-предикативное (форма сказуемого). Лично-предикативные формы эвенкийских и эвенских причастий исследователи относят (на наш взгляд, ошибочно) к формам изъявительного, долженствовательного и других наклонений собственно глагола¹⁵.

Нанайские причастия склоняются по притяжательному типу склонения и, как правило, при этом субстантивируются. Отдельные падежные формы причастий способны онаречиваться, сближаясь при этом функционально с деепричастиями. В функции определения и сказуемого причастия имеют либо нулевое окончание, либо окончания лично-предикативные. Эти последние формы нанайских причастий иногда ошибочно относят к формам изъявительного наклонения собственно глагола (исходя из их перевода на русский язык)¹⁶.

Наиболее сложными по составу и структуре являются формы собственно глагола, представленные различными его наклонениями. Одни из них по своему морфологическому типу близки деепричастиям (например, некоторые формы повелительного наклонения), другие напоминают причастия, третьи представляют собой как бы сплав форм деепричастий и причастий, отличаясь в то же время и от каждой из этих последних.

¹⁴ В. А. Аврорин. О категориях времени и вида в нанайском языке. Сб. «Язык и мышление», XI, М. — Л., Изд-во АН СССР, 1948; его же «О категориях времени и вида в маньчжурском языке». «Известия АН ССР», отд. литературы и языка, 1949, т. VIII, вып. 1. В этих статьях автору удалось правильно, на наш взгляд, отметить ряд пережиточных случаев, позволяющих возвести категорию глагольного времени к предшествовавшим ей категориям вида (законченности и незаконченности действия). Нельзя лишь согласиться с распространением этого в принципе бесспорного положения на все случаи современных форм нанайских и маньчжурских причастий, которые, по утверждению автора, вообще категорией времени все еще якобы не обладают.

¹⁵ Г. М. Василевич. Указ. соч., стр. 102; В. И. Цинциус. Указ. соч., стр. 212 сл.

¹⁶ Т. И. Петрова. Указ. соч., стр. 76 сл. Ср. О. П. Суник. Очерки по синтаксису тунгусо-маньчжурских языков. Л., Учпедгиз, 1947, стр. 12—46, где показана несостоятельность отождествления формы причастия с формами изъявительного наклонения глагола в ряде тунгусо-маньчжурских языков.

С внешней стороны наиболее просты формы маньчжурского глагола, не имеющего личных окончаний, а также того разнообразия форм наклонений, которые свойственны другим языкам тунгусо-маньчжурской группы.

Повелительное наклонение маньчжурского глагола состоит из нескольких форм, различающихся по степеням вежливости: *ала* 'говорить' *ала!* 'говори!', *алацина!* 'скажи-ка!', *алакини* 'прошу сказать', *аларао* 'прошу покорно сказать' и т. п. Каких-либо «дополнительных» окончаний повелительные формы не могут иметь, но каждая из них, можно думать, имеет еще и свой особый интонационный признак. Вошедшие в состав суффиксальных окончаний элементы *-на* (**-ци-на*), *-ни* (**-ки-ни*), *-о* (**-ра-о*) восходят, по-видимому, к вопросительно-восклицательным частицам. Таковы же по своему типу формы условного и уступительного наклонений: *алаци* 'если сказать', *алацибэ* 'хотя и сказать' и т. п. Их окончания *-ци*, *-цибэ*, так же как и окончания повелительного наклонения, не имеют каких-либо структурных отличий от окончаний деепричастий (*-мэ*, *-фи*).

Формы изъявительного наклонения маньчжурского глагола исторически (а в ряде случаев и синхронно) представляют собой различные сочетания (синтетические и аналитические) причастий и деепричастий: *аламби* 'читает' — синтетическая форма настоящего времени (точнее, форма аориста), параллельно которой употребляется аналитическая форма *аламэ би* 'читая сущий'. Ср. прошедшее время *аламбихэ ~ аламэ бихэ* 'читал', 'читая был'. Ср. также *аламбимэ ~ аламэ бимэ* 'читая, будучи читая'; *алахаби* — синтетическая форма прошедшего времени, образованная из причастий *алаха* 'читавший' и *би* 'сущий'. Ср. *алахабихэ ~ алаха бихэ* 'читал, был читавшим'. Четким морфологическим признаком, по которому различаются маньчжурские собственно глагольные формы изъявительного наклонения от параллельных форм причастия, оказывается несклоняемость и монофункциональность собственно глагольных форм. Они могут выступать только в функции сказуемого так называемого главного или самостоятельного (независимого) предложения. Что же касается причастий, то они могут выступать и в других синтаксических функциях, в ряде случаев склоняясь при этом. К формам изъявительного наклонения могут быть отнесены (в качестве изъявительной формы будущего времени) образования типа *алаки* 'скажет', выступающие также (по-видимому, с иной, побудительной интонацией) в роли одной из форм повелительного наклонения, а в сочетании с формами глагола *сэмби* 'говорить' — в качестве знаменательного компонента аналитической формы желательного наклонения: *алаки сэмби* 'желает сказать' (~ 'говорит — скажу'). По своему типу форма будущего времени с окончанием *-ки*, в отличие от формы настоящего времени с окончанием *-мби* и прошедшего — *-хаби*, более близка к типам деепричастных форм и формам «косвенных» наклонений (т. е. всех, за исключением изъявительного).

В других языках тунгусо-маньчжурской группы все формы собственно глагола имеют те или иные личные окончания: в первых двух лицах, как правило, суффиксальные (местоименного характера), в третьем лице — иногда нулевые. Эти окончания присоединяются к особым, вторым, основам, образованным от основ первых посредством различных морфем, выражающих наклонение, а иногда и время соответствующей глагольной формы. Следует при этом иметь в виду, что названные формообразующие морфемы очень часто так прочно спаяны с личными окончаниями глагола, что для разграничения их требуется известная реконструкция каждой из слившихся путем «фузии» морфем.

Так, в нанайском языке изъявительные формы настоящего-будущего времени образуются путем прибавления к первой глагольной основе суффикса *-ра(н)/-да(н)/-а(н)*, за которым следует личное окончание (в форме третьего лица — нулевое): *холамби* (**хола-ран-би*) 'читаю', *бурэмби* (**бү-рэн-би*) 'даю', *ундэмби* (**ун-дэн-би*) 'говорю', *холачи* (**хола-ран-си*) 'читаешь', *бурэчи* (**бү-рэн-си*) 'даешь', *ундэчи* (**ун-дэн-си*) 'говоришь'; *холара* (**хола-ран*) 'читает', *бурэ* (**бү-рэн*) 'дает', *ундэ* (**ун-дэн*) 'говорит'; *холану* (**хола-рал-ну*) 'читаем', *бурэну* (**бү-рэл-ну*) 'даем', *ундэну* (**ун-дэл-ну*) 'говорим', *холасу* (**хола-рал-су*) 'читаете', *бурэсу* (**бү-рэл-су*) 'даете', *ундэсу* (**ун-дэл-су*) 'говорите'; *холарал* 'читают', *бурэл* 'дают', *ундэл* 'говорят' и т. п.

Еще более «фузионный» характер имеет образование аналогичной формы в эвенкийском языке. Формообразующий суффикс *-ра(н)/-да(н)/-та(н)/-ла(н)* в относительно полном виде выступает лишь в третьем лице, хотя следы его заметны и в формах первых двух лиц. Ср. спряжение эвенкийских глаголов (основы *ана* 'толкнуть', *гун* 'сказать'): формы ед. числа *ана-м* (**ана-ран-би*), *гун-и-м* (**гун-рэн-би*), *ана-н-ни* (**ана-ран-си*), *гун-ин-ни* (**гун-рэн-си*), *ана-ра-н*, *гун-э-н* (**гун-рэн*); формы мн. числа *ана-ра-е*, *гун-э-е* (**гун-рэ-е*), *ана-ра-с*, *гун-э-с* (**гун-рэ-с*), *ана-ра*, *гун-э* (**гун-рэ*) и т. п.¹⁷

Форма третьего лица, как и в нанайском, личного аффикса не имеет (нулевое окончание). Сохранившийся в эвенкийском конечный *н* (*-ран*) воспринимается как личное окончание 3-го лица ед. числа, противопоставляемое нулевому окончанию 3-го лица мн. числа. В нанайском же, напротив, конечный *н* суффикса *-ран-* не сохранился (остались лишь его «следы» в форме 1-го лица ед. числа *-рам-* < **-ран-*), но зато сохранился конечный *л* (*-рал*) — показатель множественного числа, свойственный и некоторым другим нанайским, а также некоторым эвенкийским глагольным формам.

Приведенные эвенкийские формы, хотя и называются формами настоящего времени (точнее, аориста), переводятся на русский соответствующими глаголами прошедшего времени ('я толкнул', 'я сказал', 'ты толкнул', 'ты сказал' и т. п.), так как действие, выражаемое приведенными формами, является законченным, завершенным (нулевой показатель вида в основе). Для выражения настоящего незаконченного действия (соответствует по смыслу настоящему времени русских глаголов) используется основа с показателем вида незаконченности, незавершенности действия (суффикс *-жа-*): *анажа-м* 'толкую', *анажа-н-ни* 'толкаешь', *анажа-ра-н* 'толкает', *анажа-ра-е* 'толкаем', *анажа-ра-с* 'толкаете', *анажа-ра* 'толкают'.

В современном нанайском подобные формы глагола переосмыслены как формы будущего времени изъявительного наклонения: *ана-жам-би* (**ана-жа-ран-би*) 'буду толкать, толкну', *ана-жа-чи* (**ана-жа-ран-си*) 'будешь толкать', *анажа-ра* (**ана-жа-ран*) 'будет толкать'; множеств. число: *ана-жа-пу*, *ана-жа-су*, *ана-жа-рал*. Суффикс *-жа-* образует здесь основы будущего времени, к которым при спряжении присоединяются личные окончания. В плане синхронном этими окончаниями, как и в форме настоящего времени, оказываются *-мби*, *-чи*, *-ра*, *-пу*, *-су*, *-рал*. Впрочем, и в эвенкийском формы настоящего незаконченного могут, по-видимому, выступать в качестве форм будущего¹⁸.

Основы прошедшего времени образуются в нанайском посредством суффикса *-ка-*, после которого следуют личные окончания (в третьем лице нулевые). В отличие от фузионного характера соединения морфем изъявительных форм настоящего и будущего времени, формы прошедшего времени нанайского глагола имеют суффиксально-агглютинативный характер.

В эвенкийском языке, кроме уже упомянутой глагольной формы аориста, могущей иметь значение прошедшего времени (настоящее, только что завершенное), прошедшее выражается причастием с суффиксом *-ча-* и некоторыми другими, также причастными (а не собственно глагольными) формами.

Из косвенных наклонений глагола приведем формы сослагательные, образуемые посредством формообразующего суффикса *-мча-*, за которым следует соответствующее личное окончание (в третьем лице нулевое): нанайск. *анамча-и* 'я толкнул бы', *анамча-си* 'ты толкнул бы', *анамча* 'он толкнул бы', *анамча-пу* 'мы толкнули бы', *анамча-су* 'вы толкнули бы'.

¹⁷ Существуют и иные взгляды на происхождение изъявительных форм тунгусо-маньчжурского глагола. Наиболее полно, с указанием литературы вопроса, они изложены в работе J. Benzing. Die tungusischen Sprachen. Versuch einer vergleichenden Grammatik. Wiesbaden, 1956, S. 115 сл.

¹⁸ Ср. «будущее II» у О. А. Константиновой и Е. П. Лебедевой. Эвенкийский язык. М. — Л., Учпедгиз, 1953, стр. 153 и «настоящее несовершенное» у Г. М. Васильевич. Указ. соч., стр. 189—190.

толкнули бы', *анамчал* 'они толкнули бы'. В эвенкийском соответственно — *анамча-е*, *анамча-с*, *анамча(н)*, *анамча(л)-вун*, *анамча(л)-сун*, *анамчал* ~ *анамча(л)-тын*.

Из форм повелительного наклонения, представленных разнородными глагольными образованиями, приведем наиболее часто встречающиеся формы второго лица. Нанайск. *ана-ру!* 'толкни!', *ана-росу!* 'толкните!', эвенк. *ана-кал!* 'толкни!', *ана-калу!* 'толкните!'. Формы эти в качестве форм настоящего (ближайшего будущего) противопоставляются формам будущего (отдаленного будущего) времени того же повелительного наклонения: нанайск. *ана-хари!* 'потом толкни!', *ана-харсу!* 'потом толкните!', соответственно эвенк. *ана-да-ви*, *ана-да-вэр*. В нанайск. формах *анаро-су*, *анакхар-су*, эвенк. *анакал-лу* выделенные морфемы являются личными окончаниями 2-го лица мн. числа. Основы, от которых образованы эти формы, в соединении с нулевым окончанием (интонация побуждения) представляют соотносительные формы единственного числа. Так же построена и нанайская повелительная форма будущего времени. Соответствующая эвенкийская форма именного типа: *анада-* основа супина, *-ви*, *-вэр* — безлично-притяжательные окончания единственного и множественного чисел.

Таковы наиболее характерные (но далеко не все имеющиеся в тунгусо-маньчжурских языках) основы и окончания собственно глагольных положительных форм. Другие формы, в том числе отрицательные формы глагола, в этой статье мы рассматривать не будем.

S U M M A R Y

The article describes the most characteristic stems and endings of positive verbal forms in some of the Tungus-Manchu languages.

On the basis of his analysis the author shows that these categories of scientific accuracy can and should be employed in the study of both agglutinative and inflectional languages.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПЕРЕВОД И. Ю. КРАЧКОВСКОГО ИЗ АБУ-Л-‘АЛĀ АЛ-МА‘АРРĪ

В этом году во всем мире торжественно отмечалось 900-летие со дня смерти великого арабского поэта и мыслителя Абу-л-‘АлĀ Ахмада ибн ‘Абдаллаха ал-Ма‘арри ат-Тауĥи (363/973—449/1057).

С 70-х годов прошлого века творчество Абу-л-‘АлĀ стало предметом пристального внимания нашей отечественной арабистики. Неоднократно обращался к творчеству великого поэта глава советской арабистики И. Ю. Крачковский, «друг ал-Ма‘арри из Ленинграда», как назвал его Амин Райхāн. Ниже впервые публикуется ранний перевод И. Ю. Крачковского из Абу-л-‘АлĀ. Публикация подготовлена к печати проф. В. А. Крачковской.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Со студенческой скамьи до конца жизни И. Ю. Крачковский не расставался надолго с творчеством Абу-л-‘АлĀ. «„заложника двойной тюрьмы“ — слепоты и одиночества»¹. Он открыл в библиотеке ал-Азхара в Каире в январе 1910 г. рукопись «Послания об ангелах»; в течение сорока лет он посвятил поэту-философу ряд печатных работ выдающегося значения (1910, 1913, 1925, 1932, 1935, 1948 гг.)², мастерски вовлекая в исследования ленинградские и зарубежные рукописи³. И. Ю. Крачковский указывал на важность полного исследования и издания уже известных в науке отдельных произведений поэта, считал необходимым «знакомство со всеми сохранившимися произведениями Абу-л-‘АлĀ»⁴.

В 1906 г. И. Ю. Крачковский, тогда юный магистрант, начинал работу над дивāном поэта ал-Ва‘вā и перечитывал произведения его предшественников. В «Комментариях» к изданию «Послания об ангелах» (1932) И. Ю. Крачковский рассказал, как, занимаясь под руководством В. Р. Розена, он от комментария Абу-л-‘АлĀ на стихотворения ал-МутанаббĪ перешел к изучению стихотворений самого Абу-л-‘АлĀ⁵.

К этому времени относится перевод И. Ю. Крачковским стихотворения Абу-л-‘АлĀ из сборника «Лузūм mā lā йалзам» (Обязательность необязательного) по каирскому изданию 1891 г. Стихотворение содержит 23 бейта. Перевод этот до сих пор не публиковался. Автограф И. Ю. Крачковского датирован 22 января 1906 г.⁶ Таким образом, публикуемый перевод — самая ранняя работа И. Ю. Крачковского над творчеством этого поэта, о трудности понимания которого ученый говорил неоднократно.

¹ См. И. Ю. Крачковский. Избр. соч., т. I, М.—Л., 1955, стр. 24—25.

² См. там же, стр. 430, Указатель имен (под словом Абу-л-‘АлĀ); т. II, стр. 644.

³ Там же, т. II, стр. 147, прим. 2, 185, 187.

⁴ Там же, стр. 185.

⁵ Там же, стр. 395.

⁶ Автограф находится в личном архиве академика И. Ю. Крачковского.

Из Абу-л-'Ала

(Его стихотворение, подавшее по-
вод к переписке с Ибн-Абу-
Имраном - اللزوميات стр. 232-234.)

1. Ты болен умом и верой — приходи
ко мне, чтобы выслушать весть о
дающих здравие вещах,

из тех же заветов к богам
заманчивой, тогда кто любя пере-
драхит. Из за мого в заботах

Перевод И. Крачковский
1906 г.

Начало и конец автографа И. Ю. Крачковского

Вполне вероятно, что в случае печатания самим переводчиком перевод был бы пересмотрен; сейчас он публикуется без изменений, если не считать введения современной орфографии.

В. А. Крачковская

Из АБУ-Л-'АЛА¹

(Его стихотворение, подавшее повод к переписке с Ибн Абу-Имраном,
اللزوميات, стр. 232—234)²

1. Ты болен умом и верой — приходи ко мне, чтобы выслушать весть о дающих здо-
ровье вещах.

¹ اللزوميات او لزوم ما لا يلزم (Абу-л-'Ала ал-Ма-'арри. Обязатель-
ности или Обязательность необязательного). Каир, 1891, стр. 232—234.

² Стихотворение упомянуто: И. Ю. Крачковский. Избр. соч., т. II, стр. 77,
прим. I.

2. Не ешь того, что насильем выводят из воды; не стремись к пище из свежее-зако-
лотых животных

3. и белому (молоку) матерей, которые лучшую часть его готовили для своих детей,
а не для белолицых красавиц.

4. Не пугай птиц, когда они беспечно (сидят) на том, что положили, — коварство
ведь худший из грехов.

5. Оставь и пчелиный мед, который они собирали по утру с цветов пахучих расте-
ний.

6. Они [ведь] сохраняли его не для других; собирали не для щедрости и расточи-
тельности.

7. Я умыл свои руки во всем этом; о если б я сознал свое поведение прежде, чем
поседел мои локоны!

8. О люди моего времени! Знаете ли вы тайны, которые известны мне, но которых
и не стану разглашать?

9. Вы бродите точно ночью в заблуждении. Почему же вы не пошли за тем, что вам
внушали чистые стремления?

10. Вам крикнул заблудившийся путеводитель, и вы пошли за первым крикнув-
шим, забыв про то, что подсказывала (ваша душа).

11. Когда вы обнажите истины своей религии, найдете там много скверных гадостей.

12. Если же вы пойдете по прямому пути, то не окрашивайте меча кровью и не за-
ставляйте зонды мерить постоянно края ран.

13. Мне нравилось бы поведение монахов, если б они не пожирали труда душ, до-
рожащих своим достоянием.

14. Гораздо лучше них пища тех, кто живет, снискивая законное пропитание
с утра до вечера.

15. Ведь и Христос не удалялся из мира ради благочестия, а ходил как странник
по земле.

16. Меня скроет под землей, кому я неприятен (своим запахом), если не скроет
(существо) с неприятным запахом (= гниена).

17. Тот, кто боится присоединиться к костям, сам будет похож на большую из этих
разбросанных костей.

18. Худшей привычкой людей и их поступком является вой горюющих о смерти и
истязание плакальщиц.

19. Я прощаю грех друга и всякого другого, потому что мне придется поселиться
в доме истины между могильных плит.

20. Я остерегаюсь хвалить героя, когда он это даже и заслуживает, как же я сам
буду принимать ложные похвалы?

21. Моя норовистая душа (все же без устали) служит верховым животным, пока
не превратится в захудалую, отставшую (верблюдицу).

22. Человеку не поможет, что облака проливают дождь на него под могильными
плитами.

23. Если бы близость к воде была желательной, тогда все люди передрались бы
из-за могил в болотах.

Перев. И. Крачковский

СПб., 22 янв. 1906 г.

А. М. МУГИНОВ

А. М. МУГИНОВ

Начало сочинения после басмалы: الحمد لله الذي اجلس على سرير سمو المشاهدات. ارواح الانبياء والاوليا. После славословия всевышнему и пророку [автор перечисляет святых и особенно выделяет трех шейхов из Фарса: великого шейха Абӯ-'Абдал-лаха Мухаммада б. Хуфйфа (ум. в 371/981)¹, Абӯ Исхакка Ибрахима б. Шахйа-
¹ По Джамии (Нафхат ал-унс. Рукоп. фонд ИВАН СССР, инв. № D96, л. 89а) ум. 331/942.

۲۵

Начало рукописи

ра² ал-Казруни (ум. в 426/1034) и, наконец, Абӯ-Муҳаммада Рӯзбихана б. Абӯ Насра б. Рӯзбихана ал-Бақли.

Автор рассказывает далее, что, когда он путешествовал, ему пришлось проезжать некоторые города и встречаться со знатными людьми, которые просили рассказать о Рӯзбихане, а затем изложить письменно то, что он им рассказывал. В результате он «составил трактат удовлетворительный, но не исчерпывающий» (رسالہ مقنع نہ مشبع) (сاخته بو, стр. 35). Затем по просьбе верных друзей он написал книгу о жизни Рӯзбихана, включив в нее образцы из трудов шейха.

Труд делится на 4 главы (қутб) и заключение (ҳатима). I глава (стр. 44—105) содержит основные сведения о жизни шейха, о его учителях и наставниках, о получении хирқа и о ее родословии. Конец I главы делится на две тарйқа, каждая из которых состоит из двух шу'ба. Первая тарйқа посвящена получению Рӯзбиханом хирқи от шейха Сирадж ад-дина и получению хирқи самим Сирадж ад-дином. Вторая тарйқа посвящена получению Рӯзбиханом второй хирқи от шейха Абӯ-с-Сафъ ал-Васитъ. Кончается глава стихами шейха Рӯзбихана (стр. 101—105).

Содержание главы сводится вкратце к следующему: Рӯзбихан родился в Баса, одном из древних городов Фарса, в 522/1128 г. и умер в 606/1209 г. в Ширазе, в рабате, который он сам построил. В этом же рабате он и похоронен. Изложение биографии шейха Рӯзбихана начинается цитатой из его сочинения *كشف الاسرار* (Открытие тайн), посвященного, очевидно, в известной части автобиографический характер. Шейх, как он сам рассказывает, родился среди невежд, пьянства и беспутства. Когда ему было шесть лет, он «спрашивал у детей: „Вы знаете своего бога?“ Дети отвечали: „У бога нет рук и ног и никаких органов тела“ (отрицание антропоморфизма.— А. М.). В семь лет, кроме прославления Аллаха, [я] ничего не знал. Когда [мне] исполнилось одиннадцать лет, из невидимого мира услышал [я] величественное обращение. Тогда все, что было на мне, [я] снял, порвал одежды и пошел в пустыню, где пребывал один год и шесть месяцев... Когда я освободился от волнения, [то] вошел в суфийские общины, вел подвижническую жизнь. Учил Коран наизусть, в суфийской среде приходил в экстаз» (стр. 45—48).

Далее автор, излагая биографию шейха своими словами, сообщает о приезде шейха в Шираз, его занятиях теософией (без указания, сколь длительны были эти занятия), встречах с великими шейхами и имамами, получении хирқи от шейха Сирадж ад-дина Махмуда б. Халифа и возвращении в Баса. Спустя некоторое время после возвращения в родной город шейх решил отправиться в хадж. Доехав до города Васит, Рӯзбихан встретился с шейхом Абӯ-с-Сафъ ал-Васитъ, получив у него, как сказано выше, вторую хирқу (стр. 71). Посетив на пути из хаджа также Египет и Сирию, шейх вернулся в Шираз, где решил построить рабат. Закончив его в 560/1165 г., шейх пожертвовал рабат суфиям.

Глава II (стр. 106—224) содержит 5 фә'ида — выгод от тонких мыслей шейха, 39 рассказов о чудесах шейха и стихи (стр. 221—223).

Более значительной по объему и по содержанию является глава III (стр. 225—458), посвященная сочинениям шейха. По словам автора, Рӯзбихан написал более 60 трудов. Названия 40 из них, в большинстве своем до сих пор оставшиеся не известными³, приводятся в главе, причем из 17 сочинений даются обширные выдержки. В главе сообщаются также биографические сведения о 45 шейхах, современных Рӯзбихану или предшествовавших ему.

² По Джамии (Указ. соч., л. 89а)—б. Шахрийар.

³ О некоторых сочинениях Рӯзбихана ал-Бақли см. C. Brockelmann. Geschichte der arabischen Litteratur, B. I. Weimar, 1898, S. 414, 442; Enster Supplementband. Leiden, 1937, S. 734; Al Hallâj Kitâb al Tawâsîn, ..., texte arabe publié, ..., avec la version persane d'a-Baqlî, l'analyse de son commentaire persan, une introduction critique, des observations, des notes et trois indices par L. Massignon. Paris, 1913; «Der Islam», 1933, B. XXI, Heft 1, S. 101, § 11, 12; S. 103, § 13, 14.

Трудно сказать, почему столь многочисленные сочинения Рӯзбихана почти не дошли до нас. Можно лишь предполагать, что они (точно так же, как и труды его правнука 'Абд ал-Латифа, автора жизнеописания) были преданы забвению и даже, вероятно, уничтожались с наступлением торжества шиизма в Иране как принадлежащие к суннитскому толку.

Глава IV (стр. 459—508) посвящена в основном детям Рӯзбихана и отцу автора. У шейха было пятеро детей: три дочери и два сына — Шихаб ад-дин Мухаммад (ум. 605/1208) и Фахр ад-дин Абӯ-л-'Аббас Ахмад, дед автора. Последний замещал Рӯзбихана еще при его жизни в чтении проповедей и, получив у шейха хирку, стал его преемником. Фахр ад-дин считался крупным шейхом и ученым. Он оставил ряд произведений в стихах и прозе. Значительное место уделено в главе сыну Фахр ад-дина и отцу автора Садр ад-дину Абӯ-Мухаммаду Рӯзбихану ас-Сани (603/1206—685/1286). Автор приводит четыре рассказа о чудесах Рӯзбихана ас-Сани, несколько его газелей и стихов.

Особое место занимает диван шейха Рӯзбихана ал-Бақли ديوان المعارف في الشعر. Стихотворный диван познаний, стр. 30—33, 65—67, 101—105, 221—224, 428—448, 454—458). Диван неполный, по существу он начинается со стр. 428, но отрывки из него автор приводит и раньше. Существование такого дивана ни в одном из доступных мне каталогов не отмечено.

Начало дивана (стр. 428): زامرايز دبی چون مقدرست بلابدان که داد مرو را خجستگی ولا

В заключение нужно сказать, что в 1928 г. В. Ивановым был найден в Ширазе фрагмент (36 л.) рукописи, содержащей биографию Рӯзбихана ал-Бақли⁴. Автор этой биографии не установлен, но В. Иванов считает, что ее написал правнук шейха Рӯзбихана, так как автор постоянно ссылается на сына шейха Фахр ад-дина Ахмада как на своего деда. Это предположение В. Иванова подтверждается предисловием нашей рукописи (стр. 34—35). Тем не менее надо отметить, что, судя по отрывкам, которые приводит В. Иванов, наша и обнаруженная им рукописи не идентичны, хотя имена многих ученых, упоминаемые в найденном им фрагменте, содержатся и в нашей рукописи.

ОБ УНИФИКАЦИИ АЛФАВИТОВ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ В СССР

Х. КУРБАТОВ

В статье А. К. Боровкова¹ поднят чрезвычайно важный и злободневный вопрос, касающийся алфавитов тюркских языков в СССР. Вполне разделяя основную идею автора, не могу согласиться с его некоторыми конкретными предложениями по поводу начертаний букв для специфических фонем.

А. К. Боровков выступает против использования знаков латинского происхождения для обозначения отдельных фонем (например, *h*), против существующих до сих пор дополнительных букв с подстрочными диакритическими значками (*ж*, *н*), считая, что они «нарушают стройность русского алфавита», и предлагает заменить их следующими буквами: *ā, ō, ū, ж, х, г, н, к*. При этом он замечает, что «рукописные формы этих букв могут сохраниться в том виде, в каком они употребляются и сейчас в перечисленных случаях».

С этим трудно согласиться прежде всего потому, что в самом русском алфавите немало букв, которые по своим начертаниям (*е, р, л, с, у, х*), а иногда и по значению (*а, к, о*) соответствуют буквам латинского алфавита. Если так, почему нельзя дополнить тюркские алфавиты на русской основе еще несколькими буквами латинского происхождения (*h, y*)? Далее А. К. Боровков противоречит самому себе: в одном случае он выступает против дополнения русского алфавита латинскими буквами, а в другом — предлагает буквы, которые фактически взяты из латинского алфавита или сделаны по их образцам: *ā, ō, ū*.

Нам кажется, буквы *э, е, h, ж, к, Ғ, ң* (а также *с, з*) являются наиболее удачными и в художественном и в педагогическом отношениях. Диакритический знак в виде «хвостика» имеется в самом русском алфавите — в буквах *щ* и *ц*. Следовательно, начертание букв *ж, ң, к* (а также *с, з*) нисколько не противоречит этой особенности русского алфавита. В том, что буквы *h, y* имеются в латинском алфавите, а знак *Ғ* напоминает букву *F* из того же алфавита, с нашей точки зрения, ничего нет предосудительного: как уже было сказано, в русском алфавите немало букв, которые совпадают с буквами латинского алфавита. Буква *э* является перевернутой формой буквы *е*, и она тоже нисколько не нарушает общий вид русского алфавита. Наконец, буква *е* также не должна вызывать особых возражений, ибо в художественном отношении ничего отталкивающего в ней нет, не говоря уже о том, что ее очень удобно писать.

Удобство написания имеет немаловажное значение. Особенно неудобны буквы с надстрочными точками: неудобство здесь состоит в том, что при написании приходится отрывать руку (недаром в новом своде орфографических правил русского языка резко ограничено написание *ё*). Если принять буквы *ā, ō, ū*, то одну третью часть всех тюркских слов пришлось бы снабдить несколькими горизонтальными двоеточиями. Так, например, предложение «А сейчас я иду из школы» выглядело бы следующим

¹ А. К. Боровков. К вопросу об унификации тюркских алфавитов в СССР. «Советское востоковедение», 1956, № 4.

⁴ W. Ivanow. A biography of Ruzbihan al Baqli. «Journal and proceedings of the Asiatic society of Bengal (New Series)», vol. XXIV, 1928, № 4, p. 355.

образом: *Ä xäzer min mäktäptän qaytyt kilä.m.* Буквы с надстрочными точками могут не вызывать особых затруднений только в тех языках, где отсутствует или почти не заметен закон сингармонизма (напр., в немецком языке).

Буквы *х, қ, ж, н, ғ* нежелательны потому, что они, во-первых, мало чем отличаются от букв *х, к, ж, н, г*, во-вторых, начертание их (кроме *ғ*) шире, чем у букв с диакритическими знаками в виде «хвостиков» (понятно, что чем уже буква, тем она и красивее и требует меньше места).

Таковы наши соображения по поводу унификации тюркских алфавитов в СССР. При унификации необходимо исходить из опыта алфавитов тех тюркских языков, к звуковому составу которых наиболее совершенно приспособлена русская графика (пример в этом отношении мог бы служить, на наш взгляд, алфавит казахского языка).

ИЗОБРАЖЕНИЯ ХРАНИЛИЩА ДЛЯ ЗЕРНА НА ПЕЧАТЯХ МОХЕНДЖО-ДАРО И ХАРАППЫ

Г. М. БОНГАРД-ЛЕВИН

Изучение древних хараппских влияний на более поздние культуры Индии помогает как пониманию истории наследовавших Хараппе культур, так и исследованию непрочитанных страниц цивилизации долины Инда. Приведем один пример. В. Теобальд, изучая древнеиндийские монеты, выделил основные символы, которые встречаются на клейменных монетах¹. Среди многочисленных изображений привлекает внимание знак № 55 (рис. 1).

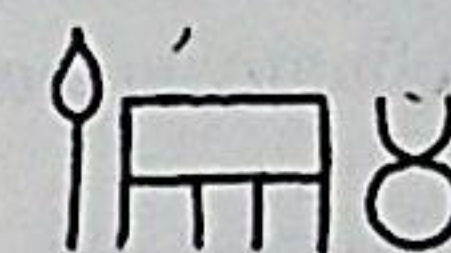

Рис. 1

Теобальд предположил, что этот знак обозначает амбар для хранения зерна. Через четыре года после появления публикации Теобальда В. Хоэй обнаружил недалеко от Патны медную табличку с сохгаурской надписью маурийского времени на брахми². На табличке над надписью было выбито несколько знаков (рис. 2).

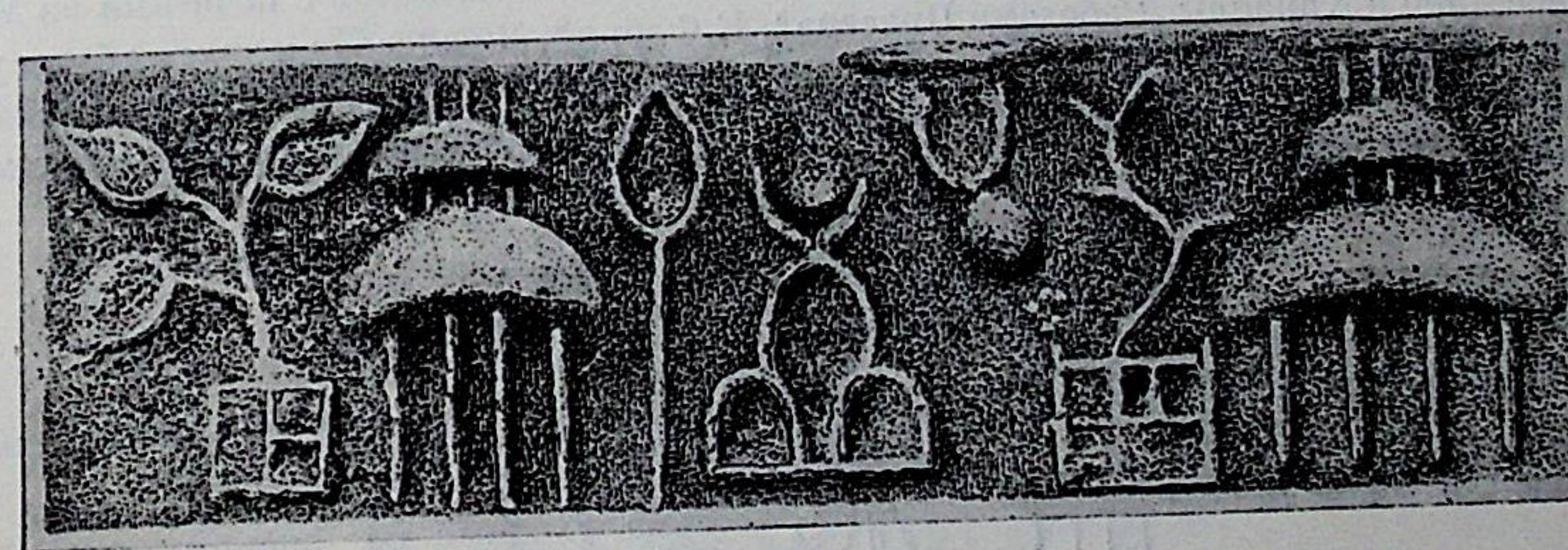

Рис. 2

Впервые сохгаурская надпись была опубликована в 1894 г. В. Смитом, который дал краткое описание изображенных на ней символов. Вторым из них он рассматривал как строение с изогнутой выпуклой крышей на четырех колоннах, увенчанное другой такой же крышей, покоящейся на трех подставках (опорах) и оканчивающейся тремя короткими шестами³. Лишь Рудольфу Хоэрилу удалось прочесть несколько слов этой надписи. Он установил, что в ней говорится о двух амбарах (*koṭṭhāgālāni*),

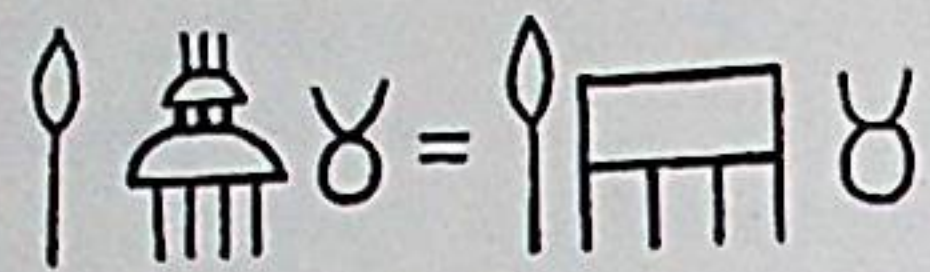
¹ W. Theobald. Notes on some of the symbols found on the punch-marked coins of Hindustan and on the relationship to the archaic symbolism of other races and distant lands. «Journal of the Asiatic Society of Bengal», 1890, vol. LIX.

² W. Hoey. Note on the Sohgaura copper-plate. «Proceedings of the Asiatic Society of Bengal», 1894, p. 84—85.

³ Там же, стр. 85—87.

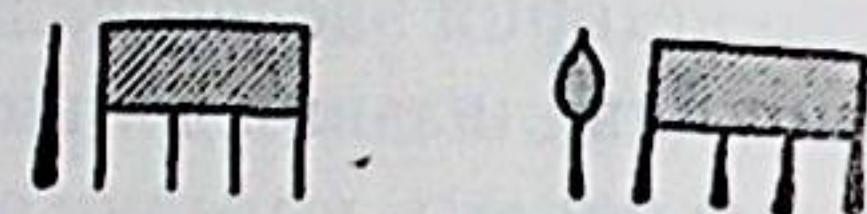
которые, по его мнению, возможно, и были изображены на табличке⁴. Таким образом, сохгаурская находка подтверждает правильность предположения Теобальда.

Если выделить из сохгаурских символов три (второй, третий и пятый) и поставить третий перед вторым, то мы получим изображение, почти идентичное знаку № 55 (у Теобальда):

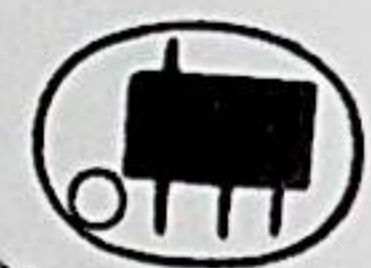

Интересно, что на медной табличке повторяется не только знак, служивший для обозначения амбара, $\text{[three horizontal lines with a central dot]} = \text{[three horizontal lines with a central dot]}$, но и два других: $\text{[vertical line with a dot]} = \text{[vertical line with a dot]}$; $\text{[two horizontal lines with a central dot]} = \text{[two horizontal lines with a central dot]}$

Символы, близкие к имеющимся на монете Теобальда, мы находим и в составленном Дж. Алланом⁵ каталоге монет древней Индии:

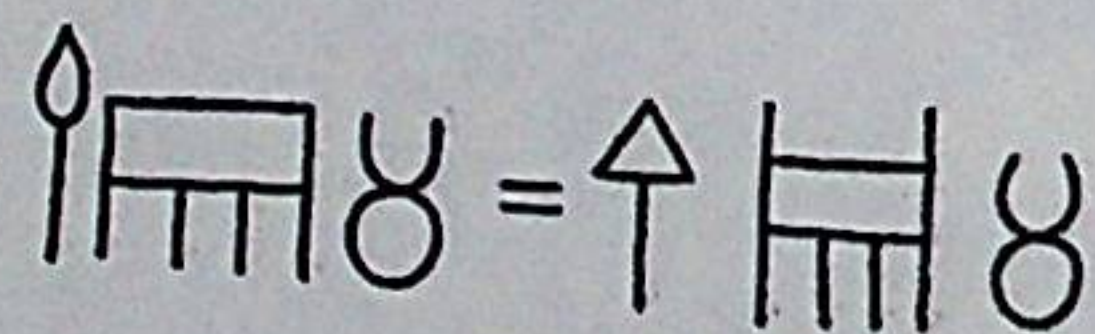

Сходство их с изображениями на рис. 2 и особенно на рис. 1 очевидно. Аллан вслед за Теобальдом считает эти знаки изображениями амбара, впереди которого стоит столб. Укажем также и на символы, обнаруженные на серебряной клейменной монете позднего периода (соответствующего маурийской эпохе)⁶

По мнению Д. Прасада, они изображают строение в виде убежища с соломенной крышей⁷. Символы эти имеют много общего с теми, которые обнаружены на монете Аллана. Прасад указывает, что круг изображает придорожный колодец. О строительстве таких колодцев сообщают, например, эдикты Ашоки.

Большой интерес представляет сравнение указанных символов с печатями из Мохенджо-Даро и Хараппы. Работами Прасада⁸, К. Фабри⁹, Джаясвала и других было установлено сходство между символами печатей Мохенджо-Даро и символами на клейменных монетах. Так, на печатях Мохенджо-Даро имеются знаки, аналогичные знакам монеты № 55 Теобальда¹⁰:

Среди опубликованных Дж. Маршаллом¹¹ печатей можно найти печати, на которых встречаются знаки типа $\text{[three horizontal lines with a central dot]}$ и $\text{[vertical line with a dot]}$, весьма сходные со знаками сохгаурского документа и символами на монетах (у Аллана, Прасада).

⁴ W. Hoey. Note on the Sohgaura copper-plate. «Proceedings of the Asiatic Society of Bengal», 1894, p. 87—88.

⁵ J. Allan. Catalogue of the coins of ancient India. London, 1936, p. 301.

⁶ Durgā Prasad. Classification and significance of the symbols on the silver punch-marked coins of ancient India. «Journal and Proceedings of the Asiatic Society of Bengal». New Series, 1934, vol. XXX, № 3, pl. 27.

⁷ Там же, стр. 52, № 116 и 116-а.

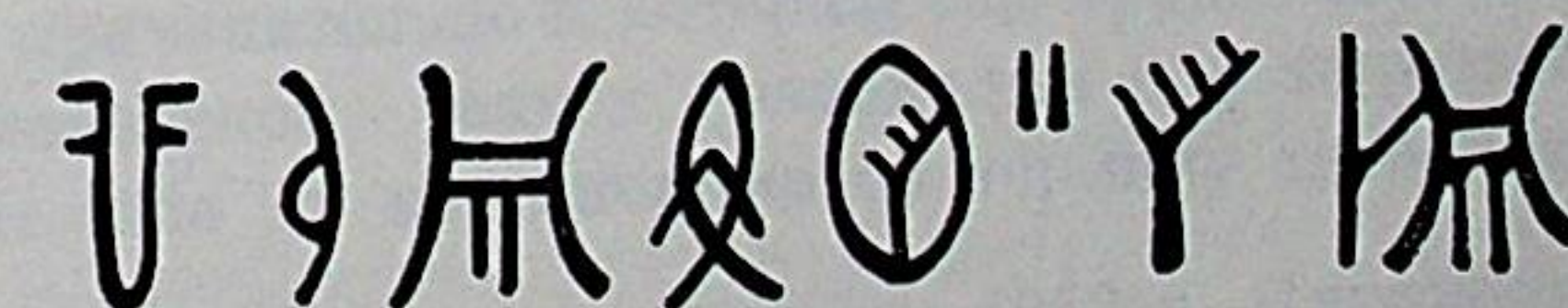
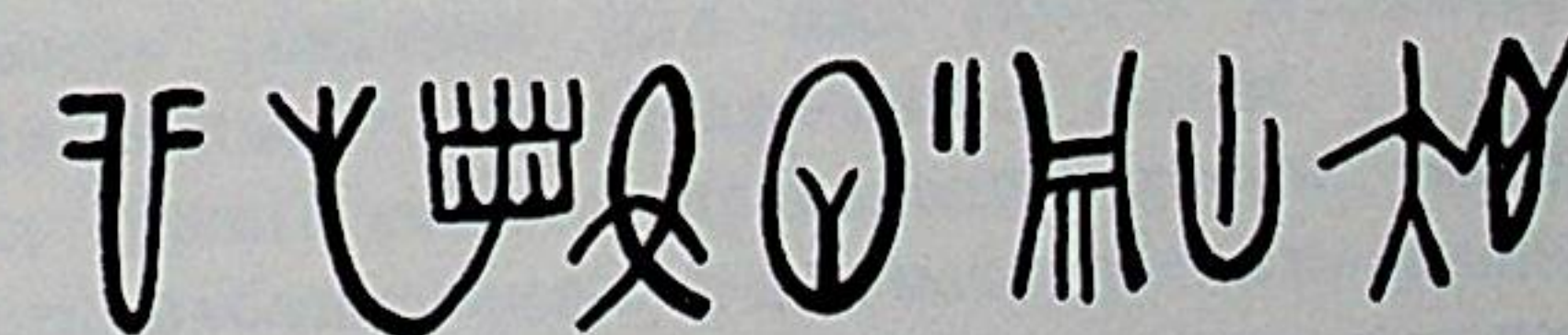
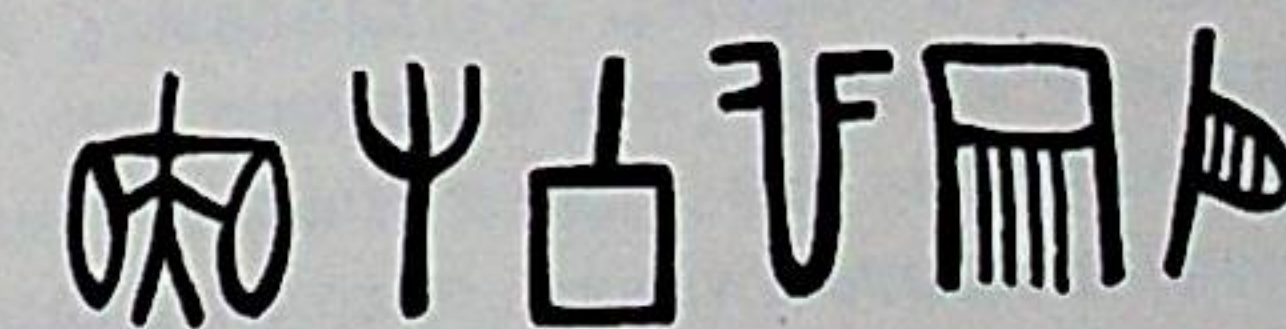
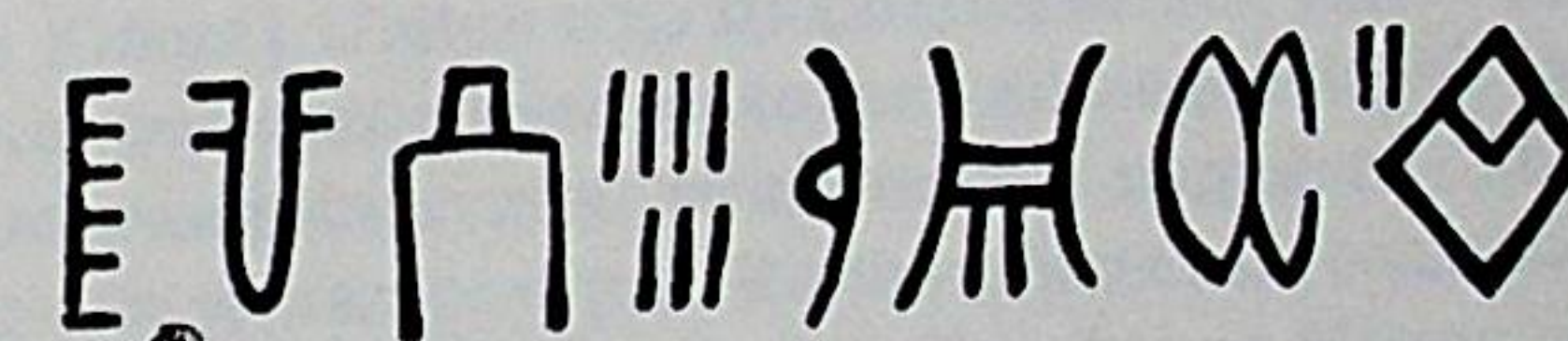
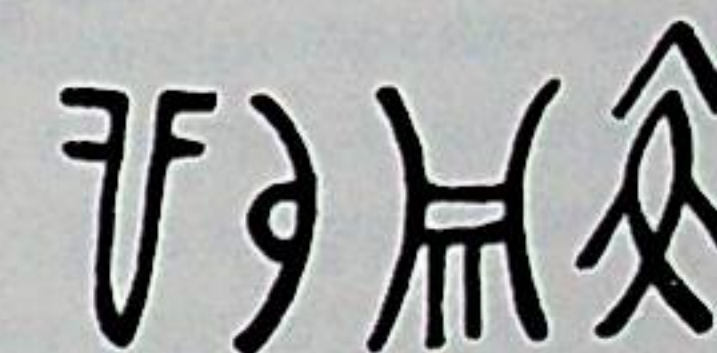
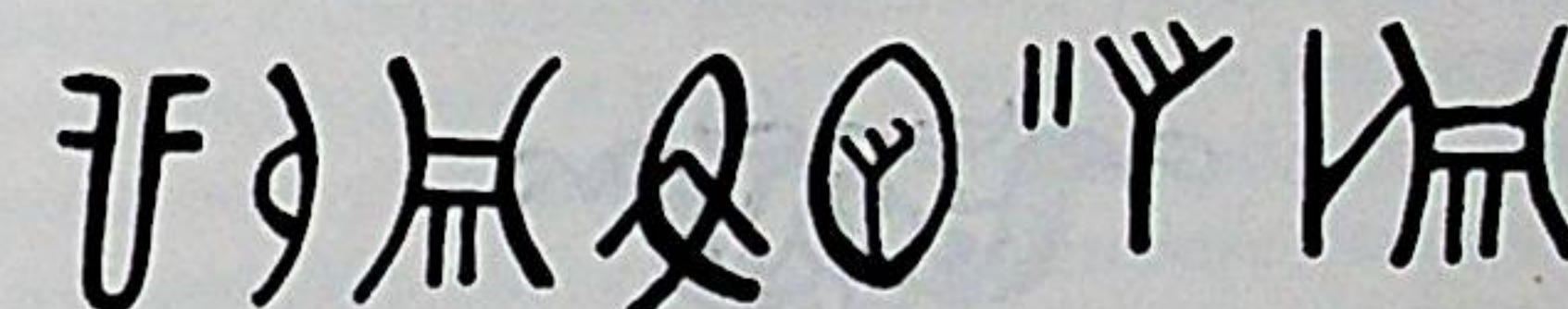
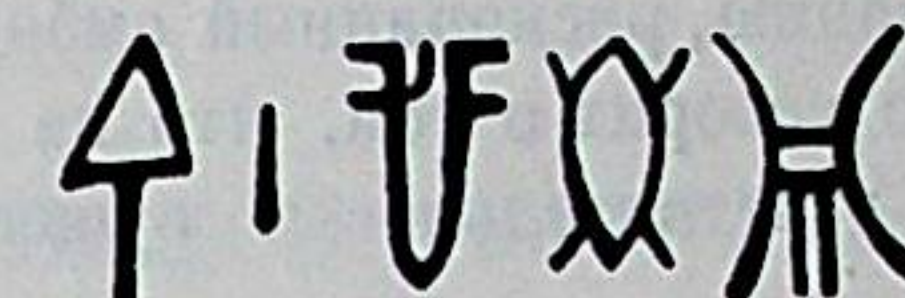
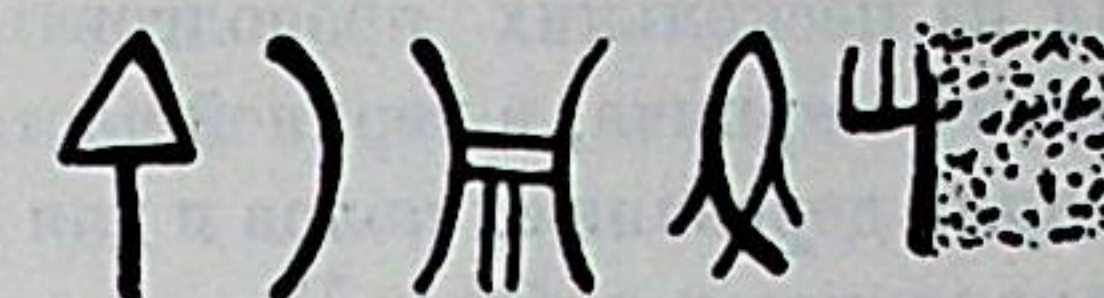
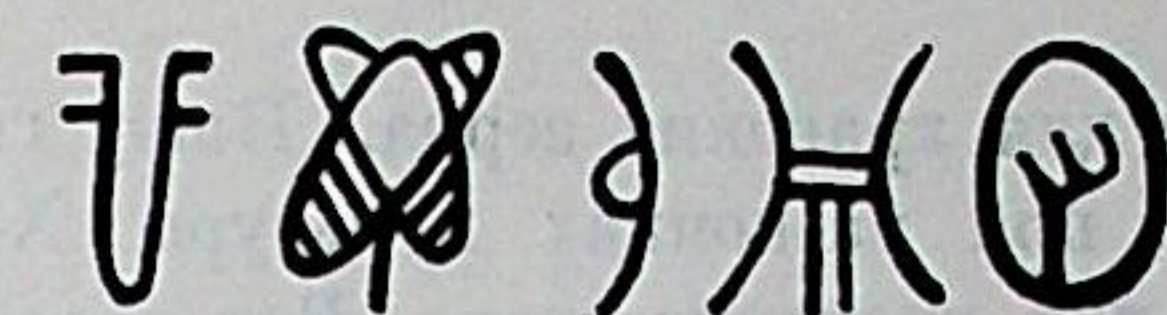
⁸ Там же, стр. 5—59.

⁹ C. L. Fabri. The punch-marked coins: a survival of the Indus civilization. «Journal of the Royal Asiatic Society», 1935, part II, p. 307—317.

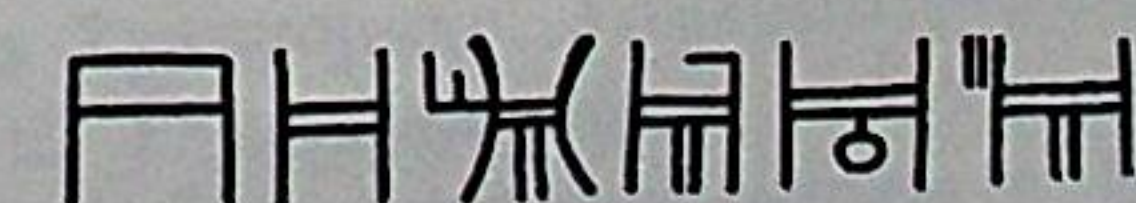
¹⁰ C. L. Fabri. Указ. соч., стр. 316.

¹¹ J. Marshall. Mohenjo-Daro and the Indus civilization. London, 1931, vol. III, plates CXIX, CXX, CXXI, CXXIII, CXXIV.

Приведем изображения ряда печатей из Мохенджо-Даро.

Кроме того, на печатях встречаются изображения, похожие на знак $\text{[three horizontal lines with a central dot]}$

и другие два знака, обнаруженные на монетах и медной табличке.

Так, на печати № 259 находим: $\text{[vertical line with a dot]} \text{[three horizontal lines with a central dot]} \text{[two horizontal lines with a central dot]}$

Таким образом, напрашивается вывод, что знак и на печатях Мохенджо-

Даро обозначал амбар для хранения зерна. Нашу гипотезу подтверждают и археологические материалы: при раскопках культуры Хараппы Уиллер нашел остатки общественного амбара для хранения зерна. Вот описание этого амбара.

«...Амбар состоял из нескольких продолговатых помещений с массивным фундаментом из обожженного кирпича, в верхней части которого имелось большое число отверстий для вентиляции деревянных полов и для защиты от плесени зерна и других продуктов, которые хранились в амбаре»¹².

Судя по этому описанию, раскопанный амбар имеет сходство с изображениями на печатях и монетах. Это говорит о том, что на печатях изображались хозяйственные постройки, которые в действительности существовали в эпоху хараппской цивилизации.

Приведенный нами пример показывает также, что традиции великой индийской цивилизации не умирают вместе с гибелью городской жизни. Они продолжают жить на протяжении многих веков, оказывая влияние на позднейшие культуры Индии.

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ТАМИЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЖУРНАЛЕ «TAMIL CULTURE»

А. М. ПЯТИГОРСКИЙ

Созданию научного журнала¹, который привлек к себе интерес не только всех дравидологов мира, но также индологов, лингвистов, этнографов и ученых, занимающихся вспомогательными историческими дисциплинами, способствовали рост национального и национально-культурного движения в Тамилнаде после освобождения Индии от колониального господства и резкое повышение интереса к языку, культуре и истории своего народа, как у тамиллов Тамилнада и Цейлона, так и у тамильских эмигрантов, живущих в Бирме, Малайе, Южно-Африканском Союзе и многих других местах. Второе обстоятельство, способствовавшее возникновению журнала, — широкое развитие дравидологии и тамилистики в Индии, а также за ее пределами. Сейчас только в Южной Индии три университета: Мадрасский, Тривандрумский и Аннамалайский, имеют дравидологические отделения², которые ведут большую научно-исследовательскую работу. Кроме того, в Южной Индии и на Цейлоне имеется много научных и научно-образовательных обществ, занимающихся не только исследованием тамильских древностей, публикацией произведений классики, рукописей и надписей, но и широкой пропагандой тамильского языка и литературы. Такие общества созданы в Мадрасе, Мадуре, Тутикорине и других городах Тамилнада, в Джафне и Канди на Цейлоне³, а также в Дели. Естественно поэтому, что возникла потребность в центральном дравидологическом органе. Вместе с тем следует иметь в виду, что включать дравидологию и тамилистику в индологию можно только условно, ввиду специфичности этих отраслей науки. Отсюда и необходимость создания для них такого журнала, каким, например, является «Бхаратийя Видья»⁴ для индологии в целом.

Называя журнал «Tamil culture» дравидологическим, мы имеем в виду лишь то, что значительная часть опубликованных в нем материалов посвящена истории, культуре и языку тех времен, применительно к которым еще трудно или даже невозможно говорить отдельно о канарском, телугу, малайялам или тамильском; в этих случаях термин «тамильский» едва ли не синонимичен термину «дравидийский».

¹ Первый номер журнала вышел в январе 1952 г. Настоящий обзор охватывает 50 статей и сообщений, помещенных в 1, 2 и частично 3 номерах II тома (1953) и в III томе (1954); I тома в наших библиотеках еще нет. В дальнейшем название журнала «Tamil culture» мы будем обозначать ТС. В 1952—1954 гг. журнал издавался Тамильским литературным обществом в Тутикорине. Главным редактором является крупный тамильский филолог Ксавье С. Тани Найягам.

² Дравидологическое отделение имеется также в Цейлонском университете.

³ На Цейлоне функционирует еще и Общество тамильской культуры (The Tamil cultural society, Colombo).

⁴ «Bhāratiya Vidyā». A quarterly research organ of the Bhavan on all subjects connected with Indian culture. Bombay. Журнал выходит с 1941 г.

¹² J. Marshall. Indus Valley civilization at its peak. Discovery of granary throws fresh light on high level of culture. «The Bombay chronicle weekly», 1950, vol. IX, № 34, p. 30.

Центральное место в журнале занимает вопрос о происхождении дравидов, рассматриваемый во всех его аспектах. Исходным пунктом для развернувшейся на страницах журнала дискуссии по этому вопросу послужил доклад Х. Ф. Хаймендорфа на IV Международном конгрессе антропологии и этнологии в Вене⁵. Основываясь на результатах раскопок М. Уилера⁶ в Майсуре, Хаймендорф высказал предположение, что дравиды являются выходцами из Центрального Ирана. Раскопки вскрыли четкую стратиграфию культурных слоев. Над слоем неолитической «культуры южного полированного каменного топора», очевидно, принадлежавшей племенам, ведшим полуседлый образ жизни и занимавшимся примитивным, подсечным земледелием, залегал слой мегалитической культуры, характеризующейся мегалитическими захоронениями и употреблением железа. По мнению Хаймендорфа, эта культура не связана с предшествующими ей культурами и, очевидно, была принесена извне. Он считает, что носителями дравидийского языка не могли быть люди неолитической культуры, ибо маловероятно, чтобы племена с менее развитой культурой пережили вторжение племен, находившихся на более высокой ступени развития, сохранив свой язык, а язык пришельцев бесследно исчез. Это вторжение имело место не ранее середины первого тысячелетия до н. э. и, по-видимому, произошло весьма быстро. Дравидийские островки на северо-западе Индии, полагает Хаймендорф, — это не остатки аборигенов — дравидов, а следы дравидийского миграционного потока, пересекшего Индию с севера на юг. Аргументируя предположение, что дравиды не были автохтонным населением Индии, Хаймендорф отмечает компактность дравидийской языковой группы, которая была бы невозможна, если бы дравиды в глубокой древности занимали всю территорию Индии, а затем были постепенно оттеснены на юг⁷. Хаймендорф подчеркивает также большое сходство мегалитической культуры Декана с культурой древнейшего Средиземноморья, несмотря на имеющийся между ними разрыв во времени (эта средиземноморская культура датируется III — II тысячелетиями до н. э.). На этом основании некоторые ученые даже считают возможным говорить о существовании в Индии «двух прогрессивных средиземноморских культурных ареалов» (дравидийского и арийского), разделенных полосой аборигенных племен, среди которых преобладали ведоиды. По мнению автора, древность тамильской литературы (как, впрочем, и ведической) сильно преувеличивается⁸. Древняя Санга⁹ не могла возникнуть ранее II—I вв. до н. э.

Статья Хаймендорфа подверглась резкой критике в редакционной передовой «Все тамильское — тамилам» за то, что он не учитывает данных истории тамильской литературы¹⁰.

⁵ Краткую информацию об этом см.: TC, 1953, vol. II, №1, p. 113. С возражениями против концепции докладчика выступил К. В. Рамасвами, сославшийся на древность тамильской литературы и, в частности, на то, что (по его словам) древнейшая тамильская грамматика «Толькаппийам» и сборник афористических двустиший «Курал» были написаны еще до нашей эры. Мнение Хаймендорфа поддержали Гордон Чайлд и Гейне-Гельдерн, подчеркнувшие, что тамильские ученые обычно преувеличивают древность тамильской литературы.

⁶ См. его статью: R. E. M. Wheeler. Brahmagiri and Chandravalli. 1947: Megalithic and other cultures in the Chitaldrug district, Mysore state, p. 181—310. «Ancient India». Bulletin of the Archaeological Survey of India, July 1947 — January 1948, № 4.

⁷ Даже не входя в рассмотрение этой гипотезы по существу, можно заметить, что Хаймендорф не учитывает возможности того, что носители неолитической культуры сами могли быть дравидами, либо говорить на языках, близких к дравидийскому. Кроме того, автор проходит мимо вопроса о связи южноиндийской и арийской культур.

⁸ C. van Fürer-Heimendorf. New aspects of the Dravidian problem. TC, 1953, vol. II, № 2.

⁹ Санга — древняя тамильская академия в Мадуре, объединяющая поэтов и знатоков поэзии. С древней Сангой связано создание поэтических антологий.

¹⁰ TC, 1953, vol. II, № 1, p. 7—13. В этой же статье содержится критика посвященных дравидам разделов ряда книг по истории Индии.

Проблеме языкового родства дравидов и индоевропейцев посвящена статья Ньяна Пракашара, крупного тамильского лингвиста и лексикографа — «Лингвистические свидетельства в пользу общего происхождения дравидов и индоевропейцев»¹¹. Положения, содержащиеся в этой статье, легли в основу созданного Пракасаром тамильского этимологического словаря (первые его выпуски вышли в свет)¹². Эти положения близки к теории языкового моногенетизма. В статье приводятся около тридцати этимологий (названия металлов, домашних животных и термины родства), на основании которых делается вывод, что дравиды, шумерцы и индоевропейцы имели общую прародину, язык и культуру. (Насколько эти этимологии обоснованы, можно судить на следующем примере: в дравидийском языке такап — сын, в шумерском тап — великий, в санскрите тапа — большой, в гальском тас — сын, в готском тагус — мальчик и т. д.). Согласно теории Пракашара первоначально все дравидские корни слов начинались с одной из четырех денктивных гласных (а, i, u, e), выявляющих основные пространственные отношения (отдаленность, близость, глубина, высота). Корни слов, начинающиеся с согласных, образовались в более поздние эпохи. Согласные выступали как элемент, дифференцирующий и уточняющий общий смысл гласных.

Х. С. Дэвид считает, что в V—III тысячелетиях до н. э. дравиды жили к северо-востоку от эламитов. Соседями дравидов на юго-западе и западе были шумерцы, на севере и северо-западе — арийцы и на северо-востоке — монголы. Затем часть дравидов ушла в Скандинавию, Северное Приуралье и Сибирь. Нынешние ненцы являются их потомками. Позднее другая часть дравидов через Белуджистан прошла в долину Инда, а затем под давлением арийцев — в Южную Индию¹³. Корнелиус, автор статьи, посвященной родству дравидов со средиземноморскими народами¹⁴, привлекает как антропологические данные (на основании которых сближает дравидов с древними ливийцами), так и лингвистические. Его этимологии и экскурсы в область сравнительной топонимики в основном построены на различного рода предположениях (так, в слове Иерусалим он видит название тамильского города Салем и т. д.). В сообщении К. Звелебила¹⁵ и статье Ф. Легранда¹⁶ приводятся примеры заимствований из тамильского в европейские языки. Легранд дает восемнадцать этимологий различных слов и утверждает, что последние не могли проникнуть в западные языки посредством одних только торговых связей. В глубокой древности должна была существовать тесная этническая связь дравидов с народами Средиземноморья, языки которых якобы восходят к дравидийскому.

Статья М. Уилера «Мохенджо-Даро»¹⁷ рисует картину города, каким он был примерно 3500 лет назад. Уилер полагает, что арийцы уничтожили цивилизацию долины Инда в очень короткий срок.

Истории тамильского письма посвящены статьи В. Субрамоньяма и отчасти Минакши Сундарана¹⁸. Первый считает возможным в какой-то мере вывести происхождение письма вателутту из туземной пиктографии или из письменности Мохенджо-Даро. Минакши Сундаран полагает, что первоначально тамильские знаки были более простыми и линейными и изменились лишь под влиянием материала, на котором они писались, — волокнистого пальмового листа.

¹¹ G. Prakasar. Linguistic evidences for the common origin of the Dravidians and Indo-Europeans. TC, 1953, vol. II, № 1, p. 88—112.

¹² «An etymological and comparative lexicon of Tamil language», by S. Gnana Prakasar. Ceylon, 1938, 1940—1944.

¹³ H. S. David. The original home of the Dravidians: their wanderings in prehistoric times, B. C. 4,500 to 1,500. TC, 1954, vol. III, № 2, p. 77—81.

¹⁴ J. T. Cornelius. The Dravidian question. TC, 1954, vol. III, № 2, p. 92—102.

¹⁵ TC, 1954, vol. III, № 1, p. 2—3.

¹⁶ F. Legrand. Tamil loan words in Greek. TC, 1954, vol. III, № 1, p. 36—45.

¹⁷ TC, 1953, vol. II, № 1, p. 17—27.

¹⁸ V. I. Subramoniam. The evolution of the Tamil script. TC, 1953, vol. II, № 1, p. 36—41; Minakshi Sundaran. The Tamil script reform. Там же, стр. 28—35.

Среди статей, посвященных истории древней тамильской литературы, особое место занимает работа крупнейшего тамильского филолога и историка Вайяпури Пиллай «История тамильского языка и литературы»¹⁹. Вайяпури Пиллай считает, что тамильский язык складывался из трех компонентов: дравидийского, арийского и мунда, и не согласен с мнением тех, кто видит зачатки тамильского письма вателутту на печатях Мохенджо-Даро²⁰. Возникновение тамильской литературы он относит примерно к III в. до н. э. Основные положения его статьи, касающиеся истории литературы, таковы.

Относительная синхронность правления тамильского царя Черана Сенгуттувана (170—226) и цейлонского царя Гаджабаху (171—193) позволяет определить время появления тамильской литературы. Сенгуттуван был внуком Сераладана, упоминавшегося в одной из антологий ранней Санги и жившего около 130 г. н. э. Таким образом, начало истории письменной тамильской литературы можно отнести к концу I в. н. э.

Литература эпохи ранней Санги была светской; в ней преобладала лирика. Классическая традиция подразделяет лирику на *aham* — личное, любовная лирика и *rigam* — гражданская лирика. Еще в древности стихи периода ранней Санги были сведены в крупные антологии (существует восемь наиболее известных антологий). В языке ранней Санги санскритские заимствования еще очень немногочисленны.

В произведениях более позднего периода преобладают религиозные мотивы; наиболее сильное влияние на литературу оказали джайнизм и шиваизм, значительно более слабое — буддизм. Особое место в поэзии ранней Санги автор отводит поэтам Кабилару и Паранару.

Кабилару посвящена также статья С. Исудасона²¹, в которой сообщаются некоторые факты из биографии поэта. Тот же автор в другой статье разбирает творчество Паранара²².

В ряде статей рассматриваются отдельные черты литературы времени Санги и более поздних периодов. Так, Чидамбаранатха Мудалияр дает обзор основных тем и сюжетов некоторых древних и средневековых стихотворений и поэм²³. П. Лурдусвами отмечает, что в описаниях природы поэты Санги обнаруживают большое знание флоры и фауны Южной Индии и что для того времени их можно считать натуралистами²⁴. Исключительный интерес представляет статья Тани Найягама о цветах и деревьях в древней тамильской литературе²⁵. В ней подробно говорится о восприятии цветов как символов и эмблем. Каждый тамильский царь, по словам автора, имел свое священное дерево-хранителя (*kāval-maram*). Чтобы победить врага, необходимо было срубить это дерево-хранителя. Интересно, что реликты древнейших анимистических верований сосуществовали с джайнизмом и брахманизмом. Р. П. Сетупиллай посвятил свою статью анализу топонимики²⁶. Древние авторы делили всю страну на четыре части, в зависимости от характера ее ландшафта: *куринджис* — гористая местность, *муллай* — лес, *джунгли*, *марудам* — поля, орошаемая земля и *нейдал* — морское побережье.

¹⁹ S. Vaiyapuri Pillai. History of Tamil language and literature. TC, 1954, vol. III, № 3—4, p. 331—358. Двумя его последними работами по истории тамильской литературы являются: «Tamilar Panpadu» (Madras, 1951) и «History of Tamil language and literature» (Madras, 1956).

²⁰ Он придерживается той точки зрения, что все индийские письменности произошли от письма надписей Ашоки. Отсутствие в тамильском алфавите знаков долготы для *e* и *o* он рассматривает как подтверждение северного происхождения этого алфавита.

²¹ C. Jesudasan. A study of Kabilar, the Sangam poet. TC, 1953, vol. III, № 1, p. 18—35.

²² C. Jesudasan. Parana. TC, 1954, vol. III, № 3—4, p. 269—284.

²³ T. K. Chidambaranatha Mudaliar. The song world in Tamil. TC, 1953, vol. II, № 2, p. 119—126.

²⁴ P. Lourdasami. A naturalist similes in Cangam. TC, 1953, vol. II, № 1, p. 79—87.

²⁵ Xavier S. Thani Naiyagam. The Tamils said it all with flowers. TC, 1953, vol. II, № 2, p. 164—175.

²⁶ R. P. Sethupillai. Place-names in Tamil-Akam. TC, 1954, vol. III, № 2, p. 82—91.

Действие той или иной поэмы всегда происходило на фоне одного из этих видов ландшафта. В статье приводятся также суффиксы, типичные для топонимики страны древних тамиллов.

Об образах древних тамильских царей, рисуемых в антологиях Санги и древних эпических поэмах, рассказывается в статье А. Чидамбаранатха Четтийяра²⁷. В серии статей Раджесвари о великом тамильском поэте Камбана проводится сопоставление «Рамаяны» Камбана и «Рамаяны» Вальмики²⁸; по мнению автора, «Рамаяна» Камбана не эпос, а произведение, написанное ученым и эстетом. Поэма Камбана полна острых драматических ситуаций и в этом отношении она скорее тяготеет к древней малабарской народной драме. Раджесвари видит в «Рамаяне» Камбана ряд трагедий отдельных персонажей, в особенности женских. Характеры героев Камбана гораздо сложнее психологически, чем у Вальмики. Герои эпоса Вальмики ближе к природе, а у героев поэмы Камбана разрыв между мыслью и действием очень велик. В одной из статей Раджесвари приводится также таблица соответствий и параллелей у Камбана и Вальмики²⁹.

Значительно меньше места уделяет журнал новой и особенно новейшей тамильской литературе. Т. Сринивасан в своей статье³⁰ излагает биографию одного из пионеров новой тамильской прозы — итальянского миссионера Бесхи (1680—1747), который был также создателем грамматик разговорного и поэтического языка и тамильско-португальского словаря и в этом отношении продолжил традиции Роберто де Нобили.

Краткие сведения о мусульманской тамильской литературе содержит статья М. Увизе³¹. Автор говорит, что существует всего около двухсот произведений мусульманских тамильских писателей. Эти произведения он подразделяет следующим образом: *падайпор* — сказание о битвах, *мунаджат* — обращение поэта к богу после произнесения установленных молитв, *кисса* — рассказ, *масала* — стихи философского или теологического содержания и *наме* — историческая хроника. Мусульманские поэты-мистики очень близки к тамильским шиваитским поэтам, но в лексике мусульманской тамильской литературы очень много арабских слов, а некоторые произведения даже написаны в арабской графике.

В статье К. С. Арулнанди рассказывается о жизни и творчестве тамильского цейлонского поэта-шиваита Сомасундера Пулавара (1876—1953)³². Однако нельзя не заметить, что в целом цейлонская тамильская литература не получила в журнале сколько-нибудь подробного освещения.

Об основных этапах в развитии тамильской прозы нового времени рассказывает Л. Лакшманан Четтийяр³³, который начинает рассмотрение тамильской литературы с Нобили и кончает Субраманья Бхарати, а в заключение сообщает весьма интересные факты о современном пуристском движении, возглавляемом Марай-Малай Адигалем. Движение это направлено против слияния разговорного языка с литературным. Пуристы стоят также за очищение тамильского языка от иностранных слов.

О жизни и основных моментах поэтического творчества крупнейшего тамильского поэта-патриота Субраманья Бхарати говорится в статье Ф. Мораеса³⁴. Мораес считает,

²⁷ A. Chidambaranatha Chettiar. Ancient Tamil kings — their high ideals. TC, 1954, vol. III, № 2, p. 103—109.

²⁸ E. T. Rajeswari. The first tragedy in Kampan. TC, 1953, vol. II, № 1, p. 50—68.

²⁹ E. T. Rajeswari. The tragedy of Ahalya. TC, 1954, vol. III, № 1, p. 61—67; № 3—4, p. 285—291.

³⁰ Thomas Srinivasan. Beschi, the Tamil scholar and poet. TC, 1954, vol. III, № 3—4, p. 297—313.

³¹ M. Mohamed Uwise. Islamic poetry in Tamil. TC, 1954, vol. III, № 3—4, p. 292—296. См. также его статью в юбилейном номере журнала «Eela Kēsari», 1956, p. 48—50.

³² K. S. Arulnandhy. Somasunthera Pulavar of Navalayur, Jaffna. TC, 1954, vol. III, № 1, p. 47—60.

³³ L. Lakshmanan Chettiyar. Trends in modern Tamil prose. TC, 1953, vol. II, № 2, p. 158—163.

³⁴ F. Moraes. Bharati at the crossroads. TC, 1953, vol. II, № 1, p. 69—78.

что непосредственными предшественниками Бхарати по введению разговорного языка в поэзию были Сундарам Пиллай и Сурьянарайяна Шастри. Бхарати в своих стихотворениях призывал бороться с угнетателями, противиться насилию. Эти прогрессивные черты творчества Бхарати, имевшие важное значение для развития национально-освободительного движения в Индии, получили освещение в статье выдающегося чешского дравидолога Камилы Звелебила, в настоящее время возглавляющего кафедру дравидологии Пражского университета³⁵. В этой статье дан также стилистический анализ поэм Бхарати. Нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что в журнале совершенно не освещается новейшая тамильская литература. Это тем более удивительно, что за последние 20—25 лет тамильская проза, и особенно новелла, получила большое развитие.

К тамильской философии относят обычно написанные на тамильском языке либо философские произведения, представляющие собой варианты общиндийских религиозно-философских или этических учений и систем, либо сочинения, в которых выражены оригинальные концепции тамильских авторов, не нашедшие себе места в санскритской философской литературе. К первым можно отнести произведения шайва-сиддханта, ко вторым — «Курал», сборник двустиший Тируваллуvara, великого поэта и философа, жившего в VII или VIII в. н. э. Рассматривая политические взгляды Тируваллуvara (который, по мнению большинства исследователей, был джайном), Д. Исудосс³⁶ подчеркивает его демократизм; «Курал» Тируваллуvara пронизан мыслью о равенстве всех людей, о том, что истина едина для людей всех каст. В уподоблении Тируваллуваром царя-тирана грабителю на большой дороге Исудосс усматривает республиканизм, хотя этому противоречит несомненное сходство «Курала» с «Артхашастрой» в ряде моментов³⁷. Социологию Тируваллуvara автор статьи считает коммунистической, но при этом оговаривает, что его коммунизм «этический», в отличие от других разновидностей коммунизма, которых он насчитывает пять, а именно: политический коммунизм Платона, спиритуальный коммунизм апостолов, коммунизм Франциска-Ассизского, основанный на идее всеобщей бедности, коммунизм диггеров, связанный с идеей земельной реформы, и марксизм³⁸. Говоря о структуре «Курала», Исудосс выдвигает положение, что первоначально разделы этого произведения располагались в следующем порядке: о любви (там. *inbam*, скр. *kāma*), о политике (там. *porul*, скр. *artha*) и о добродетели или долге (там. *aram*, скр. *dharma*). Известная нам сейчас последовательность разделов (добродетель, политика, любовь) была установлена средневековым комментатором «Курала» Паримелалахаром. А. Сентамилан излагает в своей статье³⁹ концепцию Альберта Швейцера о «Курале»⁴⁰. В основном она сводится к следующему. Ахимса джайнизма и буддизма эгоистична — это лишь ограждение самого себя от нечистоты и греховности мира; активность «Бхагавадгиты» — кастовая активность, активность кшатрия. Идея активной любви к ближнему и идея ахимсы — сострадания ко всему живому — могли появиться лишь значительно позднее и только в народе, среди представителей низших каст (каковым, вероятно, был и Тиру-

³⁵ Kamil Zvelebil. Bharathi's poems. TC, 1954, vol. III, № 3—4, p. 314—325.

³⁶ D. S. Jesudoss. The political philosophy of Tiruvalluvar. TC, 1953, vol. II, № 2, p. 142—152.

³⁷ Об этом очень подробно говорится в книге V. R. Ramachandra Dikshitar. Studies in Tamil literature and history. London, 1930, p. 151—159.

³⁸ Вообще социологические и исторические взгляды автора этой статьи по некоторым вопросам не являются научными; так, он полагает, что одной из причин свержения царизма в России послужило то, что жена последнего российского императора Николая III (!) была порочной женщиной, доведшей народ до открытого возмущения.

³⁹ A. Senthamilan. Dr. Schweitzer, 'the World's Greatest Man' and the Kural. TC, 1954, vol. III, № 2, p. 69—76.

⁴⁰ А. Швейцер крупный музыковед, врач и философ, лауреат Нобелевской Премии Мира (1952 г.); его мысли, о которых говорит здесь автор статьи, изложены в книге: A. Schweitzer. Indian thought and its development. Boston, 1957.

валлувар). Именно «Курал» является воплощением этой идеи активной человеческой любви, которая позднее была истолкована как любовь к богу. В «Курале» в известной степени наблюдается отход от концепции кармы; хорошее поведение и добродетель вознаграждаются уже «в первом рождении». «Курал» не только зовет к освобождению «от цепей рождения», но и утверждает добро и любовь в земной жизни, чего нет ни в одной другой индийской религиозной системе.

Значительный интерес представляет для нас творчество средневекового шиваитского поэта-санта Маниккавашагара, жившего, вероятно, в конце IX в. н. э. в Мадуре и являвшегося одним из видных представителей народного шиваитского движения бхакти (VII — IX вв.), тесно связанного со стихийным протестом крестьян и бедных горожан против феодальной эксплуатации и против тирании царей. В статье Г. Ванмиканатхана⁴¹ указывается на большое композиционное, а иногда и текстуальное сходство поэмы Маниккавашагара «Тирувашагам» с рядом упанишад (Катха, Мандука, Тайттирийя и др.). Это дает автору основание назвать поэму тамильской упанишадой, которая вместо сухих абстракций санскритских упанишад указывает путь к непосредственному постижению первичной реальности (т. е. постижению бога человеком любой касты путем безусловной адорации божества, а не посредством знания). Значительно позднее и на значительно менее широкой социальной основе возникло религиозно-философское учение шайва-сиддханта, приверженцы которого и в настоящее время весьма многочисленны в Южной Индии. Постигание бога Шивы (в отличие от бхакти, в котором важную роль играл популярный у тамиллов Муруга, сын Шивы) осуществляется посредством высшего знания; здесь уже сильны элементы рационализма. Основным произведением последователей шайва-сиддханта является «Шива-Ньяна-Бодха» (двенадцать сутр с комментариями), которая, по мнению некоторых исследователей, представляет собой перевод или «местный вариант санскритской „Раурава-Агамы“». «Шива-Ньяна-Бодха» создана в XIII в. тамильским философом — шиваитским сантом Мейкандадеваром⁴². Одна из статей Д. Исудосса посвящена понятию «анава», являющемуся центральным в шайва-сиддханте⁴³. Анава (там. и скр. — *anā* атом, малость) — это то, что ограничивает потенции души, что затемняет ее, заставляет ее мыслить о себе, как о чем-то конечном, это та пелена невежества, эгоизма, самодовольства, которая в процессе совершенствования и просветления устраняется человеком на его пути к мукти (освобождению) и постижению первичной реальности. Одним из методов устранения анавы является йога-катчи (там. *katchi* — видение) — непосредственное интуитивное знание, достигаемое йогической практикой. В плане гносеологическом анава — это то, что порождает иллюзию тождества души и тела. В плане логическом она рассматривается как действующая причина (мая как инструментальная причина и карма как материальная причина). Анава играет важную роль и в современных шиваитских толках, представители одного из которых (бхашанавада) считают, что она остается даже после достижения мукти⁴⁴. Вообще следует отметить, что авторы названных выше историко-философских статей скорее являются адептами концепций, о которых пишут, нежели их беспристрастными исследователями⁴⁵.

⁴¹ G. Vanmikanathan. Manikkavacakopanisad (The Tiruvacagam — an Upanishad). TC, 1954, vol. III, № 3—4, p. 231—249. О связях «Тирувашагама» с упанишадами рассказывается также в статье Ранаде (Ranade. The verities of Tiruvacagam. TC, 1953, vol. III, № 3).

⁴² «Śiva-Ānāna-Bōdham. A manual of Śaiva religious doctrine», transl. from the Tamil... by Gordon Matthews. Oxford, University press, 1948.

⁴³ D. I. Jesudoss. The concept of Anava in Śaiva Siddhanta. TC, 1954, vol. III, № 3—4, p. 250—268.

⁴⁴ Среди современных шиваитских организаций Тамилнада следует прежде всего назвать «Общество шайва-сиддханта», опубликовавшее множество не только шиваитских, но и других произведений тамильской классики.

⁴⁵ В журнале также опубликован английский перевод двух стихотворений позднейшего шиваитского поэта Тайюманавара. TC, 1954, vol. III, № 1, p. 46.

Среди историко-религиозных статей, посвященных культам отдельных божеств, привлекают внимание прежде всего те из них, в которых говорится о местных тамильских культах. В этом отношении несомненный интерес представляет статья М. Арокьясвами о культе богини дождя Марийямман⁴⁶.

По мнению автора, Марийямман, являвшаяся также исцелительницей от оспы, была местным тамильским божеством. Автор статьи отождествляет Марийямман с индустской святой Каннаги — героиней тамильской эпической поэмы «Шилаппадигарам» (написана Иланго в VI или VII в. н. э.). По-видимому, в первых веках нашей эры, то есть ко времени распространения джайнизма в Южной Индии, древняя богиня дождя контактировала с подвижницей и превратилась в святую, оставаясь при этом в пантеоне местных божеств, олицетворявших силы природы. Культ Каннаги — Марийямман был особенно развит в Конгу, но получил распространение и в других частях Тамилнада и на Цейлоне. Интересно отметить, что к концу первого тысячелетия, когда джайнизм приходит в упадок, Каннаги — Марийямман находит себе иное место в брахманистском пантеоне, будучи частично отождествлена с Кали, или Дургой. Эти факты свидетельствуют о необычайной живучести древнейших местных культов Южной Индии, прекрасно «выживающих» в условиях господства новой религии. Кроме «Шилаппадигарам» и стихов ранней Санги, в статье привлечен богатый этнографический, археологический и топонимический материал. В статье Л. Базу⁴⁷, написанной главным образом на этнографическом материале, рассказывается о культе богини-матери и о пережитках культов предков в обследованной автором группе деревень.

В статье Гэраса⁴⁸ прослеживается эволюция представлений о Ганapati, «сыне бога», и изменение характера культа этого божества от ведических времен до поздних Пуран. По мнению автора статьи, эволюция происходила по линии персонификации (анимализации) абстрактного образа *vās* (слово, первое порождение бога) по мере того, как представление о порождающем боге стало в свою очередь связываться уже не с Ишварой или Брахмой, а с Шивой. Автор приходит к выводу, что культ Ганapati, «сына бога», появился уже после создания Вед, что он постепенно вытеснил культ своего брата Сканды, или Субраманьи, и что Ганapati приобрел черты слона (Ганеша) под влиянием нагов и лишь со времени распространения среди них этого культа.

Интереснейшая проблема — происхождение каст у тамиллов — частично отражена в статье М. Арокьясвами⁴⁹. Автор считает дравидов автохтонами Декана, впоследствии расселившимися по всей Индии. М. Арокьясвами приводит один древний анонимный стих, в котором говорится о четырех кастах: тудиваны (*tudi* — род барабана), марава-ны — воины, кадамбаны — жители холмов и парайяны — парии (буквально: «бьющие в барабан», *parai* — барабан). Характерно, что древнейшие тамильские кастовые названия часто связаны с музыкальными инструментами. В «Толькаппийам» (составлена ок. VII в. н. э.) есть упоминание о веданах — охотниках и айярах — пастухах. В другом месте произведения говорится об аривах — людях знания, брахманах, улаварах (позднее — веллала) — земледельцах, арасарах — кшатриях и ванигарах — купцах. Это свидетельствует о развитой системе варн у древних тамиллов. Автор считает, что впоследствии каста веллала породила ряд высших каст (цари династий Чола, Пандия и Чера происходили из веллала), равно как и некоторые низшие касты. Кастовой структуре тамильского общества Джафны на Северном Цейлоне посвящена статья М. Д. Рагхавана⁵⁰.

⁴⁶ М. Arokiaswami. The cult of Mariamman or the Goddess of Rain. TC, 1953, vol. II, № 2, p. 153—157.

⁴⁷ L. Bazou. Kulatur. An experience in village antiquity. TC, 1953, vol. III, № 2, p. 121—129.

⁴⁸ H. Heras. The problem of Ganapati. TC, 1954, vol. III, № 2, p. 151—213.

⁴⁹ М. Arokiaswami. Castes in South India: the problem of their origin. TC, 1954, vol. III, № 3—4, p. 326—330.

⁵⁰ М. D. Raghavan. The sociology of Jaffna—the Nalaver and the Koviar. TC, 1954, vol. III, № 2, p. 139—150.

Автор приходит к выводу, что характерной особенностью кастовой организации тамиллов Джафны является противопоставление кудимаккал (деревенских слуг)⁵¹, веллала (землевладельческой касте), которая в кастовой структуре Северного Цейлона занимала такое же положение, как и брахманские касты Индии. Положение, которое различные подкасты кудимаккал занимают по отношению друг к другу, зависит от их положения по отношению к веллала. По мнению М. Д. Рагхавана, эта система была занесена на Цейлон из Южной Индии. Автор считает также возможным происхождение некоторых подкаст кудимаккал из обедневших веллала.

Несколько статей посвящено вспомогательным историческим дисциплинам. В. И. Субрамоньям в своей статье⁵² говорит о датировке древнейших тамильских надписей (III в. н. э.) и вкратце характеризует содержание более поздних надписей, сделанных на грантах и вателутту (большая часть надписей имеет дарственный характер). Тани Найягам опубликовал перечень находящихся в европейских библиотеках тамильских рукописей⁵³, из которых особый интерес вызывают тамильский словарь и грамматика, написанные иезуитом Энрике Энрикесом (1520—1600) в 1550 г. В. Балендра в своей статье⁵⁴ на основании сопоставления ряда археологических и эпиграфических данных приходит к выводу о широком распространении шиваизма на Цейлоне задолго до распространения там буддизма.

Сравнительно небольшое число статей посвящено истории тамильского искусства. А. А. Варагунапандийан⁵⁵, рассматривая основные черты музыкальной системы «карнатак», особо подчеркивает тесную связь древней тамильской музыки с танцем, драмой и поэзией. Он считает, между прочим, что древний тамильский музыкальный инструмент йааль, упоминаемый в эпической поэме «Шилаппадигарам», — это то же самое, что ви́на. Статья П. Надара посвящена биографии и трудам Абрахама Пандитера, первого исследователя, историка и теоретика тамильской музыки⁵⁶. О классическом южноиндийском танце бхарата-натя пишет знаменитая танцовщица Рукмини Деви⁵⁷.

В отделе хроники нашла отражение дискуссия по поводу соотношения тамильского языка и хинди в Тамилнаде⁵⁸. В журнале приводится выступление Дж. Неру, в котором он выразил свое отношение к этой проблеме. Дж. Неру предложил, в частности, для лучшего взаимопонимания между Севером и Югом ввести тамильский язык в качестве обязательного в одном из северных университетов⁵⁹.

В 1954 г. была создана Академия тамильской культуры, президентом которой является Н. Сомасундарам. С 1955 г. журнал становится органом Академии, что знаменует собой новую веху в его истории.

Из приведенного обзора видно, насколько широк круг вопросов, которые рассматриваются или затрагиваются в журнале. Знакомство с этим журналом представит несомненный интерес для советских востоковедов.

⁵¹ Тамилы считали, что кудимаккал состоит из 18 подкаст, см. «Tamil lexicon» vol. II, part III. Madras, 1927, p. 970.

⁵² V. I. Subramoniam. The importance of Tamil epigraphy. TC, 1954, vol. III, № 2, p. 130—138.

⁵³ Xavier S. Thani Nayagam. Tamil manuscripts in European libraries. TC, 1954, vol. III, № 3—4, p. 219—228.

⁵⁴ W. Balendra. Trincomalee bronzes. TC, 1953, vol. II, № 2, p. 176—198.

⁵⁵ A. A. Varagunapandiyan. The genius of Tamil music. TC, 1953, vol. II, № 1, p. 42—49.

⁵⁶ A. C. Paul Nadar. A pioneer research worker in Tamil music. TC, 1954, vol. III, № 2, p. 110—120.

⁵⁷ Rukmini Devi. Bharata Natyam, the South India classical dance. TC, 1953, vol. II, № 2, p. 137—141.

⁵⁸ TC, 1953, vol. II, № 1, p. 116.

⁵⁹ TC, 1953, vol. II, № 1, p. 117. Дж. Неру выступал в Мадрасе 10 октября 1952 г.

«Великий Октябрь и народы Востока». Сборник. М., Изд-во восточной лит-ры, 1957, 420 стр.

К 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции Издательство восточной литературы выпустило сборник «Великий Октябрь и страны Востока», подготовленный Институтом востоковедения АН СССР.

Как отмечает в «Введении» редактор сборника чл.-корр. АН СССР А. А. Губер, главное внимание в книге уделено влиянию Октября на национально-освободительное движение народов Востока на первом этапе общего кризиса капитализма.

В сборнике имеются очерки по большинству стран Востока, в том числе по таким странам, мало освещенным в литературе, как Индонезия (О. И. Забозлаева), Бирма (А. С. Кауфман), Филиппины (Г. И. Левинсон), Ирак (Л. Н. Котлов), Марокко (Н. С. Лудкая). Думается, что составители сборника правильно сделали, не включив в него статью по Японии, ибо такая статья выпадала бы из общего плана сборника, посвященного влиянию Октября на колониальные и зависимые страны Востока. Хорошо продумана структура сборника. В нем сочетается характеристика общих закономерностей, которые определяли огромное влияние Великой Октябрьской социалистической революции, с показом специфического, конкретного проявления этого влияния в каждой стране.

Как правило, статьи сборника содержат сжатую социально-экономическую характеристику соответствующей страны ко времени Октябрьской революции. Вместе с тем, сборник дает живую картину бурного и сложного периода мировой истории. Читатель знакомится с народными движениями, самоотверженной борьбой сотен

миллионов людей, не желавших оставаться колониальными рабами.

Красной нитью через весь сборник проходит идея о тесной связи национально-освободительного движения народов Востока с борьбой рабочего класса на Западе.

О братской и бескорыстной помощи народов Советского Союза народам Востока говорится в статьях А. Н. Хейфеца, Н. П. Виноградова, Б. Ширендыба, Г. Ф. Кима, Р. Т. Ахрамовича и других. В статье М. Ф. Гатауллиной о борьбе в Сирии и Ливане после Октября и в статье Н. С. Лудкой о национально-освободительном движении марокканского народа рассказывается об организованных Коммунистической партией Франции кампаниях солидарности с народами колоний.

Важное место (и по содержанию, и по объему) занимает в сборнике статья А. Н. Хейфеца «Влияние Октябрьской социалистической революции на угнетенные народы Востока». Достоинством этой статьи является ее исследовательский характер, тщательный подход к фактическому материалу, позволивший автору ввести в научный оборот новые данные, почерпнутые в советских архивах, прессе и других источниках.

Автору удалось хорошо показать новые международные условия освободительного движения народов Востока, сложившиеся после установления в нашей стране Советской власти, проследить влияние ленинской национальной политики и внешней политики Советского государства на освободительную борьбу народов Востока. В статье рассматривается процесс распространения

марксистско-ленинских идей в странах Востока и делается вывод, что и в этих странах образование коммунистических партий явилось закономерным результатом соединения научного социализма с рабочим движением. Такая постановка вопроса обнажает вздорность измышлений апологетов империализма об «экспорте большевизма», о «руке Москвы» на Востоке и т. д. Вместе с тем несомненно, что победы, одержанные рабочими и крестьянами России под знаменем марксизма-ленинизма, под руководством коммунистической партии, намного увеличили притягательную силу идей социализма, способствовали скорейшему усвоению этих идей передовыми представителями народов Востока и распространению их среди трудящихся масс. «Китайцы обрели марксизм в результате применения его русскими» — эти слова Мао Цзэ-дуна могут быть отнесены не только к китайскому народу, но и к народам многих других стран Востока.

В некоторых районах (Северо-Восточный Китай, Восточная Турция, Северный Иран) русские рабочие и солдаты действовали в непосредственном контакте с революционными массами этих стран. Так, А. Н. Хейфец приводит интересные факты о деятельности Харбинского Совета рабочих и солдатских депутатов и созданного при нем Военно-революционного комитета (стр. 40—41). В статье А. М. Шамсутдинова «Октябрьская революция и национально-освободительное движение в Турции (1919—1932)» говорится о создании в Трабзонском, Эрзерум-Эрзинджанском и Ванском вилайетах военно-революционных комитетов Кавказской русской армии, которые вели агитационную работу среди населения Восточной Анатолии (стр. 385).

В иранских городах Решт и Энзели в 1917 г. возникли Советы, в которых, наряду с делегатами русских революционных солдат, участвовали представители местного населения.

Пример революционного пролетариата и крестьянства России, свергнувших царское самодержавие, а вслед за тем — власть империалистической буржуазии, воодушевил народы Востока, способствовал подъему их освободительной борьбы. Исключение не составляли и такие отдаленные и слабо развитые страны, как Марокко.

В этом смысле показательное заявление, сделанное одним из руководителей борьбы рифов корреспонденту французской буржуазной газеты: «Россия освободилась от угнетателей, и мы идем по ее пути. Ничто не остановит войны, пока мы не добьемся полного освобождения» (стр. 363).

С наибольшей силой влияние Октябрьской революции проявилось в Китае. Победа рабочих и крестьян России была прямой поддержкой освободительному движению в Китае, ибо она прорвала империалистический фронт поработителей китайского народа, вдохновила народные массы Китая на решительную борьбу против колонизаторов и внутренней реакции, показала величайшую силу марксистско-ленинских идей. В свою очередь китайский народ оказывал поддержку героической борьбе советского народа против интервентов и белогвардейцев. В статье А. Н. Хейфеца приведены яркие факты участия китайских рабочих в борьбе Красной Армии и партизан на Дальнем Востоке.

Большая статья Н. П. Виноградова посвящена влиянию Октябрьской революции на Китай. В ней убедительно и полно характеризуются коренные изменения, происшедшие в освободительной борьбе китайского народа под влиянием победы социалистической революции в России. Автор использует материалы революционной прессы («Синь циньнянь», «Гунчаньдан», «Сяндао»), документы, собранные в сборнике «Чжунго цзиньдай чжэньчжи сысян шиляо» (Материалы по истории политических идей в новое время в Китае), высказывания виднейших политических деятелей и другие данные.

В статье Н. П. Виноградова характеризуется тактика Коммунистической партии Китая в различные периоды новодемократического и социалистического этапов китайской революции. В отличие от большинства других авторов статей, Н. П. Виноградов прослеживает влияние Октябрьской революции на судьбы китайского народа вплоть до наших дней, когда одержана историческая победа в социалистических преобразованиях в сельском хозяйстве, кустарной промышленности и капиталистической промышленности и торговле, успешно выполнен первый пятилетний план, заложивший основу для индустриализации страны.

Успехи китайского народа в строительстве социализма, достигнутые при братской помощи Советского Союза, неизмеримо усиливают мировую социалистическую систему, оказывают революционизирующее воздействие на народы всего Востока.

О подъеме освободительной борьбы корейского народа в послеоктябрьский период говорится в статье Г. Ф. Кима.

Большой интерес представляет помещенная в сборнике статья вьетнамского историка Минь Чаня о развитии национально-освободительного движения во Вьетнаме. «Если до Октябрьской революции, — пишет Минь Чань, — революционное движение во Вьетнаме носило узко национальный характер, то после нее основные национально-буржуазные партии, включая организацию патриота Фан-бой-Тяу или Вьетнамскую национальную партию, становятся на путь демократии и союза с коммунистами» (стр. 145). Проф. Минь Чань пишет о деятельности первых вьетнамских марксистов, о создании в 1930 г. коммунистической партии и революционных боях в Нге ане и Ха тине.

Редакция удачно, на наш взгляд, дала дополнение к статье проф. Минь Чаня, в котором содержится краткая социально-экономическая характеристика Вьетнама к моменту Октябрьской революции в России. Статья Минь Чаня и дополнение А. А. Губера убеждают в правильности вывода о том, что «победа Августовской революции — это победа того народного движения, которое возникло и окрепло во Вьетнаме после Октябрьской революции» (стр. 151).

О самоотверженной освободительной борьбе народных масс Монголии, о большой и разнообразной помощи, оказанной

им советским народом, рассказывает ценная статья Б. Ширендыба.

В статье Т. Ф. Девяткиной дана развернутая характеристика деятельности партии Индийский национальный конгресс. О. И. Забозлаева показала в своей статье истоки того большого влияния, которым ныне обладает Коммунистическая партия Индонезии — авангард индонезийских трудящихся масс.

А. С. Кауфман, основываясь главным образом на материалах бирманской, индийской и английской прессы и работах бирманских авторов, дал интересный очерк борьбы бирманцев за национальную независимость после Великой Октябрьской революции.

В содержательной статье Г. И. Левинсона об освободительном движении на Филиппинах большое внимание уделено рабочему движению в этой стране, успехи которого неотделимы от деятельности филиппинских коммунистов.

Не все статьи, включенные в сборник, равноценны. Долг советских востоковедов — еще более глубоко и вдумчиво исследовать важнейшую проблему влияния, оказанного Великой Октябрьской социалистической революцией на развитие национально-освободительного движения народов стран Востока.

Сборник «Великий Октябрь и народы Востока» — первая книга, выпущенная Издательством восточной литературы. Она, бесспорно, будет положительно оценена широким кругом читателей, интересующихся проблемами национально-освободительной борьбы народов Востока.

М. Ф. Юрьев

S U M M A R Y

The reviewer highly appraises the symposium «The Great October Revolution and the Peoples of the East» published recently. This book will be of great value to those interested in the study of the influence exercised by the Great October Socialist Revolution on the National Liberation Movement of the peoples of the East.

Г. Л. БОНДАРЕВСКИЙ. *Багдадская дорога и проникновение германского империализма на Ближний Восток (1888—1903)*. Ташкент, Гос. изд-во УзССР, 1955, 319 стр.

Разоблачение империалистической политики в прошлом и настоящем является важной задачей советских историков. Вот почему монография Г. Л. Бондаревского «Багдадская дорога и проникновение германского империализма на Ближний Восток (1888—1903)» заслуживает большого внимания. Рецензируемая работа приобретает актуальный характер для нашего читателя еще и потому, что американские, западногерманские и другие монополии, стремящиеся возродить обанкротившиеся планы германского империализма на Востоке, настойчиво пропихивают в Турцию.

Освещаемая в книге острая дипломатическая борьба между державами на Ближнем и Среднем Востоке на рубеже XIX и XX вв. с присущими дипломатии империалистов хищническими приемами, подкупом, обманом, шантажем, перекликается с борьбой, которую ведут США в настоящее время, стремясь перехватить колониальные владения своих европейских партнеров.

Работа Г. Л. Бондаревского основана на большом документальном материале. В введении к рецензируемой книге дана краткая характеристика использованных источников. В книге хорошо представлен научный аппарат. Слабее использованы русские архивы и русская историография. И в самой работе, к сожалению, нет того внимания к роли царской России и ее политики по трактуемому вопросу, какое следовало бы ожидать.

Рецензируемая работа целиком подтверждает известное положение, выдвинутое В. И. Лениным, что строительство железных дорог при империализме является орудием колониального угнетения.

Г. Л. Бондаревский правильно усматривает в истории железнодорожного строительства Турции, которое велось иностранным капиталом, два периода: железнодорожное строительство в эпоху домонополистического капитализма и железнодорожное строительство при империализме.

В первых главах Г. Л. Бондаревский обстоятельно рассказывает о том, как империалистическая Германия стала на путь колониальных захватов. В германском

устремлении на Восток особое место отводилось Турции, поскольку германской колониальной империи нужен был выход к Персидскому заливу. Колониальная политика Германии на Ближнем Востоке привела к резкому обострению противоречий германского империализма с Англией и Россией.

В закабалении Турции огромную роль играло строительство железных дорог, принятое империалистическими державами, в основном за счет Турции, взявшей на себя километрические гарантии. Проводником колониальной политики Англии и Франции в Турции было «Управление оттоманского государственного долга», Германии — Немецкий банк, который и получил в 1888 г. концессию на строительство Анатолийской железной дороги, а в 1902 г. — Багдадской дороги.

На большом документальном материале в книге показаны англо-германские противоречия в Турции, английские мероприятия, направленные на обострение русско-германских отношений, и мероприятия Германии в целях обострения англо-русских отношений. Автор, однако, не раскрывает русско-германских противоречий. Более того, обстоятельно касаясь колониальной политики германского и английского империализма в Турции в XIX в., он обходит вопрос о существовании колониальной политики царизма и российского империализма в отношении той же Турции.

Нельзя не выразить недоумения по поводу того, что, посвящая целый раздел главы IV (стр. 96—103) франко-германской борьбе за право «покровительства» католикам Востока, автор ни словом не обмолвился о борьбе царской России и других держав вокруг вопроса о реформах в Турецкой Армении, объявленных султанским декретом 1895 г. на основе ст. 61 Берлинского трактата, хотя этот вопрос обнажает борьбу между державами за господство в Турции.

На основе новых документальных данных автор описывает вторую поездку Вильгельма II на Восток и перипетии дипломатической борьбы вокруг вопроса о концессии на Багдадскую железную дорогу. Но

Г. Л. Бондаревский, как представляется нам, недостаточно раскрывает суть английской позиции и необоснованно придерживается невысокого мнения об английской и русской дипломатии.

«Материальные интересы Германии в Турции создали ей весьма прочные политические позиции в стране,— писала «Таймс».— Поскольку мы сами (т. е. англичане.—Д. З.) не смогли завоевать такие позиции, для нас является очень ценным, что их занимают немцы... Как бы то ни было, Дарданеллы теперь будут представлять для Германии не меньший интерес, чем для Австро-Венгрии и Англии».

«Иными словами,— говорит от себя автор,— британский официоз поддерживал укрепление германских позиций в Турции, усматривая в этом средство борьбы против притязаний России на Ближнем Востоке» (стр. 116).

«Еще через три дня,— продолжает автор,— «Таймс» опубликовала статью петербургского корреспондента, в которой указывалось, что неожиданные успехи Германии в Турции вызвали неприятное чувство в русской столице. В статье подчеркивалось, что в то время как правящие круги России считали своим главным врагом Англию, Германия укрепляла свои позиции в Турции. Согласно «личному» мнению корреспондента, Россия должна впредь особенно опасаться всевозможных неприятных сюрпризов со стороны Германии» (стр. 116).

«Трудно яснее обнаружить расчет на обострение русско-германских противоречий в турецком вопросе»,— пишет автор по поводу статьи «Таймс» (стр. 116).

Нет спору, такой расчет у Англии был, но он стал бы для читателя много яснее, если бы Г. Л. Бондаревский подробнее рассказал о сути русско-германских и англо-русских противоречий и о том, почему в практике английской дипломатии тех времен англо-русские противоречия брали верх над англо-германскими. Следовало бы также показать, что царские дипломаты в свою очередь стремились использовать англо-германские противоречия в интересах царизма.

Автор не всегда при анализе документов выделяет важное и ценное и порой перегружает свою работу

излишними деталями из второстепенных источников. Вследствие этого местами нарушается последовательность изложения, утрачивается четкость в раскрытии позиций империалистических государств. Когда же Г. Л. Бондаревский обращается к важным и не вызывающим сомнений документам, положение меняется, но вместе с тем начинает сказываться некоторая противоречивость в изложении. Тот же самый автор, который только что отмечал благожелательное отношение Англии к строительству Багдадской дороги, на этот раз дает правильную оценку позиции Англии. И мы узнаем, что уступчивость Англии была вызвана осложнениями в войне с бурами, что заботы Англии, оказавшейся перед фактом германской концессии, были направлены к тому, чтобы осложнить ее финансовую сторону. А в связи с этим Англия, Россия и Франция всеми мерами препятствовали попыткам Германии добиться повышения таможенных пошлин в Турции для обеспечения высоких километрических гарантий.

Англия, как правильно пишет автор, была уверена, что без участия английского капитала Немецкий банк не справится с концессией. На случай, если строительство Багдадской дороги все же будет осуществляться германской финансовой группой, Англия была озабочена тем, чтобы не дать довести Багдадскую дорогу до портов Персидского залива. Она стремилась воздвигнуть у Багдада барьер, перехватив строительство участка Багдад—Персидский залив в собственные руки. Даже когда Чемберлен вел переговоры о союзе с Германией, он ставил условием участие английского капитала в строительстве Багдадской дороги и отказ Германии от вывода дороги к северным портам Персидского залива.

Германская дипломатия поняла маневр Англии и в свою очередь полагала использовать англо-русские противоречия. Г. Л. Бондаревский приводит предложение германского дипломата Мюльберга относительно того, как добиться доведения Багдадской дороги до портов Персидского залива: «Нам нужно так использовать англо-русское соперничество в Азии, чтобы, то отбивая поклоны перед британским львом, то кланяясь русскому медведю, протолкнуть нашу дорогу до Кувейта» (стр. 171).

Интересно, с использованием новых документов, в книге излагается дипломатическая борьба между Англией, Германией и Россией за бассейн Персидского залива (стр. 156—200).

Что касается Багдадской железной дороги, то в итоге острой борьбы различных финансовых групп (концессионный план Капписта, за спиной которого выступала английская группа, концессионный план Рехнипера, тоже английского происхождения, франко-германское соглашение по железнодорожным вопросам 1899 г. как первая попытка «интернационализации» Багдадской дороги) победа все же оказалась на стороне Германии. В 1900 г. концессия на строительство Багдадской железной дороги была передана окончательно германской Анатолийской компании. Концессионный договор предусматривал в качестве конечного пункта дороги Басру, откуда предполагалось построить ответвление к какому-либо пункту на Персидском заливе (стр. 207).

Но борьба за Багдадскую железную дорогу на этом не кончилась. Концессионным соглашением не были окончательно разрешены две проблемы: 1) о конечном пункте Багдадской железной дороги на побережье Персидского залива и 2) об источниках покрытия километрических гарантий, т. е. о финансовой стороне строительства.

В предпоследней главе мы узнаем, что «с самого начала строительства Анатолийско-Багдадской железной дороги царское правительство заняло враждебную позицию по отношению к этому предприятию, укреплявшему позиции германского империализма на Ближнем Востоке» (стр. 209). Но и здесь, как мы думаем, сказано крайне недостаточно о причинах этого враждебного отношения царской России. Дело заключалось не только в укреплении германских позиций на Ближнем Востоке вообще, но и конкретно в германской угрозе основным интересам России в Малой Азии.

Царский посол в Берлине Остен-Сакен в беседе с Бюловым, имевшей место в апреле 1899 г., говоря о желательности соглашения между Россией и Германией, неслучайно определил следующим образом условия соглашения: если Германия признает права России на проливы и не будет препятствовать господству Рос-

сии на Черном море, то Россия не будет возражать против экономической экспансии Германии в Анатолии, если же Германия откажется пойти на соглашение с Россией, то последняя, по словам русского министра Муравьева, будет вынуждена ценой особых жертв заключить соглашение с Англией (стр. 213).

Германия выдвинула встречное требование: чтобы союзница России — Франция отказалась от реванша, а Россия и Германия взаимно гарантировали границы обеих стран. Россия отклонила это предложение и, чтобы поставить Турцию в затруднительное положение в отношении километрических гарантий для Багдадской дороги, потребовала от нее взноса следуемых платежей по займам, предоставленным ранее. С другой стороны, считаясь с фактом строительства Багдадской дороги, Россия поставила перед собой задачу повернуть Багдадскую дорогу с востока, где она представляла опасность для России, на юг. 31 марта 1900 г. царское правительство добилося от турецкого правительства со-ответствующих обязательств: «если оно признает необходимым приступить к постройке железных дорог в районе между берегом Черного моря и линией городов Анкара—Кайсери—Сивас—Харпут—Диарбекир—Ван и не пожелает их строить на собственные средства, предоставить сооружение этих дорог русским капиталистам на тех же основаниях, на каких германским капиталистам предоставлена... постройка Багдадской железной дороги» (стр. 223—224).

Сдержанное отношение правительства Франции к участию французского капитала в строительстве дороги и требование равного участия с германским капиталом побудили Германию сделать попытку привлечь к строительству дороги русский капитал. Однако Россия воздержалась от принятия этого предложения. Противодействие России германской концессии усилилось после того, как в Петербурге узнали, что германские капиталисты предполагают начать строительство ветки от Багдадской дороги к Ханекену, что угрожало русским интересам уже в Северном Иране. Тогда германские концессионеры решили удовлетворить требование французских капиталистов о равном участии в строительстве дороги. 5 марта 1903 г.

было заключено новое концессионное соглашение между специально образованной Багдадской компанией и турецким правительством. Багдадской компании был придан международный характер с целью исключить формальные основания для противодействия других держав высоким километренным гарантиям за счет повышения турецких пошлин. Французский капитал формально получал равную долю с германским. Для английской группы резервировалась такая же доля участия.

Как же поступила Англия?

И здесь вновь нелегко удержаться от очередного упрека автору книги. Вместо того чтобы четко показать и соответствующими документами подкрепить основную линию Англии, заключающуюся в том, чтобы не допустить перехода в руки германских капиталистов строительства южного участка Багдадской дороги, автор приводит множество документов, отчетов, газетных статей и т. п., которые, на наш взгляд, чрезмерно загромождают изложение.

Много внимания уделяет автор борьбе, происходившей в то время в Англии между багдадской (Бальфур и Ленсдоун) и антибагдадской (Боулс) группировками. Характерно, что об антибагдадской группировке говорится намного полнее, хотя здесь речь идет не об основной линии английской политики в вопросе Багдадской дороги. Что же касается багдадской группировки, то автор ограничивается лишь цитатами из высказываний тех или иных деятелей этой группировки. Правильнее было бы сделать упор на том факте, что правящие круги Англии под влиянием различных внешнеполитических и внутриполитических факторов занимали колеблющуюся позицию в этом вопросе. С одной стороны, имелось в виду главное — не допустить строительства Багдадской дороги, особенно ее южного участка, а с другой, существовало опасение, что Германия сможет осуществить строительство, и в этом случае Англии лучше было бы принять участие в нем. В этих рамках следовало бы, как нам кажется, анализировать позицию Англии.

Антибагдадскую кампанию в Англии Вильгельм II, как пишет автор, приписывал «влиянию России» (стр. 283). «Антибагдадские» статьи русских официозных органов, в частности «Нового времени», пишет автор, также использовались с этой целью (т. е. для усиления антибагдадской группировки. — Д. З.). Особенно большое впечатление произвело сообщение русской прессы о намерении немецкого капитала сохранить в своих руках привилегированные акции Багдадской железной дороги, дающие право распоряжаться всеми делами этого предприятия» (стр. 283—284). Трудно поверить, чтобы в Англии не знали и не понимали главной цели германского предприятия, не будь напечатано об этом в «Новом времени». Стоило ли автору книги уделять внимание таким малозначащим документам и комментировать их?!

В конце книги Г. Л. Бондаревский пишет: «Укрепление позиций германских монополий в Османской империи, борьба немецкого финансового капитала за выход к Красному морю и Персидскому заливу в конце XIX — начале XX вв. не случайно совпали с резким обострением англо-германских противоречий» (стр. 299). Автор как бы отказывается тем самым от встречавшихся до этого в книге утверждений, будто Англия благожелательно отнеслась к его устремлению реорганизации Османской империи в политическом и экономическом отношениях (стр. 117 и др.).

Особо следует отметить, что автор поднял весьма интересный и мало освещенный в нашей историографии вопрос: как проводимая правящими кругами Германии «политика сплочения», по расчетам ее вдохновителей, должна была содействовать изоляции социал-демократии внутри страны и усилить борьбу против немецкого пролетариата (стр. 84 и 295). Но, к сожалению, автор затронул этот вопрос недостаточно полно.

Несмотря на ряд отмеченных выше недостатков, книга Г. Л. Бондаревского, излагающая историю Багдадской дороги в аспекте развития колониальной политики, является ценным научным исследованием.

Д. С. Завриев

SUMMARY

The reviewer points out that G. L. Bondarevsky's analysis of the acute diplomatic struggle between the Great Powers in the Near and Middle East in connection with the construction of the Bagdad Railway is based on rich documentary materials and is of great scientific value.

One of the shortcomings of this book consists in the incomplete characterization of the aggressive policy pursued by Russian tsarism.

В. П. ЛЕОНТЬЕВ. *Иностранная экспансия в Тибете 1888—1919 гг.* М. Изд-во АН СССР, 1956, 221 стр.

Монография В. П. Леонтьева — первая советская марксистская работа об иностранной экспансии в Тибете. Исследование опирается на разнообразный архивный материал: Архива внешней политики России, Центрального государственного исторического архива в Ленинграде, Архива Академии наук СССР и сектора рукописей Института востоковедения АН СССР. Использовал автор также труды русских и советских востоковедов: Н. Я. Бичурина, П. К. Козлова, Г. Ц. Цыбикова, Н. В. Кюнера, а также работы китайских ученых — Фан Вань-ланя, Люй Чжен-юя, Лу Хуа-чжу и других.

В первой главе автор пишет об английском проникновении в Тибет в период 1888—1900 гг., а также о попытках других империалистических держав проникнуть в эту область Китая.

Интересны страницы монографии, где автор рассказывает о сопротивлении Тибета английским колонизаторам в 1888 г. и о провале попыток англичан оккупировать Тибет. Однако капитулянтская политика маньчжурского двора поставила Тибет в тяжелое положение в результате подписания между англичанами и Китаем Калькутского соглашения (1890 г.). В силу этого соглашения предусматривался ряд уступок англичанам в Тибете со стороны Китая. Но и Калькутское соглашение для Англии показалось недостаточным. В 1893 г. английское правительство заставило маньчжурские власти начать новые переговоры с Англией. В результате

этих переговоров Англией были навязаны Тибету грабительские Дарджилингские правила о торговле. Анализ экономической интервенции Англии в Тибете и, в частности, ее неправомерной торговли с ним в книге уделено значительное место. Используя Дарджилингские правила, английские колонизаторы развернули в Тибете широкую экономическую интервенцию против Китая и не скрывали своих намерений захватить Тибет и превратить его в свою колонию.

Переход к империализму в конце XIX в. характеризуется активизацией в Тибете английской экспансии против Китая, причем эта экспансия была лишь трамплином для агрессии против Синьцзяна и Монголии. Английские империалисты лицемерно ссылались на необходимость обороны против «русской угрозы Индии», на деле же воинственные круги Англии усиливали свои позиции в Индии и подбирались к среднеазиатским владениям России. Характерна в этом отношении приведенная в книге «Записка» генерал-майора англо-индийской армии Макгрегора английскому правительству. Автор «Записки» настаивал на том, чтобы русские порты были блокированы, выступал против русско-французского сближения и предлагал Англии заключить наступательный союз с Германией, Австрией и Турцией против России. Макгрегор советовал также «уничтожить русскую торговлю в Азии» и, в частности, сухопутную торговлю России с Китаем, поссорив их между собой. Столь же воинственно высту-

пал и английский полковник Белл, замышлявший направить удар по России на широком фронте — от Ирана до Китая. Однако здравомыслящие военные английские специалисты (Ганн, Гриффин и др.) отрицали наличие угрозы Индии со стороны царской России.

Стремление английского империализма подчинить себе Тибет, подчеркивает автор, наталкивалось на сопротивление тибетского народа, сливавшееся с массовыми выступлениями всего китайского народа против империалистической агрессии, которые распространились по стране в конце XIX в.

Во второй главе — «Вооруженная интервенция английского империализма в Тибете» — автор рассказывает о событиях начала XX в., о вооруженной интервенции английского империализма в Тибете (1903—1904 гг.).

Руководящие круги Англии, пишет В. П. Леонтьев, пытались замаскировать агрессию в Тибете, снова использовали жупел «русской угрозы» против Индии и уверяли весь мир, что Англия преисполнена мирных намерений по отношению к Тибету. В то же время она потребовала от властей Тибета расширить торговые связи с ней и предоставить Англии новые привилегии. Этими провокационными требованиями, предъявленными непосредственно властям Тибета, Англия подчеркивала, что она игнорирует суверенные права Китая на Тибет. Отказ властей Тибета удовлетворить притязания Англии был использован последней как повод для новой интервенции.

Английские агрессоры, говорится в монографии, рассчитывали захватить Тибет легко и быстро. Но их расчеты не оправдались. Народ Тибета выступил на защиту своей земли. Освободительная борьба тибетского народа принимала разнообразный характер: от пассивных форм сопротивления до смелых и решительных партизанских наступательных операций. Жители оставляли свои жилища и уходили из районов, по которым двигались войска колонизаторов. Начались активные выступления тибетских патриотов против оккупантов и их агентов. Широкие размеры принял бойкот английских товаров в Тибете. Тибетские крестьяне и даже лица духовного звания вели упорную борьбу против оккупантов. Вместе с тибетцами

участие в борьбе принимали и китайцы, жившие в Тибете.

Предоставленный самому себе, Тибет был вынужден подписать так называемый Лхасский трактат (7 сентября 1904 г.). В силу этого договора англичане, хотя и сохранили свое влияние на Тибет, были вынуждены отказаться от попыток превратить его в свою колонию. Прежде всего этому помешало сопротивление тибетского народа. Кроме того, пишет автор, английские империалисты опасались царской России, выступавшей в своих интересах за сохранение Тибета в составе Китая.

Причинами, по которым Англия была вынуждена отступить в тибетском вопросе, были не только обострение англо-германских противоречий, но и начавшееся национально-освободительное движение народов Азии.

В третьей главе рецензируемого труда («Экспансия империализма в Тибете в период китайской революции 1911 г. и первой мировой войны») содержится анализ причин и результатов английской агрессии против Китая в Тибете в 1909—1919 гг. Автор убедительно показал, что политика английского империализма, рассчитанная на разрыв экономических и политических связей Тибета с Китаем, привела к усилению эксплуатации тибетского народа, поскольку большинство местных феодалов перешло на сторону оккупантов. К сожалению, о конкретных экономических интересах отдельных социальных групп тибетского общества, в частности тибетских феодалов, в книге почти не говорится.

В монографии показана также политика английской буржуазии по отношению к Тибету и после событий 1911 г. в Китае. После оккупации Тибета под руководством английских агентов начались вооруженные выступления сепаратистов Тибета против Центрального китайского правительства. Автор пишет, что целям отделения Тибета от Китая призвана была служить и так называемая Тройственная конференция, созванная в Симле в октябре 1913 г. На конференции с участием представителей Англии, Китая и Тибета отчетливо проявились единство ближайших целей английских колонизаторов и феодалов Тибета, а также подчиненное положение последних. На конференции, говорится в монографии, английские представители, маскируясь

«интересами тибетцев», старались отторгнуть от Китая обширные территории.

Все же, несмотря на обилие фактов о Тройственной конференции, в самом их изложении нет достаточной четкости, и читателю нелегко уловить основное направление политики участников конференции. Воспользовавшись ослаблением царской России в первые годы мировой войны, раздорами между отдельными группами феодалов, английские правящие круги усиливали свои позиции в Тибете. Английские захватчики поссорили далай-ламу с панчен-ламой, и последний был вынужден покинуть пределы Тибета; они натравливали тибетцев на китайцев и т. д. К концу первой мировой войны английские империалисты, по выражению Сунь Ят-сена, «превратили Тибет в свою добычу».

Краткое изложение дальнейших событий в Тибете В. П. Леонтьев доводит до наших дней, до освобождения Тибета как неотъемлемой части Китая.

Рецензируемая книга не лишена недостатков. Нуждаются в дальнейшем иссле-

довании некоторые проблемы, например вопрос о роли американского и японского империализма в иностранной экспансии в Тибете. Не всегда автор четко формулирует свои выводы. В работе нет библиографического указателя, указателя главнейших имен и географических названий, нет иллюстраций, карт и схем. Несмотря на то, что в книге в основном точно выдержана система ссылок на источники, во многих случаях опущены страницы, в особенности при ссылке на журнальные статьи. Имеется разнобой и в транскрибировании иностранных слов.

Оценивая рецензируемую книгу в целом, следует сказать, что перед нами ценная монография, в которой использованы и достижения китайской исторической науки последних лет. Ознакомление с трудом В. П. Леонтьева будет полезно для всех интересующихся историей борьбы тибетского и китайского народов за свою свободу и независимость.

Ф. С. Цаплин

S U M M A R Y

V. P. Leontyev's book is favourably appraised by the reviewer as the first work in Soviet Orientology on foreign expansion in Tibet which is based on the study of archives and other materials of late 19th and early 20th century events in Tibet. The author of the book has also utilized the latest Chinese historical studies. His book will undoubtedly be of value to all those who are interested in the history of the struggle of the Tibetan and Chinese peoples for their freedom and independence.

Г. И. МИХАЙЛОВ. *Очерк истории современной монгольской литературы*. М., Изд-во АН СССР, 1955, 215 стр.

«Очерк истории современной монгольской литературы», написанный Г. И. Михайловым, охватывает всю новую монгольскую литературу, начиная от предпосылок к ее возникновению и кончая произведениями, написанными в 50-е гг. текущего столетия. Фактически это первая попытка связного и систематического изложения истории этой литературы; до сих пор наше востоковедение располагало только фрагментарными исследованиями, которые, как правило, были посвящены частным вопросам.

Развитие монгольской литературы рассматривается автором в неразрывной связи с преобразованием общественно-экономической и политической жизни страны. На протяжении всего «Очерка» отчетливо показана роль Монгольской Народно-Революционной партии и Монгольского правительства, внимательно следящих за развитием новой литературы. Подчеркивается творческая связь монгольских писателей с писателями СССР и значение русской и советской литературы для развития литературы и культуры Монголии. Заслуга автора в том, что он заполнил один из очень серьезных пробелов в советском монголоведении.

Учитывая ценность работы, целесообразно подробнее остановиться на некоторых ее недостатках.

Думается, что вопрос о социалистическом реализме, как творческом методе новой монгольской литературы, заслуживает более разностороннего рассмотрения. Вряд ли можно характеризовать как литературу социалистического реализма не только произведения 20-х годов (я имею в виду произведения Д. Нацагдоржа и Ц. Дамдинсүрэна), но даже и более поздних лет. Вопрос о становлении этого метода уместно, на наш взгляд, выдвинуть лишь применительно к послевоенной монгольской литературе.

Трудно согласиться с Г. И. Михайловым и в вопросе о роли литературного наследия на первых этапах развития новой монгольской литературы. Мне представляется, что сознательное, критическое использование этого наследия пришло позднее. В первый же период можно рассматривать связи между новой литературой и старой, фео-

дальной только как естественные связи по линии формы, поскольку новая поэтическая форма еще не создана. В начальный период революционных преобразований наступил своеобразный перерыв традиций. Лишь на следующем этапе началась переоценка прежнего отношения к наследию и отбор того ценного, что было необходимо для развития новой литературы, а еще позднее пришло бережное, и вместе с тем критическое отношение к старой культуре и широкое освоение культурного наследия прошлого.

В подтверждение своего тезиса об использовании новой литературой старого культурного наследия Г. И. Михайлов указывает, что именно было использовано: «По материалам летописи Саган Цэцэна написана пьеса „Мудрая ханша Мандхай“. На основе старых исторических сочинений создавались пьесы „Был такой хан“, „Амар санаа“, сценарий фильма „Цогт тайж“ и некоторые другие, менее известные сочинения». Автор пишет далее, что роман Ринчена «Утренняя заря» «сильно напоминает старые хроники и летописи... К Гэсэру неоднократно обращался Ц. Дамдинсүрэн. Гэсэриада послужила также темой его кандидатской диссертации» (стр. 26).

Это все правильно. Но «Мудрая ханша» написана в 1942 г., «Был такой хан» — в 1947 г., сценарий «Цогт тайж» — в 1944 г., «Три шарайгольских хана» — к 20-летию Монгольской революции, а диссертацию о Гэсэре Дамдинсүрэн защитил в 1950 г. Таким образом, хотя Г. И. Михайлов и утверждает, что «современная монгольская литература... возникла и развилась на основе лучших национальных традиций» (стр. 41), мы видим, что сознательное освоение литературного наследия происходит не на первых порах создания новой монгольской литературы, а значительно позже.

Существенным недостатком работы Г. И. Михайлова является ее некоторая схематичность. Пожалуй, лучше было бы в ряде случаев излагать очень сжато факты произведений и иллюстрировать ее переводом наиболее характерных отрывков.

Несколько слов о неточностях и небрежностях, допущенных в работе.

Автор неправомерно объединяет собственно монгольскую литературу с литературой ойратской, приписывая монголам такие ойратские произведения, как «Сказание об Убаши-Хун-Тайж» (стр. 15), «Жангар» (стр. 23), «Ергиль-тюркюль» и «Дейни Кюрюль» (стр. 22—23). Если автор считает монгольской литературой литературу всех народов, обитавших на территории Монголии, то следовало бы это оговорить.

По словам автора, А. М. Позднеев «создал незаслуженную известность» летописи «Драгоценные четки» («Эрдэнийн Эрихэ»). В оценке этой рукописи, говорится далее, совершенно прав Б. Я. Владимирцов, назвавший ее «ничтожная во всех отношениях» (стр. 14). Но Г. И. Михайлов привел только одно высказывание Б. Я. Владимирцова, относящееся к 1920 г., и не указал, что в 1934 г. в исследовании «Общественный строй монголов» тот же Б. Я. Владимирцов неоднократно ссылался на эту рукопись (стр. 159, 161, 173—177, 179—180, 182, 187 и др.), а также писал: «Более интересными для нашей цели являются работы Иакинфа Бичурина, А. М. Позднеева и Е. Bretschneider'a, в особенности одно исследование А. М. Позднеева „Эрдэнийн Эрихэ“ — материалы для истории Халхи с 1636 по 1736 г., несколько раз упоминаемые выше». (стр. 23—24).

На стр. 21 Г. И. Михайлов пишет: «Оригинальная монгольская литература также не была однородной. Значительное место занимали произведения, преследовавшие цели насаждения буддизма, следовательно, цели, глубоко враждебные народу. Гораздо ближе аратским массам были летописи и художественные произведения, о которых говорилось выше. Они отражали жизнь монголов, их идеалы, чаяния, стремления к лучшей жизни». Но, как мы знаем, народ не читал летописей. Они являлись достоянием грамотеев-чиновников, а не простого народа. Зато с удовольствием читались и заучивались такие буддийские произведения, как «Ули эрун далай», «Субшит», «Ушандар» и т. д., и

этого никак нельзя сбрасывать со счетов. Ведь наши русисты не зачеркивают таких древнерусских произведений, как «жития святых» и т. п.

Относительно «Поучения Чингиса сыновьям и братьям» автор утверждает, что это «Поучение» содержится в «Алтан Тобчи». В таком случае следовало бы, очевидно, указать, в каком «Алтан Тобчи» он нашел этот текст.

Непонятно, почему о Цэвэгмэде автор говорит раньше, чем о Нацагдорже и Дамдинсүрэне. Это неверно и хронологически: Цэвэгмэд родился в 1915 г., писать начал с 1933 г.; Дамдинсүрэн родился в 1908 г., пишет с 20-х годов. Впрочем, сам Г. И. Михайлов также указывает, что Цэвэгмэд «продолжал линию Дамдинсүрэна и Нацагдоржа» (стр. 61).

По вопросу о транскрипции Г. И. Михайлов говорит: «В литературе нет единой общепринятой транскрипции монгольских слов. В 1952 г. в сборнике „Монгольская Народная Республика“ монгольские имена и названия писались применительно к правилам орфографии, принятой в МНР. В данных очерках применяется тот же метод» (стр. 8).

Однако на самом деле автор иногда действует вопреки этому методу. Если тексты монгольских стихотворений на стр. 192—197 написаны (хотя и с опечатками) согласно правилам монгольской орфографии, то на стр. 110—111, а также в списке литературы на монгольском языке (стр. 200—206) автор вводит свою транскрипцию.

Неясно, почему приложенный к книге словарь именуется «Словарем монгольских терминов». Можно ли отнести к таковым слова «сказка», «лжец», «враль», «былина», «горный перевал», «ода», «солдат», «воин»?

Указанные недостатки несколько снижают ценность этой первой попытки дать систематическое изложение истории современной монгольской литературы и будут, нужно надеяться, в дальнейшем исправлены автором.

Т. А. Бурдукова.

А. Е. ГЛУСКИНА и В. В. ЛОГУНОВА. *Очерки истории современной японской демократической литературы*. М. — Л., Изд-во АН СССР, 1955, 190 стр.

За последние несколько лет советский читатель имел возможность познакомиться в переводах с рядом произведений современной японской литературы. Созданные в послевоенный период, они наглядно убеждают в том, какая прогрессивная и талантливая, какая мужественная литература создается передовыми писателями в сложных условиях современной Японии.

Естественно, что для советского японоведа назрела необходимость проанализировать состояние этой литературы в целом — определить место и роль крупнейших произведений в общем литературном процессе и, выясняя перспективы дальнейшего развития, в то же время осветить те демократические, прогрессивные традиции недавнего прошлого, преемником которых является сегодняшняя передовая японская литература. Эти задачи и поставили перед собой советские японоведы А. Е. Глускина и В. В. Логунова в своей книге о японской поэзии и прозе.

Книга содержит два раздела. Первый из них (автор А. Е. Глускина) посвящен демократической поэзии конца 20-х — начала 30-х гг., периода развития пролетарского движения в японской литературе. Рассматривая обширный оригинальный материал, А. Е. Глускина показывает близость этой поэзии к жизни, ее реалистичность и, что очень важно, ее рост и развитие, усиление в ней боевого наступательного духа. От изображения жестокой эксплуатации, которой подвергается японский крестьянин, невыносимых условий труда на фабриках и заводах — к картинам сопротивления и борьбы, к революционным призывам — таково поступательное движение японской демократической поэзии в эти годы, убедительно раскрытое в книге.

В поле зрения автора попадает не только творчество поэтов-профессионалов. Большое внимание уделяется и так называемым *сёкуба-но ута* — «песням с заводов и полей». Авторы этих стихов — крестьяне и рабочие. «Особенно широкое развитие это народное поэтическое творчество получило в послевоенной Японии, являясь

в настоящее время активным орудием борьбы за мир», — указывает А. Е. Глускина.

Специальная глава посвящена анализу стиля. Автор справедливо рассматривает художественные приемы демократической поэзии в тесной связи с ее общей идейной устремленностью, с ее целями и задачами. «Обращение с поэтическим словом к широким народным массам, использование поэзии как средства революционной борьбы коренным образом меняет характер творчества демократических поэтов», — говорит автор, отмечая в качестве характерных черт этой поэзии отказ от традиционной малой формы, переход к свободным размерам и строфике, к новым, свободным ритмам, к разговорной, ораторской интонации.

Интересные наблюдения содержатся в главе, посвященной вопросу о влиянии на демократическую японскую поэзию советской литературы и, в первую очередь, творчества В. Маяковского. Общий характер идейного содержания определил здесь и общность художественных приемов — к такому выводу приходит автор после детального рассмотрения большого поэтического материала.

Эти две главы являются, на мой взгляд, наиболее удачными в первом разделе книги. Что же касается глав, отведенных идейно-тематической характеристике демократической поэзии (гл. 1) и ее роли в революционной борьбе японского народа (гл. 4), то здесь ощущается несколько искусственное разделение, в сущности, одной темы: ведь автор сам убедительно показывает, что идейное содержание и тематика этой поэзии в основном определялись задачами революционной борьбы. Раздельное рассмотрение этих вопросов приводит к повторениям, к тому, что автор вынужден в одном случае даже разорвать на части стихотворение, анализируя его в двух разных главах. Объединение этих вопросов в одной главе сделало бы изложение более компактным, а анализ — более четким.

Однако и при указанном недостатке этот

раздел книги, освещающий важный этап развития японской поэзии, насыщенный свежим, не известным нашему читателю материалом, представляет несомненный интерес.

Второй раздел (автор В. В. Логунова) посвящен демократической японской прозе последних лет. Автор указывает 1950—1952 гг. в качестве хронологических рамок своего исследования, но далеко выходит за их пределы. Мы видим, что сразу же после первого съезда демократических писателей Японии, состоявшегося в декабре 1945 г., писательские организации развернули активную и многогранную деятельность. Большие задачи, поставленные съездом, ориентировали писателей на создание прогрессивных произведений, которые стали бы достоянием широких читательских масс. Литературная деятельность становится одной из форм общенародной борьбы за мир. Однако мировоззрение некоторых писателей, даже передовых, иногда не свободно от противоречий и слабостей, и весь сложный процесс развития современной литературы в Японии происходит в условиях острой идеологической борьбы. В своем «Введении» и двух следующих главах В. В. Логунова показывает эту сложную обстановку, освещает организационную и теоретическую деятельность ведущих прогрессивных писателей Японии.

В последней главе своего раздела В. В. Логунова прослеживает творческий путь отдельных крупных писателей, подробно останавливается на их наиболее значительных произведениях (многие из них — романы «Тихие горы» и «Воды Хаконэ», рассказ «Песенка свиньи», а в самое последнее время и повести «Равнина Бансю» и «Футисо» вышли у нас в русских переводах).

Образы новых людей Японии, борцов за мирное демократическое будущее своей страны, изображение их в развитии, в росте — вот в чем крупнейшее достижение этой литературы, говорит В. В. Логунова. Автор видит и слабые места отдельных произведений: схематизм, подчас отход от исторической правды. Но это недостатки роста, они преодолимы и не могут остановить движения вперед. Свидетельством этому является высокий уровень, достигнутый демократической литературой Японии, сила и жизненность ее лучших произведений — к такому выводу приходит читатель.

Можно упрекнуть В. В. Логунову в том, что интереснейшая по своей теме глава «Борьба за реалистические основы японской демократической литературы» носит несколько схематический характер: литературные дискуссии и выступления последних лет освещены в ней чрезвычайно бегло, глава о творческой деятельности крупнейших японских авторов грешит описательностью. Анализ художественной формы часто сводится здесь к отдельным замечаниям. Так, например, рассматривая произведение «Воды Хаконэ», В. В. Логунова ограничивается лишь замечанием автора о том, что он писал роман так, как если бы готовил его для экранизации. Естественно, при таком подходе читатель не может увидеть своеобразие творческой индивидуальности каждого из авторов. «Очерки» — первая у нас книга о современной японской литературе. За ней должны последовать другие, все более глубоко раскрывающие прошлое и настоящее этой литературы. Но уже в этой книге содержится много нового и интересного, что, несомненно, окажется полезным для нашего читателя.

Е. М. Пинус

Л. О. АЛЬКАЕВА. *Творчество Халида Зии Ушаклыгиля*. М., Изд-во АН СССР, 1956, 144 стр.

Долгое время у нас почти не издавалось крупных работ, посвященных вопросам турецкой литературы. Рецензируемая книга представляет поэтому тем больший интерес. Автор ее, не ограничиваясь разбором произведений Халида Зии Ушаклыгиля, поднимает и успешно разрешает ряд вопросов, освещающих процесс формирования турецкой прозы конца XIX в. Л. О. Алькаева рассказывает о культурной и литературной жизни Османской Турции, начиная как раз с того времени, на котором двадцать два года тому назад закончил свою книгу «Намык Кемаль» В. Стамбулов. И теперь обе эти книги дают не только характеристику творчества двух наиболее известных турецких прозаиков XIX в., но, дополняя одна другую, показывают как единое целое процесс развития турецкой прозы того периода.

Работа состоит из краткого введения, где автор сообщает о причине выбора темы, пяти глав и двух приложений, в первом из которых дано краткое содержание главных романов Халида Зии, а во втором — перечень его основных художественных произведений.

Глава I — «Социальные условия и литературная среда в Турции второй половины XIX — начала XX века» — дает развернутую картину социальной и культурной жизни страны в изучаемый период. Особенно удачным следует признать то, что, характеризуя эпоху, Л. О. Алькаева не только привлекает известные источники и пособия, но и приводит многочисленные выдержки из воспоминаний самого Халида Зии. Благодаря этому читатель сразу же знакомится как с исторической обстановкой, так и с отношением Халида Зии к современным ему событиям, с его мировоззрением. Интересными в этой главе являются и сведения относительно освещения турецкой литературой XIX в. национального вопроса (стр. 37 и сл.).

Небольшая по объему глава II — «Биография и общий обзор творчества Халида Зии» — носит конспективный характер. Автор, к сожалению, более подробно останавливается на самом раннем периоде творчества Халида Зии, в общем довольно хо-

рошо известном и частично освещенном уже в русской ориенталистике (например, в работе В. А. Гордлевского «Очерки по новой османской литературе». М., 1912). Зато о втором периоде творчества Халида Зии, когда, как пишет сама Л. О. Алькаева, его «вызывали несколько раз в Управление внутренними делами в связи с его статьями о санскрите, основываясь на которой, его обвиняли в „пропаганде материализма“» (стр. 49), сказано сравнительно мало. Да и о самой статье о санскрите, по-видимому, интересной и важной для понимания эволюции мировоззрения Халида Зии, больше ничего не сказано. Слишком мало говорится и о третьем периоде творчества Халида Зии. Что создал писатель с 1909 г. до своей смерти в 1945 г.? Неужели только два тома очерков по вопросам искусства? Как развивалось в это время его мировоззрение? Узнать это из книги Л. О. Алькаевой нельзя. И если в его взглядах стало заметно проявляться «поправление», о чем можно догадаться по некоторым замечаниям автора, то об этом следовало бы прямо и сказать.

Глава III — «Идейно-тематическое содержание произведений Халида Зии Ушаклыгиля» — является одной из основных в работе. Здесь подробно и тщательно разобраны произведения писателя. Постепенно перед читателем возникает не только образ самого Халида Зии, со всей противоречивостью и некоторой ограниченностью его взглядов на жизнь, но и та среда, на которую были рассчитаны его произведения. Жаль только, что автор, совершенно закономерно останавливаясь на интересных деталях, сравнительно мало говорит об идейном содержании произведений.

По существу тесно переплетается с предыдущей глава IV — «Сюжет, композиция и язык произведений Халида Зии». Кратко и хорошо разобраны сюжеты произведений; характеристики героев точны и тонки. О языке же и стилистических особенностях сказано недостаточно. Хотелось бы, чтобы положения автора были подтверждены большим количеством примеров из романов Халида Зии. Почти ничего не говорится собственно о композиции и о художественных

приемах писателя. Беглые замечания о композиционном назначении портрета, пейзажа, музыки (стр. 102 и сл.) носят отрывочный характер и недостаточно связаны единой идеей с главой в целом.

Глава V — «О характере влияния западноевропейских писателей на творчество Халида Зии» — написана убедительно, дает много ценных сведений о значении для Халида Зии произведений братьев Гонкур, Эмиля Золя, Мопассана. Вопросы, поднятые в этой главе, в научной литературе до сих пор не освещались.

Таким образом, из пяти глав книги Л. О. Алькаевой только одну, четвертую, можно признать менее удачной.

Мелкие недочеты, имеющиеся в книге, указывают на недостаточность стилистически-редакционной работы над текстом, вследствие чего встречаются такие выра-

жения, как «в турецкой литературе господствующим родом в то время (курсив мой. — В. Г.) была поэзия» (стр. 43), или «задушевный хрип» (стр. 91); не всегда выдержана транскрипция турецких имен и названий турецких газет (стр. 9, 24), есть опечатки: «Эдибияты» (стр. 3), «Кара Бибек» (стр. 27) и т. п.

Все замеченные в книге недочеты имеют второстепенное значение и не снижают ее общей положительной оценки. Надо добавить, что в современной Турецкой республике еще не появилось исследования, где бы столь детально разбирался ранний период литературной деятельности Халида Зии и его произведения показывались как результат определенного мировоззрения, возникшего в определенную эпоху.

В. С. Гарбузова

К ВЫХОДУ В СВЕТ КНИГИ ПРОФ. А. ЗАЙОНЧОВСКОГО «GAZELE WYBRANE HAFIZA»

В истории изучения Хафиза в Европе и на Востоке можно различить два этапа. Первый из них — появление перевода дивана Хафиза, выполненного И. фон Хаммер-Пургштаалем, и огромный интерес к творчеству Хафиза, мощно подкрепленный авторитетом Гёте и его замечаний о персидской поэзии в «West-östlicher Divan». Можно полагать, что именно это привело к первой попытке дать критическое издание оригинального текста, предпринятой Г. Брокгаузом. Как известно, вплоть до 1924 г. издание Г. Брокгауза считалось образцовым и удовлетворяющим всем требованиям науки.

Следующий этап — новое издание текста дивана, осуществленное А. Хальхали (Тегеран, 1306/1928). Издание это, в особенности его предисловие, подорвало авторитет Брокгауза и лишний раз подтвердило указание акад. А. Е. Крымского, что комментарий Судии-эфенди, на который европейские ученые полагались, как на каменную гору, вовсе не такой надежный источник¹.

После А. Хальхали, когда стало ясно, что под диваном Хафиза разумелся некий *mixtum compositum* из стихов десятка разных поэтов, живших на протяжении четырех сотен лет и имевших между собой общим только то, что все они писали га-зели (и притом по-персидски), иранские ученые поставили перед собой задачу исправить эту ошибку и получить, наконец, действительно надежное издание текста дивана, а также ответ на ряд недоуменных вопросов, связанных с его интерпретацией. Д-р Касим Гани задумал своего рода хафизовскую энциклопедию: образцовое издание текста, сочетающееся с всесторонним исследованием эпохи, жизни и творчества поэта. Из намеченных исследований ему удалось выпустить только два тома: историческую работу, детально освещающую век Хафиза и жизнь его родного Шираз в то время, и сжатый очерк истории развития суфизма от зарождения до XV в. включительно. Третий том должен был дать биографию поэта и анализ его дивана, но,

писні. Київ, 1924, стр. 133 («Судій — то од-но з дуже каламутних джерел»).

¹ А. Е. Крымский. Хафиз та його

к несчастью, преждевременная смерть положила конец работам талантливого ученого. Начатое им критическое издание текста дивана, однако, было блестяще завершено одним из крупнейших филологов и историков Ирана, блестящим ученым, ныне покойным мирзой Мухаммедом ибн Абдалваххабом Казвини и увидело свет в Тегеране в июле 1941 г.

Основой издания послужила все та же рукопись Хальхали, переписанная в 1424 г., т. е. через тридцать пять лет после смерти Хафиза (в данное время это старейшая из всех известных рукописей, хотя она не слишком хороша и содержит немало описок и ошибок). Хальхали в свое время ограничился тем, что издал ее со всеми погрешностями. Мухаммед Казвини присоединил к ней еще семнадцать рукописей, преимущественно наиболее близких к ней по времени. Принимая во внимание опыт Мухаммеда Казвини, его блестящее знание классического языка и глубочайшие познания в области персидской литературы во всем ее богатстве, можно с уверенностью сказать, что это издание — лучший текст, какой только можно было дать в настоящее время, во всяком случае, почти лишенный интерполяций, которыми переписчики постарались увеличить диван Хафиза. Это тот текст, из которого и только из которого может теперь исходить всякая работа над Хафизом. Столь знаменитое в свое время издание Брокгауза сейчас — увы! — только библиографический курьез.

Энергичная работа Ирана не замедлила найти отклик и в Европе. Правда, европейские востоковеды пошли не столько по линии исследования, сколько по линии продолжения вдохновленной Гёте работы над художественным переводом. Еще в 1927 г., до появления текста Хальхали, Артур Ги опубликовал необычный для французского языка опыт ритмичного перевода дивана, пытаясь даже приблизиться к звучанию оригинала (А. Guy. Les poèmes érotiques ou ghazels. Paris, 1927)².

² Меня несколько удивляет, что проф. Зайончковский подчеркивает (стр. 77) отсутствие на французском языке даже частичных переводов Хафиза. Выход в свет переводов А. Ги был в свое время до

В Англии А. Д. Арберри выпустил в свет текст и комментированный перевод 50 газелей (A. J. Arberry. Fifty poems of Hafiz. Cambridge, 1947, 2 изд., 1953).

Последняя новинка — изящная книжка проф. А. А. Зайончковского «Gazele wybrane Hafiza» (Warszawa, 1957), состоящая из большого введения и стихотворного перевода 60 газелей. Судить о художественных достоинствах переводов я не берусь, тем более, что они оценены уже польской литературной общественностью. Скажу только несколько слов о подборе текстов. Подавляющее большинство их взято из тегеранского издания. Это хорошо, но зачем две газели (№ 26 и 37) добавлены по изданию Брокгауза, не ясно. Хочет ли автор сказать, что доверяет ему больше, нежели тегеранскому изданию? Появление одной газели еще можно объяснить тем, что она была переведена в прошлом веке Ю. Верниковским, но для включения в сборник другой я оправдания не вижу.

Введение состоит из следующих частей: 1) Хафиз и его время; 2) диван Хафиза; 3) образцы толкования и характеристики лирики Хафиза; 4) история изучения Хафиза на Востоке и в Европе; 5) хафизизма в Польше. А. А. Зайончковский уже давно работал над Хафизом, но полагаю, что выход в свет этой книги был в значительной степени обусловлен юбилеем великого поэта Мицкевича и связанным с этим повышенным интересом к польской романтической поэзии. У меня такое чувство, что эта монография как бы вытекает из вышедшей в 1955 г. небольшой книжки того же автора «Orient jako źródło inspiracji w literaturze romantycznej doby miśkiewiczowskiej».

А. А. Зайончковский широко известен как опытный и прекрасно эрудированный востоковед, и поэтому не приходится удивляться, что его вступительные главы показывают блестящее знание всей огромной литературы вопроса. Всякому, кто желал бы ознакомиться с тем, какие проблемы вызывает изучение творчества Хафиза, можно было бы спокойно рекомендовать это введение. Но именно потому, что

известной степени сенсацией и как столь тщательно следящий за научной литературой ученый мог забыть об экспериментальном переводе, мне непонятно.

оно так полно и дает такой богатый материал, хотелось бы обратить внимание на некоторые допущенные в нем пробелы.

Проф. А. А. Зайончковский, совершенно очевидно, пользовался лучшим и «обязательным», как он сам пишет, изданием Мухаммеда Казвини. Но почему же в таком случае он не читал его примечаний? В введении говорится об издателе дивана Мухаммеде Гульандаме. Но Мухаммед Казвини ясно показал, что старые рукописи Хафиза этого имени не знают и что, по-видимому, Гульандам — просто-напросто какой-то досужий писец, решивший увековечить свое имя, вставив его в предисловие, где вообще никакого имени не упоминалось (см. издание Казвини и Гани, стр. CVI—CVII, прим. 1). Если проф. Зайончковский с этим мнением не согласен, то надо было как-то об этом сказать.

А. А. Зайончковский оказал мне честь, упомянув о том, что мною было сказано о связи газели Хафиза с газелью Хосрова Дехлеви. К сожалению, должен признаться, что мной была здесь допущена небрежность: я писал эту работу в Ташкенте, где монография А. Е. Крымского мне была недоступна, и только недавно установил, что А. Е. Крымский говорит о данной арабской цитате у обоих поэтов и указывает, что это стихи халифа Язида. Иначе говоря, зависимость Хафиза от Хосрова Дехлеви совершенно не обязательна,

так как они оба могли восходить к одному и тому же, тогда, вероятно, широко известному арабскому оригиналу.

Проф. Зайончковский говорит далее (стр. 75), что ни Гёте, ни Фитцджералд не знали персидского языка. Относительно Гёте он, конечно, совершенно прав, но из биографии Фитцджералда³ известно, что он переводил Хайяма по рукописи Бодлеянской библиотеки в Кембридже, причем проф. Коуелл только указал ему рукопись, но перевода для него не делал.

Эти мелкие замечания я считаю нужным сделать лишь потому, что вся книга проф. Зайончковского высоко культурна как по эрудиции и оформлению, так и по правильному пониманию великого персидского лирика, наслаждаться творчеством коего, как мне кажется, все же пока могут те, кто имеет счастье читать его в оригинале, ибо действительно Хафизов Фитцджералд пока еще не народился. Отмечу в заключение, что польский читатель получил теперь богатую возможность ознакомиться с проблемой Хафиза, чего русский читатель, к сожалению, пока еще не имеет.

Е. Э. Бертельс

³ Об этом переводчике см. А. С. Benson. Edward Fitzgerald. London, 1911.

SUMMARY

After a brief survey of the history of the study in Europe and in the East of Hafiz's productions, the author dwells in the main on the latest work in this field, Prof. A. A. Zajaczkowski's book «Gazele Wybrane Hafiza». Highly appraising this book, the reviewer calls attention at the same time to some of its shortcomings.

Dějiny perské a tádžické literatury. Za redakce akademika Jana Rypky napsali Otakar Klíma, Jan Rypka, Věra Kubičková, Jiří Cejpek; Chronologický přehled sestavil Ivan Hrbek. Praha, Nakladatelství Československé Akademie Věd, 1956, 486 str.

Рецензируемая книга — первая почти за 30 лет в Европе большая сводная работа по истории персидской и таджикской литературы. Советские востоковеды не могут не радоваться тому, что она выпущена в народной Чехословакии, где сейчас сложился один из самых сильных в Европе центров иранистики. Знаменательно, что книга вышла в дни, когда отмечалось 70-летие со дня рождения и 45-летие научной деятельности ее основного автора и редактора — академика Яна Рипки.

«Дух времени», о котором говорит акад. Я. Рипка во вступлении к книге (стр. 7), стремление подойти к явлениям литературы с методологически новых для европейского востоковедения, а часто и для самих авторов позиций — одна из наиболее характерных черт рассматриваемой работы. Новизна сказывается уже в самой архитектонике книги. Сломано традиционное для востоковедения построение: немного о древней (доисламской) литературе, много о литературе IX—XV вв., гораздо меньше — о литературе XV—XIX вв. и почти ничего — о литературе нашего столетия. Наряду с написанным О. Климой обширным разделом о древней литературе (стр. 15—68) и принадлежащим перу акад. Я. Рипки основным разделом «История новоперсидской литературы до начала XX в.» (стр. 69—268) мы находим здесь большой раздел о персидской литературе XX в. (В. Кубичкова, стр. 269—320), а также впервые вводимые в такого рода работу специальные разделы о таджикской литературе XVI—XX вв. (акад. Я. Рипка, стр. 321—342) и об устном поэтическом творчестве иранских народов (И. Цейпек, стр. 343—401).

В то же время в построении работы выступает и вторая характерная черта. Это традиции европейской ориенталистики, точнее, европейского иранистического литературоведения. Некоторые из них органически сливаются с новыми методологическими принципами, что предопределяет безусловную удачу книги в целом. Другие же, устаревшие, приходят в противоречие с новым, а подчас и опровер-

гаются в ходе изложения самими фактами литературы. Эта противоречивость в известной степени сказывается уже в первом разделе работы. Его название — «История авестийской, староперсидской и среднеперсидской литературы» — соответствует кругу вопросов, обычно рассматривавшихся в разделах о древней литературе. Однако стремление наиболее полно осветить новый материал выводит автора, известного чешского ираниста Отакара Климу, далеко за традиционные рамки, и он говорит также о памятниках письменности на согдийском, хотанско-сакском, хорезмийском, парфянском языках. Та же широта охвата материала вступает в противоречие с принятой автором традиционной династийной периодизацией, когда он рассматривает «среднюю эпоху», т. е. период развития письменности на среднеиранских языках. Для традиционного европейского востоковедения понятие «литература периода правления Сасанидов» было фактически равнозначно понятию «литература на среднеперсидском языке (пехлеви)». Но одновременно с последней, распространенной преимущественно на территории Западного Ирана и Хорасана, существовала в Средней Азии и согдийских колониях, особенно в колониях Синьцзяна, своеобразная и довольно богатая литература на согдийском языке. Широкий ареал распространения имела литература, создававшаяся на различных иранских языках приверженцами манихейства. О. Клима говорит обо всем этом, но механически включает соответствующий материал в часть под названием «Сасаниды».

Заметим, однако, что при всем многообразии и богатстве привлекаемого автором материала некоторые интересные памятники эпохи, такие, как замечательные согдийские письма или манихейский трактат «Каван», почему-то выпали из его поля зрения. Традиционный для европейского востоковедения тщательный филологизм, одна из сильных сторон написанного О. Климой раздела, иногда сменяется известной торопливостью. Только этим, очевидно, можно объяснить отсутствие упоминания

о парфянской основе «Драхти асурик» и «Йаткари Зарепан». Наконец, излишней представляется в этом разделе глава «Эпоха перехода к новоперсидской литературе» (стр. 67—68), во многом перекликающаяся с параграфами «Новоперсидский язык (дари)» (стр. 71—73) и «Арабизация новоперсидского языка» (стр. 73—74) следующего раздела книги.

И все же раздел, написанный О. Климой, является фактически первой удачной попыткой подробно и последовательно изложить с историко-литературной точки зрения известные до настоящего времени материалы письменности древнего и среднего периодов развития иранских языков¹.

Акад. Я. Рипка открывает свой раздел «История новоперсидской литературы до начала XX в.», точнее, вводящие в него новые для такого рода работ обширные теоретические «Пролегомены», следующим весьма знаменательным постулатом:

«Литературу каждого народа создают: а) национальные, племенные и индивидуальные особенности, б) культурные условия — все это на экономическом, социальном и политическом основании. Никакой из указанных факторов не может быть выделен, но не у всех народов одни и те же компоненты одинаково сильны и одинаково постоянны. Перемены в основании влекут за собой изменения других, обусловленных им компонентов. Такова суть литературного процесса и его периодизации, благодаря которой мы сможем овладеть массой фактов, остающейся иначе бесформенной» (стр. 71).

Это глубоко верное, хотя, быть может, не совсем еще четко сформулированное положение лежит в основе всей работы акад. Я. Рипки. Оно развивается в ряде высказанных в «Пролегоменах» мыслей, которые, как представляется, помогут исследователям оценить ряд явлений персидской и таджикской средневековой литературы в их связи с историей развития общества

тех времен. Таковы мысли об отражении в литературе постоянной борьбы и взаимодействия «центробежных и центростремительных сил» исторического процесса (стр. 74—75), о роли суфизма в «формировании и деформировании» идейного развития поэзии (стр. 79) и тормозящем влиянии религии (стр. 84), о консервативном влиянии на литературу самого феодализма и о важной роли борьбы городского населения против господствующих кругов аристократии для развития литературы (стр. 83).

Излагая с этих позиций историю литературы, Я. Рипка создал страницы и целые главы, в которых восхищает блестящее владение материалом, умение подчинить его одной ведущей мысли. В этом отношении особенно удачны главы об иранской эпической традиции (стр. 130—131) и эпических произведениях, призывающих к «Шахнаме» (стр. 138—140), страницы, посвященные «Шахнаме» Фирдоуси и доказательству близости этого эпоса народу (стр. 137—138), характеристике «азербайджанской школы» XI—XII вв. (стр. 159—160), литературной жизни XV в. (стр. 214—215), некоторым особенностям «индийского стиля» (стр. 225). Живо написаны краткие исторические введения, которыми акад. Я. Рипка начинает каждую главу. Особенно хочется отметить сжатую, но поразительно яркую характеристику Тимūra (стр. 213) и взаимоотношений Сефевидов и Шейбанидов (стр. 221). Правда, в такого рода характеристиках можно иногда заметить известную неточность терминологии (например, Махмūd Газнави назван империалистом, стр. 144).

Замечательной чертой работы акад. Я. Рипки является стремление дать эстетический анализ литературным явлениям, почти совершенно отсутствовавший в традиционной европейской иранистике. Превосходен в этом плане анализ техники восхода в этом плане анализ техники стиха и многообразных, при всей их строгой кодифицированности, жанровых форм и тропов, детально разработанных теорией и практикой средневековой фарсиязычной поэзии («Пролегомены», гл. «Поэзия и ее формы», стр. 87—100). Интересен своеобразный и, на наш взгляд, очень верный жанрово-тематический («общий, чисто формальный», как называет его автор) обзор

¹ Вышедшая ятремя годами ранее статья И. Гершевича «Iranian Literature» («Literatures of the East», ed. by E. B. Seidel. London, 1953, p. 50—73), посвященная в основном той же теме, представляется нам чрезмерно схематичным и беглым обзором.

прозы (стр. 101). Нельзя не согласиться с выводом, что «общая линия развития» стиля прозы до XIX в. идет от простого к сложному (там же). Глубоко справедливы замечания о двуплановости многих произведений средневековой фарсиязычной лирики, о возможности толковать их и в интимно-лирическом, и в мистически-символическом, суфийском смысле. Можно было бы перечислить здесь еще целый ряд таких же положений, то кратко сформулированных в одной-двух фразах, то развернутых в целый параграф. Прочитываем лишь одно из них. Оно правильно, на наш взгляд, выражает важный эстетический принцип средневековой фарсиязычной поэзии, хотя и не совсем, как представляется, закономерно сопоставляет его с исторически позже возникшими воззрениями эстетики европейской: «Восток не понимает под оригинальностью то же, что Запад. Где Западу нужна некая абсолютность нового, Востоку достаточно иное выражение или углубление старой темы, утончение представления, выражения и т. п., [Восток], короче говоря, ставит ударение больше на «как», чем на «что». Не различие, а тонкость!» (стр. 84).

Однако, думается, автор слишком абсолютизирует различие между литературами, когда, развивая цитированное выше положение, приходит к такому выводу: «Это огромное различие между духом Запада и классического Востока: фетиш содержания против культуры слова и формы» (стр. 85). Так ли уж это верно? Не характеризует ли при всем различии поэтики лучшие произведения и Востока и Запада как раз гармония тех компонентов, которые противопоставляет акад. Я. Рипка? Не говоря уже о том, что абсолютны в литературе не различия, а единство (иначе было бы немисливо единство человеческой культуры, мировой литературы), простое сопоставление исторически сопоставимых произведений показывает скорее их огромное сходство, чем различие. Сравним по содержанию циклические поэмы XI в. и «Песнь о Роланде» или — по культуре формы и слова — газели Хā-физа и сонеты Петрарки, и мы увидим, сколь велико сходство в развитии литератур, пробивающееся через все различия и доминирующее над ними! Именно абсолютизация различий, как нам кажется,

заставляет акад. Я. Рипку утверждать «невозможность полного понимания новоперсидской (а также турецкой) поэзии Западом, а следовательно, недостаточную компетентность западной критики этой поэзии» (стр. 85). Не является ли одним из лучших доказательств несправедливости подобного утверждения многолетний труд самого акад. Я. Рипки, его работы, посвященные Бāкй, Сāбиту, Низāмй, наконец, работа, о которой мы сейчас говорим?

При всей положительности общей оценки данного раздела книги мы не можем, однако, не отметить известную спорность и противоречивость принятой автором периодизации. Я. Рипка справедливо отмечает, что предложенная в свое время С. Нафйсь периодизация литературы как последовательной смены ряда направлений от раннего реализма к импрессионизму и снова к реализму представляет «до известной степени насильственное перенесение европейской терминологии» (стр. 106). Он критикует известную периодизацию Абū-л-Кāсима Зарре за то, что она слишком непосредственно связывала литературный процесс с процессом развития и смены экономических формаций (стр. 109), и присоединяется к критическим замечаниям С. Нафйсь по поводу периодизации М. Бахāра (там же). Схема «литературного развития», которую предлагает сам Я. Рипка, построена на «политико-исторической преемственности» и делится на 4 основных периода: домонгольская эпоха (VII—XII вв.); время с начала монгольского нашествия до обращения персидских поэтов второй половины XVIII — начала XIX вв. к стилю X—XI вв.; периоды XIX и XX вв. (стр. 106—108).

Однако данная периодизация вступает в противоречие с самим материалом, с самим ходом литературного процесса. Это приводит к тому, что сам автор неоднократно вынужден опровергать собственную схему.

В специальной главе «Понятие новоперсидской литературы» Я. Рипка определяет эту литературу как «комплекс, возникший благодаря совместным усилиям многих народов от Средиземного моря до Индии» (стр. 103). Он показывает и исторические границы этого комплекса. «Таджикская литература исламской эпо-

хи, — говорит он в начале раздела «Обзор таджикской литературы», — как и литература современной Персии, является прямым продолжением той литературы, которая возникла после арабского нашествия в Средней Азии, Хорасане и Северном Афганистане как первое проявление письменности мусульманского Ирана. Пути начинают расходиться в XVI в.» (стр. 323). Этот же тезис об оформлении двух самостоятельных литератур из первоначального единства автор высказывает и в главе о персидской литературе XVI—XVII вв. (литературе сефевидской эпохи, по его определению), отмечая, что в это время она «начинала становиться чисто персидским делом» (стр. 222). Автор указывает также на возможность отчетливо выделить и третью часть комплекса. «Мы можем прямо говорить об индоперсидской литературе» (стр. 103), — пишет он, не уточняя, правда, с какого времени возможно такое выделение; очевидно, и в данном случае речь должна идти о XVI—XVII вв.

Но если комплекс, как пишет автор, существовал лишь до начала XVI в., а затем из него выделились таджикская, персидская и, очевидно, индийская литература на фарси (индоперсидская литература), то можем ли мы говорить о единой (новоперсидской) литературе со времени арабского нашествия до начала XX в. Перед нами два отчетливо различаемых периода — период «комплексной», единой для ряда народов литературы (до начала XVI в.) и период, когда из этого единства вырастает ряд самостоятельных литератур.

Не вступает ли в таком случае автор в противоречие с самим собой, определяя, с одной стороны, литературу до начала XVI в. как комплекс и вводя на основе «советских статей» раздел о таджикской литературе XVI—XX вв., а с другой стороны, пытаясь сочетать это с традиционными представлениями о единой новоперсидской литературе с древнейшего до самого последнего времени.

Не следует ли более определяющим для периодизации считать не монгольское нашествие, а рубеж XV—XVI вв., ибо именно в это время происходит решающее изменение в ходе литературного процесса — то «начинающееся отчуждение (друг от друга

и от Ирана. — М. З.) среднеазиатской и индийской областей» (стр. 107), о котором автор несколько бегло говорит в своей схеме периодизации, точнее — выделение отдельных самостоятельных литератур. Последнее, конечно, несравненно более важно, чем влияние, оказанное на ход развития литературы монгольским нашествием, знаменовавшим собой, на наш взгляд, лишь смену этапов в первом периоде истории литературы. Как представляется, более отчетливо это надо было показать и в самом делении работы на разделы, дав отдельным разделом литературу VII—XV вв. и выделив с XVI в. не только таджикскую, но и персидскую, а быть может, и индийскую литературу на фарси.

И, наконец, не следовало ли дать терминологически более точное название литературы-комплекса до XVI в., разумеется, одинаково приемлемое для всех народов — создателей и наследников этой литературы?

Есть в разделе [и ряд других спорных положений и формулировок, особенно в некоторых главах и параграфах «Пролегомен», касающихся национальных особенностей и их отражения в литературе. В разделе имеются также немногочисленные пробелы в использовании фактических данных, введенных в научный оборот в основном в конце 40-х — начале 50-х гг., например отсутствие упоминаний о «Гулшāх и Варқā» Аййūкй или утверждение, что источником «Салāmāн и Абсāl» Джāmй являются комментарии Насйр ад-дин Тўсй к «Китāб-ал-ишārāt ва-т-тавбйхāt» Ибн-Сйны, а не одноименная философская повесть последнего.

Однако при спорности ряда моментов и мелких частных недочетах рецензируемый раздел можно смело назвать одной из самых удачных обобщающих работ, когда либо появлявшихся в этой области.

Трудно переоценить значение и другого раздела книги, принадлежащего перу акад. Я. Рипки. Этот раздел — «Обзор таджикской литературы» (стр. 321—342) — дает краткую характеристику таджикской литературы с начала XVI в. до наших дней. Раздел во многом еще конспективен, однако уже самое наличие его в книге подчеркивает игнорировавшийся европейским востоковедением факт существо-

вания в это время наряду с персидской литературой литературы таджикской, выросшей из общей с первой литературной основы и являющейся столь же закономерным развитием этой основы. Отметим также, что это фактически первый очерк таджикской литературы XVI—XX вв. на европейском языке (включая и русский), если не считать весьма краткой, хотя и сыгравшей в свое время большую роль статьи А. А. Семенова².

Поскольку из заметки И. Бечки об этой книге в журнале «Шарқи сурх»³ явствует, что для ожидаемого немецкого издания данный раздел предполагается существенно расширить и переработать (очевидно, то же будет сделано и в готовящемся английском издании⁴), ограничимся здесь лишь перечислением его фактических недочетов и пробелов.

Вопреки утверждению автора (стр. 335), известный поэт Бина'и не носил титула 'малик ап-шу'ара'. Явной ошибкой является отнесение к «джадидам» Шахна и Савда (стр. 330), живших до появления этого течения. Антинародная суть джадизма весьма отчетливо показана в работах советских историков. Автору в его полемике с Б. Гафуровым по этому поводу явно не достаёт аргументации (стр. 331). Факт убийства Сахба по приказу эмира в 1918 г. не может свидетельствовать о революционности этого небольшого поэта и крупного сановника, никак не отмеченной ни в его делах, ни его стихах. При переработке раздела акад. Я. Рипка сможет, очевидно, гораздо подробнее сказать и о молодых поэтах, и о ряде писателей, в свое время несправедливо забытых, но сыгравших большую роль в развитии таджикской советской литературы, таких, как Хамдӣ, 'Азизӣ, Сарвар.

Тщательно написан В. Кубичковой раздел «Новоперсидская литература XX в.»

² А. А. Semenov. Kurzer Abriß der neueren mittelasiatisch-persischen (tadschikischen) Literatur (1500—1900). Litterae Orientales. Harassowitz. Leipzig, April 1931, Heft 46, p. 1—10.

³ Иржи Бечка. Асарӣ олимони Чехословакия дар бораи адабиёти форс ва тоҷик. «Шарқи сурх», 1957, № 1, саҳ. 114.

⁴ См. об этом в рец. К. Jahn'a. «Central Asiatic Journal», Vol. III, 1957, № 1, p. 79.

(стр. 269—320). Очень хороши страницы, посвященные Ирадж-мирзе, Парвйн И'тисамӣ. Много новых и полезных сведений дает глава, посвященная развитию литературы с 1941 г. до наших дней (стр. 307—320). В упрек автору можно было бы поставить некоторые неточности исторического характера, что уже частично отмечалось И. Бечкой⁵, а также известные «перебои ритма» в изложении литературного процесса, вызываемые излишним, на наш взгляд, увлечением историческими экскурсами. Нуждаются в уточнении и некоторые литературные характеристики. Так, если говорить о крайнем национализме, то искать его нужно было бы, очевидно, не у 'Ишқӣ (вслед за К. Чайкиным), а скорее у 'Ариффа Қазвӣи и Пӯри Давуда. Следовало бы резче подчеркнуть ограниченно-либеральный характер знаменитой «Спаҳатнама-йи Ибраҳимбек» Зайн ал-'Абидина Марға'и с его поведенью конституционной монархии и идеализацией Петра I и т. д.

Помещенный в самом конце книги новый большой раздел «Иранское народное творчество» (стр. 343—401), написанный Иржи Цейпеком, как бы заключает собою историю литературы. Быть может, это сделано для того, чтобы подчеркнуть известную автономность раздела, хотя автор часто и в основном верно проводит параллели между фольклором и письменной литературой. О воздействии фольклора на литературу он говорит в специальной главе — «Влияние народного творчества на современную персидскую и таджикскую литературу» (стр. 379—380). К сожалению, правильная концепция, положенная в основу этой главы, не всегда подтверждается необходимым фактическим материалом. Так, верное замечание, что в использовании фольклора «путь, как и во многом другом, указал Садриддин 'Айни» (стр. 379) и что его учителем в этом, как он сам указывает, был Максим Горький, остается лишь общим замечанием. Правда, автор говорит, что 'Айни «весьма удачно использовал в своих произведениях народные рассказы и сказки» (там же). Однако читателю нужны ссылки, пусть краткие, на произведения самого писателя, хотя бы на изданные

⁵ J. Bečka. Československý přínos světové íránistice. «Nový orient», 1956, Ročník XI, č. 10, str. 159—160.

в 1952 г. в Праге в переводе А. Жуковской «Воспоминания» («Бухара»). Говоря об использовании фольклора в письменной таджикской поэзии наших дней, вряд ли можно ограничиваться ссылкой на один лишь «Золотой кишлак» М. Миршакара.

Хотелось бы, чтобы в ряде глав этого раздела яснее раскрывалось совершенно правильно сформулированное положение о том, что «народное творчество идеологически не едино» (стр. 345). Особенно это касается глав о лубочной и народной религиозной литературе и народном театре.

Рассматривая в основном персидское и таджикское народное творчество, И. Цейпек вполне закономерно приводит факты из фольклора других иранских народов. Органически включены в соответствующие главы и параграфы некоторые факты белуджского, татского, курдского фольклора. Этого нельзя, однако, сказать о параграфе, посвященном осетинскому нартскому эпосу.

Вряд ли стоило включать в раздел в таком виде, как это сделано автором, параграф о «Калиле и Димне»⁶. Как известно, этот индийский по происхождению цикл является достоянием преимущественно письменной, а не устной литературы. Кстати, автор, на наш взгляд, не совсем прав, когда пишет, что «Рӯдакӣ был, как представляется, первым, кто попытался перевести

⁶ Ср. A. Zajaczkowski. Dzieje piśmienictwa Iranu. «Przegląd orientalistyczny», 1957, № 1, str. 90.

«Калилу и Димну» на новоперсидский» (стр. 366). Как можно понять из соответствующего места «Шахнаме» Фирдоуси, поэтическое переложение «Калилы и Димны» делалось Рӯдакӣ на основании уже осуществленного прозаического перевода этой книги на фарси.

Недоумение вызывает совершенно неверное утверждение, будто в либретто оперы «Восстание Васа», написанном А. Дехатӣ и М. Турсунзаде, был использован новейший эпизод из эпоса «Гӯру? лӣ» (стр. 399).

Заключают книгу хронологический «Обзор династий» (стр. 405—410) И. Грбека, довольно богатая и полная библиография («выборка из библиографии») ко всем разделам книги (стр. 411—460), иллюстрации, указатели.

Книга со вкусом оформлена и тщательно отредактирована, хотя в ней и имеются небольшие чисто редакционные промахи: например, на стр. 88 в сноске вместо Ю. Н. Марр — Н. Я. Марр, на стр. 359 вместо Аваз — Аваз (с не существующими на самом деле долготами) и т. п.

Таков весьма сжатый обзор данной книги, выход которой, без преувеличения, является одним из самых крупных событий в европейской иранистике последних лет. Частности, как мы видели, не отвергают огромной важности работы, дружеские споры не умаляют ценности сделанного, и хочется искренне поздравить наших чешских друзей с большим успехом.

М. И. Занд

SUMMARY

The book under review is practically the first capital work on the history of Persian and Tajik literature to be published in Europe for the last 30 years. The fundamental feature of this work is, in the opinion of the reviewer, the blending of the traditions of European orientalist studies with an attempt to approach literature from a new methodological point of view. Indicating a number of debatable statements and omissions, the reviewer, at the same time, appraises the publication of this book as a most important event in European Iranistic studies for the last years.

ВОЙНА НА ТИХОМ ОКЕАНЕ В ОСВЕЩЕНИИ ЯПОНСКИХ ИСТОРИКОВ

Японское общество по изучению истории выпустило в свет в 1953—1954 гг. пятитомную «Историю тихоокеанской войны»¹, подготовленную группой прогрессивных профессоров и преподавателей Токийского университета, Института по изучению Китая, Политико-юридического института, Института исследований исторических материалов при Токийском университете и других.

В работе развернуто большое историческое полотно важнейших событий, пережитых японским народом с 1931 по 1945 г. В центре внимания авторов — Япония в период войны на Тихом океане (1941—1945). Произведение проникнуто тревогой за судьбу родины и народа, оно имеет целью показать японскому народу причины пережитой им тяжелой катастрофы. Напоминая об уроках недавнего прошлого, авторы, обращаясь к японскому народу, указывают, что он может предотвратить повторение того гибельного пути милитаризации страны, на который толкают Японию реакционные силы.

Тихоокеанскую войну авторы считают следствием коренных противоречий японского империализма, результатом его агрессивной политики и идеологии. Подготовка Японии к войне рассматривается во внутриполитическом и международно-дипломатическом аспектах. В современной буржуазной литературе² широко распространен взгляд, что в агрессии Японии повинна лишь военщина, а магнаты финансового капитала выступали за мирный прогресс, против фашизации политического режима, против агрессивной внешней политики. В действительности же монополистические круги сыграли громадную роль в принятии решения об открытии военных дейст-

вий, на этих кругах также лежит ответственность за развязывание войны. Когда Япония стала на путь агрессии, дзайбацу, используя свое влияние, активно поддерживали и осуществляли военную авантюристическую политику. Используя государственную власть, они грабили колонии и оккупированные районы. В годы войны укрепились связи монополистов с помещиками и придворной бюрократией.

Авторы показывают, как к власти в Японии приходили все более и более реакционные элементы и как с каждым новым кабинетом усиливалось влияние военщины. В связи с этим следует сказать, что некоторые формулировки в работе могут создать неверное представление о неограниченном господстве военщины в стране, о ее полной самостоятельности и независимости. Так, например, в книге отмечается, что после военно-фашистского путча в Токио (февраль 1936 г.) состав правительства и выбор премьера стали всецело зависеть от штаба армии (т. II, стр. 37). В мае 1936 г. был принят закон, в силу которого военным министром мог быть только генерал, находящийся на действительной военной службе. «Контроль армии над кабинетом был облечен в юридическую форму, — пишут авторы, — военное министерство установило полный контроль над правительством» (т. II, стр. 42). Такие утверждения отводят монополиям второстепенную роль, невольно снимают с них прямую ответственность за реакционную внутреннюю и агрессивную внешнюю политику. Они противоречат концепции авторов книги.

В монографии рассматривается борьба трудящихся против политики правящих кругов. Подготовка к войне, рост дороговизны и ухудшение условий жизни вызвали стремление народных масс к созданию единого антифашистского фронта, усилили борьбу трудящихся против капиталистов и помещиков. Однако отсутствие единства действий между «Сякай тайсюто» (Социально-массовая партия), которая фактически встала на позиции поддержки политики буржуазии, и возникшей в эти годы «Нихон мусанто» (Японская пролетарская партия) мешало образованию народного фронта, хотя идея его, выдвинутая

коммунистической партией, горячо поддерживалась массами. В этих условиях реакция смогла перейти в наступление против передовых сил страны и нанести им удар.

Анализируя политико-дипломатическую подготовку войны, авторы рассматривают ход мало известных японо-германских переговоров о заключении военного союза. Переговоры продолжались почти год (1938—1939) и были прерваны в связи с тем, что Германия заключила с Советским Союзом договор о ненападении. Это было расценено правящими кругами Японии как измена Германии принципам и духу антикоминтерновского соглашения.

Основным спорным вопросом во время переговоров с Германией был вопрос о самом объекте договора. Японцы добивались, чтобы договор был направлен исключительно против Советского Союза. Германия и Италия стремились включить в число объектов договора Англию и Францию. В японском правительстве разгорелась острая борьба. Военный министр Итагаки, поддерживаемый послами Осима (в Берлине) и Сиратори (в Риме), требовал безоговорочно принять предложения Германии, но министр иностранных дел Арита, при содействии морского министра Иоанай, не желая портить отношений с Англией и Францией, решительно выступал против (т. II, стр. 194—197, 201).

Несомненный интерес представляют сообщаемые в книге сведения о секретных мирных переговорах министра иностранных дел Японии Угаки с гоминьдановцами (1938). Неофициальные переговоры с Японией вел Куи Сян-си. Мирные условия, выдвинутые японцами, основывались на ранее выставленных ими требованиях. «В процессе переговоров стало ясно, — пишут авторы, — что точка зрения Китая в основном совпадает с позицией Угаки» (т. II, стр. 130). Гоминьдановцы добивались посредничества США и Англии при ведении переговоров.

Авторы подчеркивают прямую связь мюнхенской политики Англии и Франции в Европе по отношению к Германии с политикой этих держав по отношению к Японии. Мирные переговоры Угаки с гоминьдановцами отвечали английской политике. «Дипломатия Угаки, — пишут авторы, — используя стремление западных держав

совместно организовать войну против Советского Союза, в конце 1938 г. попыталась разрешить инцидент с Китаем» (т. II, стр. 131). Идя на уступки Англии и США, японская дипломатия усилила давление на Советский Союз. Военный министр Итагаки рассматривал это как средство, которое могло бы помешать советскому государству выполнить свой пятилетний план (т. II, стр. 129). Курс Угаки поддерживал и министр финансов Икеда, представлявший интересы крупных монополий в правительстве. Он настойчиво добивался улучшения отношений Японии с Англией и США.

В Японии началась антисоветская кампания, а затем была начата провокация у озера Хасан. «Поражение у озера Хасан, — говорится в книге, — показало, что говорить против Советского Союза очень трудно. Это нанесло смертельный удар по всей системе дипломатии Угаки» (т. II, стр. 133). Политика явных уступок Англии и США вызвала недовольство среди военщины, которая стремилась избежать компромисса с Англией и расширить войну в Китае. Захват Кантона и Ханькоу, входивших в сферу влияния Англии, сделал невозможным ведение мирных переговоров с Чан Кай-ши и достижение компромисса с Англией. Это означало банкротство курса Угаки (т. II, стр. 134). В сентябре 1938 г. Угаки ушел в отставку.

«Поражение Японии на Халхин-голе в сентябре 1939 г., — пишут авторы, — нанесло решительный удар по стратегии Японии по отношению к Советскому Союзу и сыграло большую роль в замене политики, направленной на север, политикой движения на юг» (т. II, стр. 126). Колебания в выборе окончательного курса продолжались до середины 1940 г., что было отражением огромных социально-экономических противоречий японского империализма. Поражение Франции, Бельгии и Голландии окончательно укрепило уверенность японских правящих кругов в правильности курса на развитие экспансии в сторону Южных морей (т. III, стр. 54).

Авторы уделяют большое внимание анализу японо-американских противоречий, показу борьбы США и Японии за господство в Китае и Азии. Американский империализм стремился помешать урегулированию советско-японских отношений. Предложения Японии Советскому

¹ 太平洋戦争史。編集委員 宇佐美, 遠山, 江口, 野原, 松島 («История тихоокеанской войны»). Под ред. Усамп, Тояма, Эгути, Нохара, Мацусима, т. I—V. Токио, Тойё кайдзай симпоса, 1953—1954

² Г. Треварта. Япония. М., Изд-во иностр. лит-ры, 1949; Корвин Эдвардс. Японские концерны. М., Изд-во иностр. лит-ры, 1950; Т. А. Биссон. Военная экономика Японии. М., Изд-во иностр. лит-ры, 1949.

Союзу в июле 1940 г. заключить пакт о не-нападении и стремление правящих кругов Японии пойти на временное урегулирование отношений с Советским Союзом «вызвали раздражение американского правительства, и 25 сентября 1940 г. оно приняло решение усилить помощь Китаю, а 26 сентября заявило о запрещении экспорта железного лома и стали в Японию» (т. III, стр. 144). Но Соединенные Штаты не хотели предпринимать решительных мер борьбы против Японии и надеялись путем переговоров изменить курс японской политики. В Японии имелись расчеты, используя ресурсы юга, напасть на Советский Союз. Это была реальная база японо-американских переговоров (т. III, стр. 146).

В ходе японо-американских переговоров в 1941 г. представители США обещали оказать Японии помощь, если она выйдет из союза с Германией и Италией и развяжет войну против СССР (т. III, стр. 148—149). Англия, Франция и США склонялись предоставить Японии свободу действий в Китае с тем, чтобы она, учитывая их линию, скорей пошла на конфликт с Советским Союзом. Япония, по их расчетам, должна была также подавить национально-освободительное движение в Китае. Однако Англия, Франция и США не намеревались всерьез отказываться от своих позиций в Китае. Япония стремилась нормализовать свои отношения с США, но в то же время не думала отрешиться от мысли об установлении «нового порядка» в Китае. «В этом была трудность достижения дальневосточного Мюнхена» (т. II, стр. 231). Вместе с тем в Китае усиливался антияпонский фронт. Попытка расколоть его кончилась неудачей. В таких условиях наиболее острыми явились противоречия между США и Японией (т. II, стр. 230—231). Переговоры не могли их разрешить. Война стала фактом.

Важнейшие события периода войны на Тихом океане рассматриваются в рецензируемых томах в тесной связи с развитием общественной жизни Японии и изменениями в международной обстановке. Авторы показывают политическое и экономическое положение в стране, расстановку классовых сил, борьбу трудящихся масс против войны и фашизма, ход военных действий, соперничество различных кланов и партий, борьбу в правящих кругах по вопросам

войны и мира на заключительном этапе войны. Анализ событий на Дальнем Востоке дан на фоне развития всемирной истории. Это помогло авторам нарисовать истинную картину войны на Тихом океане и правильно определить ее место в истории второй мировой войны.

Начиная войну против США и Англии, Япония рассчитывала на быстрый успех, надеясь закончить ее в течение двух лет. Япония обладала более слабым военно-морским флотом, чем Соединенные Штаты (соотношение флотов — 10 : 7,5). Военно-воздушные силы противников были приблизительно равными. Японское командование понимало, что после начала войны усиление флота и воздушных сил в США пойдет более скорыми темпами, нежели в Японии, и поэтому готовило внезапное нападение, которое, как предполагалось, обеспечит преимущество японцев в войне на море. Сухопутные силы, высадившись в Малайе, должны были в короткий срок оккупировать южные районы, богатые сырьевыми ресурсами. Поразительно быстрое падение Сингапура и капитуляция американцев на Филиппинах превзошли все ожидания японского правительства. В связи с этим нападение Японии на Индонезию было совершено значительно раньше срока, намеченного графиком развития военных операций (т. II, стр. 187—193). «Столь удачное начало войны,— пишут авторы,— было неожиданным для ставки». В апреле 1942 г. Координационный комитет решил заменить оборонительный стратегический план наступательным. «Для завершения длительной войны,— говорилось в решении комитета,— мы прежде считали, что будем вынуждены стоять на позициях оборонительной стратегии. А сейчас у нас появилась возможность перейти к наступательной стратегии» (т. III, стр. 194).

5 апреля 1942 г. ставка решила захватить остров Мидуэй и Алеутские острова. Однако телеграмма с приказом о нападении на остров была перехвачена и расшифрована американцами. Заранее, за целый месяц, они провели подготовку к встрече объединенного японского флота и нанесли ему жестокое поражение (т. III, стр. 195).

В книге показана авантюристичность стратегии японской военщины, ее неумение правильно оценить сложившуюся обстановку. После поражения у Мидуэй

инициатива в боевых действиях перешла в руки американцев. В августе 1942 г. США начали контрнаступление, завязав бои за остров Гвадалканал. Однако японская ставка считала, что американское контрнаступление надо ожидать не ранее конца 1943 г. Несмотря на сокрушительные поражения фашистских войск на советско-германском фронте, японская ставка все еще надеялась на успешное германское наступление, а также на капитуляцию Англии (т. II, стр. 201—202). В то же время японское командование полагало, что успехи японского оружия на юге заставят капитулировать Китай. Эти расчеты не оправдались, а неудачи на фронте усилили давнишнюю борьбу между армией и флотом (т. III, стр. 203; т. IV, стр. 103—104, 171).

Война обнаружила слабость японской экономики. Военщина рассчитывала, что с захватом южных районов Япония будет обеспечена всем необходимым, и прежде всего сырьем. Но оказалось, что сырье из этих районов не может удовлетворить потребностей расширившегося производства (т. III, стр. 217). В 1942 г. продукция промышленности Японии составила 102% производства 1940 г. (т. IV, стр. 40). Затем началось падение уровня производства. Вскоре обнаружилась и нехватка продовольствия. Японцы большими партиями вывозили рис из Кореи и Тайваня, но это не могло решить продовольственную проблему. Вместо сырья, необходимого для военного производства, Япония вынуждена была ввозить рис. Это, по мнению авторов книги, явилось одной из причин поражения.

Далее подчеркивается, что большое значение для исхода войны имели героическая борьба китайского народа против японских оккупантов и победы Советской Армии над полчищами фашистской Германии и ее союзников в Европе. Терпя поражения на Тихом океане и в Бирме в 1942—1943 гг., японцы не могли перебросить своих сил из Китая. Превратить Китай в базу для ведения войны на юге японскому командованию не удалось. В оккупированных районах Китая усилилось освободительное движение. Ведущей силой сопротивления являлась Коммунистическая партия Китая. Гоминьдановцы все свои силы направили против коммунистов и воевать против

японцев по-настоящему не намеревались; среди гоминьдановцев господствовали капитулянтские настроения. Вот почему в конце 1942 г. 60% японской армии и 95% войск Ван Цзин-вэя были брошены против народно-освободительных армий (т. IV, стр. 53). В апреле 1943 г. японцы приняли наступление в Шанси и Хэбэй. Однако это наступление не имело успеха.

Сознание бесперспективности войны усиливало разложение японской армии. Этому способствовала и деятельность японских коммунистов, создавших в Яньане еще в 1942 г. центр борьбы против японского империализма — Антивоенный союз японцев. В 1944 г. Антивоенный союз японцев, руководимый Носака, был реорганизован в Союз освобождения японского народа. Союз провел большую антивоенную работу среди японских солдат в Китае (т. IV, стр. 56). В начале 1943 г. в уезде Гуантао провинции Шаньдун произошло восстание солдат японского гарнизона (т. IV, стр. 58). Начался также развал так называемой «сферы сопроцветания Великой Восточной Азии». Народы оккупированных стран поднялись на борьбу за свою свободу и независимость. «В результате южные районы для японской военной системы стали не только бесполезными, но сделались тяжелым бременем» (т. IV, стр. 71). Ухудшение военного положения Японии, распад «сферы сопроцветания», возрастающее недовольство народных масс — все это вызвало падение правительства Тодзиро (т. IV, стр. 108).

В рецензируемом труде хорошо показана борьба различных фракций среди правящих кругов из-за вопроса о диктатуре Тодзиро, их стремление свалить на Тодзиро ответственность за войну и поражение Японии. Чтобы предотвратить революционный кризис, старейшие государственные деятели (Окада, Абэ, Коноэ, Вакацуки и др.) решили устранить кабинет Тодзиро, прибегнув к помощи министра двора Кидо. 18 июня 1944 г. диктатура Тодзиро пала.

Большой интерес представляет изложение истории завершающего этапа войны. В декабре 1944 г. ставка верховного командования разработала «План ведения войны в середине 20-х годов Сёва». В этом плане был взят курс на то, чтобы война была продолжена на собственно японской территории. Правящие круги стремились

мобилизовать для дальнейшего ведения войны народ, но в то же время они все больше боялись своего народа. В конце концов было решено, что 2250 тыс. солдат и 700 самолетов будут ожидать американские войска для решительной борьбы на территории самой Японии.

«Воевать в Японии, — пишут авторы, — это означало принести в жертву весь народ» (т. IV, стр. 126), а японский народ переживал и без того все большие и большие страдания. С марта 1945 г. американская авиация начала бомбить японские города и населенные пункты, не щадя школ и больниц. Перепись, проведенная после войны, показала, что 70% потерь от американских бомбардировок приходится на жилища, школы, больницы и домашнее имущество (т. IV, стр. 130), тогда как промышленное оборудование, транспорт и железные дороги понесли весьма незначительные потери. Потребление основных продуктов питания, пишут авторы, по сравнению с весьма невысоким уровнем 1937 г. сократилось почти в два раза и в 1943 г. составляло: по сахару 58,6%, мясу — 51,9, овощам — 78,2. Спрос на одежду упал до 36,3%. Заработная плата была на 31% меньше, чем в 1936 г. Между тем рабочий день непрерывно удлинялся и резко усиливалась интенсификация труда (т. III, стр. 220; т. IV, стр. 92).

В условиях военно-фашистской диктатуры рабочие не имели возможности открыто выступить против правительства. Единственной формой массовой борьбы была неявка на работу. К призывам мобилизовать все силы на войну народ относился пассивно.

После войны некоторые реакционные политические деятели Японии выдавали себя за сторонников мира. Маскируя свои агрессивные устремления, они утверждали, что среди правящих кругов были в то время две группировки: сторонники мира и сторонники войны. Авторы разоблачают этот трюк. Они отмечают, что существовавшие разногласия касались лишь вопросов тактики (т. IV, стр. 143). «Клика мира», как и «клика войны», относились враждебно к стремлению народа покончить с войной. Так называемые сторонники мира надеялись использовать в своих интересах противоречия между Англией и США, с одной стороны, и Советским Сою-

зом — с другой, а также между гоминьданом и Коммунистической партией Китая. Осенью 1944 г. японцы попытались добиться при посредстве Ван Цзин-вэя мирного соглашения с Чан Кай-ши при условии эвакуации японских войск из Китая, но с оставлением за Японией Маньчжурии. Однако борьба в японском правительстве привела к срыву переговоров (т. IV, стр. 144). В надежде улучшить положение японцы сделали попытку привлечь Советский Союз в качестве посредника для мирных переговоров, причем предполагалось направить в Москву специального представителя — Коноэ. «Коноэ от всей души ненавидел Советский Союз, и намерение послать его в СССР являлось свидетельством неискренности японских господствующих классов. Коноэ и сам не собирался серьезно вести переговоры о мире в Москве» (т. IV, стр. 145). Япония получила ответ в форме Потсдамской декларации, к которой присоединился и Советский Союз.

В работе решительно опровергается версия, будто судьбу Японии решил взрыв атомной бомбы, ибо взрыв атомной бомбы в Хиросима не изменил намерений правящих кругов Японии вести войну на собственной территории. По-прежнему правительство делало ставку на Квантунскую армию. Но как только стало известно, что Советский Союз объявил войну Японии, Кидо, Судзуки, Того, Ионаи высказались за немедленное заключение мира.

Правители Японии опасались не только поражения в войне, но и угрозы революции после поражения. «После вступления в войну СССР, — говорится в книге, — эта опасность превратилась в действительность. Правящие круги считали, что было бы лучше еще до прибытия советских войск капитулировать перед США и Англией, помочь США оккупировать Японию, не допустить революции и таким образом сохранить императорский режим. Это был для них единственный выход» (т. IV, стр. 161). Уже утром 9 августа 1945 г. министр иностранных дел Того посетил Судзуки и Ионаи и заявил, что надо принять Потсдамскую декларацию. С письмом об этом же к императору обратился Кидо. Был собран Верховный совет по руководству войной. На заседании обсуждался вопрос о капитуляции. Обсуждение шло лишь в плане, следует или не следует предла-

гать оговорки к Потсдамской декларации и какие именно (т. IV, стр. 162). Умеду, Тайода, Ионаи требовали выдвинуть четыре поправки к условиям Потсдамской декларации. Против них выступали сторонники принятия декларации лишь с одной оговоркой — о сохранении прежней государственной структуры и императорского режима. Во время заседаний Верховного совета и кабинета соглашение достигнуто не было. Тогда вопрос был передан на решение императора. Последний заявил о принятии Потсдамской декларации с оговоркой о сохранении императорского режима (т. IV, стр. 163).

Однако ответ американского правительства от 12 августа гарантий сохранения императорского режима не содержал. Это вызвало новые острые споры и разногласия. Ставка верховного командования настаивала на отклонении Потсдамской декларации. После американского ответа военщина решила совершить переворот, чтобы устранить сторонников заключения мира и продолжать войну на собственной японской территории (т. IV, стр. 166—167). Наконец, 14 августа было созвано объединенное заседание кабинета и Верховного совета по руководству войной. Несмотря на возражения военного министра, требовавшего продолжения войны, совещание одобрило предложение премьера о принятии условий Потсдамской декларации. Военный министр подчинился приказу императора. Наиболее оголтелые фашистские элементы не хотели подчиняться решению правительства о капитуляции. Восставшие части столичного гарнизона захватили дворец и сделали попытку уничтожить пластинку с записью речи императора о капитуляции Японии. Однако путч был подавлен. Для большинства военных была ясна невозможность продолжать войну (т. IV, стр. 167). Квантунская армия, однако, отказалась капитулировать. Она сопротивлялась советским войскам в Маньчжурии и Северном Китае. В боях погибло много японских солдат и офицеров. Но правительство сообщило впоследствии, что они якобы пропали без вести (т. IV, стр. 169).

Характеризуя политические и экономические последствия войны для японского народа, авторы разоблачают стремление США использовать затруднительное положение Японии и неравноправный «мирный

договор» 1951 г., для того чтобы превратить Японию в орудие своей агрессивной политики в Азии. В книге указывается, что народ не хочет примириться с такой судьбой: «На борьбу против планов США в отношении Японии встает весь японский народ» (т. V, стр. 244).

Рецензируемая работа написана на основе привлечения большого числа источников. Однако не всегда авторы подходят к ним достаточно критически. Например, неверно, лишь на основании мемуаров Того, излагается позиция в вопросе об отношении к Китаю, занятая Советским Союзом во время советско-японских переговоров в 1940 г. о заключении пакта о неападении (т. II, стр. 241). Без должной критики воспроизводится ряд положений из работ американского историка Фейса, имеющих отношение к оценке позиций США, СССР и Японии (т. II, стр. 231—232). Вызывает сомнение характеристика английской политики по отношению к Японии, проводимая Англией летом 1939 г. Авторы утверждают, что Англия занимала твердую позицию в период конфликта в Тяньцзинь (т. II, стр. 202). Но даже официальная британская публикация — «Документы британской внешней политики»³ — свидетельствует, что англичане проводили линию на сговор с японцами. Соглашение Арита — Крейги, подписанное в июле 1939 г., и было японо-английским сговором против Китая и Советского Союза.

В отдельных случаях авторы исследования отходят от строгого анализа фактов. Это приводит к неточным и необоснованным выводам. Так, например, в книге говорится: «Поражение в войне для императорского режима и для японского капитализма явилось смертельным ударом» (т. IV, стр. 178). Это — явное преувеличение. Японские монополии удержали свое влияние на экономику, восстановили с помощью монополий США свои позиции в стране и теперь проникают на внешние рынки, подрывая позиции своих конкурентов.

Отдельные недостатки работы, как перечисленные в настоящей статье, так и не приведенные из-за недостатка места, не

³ «Documents on the British foreign policy, 1919—1939», third series, vol. IX. London, 1955.

меняют общей положительной оценки рецензируемой работы, не снижают ее познавательной ценности и научно-политической значимости.

В заключение следует отметить глубокую веру авторов в творческие силы и энергию японского народа, в его лучшее будущее.

Л. Н. Кудашев

SUMMARY

The reviewer points out that the most important events of the war in the Pacific are analysed in the «History of the War in the Pacific» (a capital work consisting of five volumes) in close connection with the development of social life in Japan and the changes in the international situation.

The voluminous history brings out the political and economic consequences of the war for the Japanese people, and the efforts of the United States of America to use the unequal «peace treaty» of 1951 for converting Japan into an instrument of its aggressive policy in Asia.

The reviewer questions some of the assertions of the authors of the History, especially those relating to the last stage of the war in the Pacific.

伊豆公夫。日本歴史

(ИДЗУ КИМИО. История Японии). Токио, «Сюндайся», 1953, 230 стр.

Среди довольно большой научной литературы по истории Японии, появившейся за последние годы, в нашей советской печати не была в свое время отмечена весьма ценная марксистская работа Идзу Кимио — «История Японии». Первые семь глав книги были опубликованы на страницах прогрессивного журнала «Атарасий сэкай» в течение 1951—1952 гг.¹

В предисловии (стр. 1—6) автор указывает на растущий интерес многих японцев к истории Японии и подчеркивает важность изучения истории народных масс для всех тех, «кто желает правильно жить и действовать».

Первую главу (стр. 7—30) автор назвал «От системы первобытного коммунизма к рабовладельческому строю». Однако Идзу затрудняется определить хронологические рамки первобытно-общинного строя. Характеризуя жизнь первобытных обитате-

лей Японии, он указывает, что они находились в стадии неолита (синсэки дзидай; стр. 13). В обществе первобытного коммунизма, пишет Идзу, все члены рода были равноправными. Но в конце первобытно-общинного строя появилось неравенство — появляются рабы, которые сначала были общей собственностью, а затем перешли в личную собственность (стр. 17—18).

Идзу утверждает, что Япония прошла эпоху рабовладельческого строя. Эта концепция автора, разделяемая и другими японскими историками (Хани Горо, Си-раянаги Сюко), является спорной. В рецензируемом труде, к сожалению, не дано четкого определения периода рабовладельческого строя в Японии. Автор утверждает, что период от реформ Тайка до «периода Нара»² якобы был периодом древнерабо-

² Реформы Тайка проводились в Японии в 645—646 гг. «Период Нара», по традиционной периодизации буржуазных историков, охватывает 710—794 гг., когда столицей Японии была Нара.

¹ 伊豆公夫。日本民族の歴史 (Идзу Кимио. История японского народа) 新らしい世界 («Атарасий сэкай»), I—IV, VII, 1951; IX, 1952.

владельческого общества, более того, — периодом его полного расцвета (февраль 1951 г., стр. 77)³. Такое утверждение автора смещает хронологические рамки периода рабовладельческого строя, поскольку вряд ли можно согласиться с тем, что период расцвета рабовладельческого общества длился всего полтора века. Для обоснования своей концепции Идзу анализирует многочисленные категории рабов, их экономическое и правовое положение. Автор приводит данные о соотношении числа рабов с общей численностью населения страны: в VIII столетии из четырех миллионов человек 10% были рабами. Большая часть рабов принадлежала аристократии (кугэ) и храмам; находясь в услужении при доме рабовладельца, рабы частично использовались в сельском хозяйстве и ремесле и политически были бесправны.

Идзу перечисляет налоги того периода (земельный налог и др.) и указывает, что большая часть кōмин, т. е. государственных крестьян, из-за недоимок продавала себя в рабство (февраль 1951 г., стр. 78). «Период Нара» автор характеризует как период господства рабовладельцев и говорит, что культура «периода Нара» отражала главным образом идеологию господствующего класса-рабовладельцев, причем само зарождение этой культуры стало возможным благодаря наличию труда рабов.

Автор делает попытку доказать, что освобождение многих рабов в конце «периода Нара» и их почти полное освобождение в последующий «период Хэйан»⁴ явилось результатом борьбы рабов против рабовладельцев (февраль 1951 г., стр. 80). Наряду с этим Идзу указывает и на другие причины освобождения рабов — развитие производительных сил и, в частности, появление частновладельческих поместий (сээн). Но

³ Здесь и дальше в скобках указаны месяц, год и страницы журнала «Атарасий сэкай», опубликовавшего рецензируемую работу Идзу Кимио. Предисловие, главы 1, 8 и 9 цитируются по отдельному изданию «Истории Японии».

⁴ «Период Хэйан», по традиционной периодизации буржуазных историков, охватывает 794—1192 гг., когда столицей Японии был Хэйан.

из утверждения Идзу об освобождении рабов в конце «периода Нара» логически вытекает, что именно в то время наступил конец рабовладельческого строя. Тем не менее в разделе о политике и культуре периода Хэйан и при характеристике системы сээн Идзу дает понять, что рабовладельческий строй в Японии существовал и после «периода Нара».

В третьей главе, посвященной образованию феодальной системы, Идзу утверждает, что рабовладельческая система в Японии существовала больше тысячи лет, что переход к феодализму совершился в XII в. — со времени «Камакурского переворота»⁵ (март 1951 г., стр. 78), когда произошел переход власти от аристократии Киото (Хэйана) в руки военно-феодального сословия (буси). Возникает вопрос, когда же закончилась эпоха рабовладельчества в Японии — в конце VIII в. или в конце XII в. Идзу далее пишет, что рабовладельческая система частично была сохранена и полностью исчезла лишь в XIV—XVI вв. (так называемые периоды «Намбокутё» и «Сэнкоку»)⁶. Идзу утверждает, что движущей силой, определившей переход рабовладельческого государства к феодальному, была борьба народных масс против рабовладельческой системы (март 1951 г., стр. 79).

Создание Камакурского правительства, т. е. первого сёгуната феодальных домов Минамото — Хōдзё, утверждает Идзу, означало «феодальную революцию» (хокэн какумэй). Ею завершился насильственный переход от рабовладельческой системы

⁵ Под «Камакурским переворотом» обычно подразумевают приход к власти феодального дома Минамото, сделавшего своей столицей город Камакуру.

⁶ Названия периодов, принятые в японской буржуазной историографии. Период «Намбокутё» (буквально: «южная и северная династии») охватывает время от 1336 до 1392 г., когда Япония была разделена на две части: южную династию со столицей в Ёсино и северную династию со столицей в Киото. Период «сэнкоку» (буквально: «сражающиеся области») охватывает первые три четверти XVI в. до прихода к власти Ода Нобунага (1507—1573 гг.).

к феодальной (март 1951 г., стр. 81). Предпосылкой этого процесса, отмечает автор, было развитие производительных сил и борьба рабов против рабовладельцев. «Японский народ, — пишет Идзу, — своими силами уничтожил рабовладельческую систему» (март 1951 г., стр. 82).

Если принять точку зрения Идзу, то возникает вопрос: какие же силы совершили «феодальную революцию», в результате чего стал возможным переход от рабовладельческого строя к феодальному? Поскольку автор утверждает, что освобождение рабов произошло уже в конце VIII в., следовательно, рабы не могли быть той силой, которая совершила «феодальную революцию». К тому же в «Истории» сообщается, что рабов и в VIII в. насчитывалось всего лишь 10%. Тем самым Идзу должен признать, что подавляющую часть населения страны составляли крестьяне. Это подтверждается и данными автора о земельном налоге как ведущей форме феодальной ренты. Утверждение же Идзу, что большая часть государственных крестьян из-за неуплаты долга была вынуждена продавать себя в рабство, неубедительно, поскольку 3/4 населения не могли быть превращены в рабов.

При анализе движущих сил «феодальной революции» Идзу утверждает, что руководящей силой этой революции будто являлись самураи (буси). Но он тут же оговаривается, заявляя, что «их победа была результатом длительной борьбы народных масс против рабовладельческой системы» (март 1951 г., стр. 83). Выдвигая термин «феодальная революция», Идзу делает попытки наметить и ее этапы: «Камакурский переворот» он считает первым этапом революции, смуты годов Сёккю (1219—1221 гг.) — вторым, а временную реставрацию власти императора Годайго (кэмму тьюкю) в 1333—1335 гг. — третьим (март 1951 г., стр. 83, 84).

Характеризуя феодальный период, Идзу далее пишет, что остатки рабовладельческой системы в Японии сохранились и после «Камакурского периода». Он мотивирует это наличием рабов в частновладельческих поместьях и на землях самураев. В связи с этим правление династии Минamoto — Ходзё он считает «переходным периодом» — началом развития «феодальной революции», когда на смену рабства

дельческой системе пришла новая — феодальная (март 1951 г., стр. 86).

Автору целесообразнее было бы исходить не из схемы, а опираться на анализ конкретного исторического процесса в Японии и учитывать его специфику. Именно анализ развития и разложения первобытно-общинного строя, в частности роли рабства, показывает, на наш взгляд, что характерной чертой рабства в Японии, в том числе в период его наибольшего развития — в VIII в. («период Нара»), было то, что труд рабов не играл решающей роли в хозяйстве, не являлся основой производства. Источниками пополнения рабов в основном были войны — походы в Корею, покорение племен на севере (эбису) и юге (кумасо и хаято). В Японии преобладало домашнее рабство, а в производственных целях труд рабов применялся в ограниченных размерах. Основу производства составлял труд крестьян, более выгодный для эксплуататоров, чем труд рабов. Подавляющее большинство населения страны (минимум 75%) составляло крестьянство. Оно и было основным эксплуатируемым классом общества периода раннего средневековья (VII—XI вв.). Строительство дворцов и храмов, как и многочисленные другие строительные работы в VII—IX вв., осуществлялись крестьянами, привлекавшимися на работу в порядке отработочной повинности в пользу государства.

Исходя из этого, можно, по нашему мнению, прийти к выводу, что рабство в Японии не переросло в рабовладельческую формацию; Япония миновала рабовладельческую стадию развития и перешла от первобытно-общинных отношений непосредственно к феодальному обществу. Этот процесс, видимо, завершился к середине X столетия, когда ведущей формой землевладения стало частновладельческое феодальное поместье, когда происходил процесс стирания экономических граней между рабом и крестьянином. Весьма большое значение для перехода Японии от первобытно-общинного строя к феодальному имело и соседство Китая, который в период разложения первобытно-общинных отношений в Японии находился уже в стадии феодального строя и оказывал постоянное воздействие на экономическое и культурное развитие Японии.

В четвертой главе, посвященной развитию феодального строя в Японии, автор пытается определить позиции различных социальных групп по отношению к рабовладельческому строю: придворной аристократии и самурайства. Аристократию Идзу считает реакционной силой, стремившейся восстановить рабовладельческий строй, а самурайство — прогрессивной и даже движущей силой «феодальной революции» (апрель 1951 г., стр. 74—75). В разделе «Правительство Муромати»⁷ Идзу анализирует роль внутренней и внешней торговли и ремесла и подчеркивает военную и экономическую мощь феодального дома Асикага.

Важное место в работе Идзу отведено исследованию крестьянских восстаний, различным формам их проявления (доикки, токусэй икки и др.). В книге приводятся также фактический материал, свидетельствующий об усилении борьбы населения городов в XVI в. против феодальной системы и ростовщичества.

Подробное освещение в труде Идзу нашла политика Токугава Иэясу и его преемников. Сёгуны из дома Токугава, указываются в книге, подчинили 1/4 часть страны, важнейшие города, порты и рудники; они стали даже контролировать чеканку денег (апрель 1951 г., стр. 80). Характеризуя деятельность Тоётоми Хидэёси, автор называет походы Японии в Корею в конце XVI столетия «агрессивными».

К большим достоинствам рецензируемой работы относится внимание, какое автор уделяет роли народных масс в истории Японии. Для периода господства дома Токугава Идзу выделяет крестьянское восстание в Симабара (1637 г.), характеризуя это восстание как «продолжение крестьянской войны периода Сэнкоку» (апрель 1951 г., стр. 82). В «период Гэнроку»⁸, пишет автор, народные массы вновь поднялись на борьбу. Повсеместно вспыхивали крестьянские

⁷ «Период Муромати», по периодизации буржуазных историков, охватывает 1338—1603 гг., когда феодальное правительство находилось в Муромати, одном из кварталов Киото.

⁸ «Период Гэнроку», по традиционной периодизации буржуазных историков, охватывает 1688—1703 гг.

восстания. Идзу указывает, что общее число крестьянских восстаний в период диктатуры дома Токугава достигло 1500 (апрель 1951 г., стр. 82), и подчеркивает, что крестьяне поднимались на борьбу не только за снижение налогов, но и в целях уничтожения корней самой феодальной системы. В свою очередь городская беднота вела борьбу в форме «утиковаси» — городских голодных бунтов. Против феодального режима стали выступать и другие социальные силы: низшие самураи и торговцы. С большим сочувствием отзывается Идзу о крестьянских восстаниях «периода Эдо»⁹, в особенности на его последней стадии (бакумацу)¹⁰.

Пятая глава посвящена падению феодального режима в результате так называемой «реставрации Мэйдзи», как обычно называют многие буржуазные историки незавершенную буржуазную революцию 1867—1868 гг. в Японии. Автор прослеживает формирование антисёгунской и антифеодальной идеологии, идеологии легитимистов. Легитимисты стремились поставить во главе государства вместо сёгуна императора. Стали раздаваться, пишет Идзу, громовые раскаты революции, возмущавшие приближение нового периода (апрель 1951 г., стр. 81). Основой всего этого процесса автор считает развитие производительных сил, которое требовало образования единого внутреннего рынка, чему, однако, препятствовало наличие около 300 полунезависимых феодальных княжеств (хан).

В рецензируемом труде дана характеристика внешней политики сёгуната и, в частности, подчеркивается, что с прибытием американской эскадры Перри политика сёгуната — политика относительной изоляции Японии — обнаружила слабость феодального правительства («ба-

⁹ «Период Эдо», по периодизации буржуазных историков, охватывает 1703—1867 гг., когда у власти находился феодальный дом Токугава, сделавший столицей государства Эдо (будущий Токио).

¹⁰ «Период бакумацу» (буквально: «копец бакуфу», т. е. феодального правительства дома Токугава) охватывает время с момента прекращения относительной изоляции Японии до революции, т. е. 1854—1867 гг.

куфу»¹¹ и потерпела крах. Одновременно усиливались позиции противников сёгуна внутри страны. Они развернули движение за реставрацию власти императора и поставили своей целью изгнание из Японии иностранцев (соннō дзёи). Идеология централизованного государства, констатирует Идзу, отражала интересы буржуазии, стремившейся создать единый внутренний рынок. Одновременно в книге подчеркивается большая роль низшего самурайства в движении против сёгуна. В напряженной политической борьбе различных лагерей накануне буржуазного переворота, утверждает автор, иностранные державы не оставались безучастными: Франция поддерживала «бакуфу», Англия — его противников (июль 1951 г., стр. 85).

Характеризуя буржуазный переворот 1867—1868 гг. в Японии, Идзу подчеркивает его половинчатый, незавершенный характер (июль 1951 г., стр. 76). В результате, делает вывод Идзу, «образовалась абсолютистская власть... Она явилась новым органом угнетения народа» (июль 1951 г., стр. 86).

Далее в рецензируемом труде освещается развитие японского капитализма после революции 1867—1868 гг. На основе анализа основных реформного правительства 1868—1873 гг., в особенности земельной реформы, Идзу подчеркивает их буржуазный характер. Одновременно он приводит данные о развитии в Японии промышленности. Автор необоснованно называет эти реформы «второй революцией» в Японии (июль 1951 г., стр. 79), подчеркивая, что капитализм в стране развивался после революции 1867—1868 гг. при активной поддержке со стороны правительства, которое якобы и совершило «промышленную революцию».

Половинчатость буржуазного переворота и ограниченность реформ 1868—1873 гг. вызвали большое разочарование в народных массах. Протест исходил от различных слоев японского общества. Развернулись крестьянские восстания. Возникло буржуазно-демократическое «движение за свободу и народные права» (дзюи минкэн

¹¹ «Бакуфу» (буквально: «полевая ставка») — сёгунское правительство феодального дома Токугава (термин впервые появился при Минамото, в конце XII столетия).

ундō). Для этого движения, пишет автор, характерен протест против монархического режима и осуществление руководящей роли в движении буржуазией. Большого внимания заслуживают те места рецензируемой работы, в которых приводятся фактический материал об антиправительственных выступлениях крестьян в 80-х годах XIX в., в частности арендаторов, опиравшихся на свои организации («сяк-кинтō», «фусайтō» и др.)¹².

Особое внимание уделяет автор движению за пересмотр неравноправных договоров, навязанных Японии в 1854—1858 гг. Идзу при этом не ограничивался лишь данными о посылке правительством в 70—90-х годах XIX в. миссий (Ивакура, Итō) за границу, а подчеркивает роль народного движения против политики иностранных держав по отношению к Японии.

Значительное место в труде Идзу отведено анализу первой японской конституции 1889 г. и открытию парламента. Конституция страны, пишет автор, была антидемократической, скопированной с конституции Пруссии — самой реакционной (в тот период) конституции в мире.

Рассматривая развитие Японии в 70—90-х годах XIX в., Идзу показывает, что уже с 70-х годов в помещичье-буржуазных кругах Японии стали выдвигаться идеи колониальной экспансии. «Корея, — отмечает автор, — являлась первой целью азиатской агрессии японского милитаризма» (июль 1951 г., стр. 84). Идзу раскрывает провокационный метод японских милитаристов — их вмешательство во внутренние дела Кореи в 80-х годах XIX в. Он подчеркивает, что японское правительство стремилось к внешней экспансии в целях расширения внутреннего рынка страны, сложившегося в результате незавершенности буржуазной революции 1867—1868 гг. Лозунг правительства «богатая страна и сильная армия» (фукоку кёхэй), пишет Идзу, был использован для усиления развития военной промышленности (июль 1951 г., стр. 85). Кульминационным пунктом внешней экспансии Японии в первые десятилетия развития капитализма была китайско-японская война 1894—1895 гг. Милитаристская Япония, продолжает ав-

¹² «Сяккинтō» и «фусайтō» — в буквальном переводе «партии должников».

тор, стремилась захватить Корею под предлогом предоставления ей полной независимости; войну Японии против Китая он определяет как агрессивную войну (июль 1951 г., стр. 86). Эта война, пишет автор, была выгодна капиталистам, а контрибуция, полученная Японией с Китая, дала возможность усилить развитие крупной промышленности в Японии, укрепить денежную систему, занять более выгодные позиции в торговле с Китаем и создать благоприятные условия для дальнейшей колониальной экспансии. Положение рабочих после войны ухудшилось, усилилась их борьба, возникли новые профессиональные объединения рабочих.

Специальный раздел работы Идзу посвящен анализу событий в империалистической Японии (до оккупации Маньчжурии). Освещение периода между китайско-японской и русско-японской войнами автор начинает с характеристики положения рабочего класса страны. Рост классовой сознательности японского пролетариата автор связывает с развитием крупной промышленности. Численность пролетариата в Японии хотя и росла, однако оставалась еще незначительной: 110 тыс. фабричных рабочих в 1886 г., 440 тыс. — в 1896 г. Более 60% рабочих текстильной промышленности были женщины — дочери бедняков и арендаторов, т. е. тех, которые продавали детей фабрикантам, чтобы уплатить налог. Идзу пишет, что прожиточный минимум рабочих даже в тяжелой промышленности был ниже уровня прожиточного минимума колониальных рабочих Индии и Китая (сентябрь 1952 г., стр. 52).

Русско-японская война 1904—1905 гг. явилась важной вехой на пути усиления агрессии японского империализма. «В действительности, — утверждает Идзу, — русско-японская война являлась войной двух союзов: русско-французского и англо-японского» (сентябрь 1952 г., стр. 53). Война, констатирует автор, привела Японию к тяжелому финансовому положению, страна оказалась накануне экономической катастрофы. Япония была «спасена» Союзными Штатами Америки. США, единенными Штатами Америки, пишет Идзу, помогли Японии заключить с царской Россией выгодный Портсмутский мирный договор.

Идзу Кимиро говорит далее, что русско-японская война оказала большое влияние

на дальнейшее развитие японского капитализма, в особенности на развитие военной промышленности. Весьма важным является указание автора на возникновение сил, противодействовавших агрессивным колониальным стремлениям японского империализма — началось движение на Тайване и в Корею (сентябрь 1952 г., стр. 55).

Проследившая развитие японского капитализма в годы первой мировой войны 1914—1918 гг., Идзу пишет, что в Японии быстро развивалась тяжелая промышленность, расширялся экспорт капитала и товаров в страны Азии. Все это обеспечивало Японии активный торговый баланс. Японские капиталисты, продолжает Идзу, в годы войны извлекали огромные прибыли. Вместе с тем углублялись и внутренние противоречия японского империализма. Забастовочное движение рабочих усилилось, профсоюзы становились более прочными объединениями.

Усиление Японии в годы войны 1914—1918 гг. и расширение ее агрессии обострили империалистические противоречия между Японией и Англией, Японией и Соединенными Штатами Америки.

Большое внимание в рецензируемой работе уделено влиянию Великой Октябрьской социалистической революции на революционное движение в Японии. Наиболее ярким выражением этого влияния Идзу справедливо считает известные «рисовые бунты» (август — сентябрь 1918 г.). «Рисовыми бунтами, — пишет автор, — было охвачено 24 префектуры, 103 города и населенных пункта, а число участников этих массовых выступлений трудящихся Японии превысило 10 млн. человек» (сентябрь 1952 г., стр. 57). «Рисовые бунты», по мнению Идзу, были самым сильным народным движением во всей истории Японии.

В условиях развития крупной промышленности, продолжает автор, неуклонно ширилось демократическое движение. Усиливалось социалистическое движение. В июле 1922 г. была создана Коммунистическая партия Японии.

Идзу анализирует послевоенный экономический кризис в Японии (1920—1921 гг.), финансовый кризис 1927 г. и, наконец, процесс вовлечения Японии в мировой экономический кризис (1929—1933 гг.). Захват Маньчжурии японскими империали-

стами в сентябре 1931 г. автор оценивает как попытку с их стороны найти выход из экономического кризиса на путях насильственного передела мира.

В восьмой главе, озаглавленной «Война и период фашизма», рассматриваются события от мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. до поражения Японии. Идзу подчеркивает, что вторжение японских империалистов в Маньчжурию являлось агрессией не только против Китая, но и против всех стран мира (стр. 186), и указывает вместе с тем, что развязывание войны Японией было вызвано усилением влияния фашизма в стране. «Война и фашизм, — указывает Идзу, — глубоко связаны между собой» (стр. 187). Убийство Инукаи и некоторых других политических деятелей 15 мая 1932 г., военно-фашистский путч 26 февраля 1936 г. автор правильно определяет как звенья в процессе фашизации страны (стр. 190). «Инцидент в Лююоу-цяо», послуживший поводом к началу китайско-японской войны, также рассматривается им как следствие фашизации Японии (стр. 191). Изоляция Японии на международной арене привела ее в 1936—1937 гг. к военно-политическому союзу с фашистскими Германией и Италией. Идзу анализирует планы войны Японии против Советского Союза и на примере спровоцированных японскими милитаристами событий на Хасане и Халхин-голе подчеркивает антисоветский характер японской агрессии (стр. 192).

В книге сжато излагаются события второй мировой войны, дается ее оценка и подчеркивается большая роль Советского Союза в борьбе за мир. Особое внимание автор уделяет периоду, наступившему после вероломного нападения Германии на Советский Союз и после возникновения войны на Тихом океане. Автор особо выделяет внутривосточную борьбу двух

основных группировок в Японии: сторонников агрессии на юг и сторонников агрессии на север (стр. 198). Идзу подчеркивает большое значение для хода второй мировой войны побед Советской Армии над немецко-фашистскими войсками под Москвой и Сталинградом и поражений японских вооруженных сил на тихоокеанском театре в 1944—1945 гг. Характеризуя заключительный этап войны, автор подчеркивает всю бессмысленность атомной бомбардировки Хиросима и Нагасаки, приведшей к гибели сотен тысяч мирных японских граждан (стр. 201).

В последней главе книги, озаглавленной «Мир и путь к национальному освобождению», Идзу рассматривает события после окончания войны 1945—1953 гг. Автор неточно считает датой наступления мира 15 августа 1945 г., когда император согласился, но не безоговорочно, принять Потсдамскую декларацию (стр. 206). День освобождения народа, пишет Идзу, настал, но... политика Макартура привела к колонизации Японии, к усилению опасности новой войны. В рецензируемой работе приводится фактический материал о международном движении за мир после второй мировой войны и показывается, в каких формах развертывалось движение сторонников мира в Японии. Автор подчеркивает большое значение новой программы КПЯ (1951 г.) для дальнейшего развития борьбы за мир и независимость Японии. В заключение говорится, что опыт исторического развития Японии диктует необходимость настойчивой и последовательной борьбы народных масс за мир и самостоятельное развитие родины.

В целом труд прогрессивного японского историка Идзу Кимиро представляет большой интерес.

Д. И. Гольдберг

SUMMARY

Reviewing Japan's history from the most ancient times to 1953, Izu Kimio suggests that the transition to feudalism in Japan was the result of a «feudal revolution» carried out by the people. Therefore, he supposes that slavery existed in Japan. However,

according to the reviewer slavery did not exist in Japan and Japanese society developed from primitive communism directly to feudalism. Appraising very highly Izu Kimio's book, the reviewer emphasizes the great importance of the data given on the peasant revolts in the Middle Ages, the revolutionary role of the masses in modern times, the position of the proletariat and on the labour movement. The reviewer wishes the author would continue his study of these important problems of Japanese history.

J. C. INGRAM. *Economic changes in Thailand since 1850*. Stanford university press. Stanford, 1955, 254 p.

Среди работ по экономике Таиланда, вышедших в последнее время за рубежом, известный интерес представляет книга сотрудника американского института тихоокеанских отношений Дж. Инграма «Сдвиги в экономике Таиланда».

Монография Инграма является единственной в своем роде экономической работой по Таиланду. Зарубежные авторы рассматривают обычно либо отдельные стороны экономической жизни Таиланда за небольшой отрезок времени¹, либо дают общий историко-экономический очерк². В рецензируемой работе исследуется весь комплекс экономических вопросов и эволюция экономики Таиланда на протяжении столетия. Свою задачу Инграм видит в том, чтобы описать те сдвиги в экономике Таиланда, которые произошли со времени появления неравноправных договоров, дать анализ этих изменений и сделать необходимые выводы.

Для написания своей книги Инграм использовал большой фактический материал. Значительную часть экономических сведений и статистических данных он собрал непосредственно в Таиланде во

время научной командировки. Необходимый материал был им получен из различных министерств и ведомств, торговых фирм и банков, а также из американского посольства. Автор использовал также отчеты американских миссий в Таиланде и работы тайландских авторов на сиамском языке, в частности Нупрапата Чао Пию Вонса, Рачатуна Пию Амунана, Висакула Акэ³ и других.

Книга имеет предисловие, одиннадцать глав, в ней помещены приложение и обширная библиография по экономике Таиланда.

Некоторые события из истории Таиланда кратко освещаются в вводной главе. В первой главе дается довольно подробный анализ экономики страны.

Основная масса населения Сиама (прежнее название Таиланда), пишет Инграм, в середине XIX в. занималась сельским хозяйством. Сиамцы культивировали рис, фрукты, сахарный тростник, перец и табак. Большинство крестьян вело натуральное хозяйство. Помимо сельскохозяйственных работ, население занималось рыбной ловлей, охотой и лесоводством. Примитивными способами добывались оловянная и железная руда. Кустарная промышленность и ремесло удовлетворяли потребности населения в одежде и промышленных товарах.

¹ C. C. Zimmerman. Siam. Rural economic survey 1930—1931. Bangkok, 1931; R. Le May. The coinage of Siam. Bangkok, 1932; M. Andrews. Siam 2-nd rural economic survey 1934—1935. Bangkok, 1935 и другие.

² W. A. Graham. Siam. London, 1924; K. P. Landon. Siam in transition. Shanghai, 1939, и др.

³ Ch. P. W. Nupraphat. History of the ministry of agriculture. Bangkok, 1941; P. A. Rachaton. The life of the farmer. Bangkok, 1948; A. Wisakul. Commercial navigation in Thailand. Bangkok, 1949.

Недостаточное развитие товарно-денежных отношений, пишет Инграм, отрицательно сказывалось на расширении внутренней торговли, которая нередко носила форму продуктообмена. Внешняя торговля, осуществлявшаяся в небольших масштабах, находилась в руках короля. Король являлся верховным феодалом. Доходы короля и его семьи складывались в основном из налогов на землю и сады, из барщины, продажи монополий на разработку горнорудных богатств, а также из поступлений от внешней торговли, таможенных сборов и транспортных перевозок. Большая доля расходов шла на содержание двора и сооружение храмов.

При посредстве феодальной знати король распространял свою власть на все общество. В руках знати находились крупные массивы земли, размеры которых значительно варьировали в зависимости от ранга феодала и достигали порой 4 тыс. акров при среднем размере крестьянских участков в 4 акра. Впоследствии из представителей этой титулованной знати вышла основная масса тайландских помещиков.

С конца XVIII в. до середины XIX в., отмечает Инграм, правящая верхушка Сиама уклонялась от установления каких-либо связей с европейскими странами. Однако в конце 50-х годов XIX в. король и придворная знать, напуганные агрессией капиталистических держав в Китае, были вынуждены капитулировать перед требованиями англичан. В 1855 г. Англия навязала Сиаму первый неравноправный договор, известный в истории как договор Боуринга, а к концу XIX в. Сиа́м был вынужден заключить аналогичные договоры с большинством стран мира. Все эти договоры, пишет Инграм, ущемляли суверенитет страны и ставили Сиа́м в полуколониальное положение по отношению к странам Запада. Лишь соперничество капиталистических стран между собой позволило Сиаму сохранить относительную политическую независимость.

В последующих главах автор рассматривает экономическое положение Сиа́ма со времени заключения неравноправных договоров до настоящего времени. Автор сделал попытку вскрыть внутренние причины, породившие новые пути в развитии экономики страны, однако основное вни-

мание Инграм сосредоточивает на действии внешних факторов. В результате пагубного влияния иностранного капитала, пишет Инграм, развитие экономики Сиа́ма получило односторонний, уродливый характер, что вызвало застой в промышленном развитии страны и привело к усилению зависимости ее от конъюнктуры мирового рынка.

Превращение Сиа́ма в поставщика риса началось уже с середины XIX в. Увеличение экспорта сопровождалось расширением посевных площадей под рисом, который стал вытеснять другие культуры. Если за период с 1850 по 1950 г. земельные площади под рисом увеличились в шесть с лишним раз, то удельный вес площадей, занятых под другими культурами, к 1948 г. резко сократился. Производство риса сосредоточено в руках помещиков и мелких производителей. В сфере же обращения господствующие позиции занимает иностранный, в первую очередь английский, капитал.

Постоянно усиливавшийся экспорт риса создавал нехватку этой культуры в самом Сиаме. Рост народонаселения, снижение урожайности и усиленная выкачка продовольствия из страны привели к тому, что потребление риса на душу населения (с 1920 по 1940 г.) уменьшилось в 1,7 раза.

Все эти постепенные изменения в экономике сопровождались изменениями и в социальном устройстве тайландского общества. В книге отмечается, что в 1899 г. был принят закон о замене барщины подушным налогом. Однако труд крепостных еще долгое время использовался помещиками. В 1905 г. официально было отменено рабство; тем не менее в единичных случаях оно сохранялось в отдаленных районах страны до 20-х годов XX в.

Упразднение барщины и отмена рабства расчистили дорогу развитию капиталистических отношений, не ликвидировав, однако, в стране феодальных отношений, сохраняющихся и до настоящего времени.

Весьма убедительные факты приводятся в книге о характере и степени эксплуатации крестьянства. Особенно жестоко эксплуатируют крестьян ростовщики. Несмотря на то, что, в силу законов, проценты по частным займам не должны быть больше 15, ростовщический процент, как правило, колеблется от 30 до 36. Процент за

ссуды достигает особенно больших размеров, когда его уплата предусматривается в натуре: в таких случаях кредитор получает от 60 до 120%.

Значительная часть урожая крестьян попадает также в руки владельцев рисовых мельниц. Раньше крестьяне продавали рис в неочищенном виде, а остатки, предназначенные для собственного потребления, обмолачивали вручную. Теперь весь урожай крестьянин вынужден доставлять на мельницу, а от мельника получает лишь определенную часть риса.

Крестьяне страдают и от торговцев, которые производят закупки риса, торгуют промышленными товарами и зачастую ведут ростовщические операции, сдают земли в аренду и т. д. Чаще всего в роли скупщиков риса выступают те владельцы мельниц, которые либо сбывают рис непосредственно местным и иностранным торговым фирмам, либо экспортируют его в Гонконг, Сингапур, Малайю и Китай. В книге не указывается, какая доля урожая крестьянина попадает в руки торговцев и владельцев рисовых мельниц, но автор вынужден констатировать, что большая часть «доходов от экспорта риса присваивается различными торговцами» (стр. 73).

Инграм отмечает и недостаточное развитие искусственного орошения рисовых полей. Систематические работы по ирригации начались лишь в конце XIX — начале XX вв. О ничтожных темпах ирригационных работ свидетельствует крайне малый процент орошаемой земли: в 1950 г. орошаемые участки составляли всего лишь 10% всей обрабатываемой площади, страдающей от засухи.

Особое место в книге отводится анализу воздействия иностранного капитала на добычу олова, каучука и тика. Экспорт этих товаров играет видную роль в экономике страны, составляя вместе с экспортом риса до 80—90% всей стоимости экспорта. Контроль над производством и экспортом этих товаров находится в руках иностранных компаний. Из 25 крупнейших оловянных рудников в Таиланде только три принадлежат тайландским компаниям, остальные — английским и австралийским монополиям. Добычу оловянной руды на мелких предприятиях организуют китайские предприниматели.

Лесные богатства страны разрабатываются крупными европейскими концернами. В 1938 г., отмечает Инграм, до 88% всех разработок тика находилось в руках европейских компаний, и лишь 7% контролировалось местными предпринимателями, а 5% — правительством Таиланда. Сравнительно меньшая доля принадлежит иностранному капиталу в каучуковых плантациях, основная масса которых находится в руках местных предпринимателей.

Самое пагубное влияние оказал иностранный капитал на кустарную промышленность и ремесла. Текстильная промышленность Таиланда давно уже вследствие иностранной конкуренции пришла в полный упадок. В капун второй мировой войны продукция местной текстильной промышленности была в девять раз меньше импорта хлопчатобумажных товаров, в то время как в середине XIX в. местные хлопчатобумажные товары не только удовлетворяли нужды населения, но и экспортировались. Несколько оправившаяся во время второй мировой войны национальная текстильная промышленность теперь вновь не выдерживает конкуренции с импортными товарами.

Импорт сахара в Сиа́м привел к деградации местного производства сахара. Лишь после 1927 г. в результате повышения таможенных тарифов сахарная промышленность Таиланда стала постепенно выходить из состояния застоя, но до сих пор не играет большой роли в экономике страны.

Три главы книги посвящены анализу финансовой политики тайландского правительства и структуры государственного бюджета.

Существующая в настоящее время финансовая система в Таиланде была создана в конце XIX в. В 1892 г. был установлен твердый бюджет, доходы короля отделены от общегосударственных, а система сборов от общегосударственных, а система сборов налогов реорганизована. Основными источниками доходов государства в те времена служили поземельный и подушный налоги, налоги на торговлю опиумом, на игорные дома, на монополии по разработке недр и лесов, поступления от транспортных и таможенных сборов.

В результате повышения земельного налога в 1905 г., замены барщины денежным налогом и изменения системы подушного

налога, собираемого с китайского населения, изменилась вся структура государственных доходов. Прямые налоги с 1910 по 1926 г. составляли до 20—25% бюджетных поступлений. Однако структура доходов в 20-х годах XX в. вновь претерпела серьезные изменения, когда правительство добилось пересмотра таможенных тарифов. Доходы от импортных пошлин в бюджете 1927/28 г. увеличились до 16 млн. бат против 7 млн. бат в 1926/27 бюджетном году. Одновременно были снижены пошлины на транспортные перевозки, тормозившие развитие промышленности и торговли.

Во время второй мировой войны финансовая система Таиланда из-за сокращения внешней торговли и утраты валютных резервов, хранившихся в Лондоне, была подорвана. Это привело к обесценению бата. Инфляция вызвала полную дезорганизацию экономической жизни. В результате роста цен уровень жизни трудящихся резко снизился. Индекс стоимости жизни в 1951 г. был в 13,7 раза выше, чем в 1938 г., и продолжает возрастать.

Основными источниками доходной части бюджета в послевоенный период являются прямые и косвенные доходы, причем косвенные доходы составляют 95% бюджетных налоговых поступлений. В послевоенные годы произошло оттеснение Англии с позиций основного кредитора Таиланда и усиление финансовой зависимости его от США, которые предоставляют Таиланду либо правительственные займы, либо займы через различные международные финансовые институты, контролируемые американским капиталом.

Анализ экономического положения страны автор доводит до 1954 г. Для экономики Таиланда последних лет, пишет Инграм в заключительной главе, характерно усиление экономической зависимости от Соединенных Штатов, резкое увеличение военных расходов, рост инфляции и пассивность внешнеторгового баланса. В бюджете 1953 г. расходы на военные мероприятия составляли около 36% всех бюджетных ассигнований. Вооружение Таиланда, как известно, является прямым следствием усиления политической и экономической зависимости правящих кругов страны от США и неразрывно связано с американской политикой агрессии на Дальнем Востоке.

Однако Инграм объясняет это мнимой угрозой Таиланду со стороны Китайской Народной Республики и Демократической Республики Вьетнам. Цель подобных рассуждений — ввести в заблуждение общественное мнение и затушевать истинные причины, толкающие таиландское правительство на путь милитаризации страны.

Тенденциозность автора сквозит также и в оценке характера экономической «помощи» США. Существо этой «помощи» заключается в стремлении американских монополий подчинить экономику Таиланда своему контролю. Оказание «помощи» происходит на условиях деятельности в Таиланде американских советников и экспертов. Эти советники и эксперты проникают во все поры экономической деятельности. Под контроль американских советников поставлены армия, флот, воздушные силы и полиция Таиланда. Автор же рассматривает эту «помощь» как важный фактор, содействующий развитию экономики и укреплению независимости страны.

Характеризуя экономическое положение таиландских крестьян, Инграм опирается на тенденциозные официальные данные выборочного обследования. Согласно этому обследованию, 89% крестьян являются собственниками земли, причем размеры их земельных участков в среднем якобы составляют около 10 акров. На самом же деле положение крестьян далеко не так блестяще. Это явствует и из данных, приводимых другими буржуазными авторами. Например, Дэ Янг в своей книге «Сельская жизнь в современном Таиланде»⁴ сообщает, что размеры крестьянских наделов на севере страны составляют около 4 акров, а на полуостровной части всего лишь 2,5 акра⁵. При этом Дэ Янг подчеркивает, что в ряде районов Таиланда процент безземельных крестьян весьма высок: в районе Дангабури, например, 94% крестьян не имеют земли⁶. Острота аграрного вопроса в Таиланде подчеркивается и тем фактом, что в стране господствует краткосрочная форма аренды земли сроком на один год, не больше.

В приложениях автор помещает данные об административном делении страны, таб-

⁴ J. E. De Young. Village life in modern Thailand. Berkeley and Los Angeles, 1955.

⁵ Там же, стр. 76.

⁶ Там же.

лицы расходов и доходов правительства (с 1892 по 1951 г.), данные о внешней торговле за столетие, с 1850 по 1952 г., а также таблицу курса бата по отношению к фунту стерлингов и американскому доллару (с 1850 по 1951 г.). Работа Инграма содержит и ряд других серьезных недостатков. В ней не намечены основные этапы экономического развития страны, при этом анализ экономики не дополняется анализом внутриполитического и внешнеполитического положения Таиланда. Автор ничего не пишет о противоречиях между национальной буржуазией и иностранными империалистами, хотя эти противоречия существуют и углубляются. Таким образом, экономическое развитие Таиланда автор нарисовал как процесс, лишенный социальных потрясений, что опять-таки противоречит действительности.

SUMMARY

The reviewer notes that J. Ingram's monograph is the only work of this kind on Thailand which describes the evolution undergone by its economy over a long period of time. He arrives at the conclusion that the wealth of facts this book contains and some of Ingram's economic estimates make it interesting to the average reader.

«Islamic art and archaeology». A register of works published in the year 1954. Compiled by J. D. Pearson and D. S. Rice. Cambridge, 1956, 38 p.

Востоковеды повсюду испытывают большую потребность в общих и специальных библиографических пособиях и справочниках. Выход в свет небольшой библиографии Дж. Д. Пирсона и Д. С. Райса «Исламское искусство и археология»¹ является поэтому отрадным событием. По словам составителей, рассматриваемая работа должна в какой-то мере восполнить пробел в регистрации трудов, посвященных искусству и археологии мусульманских стран, образовавшийся после прекращения издания «Ежегодной библиографии искусства и археологии ислама», которая выходила в Иерусалиме под редакцией проф. Л. А. Мейера с 1937 по 1939 г.² В отличие от библиографии Л. А. Мейера в настоя-

¹ Книга прислана автору рецензии одним из составителей библиографии — Дж. Д. Пирсоном. Автор пользуется случаем принести ему за это глубокую благодарность.

² «Annual bibliography of Islamic art and archaeology». Ed. by L. A. Mayer. Jerusalem, 1937—1939, vol. I—III.

Мало внимания в книге уделено рассмотрению аграрных отношений в стране. Автор не освещает вопроса о помещичьем землевладении, обходит полным молчанием тяжелые последствия для экономики Таиланда американского эмбарго, наложенного на торговлю со странами социалистического лагеря. Вне поля зрения автора остались и проблемы, связанные с формированием и экономическим положением рабочего класса.

При критическом отношении к высказываниям автора читатель, интересующийся историей и экономикой Таиланда, может найти в книге свежий интересный фактический материал.

А. А. Дмитриев

щую библиографию включены работы по искусству ислама, опубликованные в Индии, но не учтены каталоги букинистов и аукционеров.

В библиографию вошло 355 статей, книг и рецензий. (Рецензии на книги включены лишь в тех случаях, когда они вносят что-либо новое в рассматриваемую тему или дополняют рецензируемую работу). Подавляющее большинство работ описано de visu (только пять работ — № 3, 8, 16, 21, 192 — по библиографическим данным).

Материал распределен по следующим разделам (в скобках указано число работ в данном разделе): I. *Общие работы. Библиография* (32); II. *Архитектура* (61); III. *Топография* (27); IV. *Прикладное искусство*: А. Общие работы (7). Б. Керамика (11). В. Стекло, горный хрусталь (6). Г. Текстиль (8). Д. Ковры (16). Е. Изделия из металла. Научные инструменты (5). Ж. Изделия из слоновой кости (2). З. Переплетное мастерство (2). И. Работы по дереву (4); V. *Живопись и украшение рукописей* (29); VI. *Коллекции. Музеи. Выставки* (12); VII. *Археологические раскопки. Исследования отдельных памятников. Реставрационные работы* (22); VIII. *Письмо*: А. Эпиграфика (22). Б. Каллиграфия. Палеография (5); IX. *Нумизматика и метрология* (29); X. *Костюм. Оружие. Доспехи* (5); XI. *Personal* (5); XII. *Родственные искусства и взаимные влияния* (сасанидское, коптское, византийское и грузинское искусство) (26); XIII. *Varia* (18).

Названия работ на восточных и русском языках даются в латинской графике и снабжены английским переводом. В тех случаях, когда название работы недостаточно ясно раскрывает ее содержание, приводится краткая, но четкая аннотация.

В библиографии имеются сведения о 14 работах советских ученых. Ряд опубликованных в 1954 г. трудов советских исследователей остался составителям библиографии неизвестным. Соответствующие ее разделы можно поэтому пополнить следующими работами наших ученых.

II. *Архитектура*. Бретаницкий Л. С. Об одной архитектурной конструкции в зодчестве средневекового Азербайджана (Мавзолей Момине-Хатун). «Доклады Академии наук Азербайджанской ССР», 1954, т. X, № 1, стр. 67—72. Библиография: 19 названий; Бретаницкий

Л. С. и Саламзаде А. В. Зодчие и мастера архитектурного декора средневекового Азербайджана. «Известия Академии наук Азербайджанской ССР», 1954, № 10, стр. 61—91; Бретаницкий Л. и Тузенкевич Ю. Первый обмер дворца ширваншахов. (Архивные документы 1807 г.) «Доклады Академии наук Азербайджанской ССР», 1954, т. X, № 12, стр. 901—908; Воронина В. А. К характеристике архитектуры Средней Азии эпохи Саманидов. «Труды Академии наук Таджикской ССР», Сталинабад, 1954, стр. 41—56; Пугаченкова Г. А. Буддийская кумирня в Мерве. (Из работ архитектурного отряда ЮТАКЭ). «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры», 1954, вып. 54, стр. 140—146; Френкель Н. И. Монументальная архитектура Бухары XVI века. Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. архитектуры. Среднеазиатский политехнический институт, Ташкент, 1954, 15 стр.

IV. *Прикладное искусство*. Б. Керамика. Воробьева М. Г. Керамика Хорезма рабовладельческой эпохи. Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. ист. наук. М., 1954, 15 стр. (АН СССР, Институт этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая); Даниелян О. А. Глазурованное блюдо из Мингечаура XII—XIV века. Из раскопок городища № 4. «Доклады Академии наук Азербайджанской ССР», 1954, т. X, 13, стр. 229—232. Библиография: 8 названий; Хованская О. С. Гончарное дело города Болгара. (По материалам Куйбышевской археологической экспедиции). «Материалы и исследования по археологии СССР», 1954, № 42, стр. 340—368, 19 рис., план горна. Якобсон А. Л. Раннесредневековые гончарные печи в Восточном Крыму. «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры». М., 1954, вып. 54, стр. 164—172. Г. Текстиль. Левинсон-Нечаяева М. Н. Одежда и ткани XVI—XVII веков. «Государственная Оружейная палата Московского кремля». М., «Искусство», 1954, стр. 305—386. Д. Ковры. Девитт В. Пять ковров, посвященных «Хамсе» Низами. (Об азербайджанских сюжетных

коврах). «Известия Академии наук Азербайджанской ССР», 1954, № 9, стр. 87—109; Керимов Л. К изучению азербайджанского коврового искусства (Тебризский тип ковров). «Известия Академии наук Азербайджанской ССР», 1954, № 7, стр. 121—145. И. Работы по дереву. Бурковский А. Ф. Из истории техники обработки дерева у киргизов. «Ученые записки исторического факультета Киргизского Государственного университета». Фрунзе, 1954, вып. 3, стр. 83—103; Туманян С. А. Древесные остатки из раскопок древнего Хорезма. «Известия Академии наук Армянской ССР», 1954, т. 7, № 9, стр. 89—93.

V. *Живопись и украшение рукописей*. Дьяконов М. М. и Дашевский Ю. С. Поздние миниатюры Касима Али в рукописи Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. «Известия Отделения общественных наук Академии наук Таджикской ССР», 1954, т. 5, стр. 29—41; Миклашевская Н. М. Стенные росписи Азербайджана XVIII—XIX веков. «Искусство Азербайджана», 1954, т. 4, стр. 52—83; Миклашевская Н. М. Художники XIX века Мирза Кадым Эривани и Мир Мохсун Навваб. Там же, стр. 84—108. См. также раздел VIII.

VI. *Коллекции. Музеи. Выставки*. Азимджанова С. А. Восточные рукописи Института востоковедения Академии наук УзССР и их изучение. «Труды Института востоковедения». Ташкент, 1954, вып. 3, стр. 147—154; Миллер Ю. Выставка «Художественные ремесла Индии XVI—XVIII веков». «Сообщения Государственного Эрмитажа», 1954, № 6, стр. 15—16, 1 рис.; Семенов А. А. (редактор и один из составителей). «Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР», т. II. Ташкент, 1954, 588 стр., 16 рис.

VII. *Археологические раскопки*. Агеева Е. И. Краткие итоги работ археологических экспедиций Института истории, археологии и этнографии (1953 г.). «Известия Академии наук Казахской ССР», № 137. Серия истории, экономики, философии, права, 1954, вып. I, стр. 83—85; Агеева Е. И. Раскопки на городище Баба-Ата (1953—1954 гг.) (По материалам

Южно-Казахстанской археологической экспедиции). Там же, стр. 75—82; Агеева Е. И. и Акишев К. А. Археологические исследования Института истории в 1954 г. (Институт истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР), «Вестник Академии наук Казахской ССР», 1954, № 11, стр. 67—75; Ахмедов Г. М. Об археологических раскопках на одном участке в Мингечауре. «Доклады Академии наук Азербайджанской ССР», 1954, т. X, № 7, стр. 507—514; Беленицкий А. М. Предварительный отчет о работах Пянджикентского отряда ТАЭ в 1953 г. «Доклады Академии наук Таджикской ССР», 1954, вып. II, стр. 17—29; Вайдов Р. М. Раннесредневековое городище Судагылан (Мингечаур). «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры», 1954, вып. 54, стр. 127—139; Винниченко Н. Т. О железном бруске из городища Ер-Курган. «Труды Среднеазиатского государственного университета им. В. И. Ленина», Ташкент, 1954, вып. LII, книга 5, стр. 93—96. Библиография: 5 названий; Воронец М. Э. Археологические исследования Института истории и археологии и Музея истории Академии наук УзССР на территории Ферганы. «Труды Музея истории Узбекской ССР». Ташкент, 1954, вып. II, стр. 53—84. Библиография: 23 названия; Джафарзаде И. Археологические раскопки городища Оренкала в 1951 г. «Труды Института истории и философии Академии наук Азербайджанской ССР», 1954, т. IV, стр. 109—138; Дьяконов М. М. Предварительные итоги работ Таджикской археологической экспедиции в 1953 году. «Доклады Академии наук Таджикской ССР», 1954, вып. II, стр. 9—15; Ефимова А. М. Гидротехнические сооружения древнего Болгара. (По материалам Куйбышевской археологической экспедиции). «Материалы и исследования по археологии СССР», 1954, № 42, стр. 369—391, 13 рис.; Жиромский Б. Б. Ага-Базар. (Раскопки урочища Ага-Базара. Из работ Куйбышевской археологической экспедиции). «Материалы и исследования по археологии СССР», 1954, № 42, стр. 325—339, 5 рис.; Кабанов С. К. Археологические раскопки на Шор-тепе близ Кар-

ши. «Известия Академии наук УзССР», 1954, № 1, стр. 82—94; К и б р о в А. Археологическое изучение Киргизии. «Известия Киргизского филиала Академии наук СССР», 1954, вып. 2(12), стр. 59—69; Л и т в и н с к и й Б. А. Из археологических материалов по истории средневековой горной техники Средней Азии (преимущественно IX—XII вв.). «Труды Академии наук Таджикской ССР», 1954, т. XXVII, стр. 119—172; Л и т в и н с к и й Б. А. Основные этапы изучения археологии Таджикистана советской наукой. «Известия Отделения общественных наук Академии наук Таджикской ССР», 1954, вып. 6, стр. 51—62; Л и т в и н с к и й Б. А. и Д а в и д о в и ч Е. А. Предварительный отчет о работах Хуттальского отряда (ТАЭ) на территории Вахшской долины в 1953 г. «Доклады Академии наук Таджикской ССР», 1954, вып. II, стр. 53—60; Л и т в и н с к и й Б. А. и Д а в и д о в и ч Е. А. Предварительный отчет о работах Хуттальского отряда (ТАЭ) на территории Кулябской области в 1953 г. Там же, стр. 39—52; М а н д е л ь ш т а м А. М. Предварительный отчет о работах Верхнезеравшанского отряда в 1953 г. Там же, стр. 31—37; М а н д е л ь ш т а м А. М. Предварительный отчет о работах Кафирниганского отряда в 1953 г. Там же, стр. 61—68; С у р г а й В. Т. О «рудничной археологии». «Известия Киргизского филиала Академии наук СССР», 1954, вып. 2(12), стр. 71—73; Т о л с т о в С. П. Археологические работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции Академии наук СССР в 1951 году. «Советская археология», 1954, т. XIX, стр. 239—262 + карта; Х о в а н с к а я О. С. Бани города Болгара. (По материалам Куйбышевской археологической экспедиции). «Материалы и исследования по археологии СССР», 1954, № 42, стр. 392—423, 22 рис.

VIII. П и с ь м о. П и г у л е в с к а я Н. В. Греко-сиро-арабская рукопись IX в. (С приложением фрагментов греко-сиро-арабской псалтыри из коллекции рукописей Гос. библиотеки СССР им. Ленина). «Палестинский сборник», 1954, вып. 1, стр. 59—90, с табл.; Р а с у л е в А. О новой рукописи «Книги Синдбада». (Рукопись памятника XII в., хранящаяся в Институте востоковедения Академии наук Узбекской ССР).

«Известия Академии наук УзССР», 1954, № 3, стр. 119—120.

IX. Н у м и з м а т и к а и м е т р о л о г и я. Д а в и д о в и ч Е. А. Из области денежного обращения на территории Ферганы. «Труды Музея истории УзССР», 1954, вып. II, стр. 39—52. Библиография: 11 названий; Д а в и д о в и ч Е. А. Монетные находки на территории Таджикистана в 1953 г. «Доклады Академии наук Таджикской ССР», 1954, вып. II, стр. 69—79; Д а в и д о в и ч Е. А. Нумизматические материалы для истории развития феодальных отношений в Средней Азии при Саманидах. «Труды Академии наук Таджикской ССР», 1954, т. XXVII, стр. 69—117; Р а г и м о в А. В. Клад ильдегизидских монет XII—XIII веков (Агдамский район). «Доклады Академии наук Азербайджанской ССР», 1954, т. 10, № 3, стр. 223—227; Я н и н а С. А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1946—1952 гг. «Материалы и исследования по археологии СССР», 1954, № 42, стр. 424—484. (Описание 158 монет, таблицы.)

X. К о с т ю м. О р у ж и е. Д о с п е х и. М и ш у к о в Ф. Я. Золотая насечка и инкрустация на древнем оружии. «Государственная Оружейная палата Московского кремля». М., «Искусство», 1954, стр. 115—136; Р у с а й к и н а С. П. Народная одежда таджиков Гармской области Таджикской ССР. «Краткие сообщения Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая», 1954, Изд-во АН СССР, т. 20, стр. 86—98; С у х а р е в а О. А. Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии. «Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая», 1954, т. 21, стр. 299—353.

XI. P e r s o n a l. Б а л а ш о в а Г. и Б а н к А. А. Ю. Якубовский. (Историк-востоковед и археолог, 1886—1953). «Сообщения Государственного Эрмитажа», 1954, 6, стр. 44—45, с портр.; Б е л е н и ц к и й А. М. Памяти Михаила Михайловича Дьяконова. (Востоковед и археолог, 1907—1954). «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры». 1954, вып. 55, стр. 155—162, портрет, список трудов М. М. Дьяконова: 63 названия; М а с с о н М. Е. Б. А. Куфтин (Археолог, 1892—1953. Некролог). «Известия Акаде-

мии наук Туркменской ССР», 1954, № 1, стр. 91—92.

XII. Р о д с т в е н н ы е и с к у с с т в а и в з а и м н ы е в л и я н и я. А л а д а ш в и л и Н. А. Рельеф из Опицы с изображением Ашота Куропалата. (Памятник грузинского искусства IX в.). «Сообщения Академии наук Грузинской ССР», Тбилиси, 1954, т. 15, № 7, стр. 473—478; Библиография: 13 названий; «Грузинский архитектурный орнамент». (Альбом). Текст, подбор материалов и рисунки Рене Шмерлинг. Тбилиси, 1954, вып. I, 95 стр.; Ц и ц и ш в и л и И. Материалы к истории грузинской одежды. Тбилиси, 1954, 164 стр, с илл. На груз. языке.

XIII. V a r i a. З о т о в П. Д. К истории бумажного производства на Востоке. «Труды Института востоковедения». Ташкент, 1954, вып. III, стр. 155—166; К и с л я к о в Н. А. Некоторые материалы по этнографии исфаринских таджиков. «Известия отделения общественных наук Академии наук Таджикской ССР», 1954, вып. 5, стр. 43—56. (Планы двух аджикских крестьянских домов); Н у р и е в а А. Я. Старое народное жилище Апшерона. «Советская этнография», 1954, № 4, стр. 148—156.

В раздел XII «Родственные искусства и взаимные влияния» авторы не включили работы по армянскому искусству и археологии Армении. Между тем имеются все основания для включения их в этот раздел.

В книге отсутствует также географический указатель.

В предисловии авторы пишут, что они надеются выпустить такую же библиографию работ, опубликованных с 1939 по 1953 г., и что впредь «Исламское искусство и археология» будет выпускаться ежегодно. Следует пожелать авторам библиографии успеха в этом полезном деле и выразить надежду, что советские востоковеды откликнутся на призыв авторов содействовать полноте издания присылкой своих работ или соответствующих библиографических сведений в лондонскую Школу Восточных и Африканских исследований, при библиотеке которой составлялась рассматриваемая книга. В то же время можно посоветовать авторам рассматриваемого издания шире пользоваться библиографическими данными о работах советских ученых, систематически публикуемыми в журнале «Советская археология».

Ю. Е. Борцевский

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

«Арабы в борьбе за независимость». М., Госполитиздат, 1957, 416 стр.

Рассматриваемый сборник подготовлен коллективом научных сотрудников Института востоковедения АН СССР и включает 9 статей об 11 арабских странах: Марокко, Алжире, Тунисе, Ливии, Египте, Судане, Сирии, Ливане, Иордании, Саудовской Аравии, Ираке. По существу — это краткий справочник о национально-освободительном движении арабских народов. Помимо основного материала, посвященного послевоенному периоду, в статьях имеются небольшие очерки истории освободительной борьбы, а также сведения

о географии и экономике каждой арабской страны. Изложение материала доведено до конца 1956 г. и заканчивается описанием провала англо-франко-израильской агрессии против Египта. Значительное место отводится борьбе Советского Союза в защиту национальных интересов арабских народов, за мир и безопасность в Северной Африке, на Ближнем и Среднем Востоке.

Статьи сборника снабжены картами и многочисленными иллюстрациями.

Ю. Георгиев

В. А. КИМ. *Государственный строй Корейской Народно-Демократической Республики*. М., Госюриздат, 1955, 203 стр.

Работа В. А. Кима восполняет пробел в советской юридической литературе, посвященной государственно-правовому развитию народно-демократических государств в Европе и Азии.

В начале книги автор характеризует международную обстановку, в которой развернулась борьба корейского народа за претворение в жизнь своих вековых чаяний.

Центральное место в рецензируемой работе занимает вторая глава «Общественное устройство КНДР». В ней дан анализ классовой структуры республики, показана руководящая роль Трудовой партии, роль Единого демократического отечественного фронта (ЕДОФ). Анализируя процесс зарождения и развития органов народно-демократического государства, В. А. Ким указывает на три этапа в истории развития политической основы КНДР: период от создания народных комитетов до образования Временного народного комитета Северной Кореи (август 1945 — февраль 1946); период от создания Временного народного комитета до всеобщих выборов и образования КНДР; начало третьего этапа было ознаменовано провозгла-

шением КНДР и принятием Конституции (август 1948 г.). Подобная периодизация не вызывает возражений, хотя началом третьего этапа следовало бы считать август — сентябрь 1948 г. Выборы в Верховное Народное Собрание, его созыв и провозглашение Республики следует рассматривать как единый исторический процесс.

Автор приводит данные о социальном и партийном составе органов власти, анализирует структуру, компетенцию и деятельность органов государственной власти и государственного управления всех ступеней — в центре и на местах.

Следует отметить и отдельные недостатки труда В. А. Кима. К сожалению, в работе нет исторического очерка национально-освободительной борьбы корейского народа и не показано влияние Великой Октябрьской социалистической революции на национально-освободительное движение в Корее.

В целом книга В. А. Кима может служить полезным пособием для изучения корейского народно-демократического государства.

П. Пак Ир, Я. Бельсон

А. И. ТЮМЕНЕВ. *Государственное хозяйство древнего Шумера*. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1956, 518 стр., 42 табл., карта.

Шумерское рабовладельческое общество — одно из древнейших в мире классовых обществ. Автор излагает его историю за период, начиная с последней четверти IV тысячелетия до ХХI в. до н. э. В основу исследования положены документы хозяйственной отчетности, написанные на глиняных табличках на шумерском языке, на более раннем этапе — примитивным рисуночным письмом (пиктографией), позднее — клинописью, а также памятники материальной культуры.

Труд А. И. Тюменева состоит из трех разделов, краткого историографического введения и небольшого заключения. В первой части («Храмовое хозяйство») излага-

ются события последней четверти IV тысячелетия. Автор прослеживает рост производительных сил, приведший к крупным экономическим сдвигам (на смену охоте приходят земледелие, садоводство и скотоводство), роль храмов в организации сельского хозяйства и отмечает, что рабы, по-видимому, не играли в то время сколько-нибудь значительной роли в хозяйственной жизни.

Вторая часть («Энциальное хозяйство») посвящена социально-экономической истории Шумера в XXVI—XXII вв. до н. э. Формирование государственного аппарата автор относит к середине III тысячелетия, решительно отвергая возможность зарож-

дения рабовладельческого государства в более раннее время. Верховные жрецы превращаются в царьков небольших более централизованных государств — энси (другое произношение соответствующей идеограммы — «патеси» автор не признает). Происходит усиление эксплуатации обитателей. Рабов еще мало, и серьезного спроса на рабский труд нет (по этому вопросу автор полемизирует с В. В. Струве). В XXIV в. до н. э. мелкие шумерские государства входят в состав Аккадского царства.

В третьей части книги («Царское хозяйство III династии Ура») приводится наиболее обильный и интересный материал. Автор рассказывает о дальнейшей централизации древнего Шумера — цари вышеуказанной династии, в отличие от прежних энси, владеют обширной территорией, а энси превращаются из самостоятельных правителей в царских агентов, и их поместья становятся частью единого царского хозяйства. Укрупнение и централизация проис-

ходят и в сельском хозяйстве и в ремесле. Основную категорию рабов составляют гуруши (прежние «каль»), бывшие общинники, утратившие хозяйственную самостоятельность, увеличилось также число рабов из военнопленных.

В заключительных главах (седьмая и восьмая) автор подробно рассматривает организацию центральных складов, способы распределения продуктов царского двора среди придворных, чиновников и трудового населения — рабов и небольшого количества наемных рабочих.

А. И. Тюменев подвергает критике реакционную антимарксистскую концепцию циклизма. Несмотря на спорность некоторых выводов (которые, вероятно, еще явятся объектом научной полемики), в целом автор правильно осветил пути зарождения и развития рабовладельческой формации. Книга снабжена прекрасно выполненными иллюстрациями и картой.

Д. Г. Редер

해방후 10년 간의 공화국 인민 교육의 발전
(Развитие народного образования в республике за 10 лет после освобождения). Пхеньян, Учпедгиз, 1955, 297 стр.

Выпущенная Комитетом печати Министерства просвещения Корейской Народно-Демократической Республики книга по истории развития народного образования в стране является первой крупной работой по этому вопросу. В книге рассказывается о борьбе освобожденной Кореи за решение проблемы создания национальных кадров, о выработке новых, измененных учебных программ, улучшении постановки воспитательной работы во всех типах учебных заведений, о подготовке и переподготовке народных учителей, об организации научно-исследовательской работы в высших учебных заведениях.

В заключительной главе книги разоблачается проводимая американскими импери-

алистами и Ли Сын Маном реакционная политика в области образования в Южной Корее. Сотни тысяч юношей и девушек не имеют там возможности получить образование из-за отсутствия необходимых учебных помещений, чрезмерно высокой платы за обучение и других налогов и сборов, которые взимаются не только с учащихся, но и с их родителей. В 1954 г. в Южной Корее насчитывалось до 2790 тыс. неграмотных.

Помещенная в конце книги хронологическая таблица наглядно рисует историю развития народного образования в КНДР с 1945 по 1955 г.

В. Н. Попов

ДАО-ЗЮИ-АНЬ. Древняя история Вьетнама. Ханой, 1955, 190 стр.

В книге рассматривается история происхождения вьетнамского народа с начала первого тысячелетия до н. э. Автор стремится показать, как складывалась вьетнамская народность на территории современного Вьетнама, как развивалась ее материальная и духовная культура, что представлял собой социальный строй предков вьетнамского народа.

Книга построена по хронологическому принципу. Каждая глава ее соответствует определенной эпохе в развитии вьетнамского народа. В последней главе автор рассматривает различные теории происхождения вьетнамского народа. Исследование снабжено интересной библиографией, картами и таблицами.

Д. Д.

RALPH PARKER. *Indonesian impressions*. New Delhi, People's Publishing House, 1955, 92 p.

Автор брошюры — известный английский журналист Ральф Паркер рассказывает о современной Индонезии и о Бандунгской конференции стран Азии и Африки, на которой он присутствовал в качестве корреспондента. В брошюре говорится о политической и общественной жизни Индонезии, положении рабочего класса и крестьянства, их борьбе за полную национальную независимость, улучшение жизненных условий, аграрную реформу и права народа. Автор пишет о росте национального самосознания индонезийцев, их решимости покончить с остатками колониализма во всех областях, об авторитете Коммунистической партии Индонезии, о тяге народных масс к установлению единого фронта против сил реакции.

Разоблачая направленную против Республики Индонезии политику империалистических держав, Р. Паркер отмечает, что империалисты все еще сохраняют сильные позиции в индонезийской экономике и выкачивают из нее колоссальные прибыли, нещадно эксплуатируя индонезийских рабочих. Тяжелое наследие колониального периода сказывается на каждом шагу.

В брошюре описывается атмосфера взаимопонимания, царившая на Бандунгской конференции, отмечена большая роль, которую сыграли в ее работе Чжоу Эн-лай, Неру и Сукарно.

Л. Дадвани

A. J. ARKELL. *A history of the Sudan. From the earliest times to 1821*. University of London. The Athlone Press, 1955, 249 p., 24 ill.

Сравнительно небольшая книга бывшего сотрудника администрации Службы древностей Судана по существу является первой обобщающей работой по истории Судана за время, прошедшее с момента опубликования известной двухтомной монографии Е. А. У. Баджа «Египетский Судан»¹. Издание труда А. Д. Аркелла как нельзя более своевременно.

¹ E. A. Wallis Budge. *The Egyptian Sudan*, vol. I—II. London, 1907.

Личные интересы автора, египтолога и археолога по специальности, явились причиной того, что не все проблемы освещены одинаково подробно. С сожалением приходится, например, констатировать, что совсем опущена история последних 130 лет, ознаменовавшихся такими событиями, как известное восстание Махди в конце минувшего века и борьба за национальную независимость против колониального господства Великобритании.

Книга состоит из одиннадцати глав и

введения, а также предисловия, написанного бывшим ответственным представителем английской администрации в Судане Мак-Михаелем.

Автор знакомит читателя с географическими и климатическими условиями Судана, древнейшими палеолитическими его обителями, проблемой этногенеза и материальной культуры эпохи неолита, мало исследованной историей проникновения египтян в III тысячелетии в области к югу от Первого Нильского порога, а также с методами восстановления хронологии. Специальная глава посвящена очень важной и до сих пор не решенной проблеме проникновения в Нубию (150 г. до н. э.) кочевых скотоводческих племен — так называемой народности «группы С», вторгнувшихся в долину Нила в XXIV—XXIII вв. до н. э. и оказавших значительное влияние на изменение состава населения. В двух главах рассказывается история Нубии, преимущественно ее северной части (2150—1050 гг. до н. э.), включая поход нубийского царя Пианхи в Египет, завершившийся воцарением на престоле фараонов XXV династии. Описание этого периода начинается с 725 г. до н. э., так как наука не располагает пока источниками, позволяющими восстановить события предшествующих трех столетий.

Затем следует изложение событий тысячелетнего периода истории страны (660 г. до н. э. — 350 г. н. э.), закончившегося разгромом Мероэ аксумитами.

А. Аркелл освещает также события времени проникновения в Нубию новой волны кочевых скотоводческих племен,

так называемой народности «группы Х». Хронологически это совпадает с распространением в стране христианства, постоянными военными столкновениями между римлянами, овладевшими Египтом до Элефантины, и воинственными племенами нубатов, поселившихся в Нубии.

Небольшая глава рассказывает о распространении ислама (600—1500 гг.). После проникновения арабов в Нубию в 642 г. здесь возникает ряд обособленных феодальных государственных образований: Макурра, Алоа, затем христианское царство в Донголе и другие. Некоторые из них в XVI в. распадаются в связи с происшедшими в Африке значительными изменениями, вызванными, по мнению автора, распространением огнестрельного оружия (1500—1700 гг. н. э.).

Заключительная глава книги повествует о политических и династийных конфликтах XVIII в. В это время в Нубии все сильнее сказывается влияние Египта, приведшее в конечном итоге в результате похода Исмаила-паши на юг в 1821 г. к подчинению Нубии Египту.

Книга богато иллюстрирована, снабжена большой библиографией, таблицами рисунков, преимущественно археологических, подробным указателем.

Как следует из предисловия, А. Аркелл предназначает свою книгу для широкого читателя, интересующегося прошлым Судана, однако она будет полезна и для специалиста как первая обобщающая сводка обширного материала, интерпретированного знакомым и авторитетным ученым.

К. И.

على الشلقاني ثورة الجزائر
(АЛИ АШ-ШАЛКАНИ. *Алжирская революция*). Каир, Дар ан-Надим, 1956, 248 стр.

В связи с отсутствием серьезных работ по истории национально-освободительного движения в Алжире следует особенно приветствовать работу арабского историка Али аш-Шалкани, располагавшего местными источниками и лично знавшего многих участников этого движения.

История национально-освободительного движения излагается автором с момента завоевания Алжира Францией в 1830 г. до 1956 г. Остановливаясь на экономических и политических причинах оккупации Алжира, Али аш-Шалкани дает также краткий исторический очерк оккупации, по-

казывая мужественное сопротивление алжирцев. Опираясь на статистические данные, он характеризует экономическое положение различных общественных классов Алжира, в том числе и французских колонизаторов. Много внимания уделено анализу классовой структуры населения алжирского города. Крупная французская буржуазия составляет в нем ничтожное меньшинство. Значительная часть населения города — это мелкая буржуазия, европейская и арабская. Рабочий класс насчитывает 390 тыс. человек (из них 220 тыс. мусульман) и принимает деятельное участие в национально-освободительном движении. Активными участниками борьбы за независимость являются также рабочие-алжирцы, проживающие во Франции (около 300 тыс.).

Али аш-Шалкани отмечает два этапа

в развитии национально-освободительного движения: борьбу за уравнивание в политических правах (1870—1925 гг.) и массовую борьбу за независимость (1925—1934 гг.).

Автор подробно останавливается на истории Коммунистической партии Алжира, на деятельности организаций «Звезда Северной Африки» и «Союз алжирских улемов», на отношении революционного Алжира к Франции. В отдельную главу выделены вопросы истории, культуры и национальных традиций алжирского народа.

Особый интерес представляют главы, посвященные событиям 1942—1956 гг.

Книге предпослано предисловие, написанное одним из лидеров партии Истиклал Алаом ал-Фаси.

И. М. Фильштинский

المكتبة مراجع منتقاة من الكتب العربية الصادرة في الاردن، وسورية، العراق و لبنان

AL MAKṬABA. A selective Arabic bibliography for Iraq, Jordan Lebanon and Syria.

В сентябре 1956 г. в Ливане стал выходить новый библиографический журнал «Аль-Мактаба». Вышли два выпуска 1956 и первый выпуск 1957 гг., составленные д-ром Джамалем аль-Мухасибом (Американский университет в Бейруте).

До сих пор об изданиях новых книг в Ливане, Сирии, Иордании и Ираке можно было узнать главным образом из издательских каталогов и журнальной библиографии, которые не давали достаточно полного представления о литературе по различным отраслям знаний. Библиографические периодические издания выходили в Египте, но в них имелись сведения только об египетских книгах. Особенно трудно было получить информацию о книгах, издающихся в Ираке и Иордании. Новый журнал в значительной мере разрешает эти затруднения.

Рассматриваемое издание представляет выборочную библиографию книг, вышед-

ших на арабском языке в Ираке, Иордании, Сирии и Ливане. Критерием для включения в библиографию той или иной книги служит, по словам составителя, ценность ее для библиотек университетов, колледжей и средних школ. Учебники в библиографию не включаются. При правильном отборе литературы такой метод составления библиографии может оказаться вполне оправданным, ибо избавит читателя от необходимости просматривать названия книг, не представляющих научного и художественного интереса. Джамаль аль-Мухасиб в основном сумел выбрать действительно хорошие и нужные книги, хотя, к сожалению, опустил ряд ценных изданий.

Названия книг расположены в библиографии в порядке десятичной классификации Дьюи, а в каждой классификационной группе — в порядке арабского алфавита, по именам авторов; если книга относится к двум рубрикам, числовое обозна-

чение их показано в виде дроби. Весь материал дается параллельно на арабском и английском языках, переводная литература — на языке оригинала. Многотомные издания включаются в библиографию либо по мере выхода в свет отдельных томов, либо после опубликования последнего тома, как, например, в случае с новым изданием 15-томного (65 выпусков) словаря «Лисан аль-Араб» Ибн-Манзūra, о котором сообщается лишь во втором томе журнала, хотя словарь издавался в течение всего 1956 и начала 1957 г. Записи о книгах снабжены очень краткими аннотациями на арабском и английском языках. Во втором выпуске тома имеется указатель имен авторов. Всего в трех номерах журнала перечислено 240 книг.

В разделе философии представлены работы по истории западной и восточной философии, по психологии, переводы произведений крупных философов Запада. Большинство изданий раздела «Общественные науки» посвящено новым проблемам экономической, политической и культурной жизни арабского мира, борьбе арабов за национальную независимость; здесь же помещены книги по экономике и политической экономии (в том числе перевод I тома «Капитала» К. Маркса), праву, сельскому хозяйству. Большой интерес представляют книги четвертого раздела, языковые словари, работы по арабской грамматике, ономастике, метрике. Книги последующих разделов — по естественным и прикладным наукам представлены в основном изданиями Арабской академии наук в Дамаске, Сирийского

университета, научных обществ Ирака. Во всех трех выпусках составитель дает только пять книг по искусству, охватывающих, правда, почти все его области. Больше всего книг приведено в разделах литературы, истории и географии. В первом преобладают критика и литературоведение; художественная литература представлена не полно, но названы многие произведения прозаиков и поэтов разных арабских государств; во втором разделе перечисляются книги по истории, географии, внешней политике арабских стран Ближнего Востока и Северной Африки, о положении арабов в других странах, биографические справочники. В разделе «Общие работы» представлены энциклопедии и энциклопедические словари, справочные издания.

Составитель включил в библиографию произведения видных авторов: Жоржа Хаппа, Мупира Таки ад-Дива, Амйна ар-Райхави и др. Однако ничем нельзя оправдать отсутствие в библиографии произведений Гамали 'Абд ан-Насира, Вурди Мухаммада Тауфики, Мишеля Сулеймана, Мпхат-ла Ну'аймы, Хусейна Мурувви, Хасиб аль-Кайали, Сабита, Хулуси, 'Абд аль-Халима 'Аббаса, Хариса и а-Сифри и других книг изданных в 1956 г. в Ливане, Ираке и Иордании.

Более широкий охват книжной продукции и устранение некоторых недостатков сделают журнал хорошим справочным изданием.

В. В. Кушев

سعید نفیسی. تاریخ اجتماعی و سیاسی ایران در دوره معاصر

(САИД НАФИСИ. Социально-политическая история Ирана. Новое время). Тегеран, 1956, 7+376 стр.

Издательство «Шарк» выпустило первый том исследования известного иранского литератора и ученого, члена Академии наук Ирана Саида Нафиси «Социально-политическая история Ирана. Новое время». Предисловие к книге содержит

краткий очерк событий, предшествовавших воцарению династии Каджаров (1794—1925), затем излагается история каджарских племен и правления первого шаха из династии Каджаров Ага Мохаммед-хана и его преемника Фатхали-шаха. Источ-

никами для автора послужили в основном работы европейских путешественников, которые были очевидцами многих описываемых в книге событий. Как отмечает рецензент журнала «Фарханг-и Иранзамин», данный том содержит лишь полити-

ческую историю. Рецензент выражает надежду, что общественная и культурная жизнь Ирана в разбираемый период найдет свое отражение в последующих томах исследования.

سید حسن تقی زاده مانی و دین او: دو خطابه در باره مانی و مانویت
بائضمام متون عربی و فارسی فراهم آورده احمد افشار شیرازی

(САИИД ХАСАН ТАГИ ЗАДЕ. Мани и его вероучение). Тегеран, 1956, 14+44+2+620 стр.

«Мани и его вероучение» — так называется недавно вышедшая в Иране обширная работа Сайида Хасана Таги Заде, посвященная основателю религиозно-философского учения, известного под названием «манихейство». Книга является первым на персидском языке обстоятельным исследованием жизни и философско-этических взглядов Мани, жившего в III в. нашей

эры. Помимо авторского текста, в книге помещены арабские и персидские тексты, послужившие автору источниками для его исследования и подготовленные к изданию Ахмадом Афшар-и Ширази. Издание завершают библиографические сведения о 270 работах европейских авторов.

Ю. Е. Борцовский

R. CORNEVIN. *Histoire de l'Afrique des origines a nos jours*. Paris, Payot, 1956, 404 p.

Большая работа Роберта Корневана посвящена истории Африки с доисторических времен до наших дней. Автор книги, крупный государственный чиновник Франции, в сжатой форме объединил основные факты, собранные в специальных трудах по истории Африки, добавив к ним данные своих личных наблюдений.

Большую часть книги составляет описание доисторического периода, истории Африки эпохи античности и периода с первых веков нашей эры до XIX в. Особое внимание уделяется истории исследования Африки европейцами. Одна из централь-

ных глав посвящена истории завоевания Африки в XIX в. В ней подробно анализируются методы европейских колонизаторов Африки: английских, бельгийских, немецких, французских, итальянских и португальских. В заключительных главах трактуется история Африки периода двух мировых войн и освещаются изменения в экономической и общественной структуре Африки последнего десятилетия. Библиографический указатель содержит более 100 названий книг, вышедших за последние тридцать лет.

Р. С. Гиляревский

JOHN E. DE YOUNG. *Village life in modern Thailand*. Berkeley and Los Angeles, University of California Press, 1955, 225 p.

Книга Е. Дж. Дэ Янга «Сельская жизнь в современном Таиланде» содержит общие сведения о стране, структуре административной власти, условиях жизни крестьян. Автор хорошо знаком с образом жизни и трудовой деятельностью таиландских крестьян, т. к. прожил в этой стране почти три года. Он описывает систему землевладения, структуру сельскохозяйственного производства и организации сельскохозяйственных работ. Дэ Янг подчеркивает, что наряду с основным занятием крестьянства — выращиванием риса в Таиланде развиты животноводство и рыболовство: по потреблению риса и рыбы Таиланд занимает первое место среди стран Юго-Восточной Азии.

В то же время автор отмечает низкую производительность труда и преобладание отсталых методов ведения хозяйства — все сельскохозяйственные работы, как правило, ведутся вручную, самыми примитивными орудиями труда.

Большое внимание уделено описанию влияния буддизма, в этой связи подчеркивается крайне недостаточное развитие народного просвещения и здравоохранения в стране.

Анализируя экономическое положение крестьянства, автор констатирует чрезмерную обременительность арендных пла-

тежей для крестьян, однако не приводит при этом никаких подробных данных, отмечая лишь, что помещики не соблюдают изданный в 1952 г. королем указ о контроле над арендной платой за землю. Дэ Янг пишет о провале попытки правительства разрешить проблему кредитования крестьян, ибо в так называемые кооперативные кредитные ассоциации объединились лишь зажиточные крестьяне, которые не допускают к участию в них остальных крестьян.

В книге собран большой материал о бытовом положении крестьянства, условиях его труда и зависимости от буддийских монахов и монастырей, о неграмотности деревенского населения, однако отсутствуют многие важные данные, как то: о распределении национального дохода среди отдельных категорий сельского населения, о классовой дифференциации крестьянства, о распределении земельной собственности в Таиланде, о роли ростовщиков и задолженности им со стороны крестьян.

Книга Дэ Янга свидетельствует о повышенном «интересе», проявляемом американскими колонизаторами к Таиланду, в последние годы они особенно усердно изучают и обследуют все стороны жизни народа этой страны.

В. Д.

ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ВОСТОКОВЕДОВ В МЮНХЕНЕ

Заседания XXIV Международного конгресса востоковедов проходили в Мюнхене (ФРГ) с 28 августа по 4 сентября 1957 г. Этот конгресс был, вероятно, наиболее многочисленным по сравнению с предыдущими: присутствовало 1500 делегатов и множество гостей из различных стран мира. В работе конгресса принимала участие делегация советских востоковедов (в составе 23 человек), возглавлявшаяся директором Института востоковедения Академии наук СССР академиком АН Таджикской ССР д-ром ист. наук Б. Г. Гафуровым.

На вступительном пленарном заседании было оглашено послание президента ФРГ проф. Т. Хейса. С приветствиями выступили также ректор Мюнхенского университета, обер-бургомистр Мюнхена, представители баварских властей и министерства иностранных дел ФРГ. Руководство конгрессом осуществлялось президентом конгресса проф. Э. Вальдшмидтом, вице-президентами — профессорами Ф. Бабингером, И. Фюкком, В. Шубрингом, Ф. Веллером, а также генеральным секретарем проф. Г. Франке.

Основная работа конгресса проходила в 14 секциях: египтология; клинописи и переднеазиатской археологии; Ветхого завета, библейской археологии и гебраистики; христианского Востока и Византии; семитологии; исламоведения — язык и литература; исламоведения — религия, история и искусство; тюркологии; иранистики; индологии; Центральной Азии и алтаистики; Восточной Азии — а) Китай, б) Япония и Корея; Юго-Восточной Азии; африканистики. Руководили секциями видные немецкие ориенталисты. На засе-

даниях секций было заслушано около 450 докладов.

Среди участников конгресса находились виднейшие ученые мира, что обусловило высокий уровень многих докладов, как, например, английского исследователя Гэдда о недавно обнаруженной надписи вавилонского царя Набонида, французского ученого Лароша о нерасшифрованных документах на хурритском языке из Рас-Шамры, немецкого профессора Бёлига о манихействе, американского востоковеда Гютербока о народах и языках древней Малой Азии, голландского профессора Хонды о ведическом стихосложении и других.

Большой интерес представляли выступления ученых из стран Востока. Виднейший египетский исследователь Селим Гассан сообщил о новых раскопках, осуществленных за последнее время в Египте, и об обнаруженных в ходе этих раскопок многочисленных археологических памятниках и надписях. Проблемам периодизации истории Индонезии посвятил свое выступление индонезийский ученый Ямин. С большим вниманием были заслушаны на заседаниях соответствующих секций важные научные сообщения ученых Сирии, Ирана, Афганистана, Цейлона. Ценный вклад в работу конгресса внесли востоковеды Германской Демократической Республики, Польши, Чехословакии, Румынии, Венгрии и Югославии.

Крупнейшим недостатком конгресса явилось то обстоятельство, что на нем отсутствовали ученые Китайской Народной Республики, Корейской Народно-Демократической Республики, Демократической Республики Вьетнам, Монгольской Народ-

ной Республики, и не были представлены официальные делегации Индии, Бирмы и многих других стран Востока.

Большинство докладов и выступлений на секциях было посвящено проблемам древности и отчасти средневековья, преимущественно различным лингвистическим аспектам. Лишь несколько докладов было посвящено вопросам политической и экономической истории стран Востока. Проблематика современного Востока и, в частности, национально-освободительного движения была представлена лишь в выступлениях ученых из социалистических стран.

Некоторые доклады освещали узкие, частные вопросы, подчас не представлявшие научного интереса, например: «Где же похоронена богородица Мария: в Иерусалиме или в Панайя Капулу, близ Эфеса?», «О разведении свиней в Индонезии». Постановка подобных сообщений отнюдь не способствовала разрыву научных дискуссий на конгрессе и, по мнению самих организаторов конгресса, была неудачной. Законное недовольство ряда участников конгресса, особенно из числа делегатов стран Востока, вызвало предоставление трибуны для выступлений, имевших по существу миссионерский характер.

Внимание участников конгресса привлекли доклады членов советской делегации. Советские востоковеды выступили на 11 секциях с 17 докладами: «Экономические и культурные взаимодействия между Египтом и соседними странами» — д-р ист. наук В. И. Авдиев; «Сравнительно-грамматический обзор хурритского и урартского языков» — канд. ист. наук И. М. Дьяконов; «Достижения в области изучения урартской культуры» — чл.-корр. АН Армянской ССР Б. Б. Пиотровский; «Изучение урартской эпиграфики и некоторые вопросы истории Урарту» — д-р ист. наук Г. А. Меликишвили; «Сирийский юридический сборник «Ишбохта и Матикан» — чл.-корр. АН СССР Н. В. Пигулевская; «Ленинградская рукопись по истории халифов Ас-Сули» — канд. филол. наук В. И. Беляев; «К вопросу о причинах сектантских движений в исламе в VII в.» — канд. ист. наук Е. А. Беляев; «О турецкой рукописи летописного свода Ходжи Хусейна «Бедаи ул-векаи» (из ленинградского собрания Института востоковедения

АН СССР) — канд. ист. наук А. С. Тверитинова; «Об авторе «Шахнаме» — акад. АН Таджикской ССР А. Мирзоев; «О причинах подъема и падения государства Саманидов» — акад. АН Таджикской ССР Б. Г. Гафуров; «К изучению творчества Камола Худжанди (в связи с подготовкой критического текста его Дивана)» — чл.-корр. АН Таджикской ССР И. С. Брагинский; «Искусство древнего Согда (VII—VIII вв.) по последним раскопкам Пенджикента» — канд. ист. наук А. М. Беленицкий; «Об аграрных отношениях в Азербайджане в XIII веке» — акад. АН Азербайджанской ССР А. Али-Заде; «Некоторые проблемы советской индологии» — канд. ист. наук В. В. Балабушевич; «Экономические предпосылки революции Мэйдзи» — канд. ист. наук П. П. Топеха; «К вопросу об особенностях формирования классов в Индонезии до 1945 г.» — чл.-корр. АН СССР А. А. Губер; «Сущность и значение восстания Османа дан Федио для истории Хауса» — д-р ист. наук Д. А. Ольдерогге.

Доклады членов советской делегации, базировавшиеся на марксистской методологии, отличались тем, что в них выдвигались проблемы, имеющие общенаучное значение, и все они были насыщены богатым фактическим материалом. На самих заседаниях, во время встреч в кулуарах и на приемах многие выдающиеся ученые как из стран Запада, так и из стран Востока с одобрением отзывались о выступлениях востоковедов Советского Союза и проявляли живой интерес к ведущимся в нашей стране научным исследованиям по различным отраслям востоковедения.

В дискуссии по докладу В. В. Балабушевича «Некоторые проблемы советской индологии» приняли участие проф. Бэшем (Англия), проф. Малаласекера (Цейлон), д-р Бисвас (Берлин) и проф. Гаур (Англия). Проф. Бэшем заявил о своем несогласии с данной В. В. Балабушевичем оценкой Тилака как прогрессивного деятеля национально-освободительного движения Индии. Ссылаясь на некоторые стороны религиозных воззрений Тилака, он утверждал, что его деятельность имела скорее реакционный характер. Проф. Бэшем и проф. Гаур заявили также о том, что им представляется неправильной общая оценка индийского восстания 1857—1859 гг. как народного восстания. Ряд участников дискуссии,

в частности большинство делегатов из стран Востока, в своих выступлениях отметили, что они согласны с той оценкой, какую дал Тилаку и народному восстанию советский ученый.

Члены советской делегации использовали все возможности для установления и укрепления научных контактов с зарубежными учеными. Этому в немалой степени способствовали встречи с группами зарубежных ученых, проводившиеся по инициативе делегации СССР. Гостями советских востоковедов были ученые США, Цейлона, Афганистана, ГДР, Чехословакии, Польши, Венгрии, Румынии, Франции, Бельгии, Ирана, арабских стран и Западной Германии. Во время этих встреч имел место оживленный обмен мнениями по актуальным вопросам востоковедения, по проблемам постановки востоковедного образования, публикации рукописей и т. д.

Особенно сердечными были встречи с учеными из стран Востока. Многие ученые заявили о своем желании укреплять деловые связи с востоковедами СССР. Проф. Селим Гассан выразил, например, желание передать для опубликования в сборнике, посвященном виднейшему русскому египтологу Голенищеву, свою статью. Некоторые из американских ориенталистов сообщили о том, что они приступают к изучению русского языка для того, чтобы иметь возможность лучше ознакомиться с достижениями советских ученых. Вместе с тем зарубежные ученые выражали пожелание, чтобы большее число работ советских востоковедов издавалось на иностранных языках.

Большое значение для ознакомления делегатов конгресса с исследованиями ориенталистов имела выставка книг и периодических изданий, организованная некоторыми издательствами Западной Германии, Голландии и других стран. С живым интересом знакомились делегаты также и со стендами, на которых были представлены работы советских востоковедов, изданные в СССР. Участники конгресса отмечали как положительный тот факт, что советские ученые, единственные из делегатов конгресса, привезли с собой печатные переводы текстов своих докладов, которые были розданы участникам заседаний соответствующих секций и другим заинтересованным лицам.

На заключительном заседании конгресса был обсужден вопрос о месте созыва XXV Международного конгресса востоковедов. Смехотворная попытка чанкайшестского представителя пригласить очередной конгресс собраться на Тайване потерпела фиаско. Аплодисментами было встречено принятое подавляющим большинством голосов решение созвать XXV Международный конгресс востоковедов в 1960 г. в Ленинграде. За предложение советской делегации голосовали представители США, Англии, Франции, Западной Германии, делегаты стран Востока и все представители социалистических стран.

XXIV Международный конгресс востоковедов в Мюнхене безусловно сыграл положительную роль, выявив как достижения мирового востоковедения, так и его отстающие участки. Выступления представителей стран Востока на конгрессе показали, что они уверенно выдвигаются на ведущие позиции в ориенталистике. Вместе с тем выступления членов советской делегации, свидетельствовавшие о бесспорных достижениях востоковедной науки в СССР, способствовали росту престижа советского востоковедения. Нельзя не отметить и то обстоятельство, что на конгрессе выявилось и некоторое отставание советской науки в области изучения языков древнего Востока и семитологии.

Весьма важны установленные на конгрессе в Мюнхене многочисленные научные контакты между советскими и зарубежными востоковедами. Они, без сомнения, окажут плодотворное влияние на развитие науки. Выражением большого интереса к работе советских востоковедов явилось дружное голосование делегатов по вопросу о созыве очередного XXV конгресса в Ленинграде.

Выступая в передаче, организованной радиоцентром Франкфурта-на-Майне, Б. Г. Гафуров рассказал немецким радиослушателям о значении работы, проделанной XXIV конгрессом, а также о задачах, стоящих перед советскими востоковедами.

Обсудив итоги участия советской делегации на XXIV конгрессе востоковедов, Президиум Академии наук СССР в принятом им постановлении отметил большое значение проделанной советскими учеными работы, одобрил их деятельность на конгрессе и выразил благодарность всем членам советской делегации. Президиум АН

СССР отметил, что подготовка к предстоящему XXV Международному конгрессу востоковедов в Ленинграде является одной из важнейших задач, стоящих перед советскими востоковедами. Советские ученые должны уделить самое серьезное внимание созданию фундаментальных марксистских монографий по всем отраслям востоковедения, в особенности по современному положению в странах Востока, научной критике апологетической буржуазной ориенталистики, филологическому анализу первоисточников, публикациям новых материалов и источников. В порядке подготовки к конгрессу решено провести совещания синологов, индологов, иранистов, тюркологов и арабистов с участием зарубежных ученых (1958—1960). В 1959 г. будет проведена Вторая всесоюзная конференция востоковедов. В том же году состоится Второе всесоюзное совещание по восточной филологии. При Институте востоковедения АН СССР создается Координационная комиссия по связям с ориенталистами стран народной демократии. Принято также решение об организации в составе ленинград-

ского отделения Института востоковедения АН СССР сектора древней восточной филологии и семитологии. Еще в текущем году будет рассмотрен план публикаций, приуроченных к Ленинградскому конгрессу, в том числе изданий, осуществляемых совместно с республиканскими академиями наук и с зарубежными востоковедами (в частности, совместно с учеными стран народной демократии).

Итоги XXIV Международного конгресса востоковедов в Мюнхене были также подробно обсуждены на заседаниях Ученого совета Института востоковедения АН СССР. Особое внимание было уделено задачам, стоящим перед коллективами всех отделов и секторов Института в деле подготовки к предстоящему Международному конгрессу востоковедов. Коллектив советских ориенталистов приложит все силы к тому, чтобы XXV Международный конгресс востоковедов в Ленинграде стал важной вехой в развитии отечественного и мирового востоковедения.

А. М.

ЗАМЕТКИ О ВСТРЕЧАХ С ЯПОНСКИМИ ИСТОРИКАМИ И ВОСТОКОВЕДАМИ

В мае — июне нынешнего года мне довелось посетить Японию в составе делегации Советского комитета солидарности стран Азии. Во время этой поездки я получил возможность более близко познакомиться с деятельностью японских университетов и научно-исследовательских институтов, установить личный контакт со многими японскими историками, чему в большой мере способствовали встречи, организованные японскими коллегами и проведенные благодаря любезности директора «Интернэйшнл хаус оф Джапан» Мацумото и сотрудника этого учреждения Кохэй Оката в их помещении. Во время встреч, протекавших в дружеской и непринужденной обстановке, я познакомился с рядом японских ученых, историков, экономистов, востоковедов, с руководителями научно-исследовательских

институтов, занимающихся проблемами востоковедения, мировой экономики и т. д. Интересные и содержательные сообщения японских коллег ввели меня в курс основных проблем, над которыми работают японские историки. Оживленный обмен мнениями вызвали проблемы периодизации истории Японии и других стран Востока, вопросы истории Индии и Юго-Восточной Азии. Японских ученых живо интересует работа советских историков в этой области. Очень многие японские историки и востоковеды читают работы советских ученых в подлинниках, следят за нашими историческими и востоковедными изданиями, за трудами наших археологов.

Сообщения японских коллег, а также материалы, которые они любезно предоставили в мое распоряжение (в частности, статья одного из крупнейших японских

историков проф. Кохасиро Такахаси), свидетельствуют о больших сдвигах и новых прогрессивных тенденциях, характеризующих в целом японскую историческую науку в послевоенный период. Как отмечает проф. Такахаси, «характер исторической науки в Японии сильно изменился после второй мировой войны и крушения японского милитаризма: она стала развиваться значительно свободнее. Это вызвано прежде всего тем, что крах абсолютистского милитаристского государства в 1945 г. нанес серьезный удар подчиненной культу Тэнно традиционной историографии, и исторические круги, таким образом, освободились от ее контроля. Дело в том, что исторические исследования после реставрации Мэйдзи находились под традиционной опекой правительства, руководствовавшегося абсолютистской философией „божественного права“, достигшей своего апогея в период второй мировой войны.

Во-вторых, в довоенный период наряду с вышеуказанной „правительственной“ историографией существовала историческая школа, которая рассматривала историю как общественную науку и поэтому изучала законы исторического развития общества. Эта школа возглавлялась рядом прогрессивных экономистов и историков, которые продолжали свою работу даже в условиях военного времени. В результате обретенной после краха японского милитаризма „академической свободы“ история, понимаемая как социальная наука, начала играть доминирующую роль в современной японской историографии.

Наконец, в результате распада абсолютистского полуфеодального общественного строя особенно обнажились различные внутренние противоречия, раздиравшие наше общество.

Во всех классах появился особый интерес к историческим условиям и особенностям процесса развития японского капитализма, начиная с последних десятилетий XIX в. В дальнейшем этот интерес стимулировала аграрная реформа. Все это не могло не привести к большому развитию исторической науки.

Значение крушения старого режима для развития и укрепления прогрессивных тенденций в современной японской историографии подчеркивали все

японские историки. Однако многие из них указывали и на факторы, тормозящие развитие науки, оказывающие на нее неблагоприятное влияние. К числу таких факторов они относят господство монополистического капитала и сохранение в значительной мере прежнего положения за старой бюрократией, ущемление национального суверенитета Японии навязанными ей ограничениями в экономических и торговых связях с Китайской Народной Республикой и другими социалистическими странами, перенесение в Японию американской системы Федерального бюро расследований.

Большое внимание японских историков привлекают вопросы рабовладельческого строя, перехода от рабовладения к феодализму, конкретные черты японского феодализма, предпосылки революции Мэйдзи и характер этого крупнейшего события в новой истории Японии, особенности развития капитализма в Японии, развитие демократических идей и история рабочего движения. При этом важно отметить большой интерес к экономической истории, в частности к истории аграрных отношений. Изучение политической истории в сочетании с проведением экономических и археологических исследований предопределяет ценность и новизну многочисленных послевоенных монографий и публикаций японских историков.

Поистине грандиозная работа проделана по изданию источников, особенно в послевоенные годы. Десятки и сотни томов документов и материалов по истории Японии с IX в. и по новейшее время, дневники и записки видных исторических деятелей и частных лиц, кадастры и земельные документы (кэнтё) вооружают японских историков и японоведов других стран ценнейшим материалом для изучения истории страны. Появляются монографии, использующие данные новых источников. Ряд вопросов ставится уже по-новому. В частности, нельзя не отметить разработку проблемы рабовладельческого строя в Японии и Китае.

До последнего времени большинство советских японоведов, равно как и многие японские историки довоенных лет, придерживались той точки зрения, что Япония миновала рабовладельческую формацию. В настоящее время японские историки единодушны в признании существования рабо-

владельческого периода в истории Японии. Спорным остается лишь вопрос о времени перехода от рабовладельческого строя к феодализму. Как отметил проф. Исима, на этот счет существуют три точки зрения. Некоторые считают периодом перехода от рабовладельческого строя к феодализму период Тайка, другие относят его к эпохе Камакура и даже к XIV в. Третьи рассматривают кэнтё (земельный кадастр и реформы — Хидэёси XVI в.) как укрепление феодальных порядков. Одновременно существует мнение, что, закрепив привилегированное положение верхушки сельского населения и создав условия для превращения ее в мелких феодалов и для усиления эксплуатации основной массы крестьянства, кэнтё в то же время способствовало развитию товарного производства и усилению противоречий между интересами крестьян и феодалов. Многие японские историки рассматривают как главные противоречия рабовладельческого общества противоречия между рабами и крестьянами и отождествляют их с противоречиями между рабами и классом рабовладельцев, который осуществлял свое господство через государственный аппарат. Насколько можно судить, довольно широкое распространение среди японских историков имеет понятие «азиатский способ производства», которым пытаются объяснить характер и особенности азиатского деспотизма. Изучение в Японии и Китае природы азиатского деспотизма привело к появлению ряда монографий. Используемый в этих исследованиях новый фактический материал, несомненно, представляет ценность. Думается, однако, что именно концепция «азиатского способа производства» создает для японских историков немало дополнительных трудностей при определении времени перехода от рабовладельческой формации к феодальной.

Правильно исходя из того, что смена общественных формаций связана прежде всего с внутренними процессами и в первую очередь с развитием производительных сил в той или иной рассматриваемой стране, японские историки не отрицают в то же время и значения внешних факторов — установления отношений с другими, более развитыми странами. Изучение японской истории в связи с историей других стран Востока и Запада приводит к признанию того, что на развитие Японии большое влия-

ние оказал Китай. В частности, с влиянием Китая, заимствованием его культуры поливного риса, японские историки связывают возникновение в Японии рабовладения на основе разложения первобытно-общинного строя. В самом Китае, по мнению многих японских историков, рабовладельческая формация сохранялась до VII—VIII вв. Проф. Нисидзима, автор ряда трудов по экономической и социальной истории Китая, высказал, например, мысль, что происходившая в Китае при Танах феодализация (VIII—IX вв.) аналогична процессам периода Тайка и Нара в Японии. Трудность исследования этих процессов объясняется, по его мнению, тем, что при азиатской деспотии отношения крестьян — основных производителей — к деспотии внешне сохраняют много общего с отношениями в период рабовладения. Проф. Масубути, усматривая много общего между Японией и Китаем, считает, что период до VII в. существенно отличается от последующего периода. До VII в. основу господства составляет власть над человеком-рабом, с VIII в. — получение ренты.

В ходе обсуждения всех этих вопросов, естественно, была затронута и проблема периодизации истории Японии. Ей в свое время была посвящена специальная научная конференция японских историков, материалы которой были опубликованы в прошлом году. В основу периодизации отечественной истории японские ученые кладут прежде всего смену общественных формаций. Это, несомненно, открывает путь к правильному решению проблемы, однако отмеченные выше трудности и недостаточная изученность конкретной истории различных периодов не позволяют еще составить такую схему периодизации, которая могла бы стать общепринятой. Известную трудность представляет также определение наиболее точных границ новой истории Японии. Большая работа, проводимая японскими учеными по изучению процессов развития капитализма в Японии, предпосылок революции Мэйдзи и ее характера, по публикации источников, несомненно, приведет к выработке научной периодизации истории Японии.

В области истории развития капитализма в Японии пока все еще наименее разработанными остаются вопросы, связанные с генезисом капитализма. Во время одной

из наших дискуссий, проходившей под председательством проф. Кобаяси, проф. Хани Горо отметил, что изучение зарождения капиталистических отношений в странах Востока затрудняется в значительной мере тем, что отсутствует четкая терминология, определяющая трудовые отношения. Он считает необходимым в первую очередь установить значение многих понятий, чтобы точно знать, о чем идет речь в источниках. По мнению Хани Горо, еще до появления европейцев в Японии в экономике страны имелись элементы капитализма. Развитие их в отдельных частях страны было весьма неравномерным. Уже в XV—XVI вв. существовали свободные города, например Сакаи, ведшие внешнюю торговлю, существовали также в зачаточном виде мануфактуры. Отражение этих процессов Хани Горо находит и в народном творчестве. Так, сохранившаяся народная песнь XVII в. повествует о том, как работники ткацкой мануфактуры заключают в конце года договор с хозяином. Что касается крестьянского движения, то оно охватывало лишь отдельные изолированные районы. Однако еще до XVII в. крестьяне стихийно выдвигали республиканские лозунги, напоминающие лозунги крестьянского движения времен Томаса Мюнцера. С XVII в. и до революции Мэйдзи борьба крестьян большей частью была направлена против ростовщиков, что нередко объясняется влиянием проникавших в страну иностранцев. Проф. Хаяси обратил внимание на то, что с XVIII в. крестьянское движение приобретает принципиально новое качество — оно впервые поднимается до уровня вооруженного восстания, выдвигает антифеодальные требования. На основе этого антифеодального крестьянского движения возникла и философия Андо с его критикой феодализма.

До войны некоторые историки (например Оно Такута) признавали наличие элементов капитализма в Японии XV—XVI вв.; они видели это в развитии в тот период городов, складывании рынка, превращении продукта крестьянского труда в товар. Во время войны, однако, широкое распространение среди прогрессивных историков получило мнение, что в XV—XVI вв. в Японии еще не было товарного производства и мануфактур. Вообще же следует заметить, что значительно больше

внимания уделялось японскими историками изучению феодального хозяйства, крупного землевладения, нежели элементов капитализма.

Большое впечатление оставляет знакомство с деятельностью Историографического института («Сирё-хэнсандзё») — старейшего ведущего института, занимающегося изучением, систематизацией и публикацией источников и материалов по истории Японии. Начало работе в этой области было положено еще в 1869 г., когда было решено составить и восстановить утраченные династийные истории с IX в. Первое время еще сохранялись традиции официальной историографии, и работа велась под руководством бюро при Кабинете министров. В конце XIX в. она была передана Токийскому университету и сосредоточена в специальном институте. Институт обладает ценной коллекцией редких книг и манускриптов, насчитывающей свыше 114 тыс. томов и более 19 тыс. портретов, карт и т. д. Библиотека Института все время пополняется. Так, например, в 1949 г. ей были переданы материалы отдела «реставрации Мэйдзи» из Министерства просвещения. Наиболее многочисленным по своему составу (23 сотрудника) является первый научно-исследовательский сектор института, возглавляемый проф. Сигэки Йосимура. Сектор занимается изучением исторических материалов, относящихся к различным периодам японской истории с IX по XVII в. н. э. и подготовкой монументального хронологического свода источников (Дайнихон-сирё). Опубликованные до настоящего времени 193 тома этого издания представляют огромную ценность. Второй научно-исследовательский сектор, руководимый проф. Кэйго Хогэцу, занят изучением и публикацией старых японских документов. Издано уже 116 томов этой серии, документы в них систематизированы частично хронологически, частично тематически и по месту хранения фондов. Серия включает, в частности, и документы, относящиеся к внешней политике последнего периода Токугава.

Обе серии документов дополняют друг друга и представляют собой самые крупные своды материалов и документов, когда-либо существовавшие в Японии. Обширность этих еще не законченных публикаций и трудности, связанные с использованием

193 томами «Дайнихон-сирё» привели к необходимости публикации пятнадцатитомной «Сирё-сорай», содержащей названия и заголовки рукописей, входящих в «Дайнихон-сирё».

Сравнительно недавно институт начал готовить к печати новую серию документов, из которых уже опубликовано одиннадцать томов. Эта серия включает в себя дневники и записи крупных политических и общественных деятелей Японии, выдвинувшихся в различные периоды ее истории. Изучением старых дневников, их подготовкой к печати занят третий научно-исследовательский сектор института, насчитывающий восемь сотрудников во главе с проф. Цунэюки Кавасаки.

Научно-исследовательская деятельность четвертого сектора института хронологически как бы продолжает работу первого. Сектор, руководимый проф. Тасабуру Ито, изучает и готовит к изданию исторические материалы, относящиеся к периоду начиная с XVII в. до революции Мэйдзи включительно. Ряд подготовленных этим сектором материалов по периоду Эдо и революции Мэйдзи входит в серию «Дайнихон-комонд» (например, внешнеполитическая документация последних лет Токугава), другие — составляют содержание специальных публикаций. К таким публикациям относятся шесть томов материалов периода Эдо («Дайнихон-кинсэй-сирё») и около двадцати томов документов времени революции Мэйдзи («Дайнихон-исин-сирё»). Для облегчения пользования последней публикацией составлены списки названий и заголовков всех входящих в нее рукописных материалов (десять томов). Нет возможности перечислить все публикации Историографического института. Отметим лишь, что на основе изучаемых и частично уже опубликованных первоисточников институт выпустил ряд учебников и обобщающих трудов (например, однотомный учебник истории Японии, двухтомную краткую историю периода Мэйдзи, шеститомную историю революции Мэйдзи и др.).

Большую пользу как японским историкам, так и ученым в других странах, изучающим древнюю и средневековую историю Японии, принесет публикация фотоконий типичных образцов старых документов, например факсимиле писем Тоётоми

Хидэёси, репродукции старых манускриптов и т. п. Пятый научно-исследовательский сектор Историографического института, руководимый проф. Сэйиси Ивао, изучает иностранные материалы, имеющие отношение к Японии. Так, институтом опубликован перевод на японский язык работы Е. Сатоу «Дипломат в Японии». Шестой сектор Института под руководством проф. Йосиаки Морисуэ занимается библиографией исторических материалов, составлением каталогов и указателей.

Большой интерес представляли беседы по вопросам востоковедения, проблемам Индии и Юго-Восточной Азии, проходившие под председательством проф. Токийского университета и директора Института восточных культур Нобору Нииды.

Для японского востоковедения, так же как и для японской послевоенной историографии, характерно развитие прогрессивного направления, рост числа ученых, стоящих на марксистских методологических позициях. При этом следует иметь в виду, что исследование проблем истории, экономики и идеологии стран зарубежного Востока в Японии неразрывно связано с исследованием коренных вопросов отечественной истории. Не случайно поэтому многие специалисты по истории Японии одновременно работают над проблемами истории Китая и других стран Востока. Специалисты по истории Запада, такие, как крупный прогрессивный историк Эгути Бокуро, уделяют большое внимание международным вопросам, политике западных держав в отношении Японии и других стран Востока. В довоенный период главное внимание японских востоковедов было сосредоточено на изучении Китая и Кореи. Сейчас появился большой интерес к изучению Индии, стран Юго-Восточной Азии, и Ближнего Востока. Японские археологи-востоковеды ведут раскопки в Иране и Ираке. Если в довоенное время научная работа была направлена главным образом на изучение языка, литературы и философии классических периодов, то теперь больше внимания уделяется новой и новейшей истории, экономике, современным проблемам Китая, Кореи, Индии и других стран. Это находит свое отражение в проблематике Института по изучению Китая, в работах Института социальных наук Токийского университета,

в изменении профиля Института иностранных языков. В последнем до войны основным предметом изучения были языки. Теперь наряду с языками изучаются и страны. Из восточных языков изучаются китайский, корейский, индонезийский, индийские, таи и в Осака — бирманский.

В Токийском университете создана кафедра истории Востока, предполагается создание кафедры истории Кореи. В мае 1952 г. при Токийском университете был создан Институт восточных культур. В задачу института входит ознакомление ученых других стран с итогами традиционных японских исследований в области восточных культур и внедрение новых идей и методов в изучение Востока, включая и Японию. Деятельность института связана с публикацией исследовательских трудов, сбором и публикацией документов. В настоящее время главное внимание уделяется публикации ценнейшей династической истории Кореи с 1332 по 1926 г., почти неизвестной и неиспользованной востоковедами Европы и Америки. Оригинальный текст летописи содержит 142 082 страницы с 360—450 иероглифами на каждой. Институт предполагает издать факсимиле источника или октаво в 50 томах по 600 страниц каждый. Как подчеркивает проф. Суэмацу, эта публикация будет большим подспорьем для тех, кто изучает историю Кореи с XV в., а также отношения между Китаем, Японией и другими странами. Уже опубликовано одиннадцать томов летописи, охватывающих период до 1450 г.

Значительное внимание современным проблемам Индии и Юго-Восточной Азии уделяет молодой Институт социальных наук при Токийском университете. Один из его отделов, наряду с изучением СССР, США, Англии, Франции, стран Юго-Восточной Европы и Латинской Америки изучает рабочее движение, жилищный вопрос, структуру деревни и т. п. в странах Востока.

В августе 1947 г. был основан Институт мировой экономики, возглавляемый членом бюро Совета Мира проф. Иоситаро Хирано. Институт ставит задачу изучения мировой экономики и политики с марксистских позиций. Он занимается исследованием развития производства и экономического положения в отдельных странах, изучением

международных монополий, экономических кризисов, промышленных циклов, конъюнктуры и перспектив промышленной активности, а также вопросов применения атомной энергии и ее влияния на промышленную структуру. Институт не связан с государственными учреждениями и правительством. Институт издает ряд периодических изданий: кварталник по мировой экономике, ежемесячные публикации материалов по мировой экономике и политике и выходящий раз в три месяца журнал, освещающий международные отношения.

Проф. Хирано одновременно является и президентом Института по изучению Китая. Этот институт был организован в январе 1946 г. с целью научного изучения нового Китая и развития взаимопонимания между Японией и Китаем. В центре внимания института в 1957 г. стояли следующие научно-исследовательские темы: политическое развитие Китая после образования народной республики, развитие правовых институтов в КНР, социалистическая индустриализация, сельскохозяйственная кооперация, техника и технология в современном Китае, экономические отношения КНР со странами социалистического и капиталистического лагерей. Ведется также сравнительное изучение истории развития демократической мысли в Японии и Китае и японской литературы по Китаю. Ряд проблем разрабатывается всем коллективом, к ним относятся прежде всего проблема перехода от демократической революции к социалистической, природа власти в КНР.

Большой интерес вызывают вопросы социалистического накопления, коллективизации сельского хозяйства при отсутствии достаточной базы механизации. В решении и изучении этих вопросов, по словам японских китайцев, они испытывают значительные трудности. Особое внимание уделяется изучению современной китайской литературы. Однако японские исследователи при этом до последнего времени испытывали значительные трудности из-за отсутствия в японских библиотеках произведений современных писателей. Японские библиотеки и институты обладают богатейшими собраниями классических китайских литературных памятников и старых книг, здесь имеются книги, которых нет даже в Китае. Поэтому боль-

шая часть работ японских литературоведов-китайцев была связана раньше с изучением старой китайской литературы. В этой области достигнуты немалые успехи, высоко оцениваемые и в Китае. Сейчас пополнение библиотек современной литературой идет довольно успешно, что, несомненно, облегчит литературоведческую работу японских синологов.

Институт издает ежемесячный журнал о Китае и ежеквартальный, освещающий вопросы экономики Китая; начиная с 1955 г. выпущено три ежегодника, посвященных Китаю (за 1955, 1956, 1957 гг.). Каждые десять дней выходят экономические обзоры по Азии. Наряду с этими периодическими изданиями вышла в свет «Энциклопедия по новому Китаю» (1950 г.), свыше 12 томов «Анналов китайской экономики», «Сборник законов КНР» (1955 г.), работа о коллективном обучении в Китае (1957 г.), перевод работ Го Мо-жо и другие работы.

Наиболее крупным центром научно-исследовательской работы по Востоку является руководимый проф. Ниидой Институт восточных культур. Институт возник в 1941 г. при Токийском университете. В нем изучаются религия, философия, языки, этнический состав, история, география, экономика, искусство и право стран Востока. Сотрудники института работают над индивидуальными темами, одновременно участвуя в коллективной разработке проблем. Если до войны институт почти не занимался изучением Индии, Юго-Восточной Азии и Ближнего Востока, то сейчас проблемами этих стран занимается ряд ученых (например Мицуо Ара, специалист по средневековой Индии, проф. Хэйдзи Накамура — по истории Индии и др.). Сотрудники института выезжают на три — четыре года в научные командировки в Индию, Сирию, Иран. Институт восточных культур, несмотря на существование специальной работы по Китаю, в частности по изучению Китайской Народной Республики. В Институте имеется много книг и материалов, относящихся к Китаю, библиотека его богаче, нежели библиотека Института по изучению Китая, однако современных книг и публикаций в ней меньше, чем в последней. Мы имели возможность довольно подробно ознакомиться со специальной биб-

лиотекой по Востоку. В основу ее в свое время была положена известная пекинская коллекция Моррисона, состоявшая главным образом из книг по Востоку на европейских языках. В дальнейшем она была пополнена в общей сложности полумиллионом ценнейших изданий рукописей, ксилографов и старых книг, особенно по Китаю. Фактически библиотека представляет собой исследовательский институт. В частности, она является центром изучения тангутских рукописей, здесь сосредоточена также проводимая в соответствии с решением Конгресса молодых синологов в Лейдене работа по изучению Сунской эпохи Китая. Руководители и сотрудники библиотеки, как, впрочем, и других японских научных учреждений, тщательно следят за советскими изданиями как периодическими, так и монографическими.

Приходилось выслушивать немало жалоб на нерегулярное поступление наших журналов, на трудности с получением необходимой научной литературы. Пробелы в комплектовании советских журналов и книг в значительной мере были связаны с отсутствием нормальных отношений между нашими странами и неналаженностью регулярного обмена непосредственно между научными учреждениями. Было высказано пожелание создать в Японии и СССР специальный обменный фонд, который обеспечивал бы регулярное поступление всей необходимой литературы. Такого рода обмен у Японии налажен с США и некоторыми другими странами. В Японии имеется неизмеримо больше, чем во многих странах Европы, не говоря уже об Индии, историков, социологов, экономистов, востоковедов, которые по крайней мере пассивно владеют русским языком и стремятся быть в курсе постановки и решения в нашей стране вопросов, связанных с их специальностью. Установление нормальных дипломатических и торговых отношений между нашими странами, несомненно, будет содействовать и дальнейшему развитию культурных связей. В связи с тем, что мы не имели возможности следить за всеми японскими послевоенными изданиями, мы часто недооценивали все возрастающее влияние передовых японских ученых марксистской методологии. Научный марксистский метод завоевывает все больше сторонников

среди представителей гуманитарных наук. Этому в значительной мере способствовала публикация в японском переводе произведений классиков марксизма-ленинизма, работ Мао Цзэ-дуна. Переводы сочинений Маркса, Энгельса, Ленина осуществлялись в Японии и до войны, но в условиях господства реакционного режима эти переводы, как и переводы произведений Сунь Ят-сена, зачастую сознательно искажали оригинал, выхолащивали его революционное содержание. В настоящее время создаются и публикуются подлинно научные переводы собраний сочинений Маркса, Энгельса и Ленина.

Япония занимает первое место среди всех стран мира по изданию переводов научных и художественных произведений с иностранных языков. Очень много переводится и с русского языка, в частности издательством «Наука», а также прогрессивным издательством «Хэйбонсю». Последнее выпускает целую серию энциклопедий, монографий по искусству Японии и зарубежных стран, научную литературу. Так, это издательство осуществило перевод на японский язык второго издания коллективного труда советских историков «Международные отношения на Дальнем Востоке».

Дискуссии и встречи в Токио дали возможность познакомиться не только с учеными столицы, но и с профессорами других японских университетов. Во время одной из дискуссий я впервые встретился с профессором Кётоского университета Томура, известным японским монголистом. Проф. Томура работает над расшифровкой тангутской письменности, ему хорошо известны работы Невского. Приятно было также вновь встретиться с проф. Ивакура, принимавшим участие в Международном конгрессе историков в Риме в 1955 г.

Во время поездки по стране нам удалось познакомиться с некоторыми местными научными учреждениями и учеными, правда, не так детально, как в Токио. Так, пребывание в Осака дало возможность посетить Кансайский университет, насчитывающий свыше 10 тыс. студентов на дневных факультетах и 5 тыс. на вечерних. Изучается в университете и история стран Востока. В отличие от Токийского и Кётоского университетов здесь не уделяется специального внимания восточной филологии. В Кёто нас познакомили с организацией

исторической и востоковедной работы в Кётоском университете. На литературном факультете две кафедры по Китаю — кафедра литературы и кафедра языка. История стран Востока изучается на кафедре всеобщей истории иностранных государств. Однако специализирующихся по истории стран Востока, кроме истории Китая, очень мало, два-три студента специализируются по истории Индии.

Интересной была встреча с научным кружком востоковедной молодежи. Кружок насчитывает около двух десятков молодых людей и девушек, студентов университета, аспирантов, учителей средней школы, молодых ассистентов и доцентов, которые работают над избранными ими темами на добровольных началах. Систематически проводятся заседания с обсуждением докладов и статей. Кружок издает свой журнал. Стремление участников кружка серьезно и глубоко подойти к изучению интересующих их вопросов, работа над языком изучаемой страны — все это производит самое положительное впечатление. Правда, состав кружка неоднороден как с точки зрения теоретической подготовленности, так и знания языков. Если ассистент Токийского университета Хэйдзи Накамура достаточно хорошо владеет хинди, а работающий по истории Индии периода Моголов Исида свободно пользуется персидскими материалами, то некоторые участники кружка не знают языков стран, над проблемами которых они работают. Однако дружеская, теплая атмосфера этого кружка, поддержка его работы многими крупными прогрессивными учеными являются залогом успеха.

Среди участников кружка большинство интересуется проблемами Индии. Ведется разработка таких тем, как особенности монополистического капитала в Индии, социально-экономические процессы в Индии в конце XIX в., возникновение Индийского национального конгресса, история сатьяграхи, крестьянское движение в Индии и т. п. Большой интерес вызывает Ганди и гандизм. В связи с этим была переведена и напечатана в журнале статья А. М. Дьякова и И. М. Рейснера о Ганди, опубликованная в «Советском востоковедении» (№ 5, 1956 г.). Порадовало хорошее знание всеми участниками этого молодежного востоковедного кружка работ

советских востоковедов по интересующим их проблемам и та оперативность, с которой они успели перевести и напечатать статью о Ганди.

Выражением особого внимания и дружеского отношения к нам со стороны японских историков и востоковедов служат преподнесенные нашей делегации многочисленные ценные книги и журналы. Разнообразные монографии и периодические

издания с их широким диапазоном тематики от проблем рабовладельческого строя до биографии президента Демократической Республики Вьетнам и экономической истории Индонезии гораздо лучше, чем эти краткие заметки, расскажут о достижениях и прогрессивных тенденциях современной японской историографии.

А. А. Губер

ВЫСТАВКА ИСКУССТВА ИРАНА В ГОСУДАРСТВЕННОМ МУЗЕЕ ВОСТОЧНЫХ КУЛЬТУР

Министерство культуры СССР и Комиссия СССР по делам ЮНЕСКО организовали в июле текущего года в залах Государственного музея восточных культур выставку иранской миниатюры. Иран издавна славился своей миниатюрой. Предание считает родоначальником ее Мани, жившего в III в. н. э.; имя его символизирует в Иране гения живописи.

В древности в Иране большое распространение имела стенопись, а в средние века — миниатюрная живопись. В это время появилось множество изящно переписанных и богато украшенных этим видом живописи рукописей. Лучшие мастера почерка, искусство которых в мусульманский период особенно ценилось, создавали в придворных библиотеках-мастерских книжного дела — «китаб-хана» — поистине шедевры каллиграфии. Искусные декораторы расписывали красками и золотом не только поля страниц рукописи, но и обрамляли изящными «облачками» золота самые строки текста. В чистые страницы рукописи миниатюристы вписывали свои миниатюры; оформление завершали мастера переплетного дела. В XVIII в. миниатюра, возникшая как вид художественного украшения рукописной книги, получает значение самостоятельного произведения, сохраняющего характерные для нее размеры и во многом — прежние качества иллюстрации. Такие миниатюры на отдельном листе — «лаух» любители живописи собирали в альбомы — «муракка».

На выставке были представлены красочные репродукции миниатюр из рукописей

«Шахнаме» Фирдоуси (около 1430), сборника рассказов «Калила и Димна» (1410—1420), собрания поэм Джами (1481), из сборника летописей «Джами'ат-таварих» Рашид-ад-дина (1596) и других. Иранские миниатюры привлекают зрителя тонкостью, выразительностью и чистотой рисунка, ярким богатым колоритом и насыщенностью содержания, которое имеет поведенческий характер. Они свидетельствуют о большом таланте и мастерстве живописцев Ирана. Иранская миниатюра ценна не только как художественное произведение, но и как культурно-исторический документ, сочетающий в себе превосходные декоративные качества со многими реалистическими чертами в исполнении отдельных деталей. На миниатюрах XV в. небо обычно покрыто золотом, земля декоративно-красочна, в деталях много золота. На этом фоне с исключительной точностью вырисованы фигуры людей и животных, постройки, деревья и цветы. Все живое находится в движении и в то же время строго подчинено композиционному началу.

Среди экспонатов имелись также репродукции индийской миниатюры XVI в., могольской школы, возникновение которой связано с миниатюрой Ирана. Эти миниатюры иллюстрируют историю Чингис-хана из упомянутого сочинения «Джами'ат-таварих». Написаны они известными художниками Великого Могола падишаха Акбара.

Особый интерес представляют образцы стенописей дворца XV—XVII вв. «Чехель

Сутун» в Исфахане, воздвигнутого шахом Аббасом II Сефевидом. Несмотря на неудовлетворительное состояние сохранности, фрески этого дворца не потеряли своего изящества и поэтичности. На них изображены молодые женщины, прогуливающиеся в цветущих садах.

Здесь мы уже наблюдаем отход от при-
сущих старой миниатюре строгой плоско-
стности и преобладания декоративного
начала, намечается стремление к простран-
ственному и объемному изображению, что
после скованности и условности строго
плоскостной миниатюры производит отрад-
ное впечатление.

Оформляя выставку ЮНЕСКО, Музей
восточных культур экспонировал также
различные виды прославленного художе-
ственного ремесла Ирана: керамику, стекло,
бронзу, серебро, ковры и ткани, рукописи
и лаковые изделия с росписью и другие
предметы.

Народы Ирана, обладающие большим
творческим талантом, создали искусство
изящное, чистое и ясное, как цвет любимого
в Иране камня — лазурной бирюзы.
Это — искусство древнего народа, сумев-
шего пронести через все исторические
бури свою самобытность и свободолюбие.

С. И. Тюляев

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

ОБ ИЗДАНИИ «ЭНЦИКЛОПЕДИИ ВОСТОКА»

В июне 1957 г. произошло знаменатель-
ное событие в истории советского востоко-
ведения. Мы имеем в виду Первую все-
союзную конференцию востоковедов, ра-
ботавшую в Ташкенте. Эта конференция
подвела итоги работы советских востоко-
ведов за последние десятилетия. Она кон-
статировала большой рост кадров ученых-
востоковедов и, что особенно отрадно,
востоковедов в наших восточных респуб-
ликах. Наличие этих кадров, а также
накопленный опыт в изучении Востока
позволяют советскому востоковедению
ставить перед собой важные, еще не разре-
шенные творческие задачи.

Нам представляется, что одной из таких
первостепенной важности задач явилось
бы издание «Энциклопедии Востока»,
предложение о котором было сделано на
Первой всесоюзной конференции востоко-
ведов. В таком издании имеется настоя-
тельная потребность. Сотни тысяч читате-
лей в СССР и за рубежом желают получить
научно обоснованные данные по вопросам,
связанным с жизнью народов Востока,
иметь более полное представление о го-
сударственных деятелях, ученых, масте-
рах искусств и т. д. Известно, что такой
энциклопедии нет. На Западе изданы эн-
циклопедии по отдельным вопросам восто-
коведения, как, например, «Энциклопе-
дия Ислама», которая, несомненно, явля-

ется выдающимся вкладом в науку. Но и
она не может нас удовлетворить по своей
методологии и по охвату

Создание «Энциклопедии Востока» по-
требует многолетних усилий широкого
коллектива ученых. К изданию ее нужно
приступить уже сейчас, с тем чтобы в этом
большом деле приняли участие представи-
тели старшего поколения востоковедов-
экономистов, историков, философов, фило-
логов, специалистов по культуре стран
Востока и другим отраслям востоковедения.
В творческом содружестве ученых
старшего поколения с молодыми учеными
наша востоковедная наука в состоянии
дать полноценные коллективные труды.
Полезным окажется также и опыт издания
«Большой Советской Энциклопедии».

К написанию «Энциклопедии Востока»
необходимо привлечь востоковедов стран
народной демократии, а также востоковедов
из других стран. Тем самым издание «Эн-
циклопедии Востока» может послужить и
благородной задаче творческого объедине-
ния ученых различных стран.

Мы мыслим себе «Энциклопедию Востока»
как издание глубоко научное и в то же
время рассчитанное на широкие круги чи-
тателей, проявляющих интерес к Востоку.

Мы надеемся, что предложение об изда-
нии «Энциклопедии Востока» получит
поддержку всех советских востоковедов.

Акад. И. А. Орбели, д-р ист. наук проф. Н. А. Кисля-
ков, д-р ист. наук проф. Д. В. Ольдерогге, д-р ист. наук
проф. И. П. Петрушевский, доц. канд. филол. наук
В. И. Беляев, доц. канд. филол. наук В. М. Бескров-
ный, ассист. С. Иванов, доц. К. Камьянов, доц. К. Кур-
доев, доц. канд. филол. наук В. А. Новикова, доц.
А. Новичев, канд. филол. наук Е. М. Пинус, доц.
Н. Петровский, канд. ист. наук Е. М. Пещерова, доц.
А. Розенфельд, ассист. О. Фролова

С. Е. МАЛОВ

Советская тюркология понесла тяжелую утрату — 6 сентября 1957 г. скончался член-корреспондент Академии наук СССР, заслуженный деятель науки Казахской ССР Сергей Ефимович Малов.

С. Е. Малов родился 16 января 1880 г. в Казани в семье профессора Казанской духовной академии. Вопреки воле родителей, Сергей Ефимович отказался от духовного образования и посвятил себя научной деятельности. В 1904 г. он поступил на факультет восточных языков С.-Петербургского университета и скоро начал занятия в кружке основоположника научной тюркологии акад. А. В. Радлова. Сразу после окончания университета в 1909 г. С. Е. Малов был направлен в Западный и Центральный Китай для изучения уйгурских диалектов и памятников древней уйгурской письменности.

Дважды в течение 1903—1913 гг. С. Е. Малов совершил один на скудные средства путешествия в отдаленные районы Западного и Центрального Китая, где ему удалось собрать огромное количество материалов по живым уйгурским диалектам. Результаты своих исследований он изложил в трудах «Уйгурский язык. Хамийское наречие» (1954), «Лобнорский язык» (1956), «Язык желтых уйгуров» (1957). Последний труд представляет собой грамматику и словарь неизвестного в науке языка, желтых уйгуров, впервые описанного С. Е. Маловым.

В провинции Ганьсу С. Е. Малов нашел редчайший памятник древнеуйгурской письменности — список «Сутры золотого блеска», изданный В. В. Радловым и С. А. Маловым в серии «Bibliotheca Buddhica». Новые открытия выдвинули С. Е. Малова в ряд первоклассных ученых-тюркологов.

С. Е. Малов совершил также ряд экспедиций в Сибирь и Якутию, бывал в Поволжье, в Каракалпакии и т. д.

Широкое знакомство с живыми тюркскими

языками сочеталось у С. Е. Малова с глубоким знанием памятников древнетюркской письменности. Он был признанным авторитетом в вопросах древнеуйгурской и орхонско-енисейской письменности. Последние труды С. Е. Малова — «Памятники древнетюркской письменности» (1951) и «Енисейская письменность тюрков» (1952) — подвели итог целому этапу изучения древней тюркской рунической письменности.

Разносторонняя научная и педагогическая деятельность С. Е. Малова развернулась после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Он был активным участником ряда научных съездов и конференций по вопросам языка и письменности тюркских народов СССР, долгие годы вел преподавание тюркских языков в высших учебных заведениях Казани, Ленинграда и Ташкента. В 1923 г. С. Е. Малов был избран профессором Восточного факультета Среднеазиатского государственного университета, с 1923 по 1938 г. состоял профессором Ленинградского восточного института и затем Ленинградского государственного университета. С 1934 г. С. Е. Малов руководил кабинетом и сектором тюркских языков Института языкознания Академии наук СССР. В 1939 г. он был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР.

Перу С. Е. Малова принадлежит свыше 150 работ, являющихся ценным вкладом в тюркологию. Научные заслуги С. Е. Малова отмечены высокими правительственными наградами.

Всю свою жизнь С. Е. Малов отдал бескорыстному служению науке. Исключительно требовательный к себе и глубоко принципиальный в вопросах науки, С. Е. Малов был вместе с тем скромным и отзывчивым человеком. Советские востоковеды навсегда сохранят благодарную память о выдающемся ученом С. Е. Малове.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 1957 г.

Из материалов Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС	5	7
К. Маркс. Индийское восстание	5	7
Телеграмма В. И. Ленина М. Кемалю	5	13

ПЕРЕДОВЫЕ

В. И. Ленин и национально-освободительная борьба народов Востока	2	3
Великая годовщина	5	3
О подготовке к предстоящему XXV Международному конгрессу ориенталистов	6	3
Победа творческого марксизма-ленинизма	3	3

СТАТЬИ, ПУБЛИКАЦИИ, СООБЩЕНИЯ

Политика и экономика

А. К. Азизян. Социалистическое преобразование наций Советского Востока	5	27
Н. Ф. Бульгин. К вопросу воссоединения Западного Ириана с Индонезией	1	129
Д. Р. Вобликов. Англо-американское соперничество в послевоенной Эфиопии	4	27
Б. Г. Гафуров. О перспективах развития советского востоковедения	3	7
Л. Р. Гордон-Полонская. Экономическое положение Пакистана	2	49
А. С. Кауфман. Экономическое положение Бирмы	1	36
Г. Ф. Ким и Р. А. Ульяновский. Вторая годовщина Бандунгской конференции стран Азии и Африки	2	13
В. М. Коллонтай. Компания Суэцкого канала — орудие империалистического гнета	2	135
Р. Г. Ланда. Борьба алжирского народа за национальную независимость	6	26
И. М. Лемин. «Доктрина Эйзенхауэра» — программа колониального забалования Ближнего Востока	1	3
А. В. Меликсетов. Идеологическое перевоспитание буржуазных элементов в КНР	1	22
Н. А. Мухитдинов. Великий Октябрь и Восток	5	15
А. Ротштейн. Британский реформизм и колониальный вопрос	6	8
С. К. Роцин. О возникновении и развитии социалистического уклада в экономике МНР	2	20
М. И. Сладковский. Развитие торговых путей между Советским Союзом и Китаем	1	118
Е. С. Троицкий. Американские монополии в экономике Филиппин	3	32
Р. А. Ульяновский. Индия в борьбе за экономическую независимость (о государственном секторе в экономике Индии)	4	9

История

Л. Б. Алаев. Развитие индийского ткачества (до проникновения в Индию европейцев)	3	95
К. А. Антонова. О генезисе капитализма в Индии	6	54
А. Б. Арутюнян и Г. З. Соркин. Первый съезд народов Востока	5	114
К. З. Ашрафян. К истории развития ленной системы в Делийском султанате в XIV веке	4	51
Е. А. Белов. Агрессивная политика империалистических держав в Китае в период революции 1911—1913 годов	2	65
Ю. Э. Брегель. Землевание у туркмен в Хивинском ханстве в XIX веке	3	123
С. Л. Будкевич. Из истории японо-американских противоречий на Дальнем Востоке	3	138

С. Видьяланкар. Освободительное движение в Индии (1917—1930 гг.) . . .	5	76
А. М. Дьяков. Победа социализма в СССР и борьба Индии против империализма . . .	5	81
Г. В. Ефимов. Внешняя политика Цинского правительства во время китайско-японской войны 1894—1895 годов . . .	3	17
Н. А. Иванов. Народное антиколониальное движение в Тунисе и младотунисцы . . .	1	50
Ким Сен Хон. Борьба корейского народа за независимость . . .	5	69
Э. Н. Комаров. Экономические предпосылки индийского народного восстания 1857—1859 годов . . .	4	39
А. А. Кузнецов. Октябрь и укрепление независимости Ирана . . .	5	100
В. Б. Луцкий. Июльская революция 1952 года в Египте . . .	2	31
В. Б. Луцкий. Октябрьская революция и арабские страны . . .	5	87
Л. И. Мельников. Из истории использования империалистами территории Ирана как плацдарма против Советской России (1917—1920 гг.) . . .	1	145
Минь Чань. Октябрьская революция и национально-освободительная борьба народов Индо-Китая . . .	5	49
О. С. Николаева. Августовско-сентябрьское движение в Японии в 1918 году . . .	5	104
Ю. М. Парфионович. Китайские историки о зарождении капитализма в Китае . . .	4	107
В. М. Поцхверия. Проникновение США в Турцию в XIX—начале XX в. . .	1	135
А. В. Райков. Рабочее движение в Индии в 1905—1908 годах . . .	2	144
О. И. Смирнова. Из истории арабских завоеваний в Средней Азии . . .	2	119
Б. Я. Ставиский. Дворцовое хозяйство пияджикентского владетеля . . .	1	86
Д. Тумур-Очир. От Монголии феодальной к Монголии социалистической . . .	5	59
Н. А. Халфин. Посольство Баба-Рам-Сингха в Туркестан в 1879 году . . .	2	153
Фань Жо-юй. Торжество идей социализма в Китае . . .	5	39
В. Цветкова. О религиозно-национальной дискриминации в Болгарии во время турецкого владычества . . .	2	78
В. М. Штейн. Из истории отношений между Китаем и Индией . . .	6	65
М. Ф. Юрьев. К истории организации Народно-освободительной армии Китая (30-летие Наньчанского восстания) . . .	4	3

Филология

Г. Ю. Алиев. Ранние христианские источники легенды о Хосрове и Ширин . . .	6	87
М. О. Ауэзов и Е. В. Лизунова. О развитии литератур народов Средней Азии и Казахстана в эпоху социализма . . .	5	121
Н. А. Баскаков. Морфологическая структура слова и части речи в тюркских языках . . .	1	72
П. Г. Булгаков и А. Б. Халидов. «Вторая записка» арабского путешественника X века Абу Дулафа . . .	3	60
О. Л. Вильчевский. Хакани. Некоторые черты творчества и мировоззрения поэта . . .	4	63
П. А. Грязневич и А. Н. Болдырев. О двух редакциях «Та'рих-и Табарй» Бал'амй . . .	3	46
Из стихов поэтов Африки . . .	5	130
В. И. Кальянов. Калидаса — великий поэт Индии . . .	1	61
Н. И. Конрад. Начало китайского гуманизма . . .	3	72
В. Д. Лебедев. Монументальное искусство средневековой Камбоджи . . .	6	39
Неизвестный перевод И. Ю. Крачковского из Абу-л'Ала ал-Ма'арй . . .	6	111
З. Г. Османова. Абулькасим Лахути . . .	6	74
Е. В. Паевская. Общественно-политические взгляды Бонкима Чондро Чоттопадхайя . . .	2	89
А. А. Пашковский. К характеристике японских синтаксисов . . .	2	101
Л. П. Потапов. Новые данные о древнетюркском «Ötükän» . . .	1	106
Э. Рустамов. Муназарэ «Стрела и лук» узбекского поэта XV века Якини . . .	4	90
Г. П. Сердюченко. К вопросу о классификации народов и языков Китая . . .	4	117
М. В. Софронов. Принципы глагольного словообразования в языке романа «Шуйхуэчуань» . . .	3	160
О. П. Суник. О типах основ и окончаний слова в тунгусо-маньчжурских языках . . .	6	97
А. И. Шифман. Лев Толстой — друг Индии . . .	1	95
В. Г. Эрман. Об элементах народности в индийской классической драматургии . . .	4	77

НАУЧНЫЕ ЗАМЕТКИ

Г. М. Бонгард-Левин. Изображение хранилища для зерна на печатях Мохенджо-Даро и Хараппы . . .	6	119
---	---	-----

Х. Курбатов. Об унификации алфавитов тюркских языков в СССР . . .	6	117
А. М. Мугинов. Ленинградская рукопись «Жизнеописания шейха Рузбихана» . . .	6	114
П. И. Петров. Ферман шаха Султан Хусейна Бахтангу VI . . .	4	127
А. В. Райков. Открытое письмо Таракнатха Даса Льву Толстому . . .	4	125
Ш. Сарыбаев. Еще раз к вопросу об унификации тюркских алфавитов в СССР . . .	1	166
П. Шаститко. Миссия Мехти Рафаилова к Раджит Сингху . . .	4	129

ИСТОРИОГРАФИЯ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

Б. А. Абдурраззак. Т. Н. Кары-Ниязов. Очерки истории культуры советского Узбекистана . . .	1	191
Ф. В. Алексеев и П. И. Марков. Ло Юань-цзэн. Экономические преобразования в Китайской Народной Республике . . .	1	196
Р. М. Алиев и М. Н. Османов. Некоторые издания Тегеранского университета . . .	4	167
Г. В. Астафьев. J. L. Stuart. Fifty Years in China. The Memoirs of John Leighton Stuart, Missionary and Ambassador . . .	4	158
Е. Э. Бертельс. К выходу в свет книги А. Зайончковского «Gazele wybrane Hafiza» . . .	6	147
Ю. Е. Борщевский. Islamic art and archaeology. A register of works published in the year 1954 . . .	6	173
М. И. Брагинский. Мбийю Коинанге. Говорит народ Кении . . .	5	167
С. С. Булатов. Общество «Мокуёкай» и демократическая печать Японии . . .	1	161
Т. А. Бурдукова. Г. И. Михайлов. Очерки истории современной монгольской литературы . . .	6	142
А. А. Валитова. Расцвет литературы каракалпакского народа (обзор литературоведческих изданий) . . .	5	140
В. С. Гарбузова. Л. О. Алькаева. Творчество Халида Зии Ушаклыгиля . . .	6	146
Э. Герольд и Я. Прушек. Востоковедение в Чехословакии . . .	5	136
В. Я. Голант. Жан-Поль Гарруа. Африка — умирающая земля . . .	1	205
А. М. Голдобин. Ар-Рафии Абдуррахман. Восстание 1919 г. в Египте . . .	1	202
Д. И. Гольдберг. Идзу Кимпо. История Японии . . .	6	162
С. С. Григорьевич. Из истории отечественного востоковедения (Владивостокский восточный институт в 1899—1916 гг.) . . .	4	131
Л. Я. Дадвани. Две книги об Индонезии . . .	3	192
А. А. Дмитриев. J. Ingram Economic Changes in Thailand since 1850 . . .	6	169
В. И. Дулов. Революция 1905—1907 годов в России и народы Востока . . .	2	196
В. А. Жаров. Преступления колонизаторов в Индонезии . . .	5	164
Е. Жилкин и М. Нугманов. Из истории изучения китайской философии в России . . .	3	149
Д. С. Завериев. Г. Л. Бондаревский. Багдадская дорога и проникновение германского империализма на Ближний Восток . . .	6	135
А. А. Зайончковский. О некоторых избранных работах в польском востоковедении в области тюркологии, арабистики и иранистики (1946—1956 гг.) . . .	2	159
М. И. Занд. Dèjiny perské a tádžické literatury. Za redakce akad. Jana Rypky . . .	6	150
Б. Н. Заходер. Первый библиографический журнал в Иране . . .	1	163
И. Я. Златкин. O. Lattimore. Nationalism and Revolution in Mongolia . . .	4	149
Р. П. Корниенко. Люфю Эриши. История рабочего класса Турции . . .	3	198
М. Коэн. И. Ю. Крачковский. Избранные сочинения, т. I . . .	2	176
М. В. Крюков. Некоторые вопросы перевода и популяризации «Исторических записок» Сыма Цяня . . .	3	106
Н. С. Крюков и В. П. Федотов. Цин Жу-цзи. История агрессии США в Китае . . .	5	154
Л. Н. Кудашев. Война на Тихом океане в освещении японских историков . . .	6	156
В. П. Курбатов. Крестьянское движение в период первой гражданской революционной войны . . .	2	191
Е. А. Кургиян. Х. Г. Гулянян. Очерки истории армянской экономической мысли XIX века . . .	4	141
З. И. Левин. Журнал Арабской академии наук в Дамаске . . .	4	164
А. Г. Лундин. Sidney Smith. Events in Arabia in the 6th Century A. D. . .	1	211
С. М. Мирный. T. Mende. Conversations avec Nehru . . .	4	145
И. И. Орлик. «Acta Orientalia», vol. IV—V . . .	4	162
В. И. Павлов и И. М. Рейснер. А. И. Левковский. Некоторые особенности развития капитализма в Индии до 1947 г. . .	3	169
Е. М. Пинус. А. Е. Глускина и В. В. Логунова. Очерки истории современной японской демократической литературы . . .	6	144
Д. К. Пономарев. J. Gunther. Inside Africa . . .	5	160

В. А. Попов. Обследование послевоенной японской деревни	2	203
А. М. Пятигорский. Вопросы истории тамильской культуры в журнале «Tamil culture»	6	123
В. А. Рубин. Реферирование китайской литературы по истории	1	159
П. П. Севостьянов. Международные отношения на Дальнем Востоке (1840—1949 гг.)	3	177
Р. А. Сеидов. Ш. А. Тагиева. Национально-освободительное движение в Иранском Азербайджане в 1917—1920 гг.	5	151
Е. С. Семка. А. Л. Basham. The Wonder that was India	3	186
С. Стрельцын. И. Ю. Крачковский. Введение в эфиопскую филологию	2	179
А. Ф. Султанов. Основные вехи развития современной культуры в Египте	3	151
И. Ф. Цаплин. В. П. Леонтьев. Иностранная экспансия в Тибете 1888—1919 гг.	6	139
Л. М. Энтин. Настоящее и будущее Французского Союза	2	208
М. Ф. Юрьев. «Великий Октябрь и народы Востока»	6	132
Д. И. Юсупов. К пятидесятилетию арабского журнала «Ат-Тарик».	1	156
А. Т. Якимов. Новая книга по истории Монгольской народной революции	3	183
Л. Д. Яблочков. S. Cloete. The African Giant	3	203
Аннотации	4	174
Библиография	1	215
Заметки о книгах	5	170
	6	177

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Л. А. Аганина. В отделе Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения АН СССР	1	173
В. М. Борисов. Первый съезд лингвистов арабских стран	1	187
Б. Васильев. Девятая годовщина со дня провозглашения независимости Бирмы.	1	170
А. А. Губер. Заметки о встречах с японскими историками и востоковедами	6	189
День независимости Цейлона	2	171
А. Н. Кононов. VIII конгресс Турецкого лингвистического общества	4	195
В. П. Леонтьев. Научная сессия в Институте китаеведения в честь 90-летия со дня рождения Сунь Ят-сена.	1	184
А. М. XXIV Международный конгресс востоковедов в Мюнхене	6	186
В. П. Седьмая годовщина со дня провозглашения республики Индии	1	171
В. А. Ромодин. Первый год работы Восточной комиссии Географического общества Союза ССР.	1	18
Г. С. Дискуссия об экономических и политических позициях национальной буржуазии в странах Востока.	1	174
Сессия, посвященная борьбе Египта против агрессоров	1	168
Сессия, посвященная второй годовщине конференции в Бандунге	2	167
Совещание историков-монголоведов в Улан-Баторе	2	171
С. И. Тюляев. Выставка искусства Ирана в Государственном музее восточных культур	6	197
Н. А. Халфин. Первая всесоюзная конференция востоковедов.	4	184
Е. П. Челышев. Девятая сессия Генеральной конференции ЮНЕСКО	4	192
Хроника	3	208

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Г. Ф. Гирс и А. Д. Давыдов. Об одном неудачном издании переводов восточного фольклора	3	213
Об издании «Энциклопедии Востока»	6	199
С. А. Козин	1	221
С. Е. Малов	6	200

О подготовке к XXV Международному конгрессу ориенталистов
СТАТЬИ, ПУБЛИКАЦИИ, СООБЩЕНИЯ

А. Ротштейн. (Англия). Британский реформизм и колониальный вопрос	8
Р. Г. Ланда. Борьба алжирского народа за национальную независимость	26
Ю. Д. Лебедев. Монументальное искусство средневековой Камбоджи	39
К. А. Антонова. О генезисе капитализма в Индии	54
В. М. Штейн (Ленинград). Из истории отношений между Китаем и Индией	65
З. Г. Османова. Абулькасим Лахути	74
Г. Ю. Алиев. Ранние христианские источники легенды о Хосрове и Ширин	87
О. П. Суник (Ленинград). О типах основ и окончаний слова в тунгусо-маньчжурских языках.	97
Неизвестный перевод И. Ю. Крачковского из Абү-л-'Ала ал-Ма'арри	111

НАУЧНЫЕ ЗАМЕТКИ

А. М. Музинов (Ленинград). Ленинградская рукопись «Жизнеописание шейха Рузбихана»	114
Х. Курбатов (Казань). Об унификации алфавитов тюркских языков в СССР	117
Г. М. Бонгард-Левин. Изображения хранилища для зерна на печатях Мохенджо-Даро и Хараппы	119

ИСТОРИОГРАФИЯ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

А. М. Пятигорский. Вопросы истории тамильской культуры в журнале «Tamil culture»	123
М. Ф. Юрьев. «Великий Октябрь и народы Востока»	132
Д. С. Завериев. (Тбилиси). Г. Л. Бондаревский. Багдадская дорога и проникновение германского империализма на Ближний Восток (1888—1903)	135
Ф. С. Цаплин. В. П. Леонтьев. Иностранная экспансия в Тибете 1888—1919 гг.	139
Т. А. Бурдукова. Г. И. Михайлов. Очерк истории современной монгольской литературы.	142
Е. М. Пинус (Ленинград). А. Е. Глускина и В. В. Логанова. Очерки истории современной японской демократической литературы	144
В. С. Гарбузова. (Ленинград). Л. О. Алькаева. Творчество Халида Зия Ушаклыгиля.	146
[Е. Э. Бертельс.] К выходу в свет книги проф. А. Зайончковского «Gazele wybrane Hafiza»	147
М. И. Занд. Dějiny perské a tádzické literatury. Za redakce akademika Jana Rurky.	150
Л. Н. Кудашев. Война на Тихом океане в освещении японских историков	156
Д. И. Гольдберг (Ленинград). Идзу Кимико. История Японии	162
А. А. Дмитриев. J. Ingram. Economic Changes in Thailand since 1850	169
Ю. Е. Борщевский (Ленинград). «Islamic art and archaeology». A register of works published in the year 1954	173
Заметки о книгах (Ю. Георгиев, П. Пак Ир, Я. Вельсон, Д. Г. Редер, В. Н. Попов, Д. Д., Л. Дадияни, К. И., И. М. Фильштинский, В. В. Кушев, Ю. Е. Борщевский, Р. С. Гиляревский, В. Д.)	177

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

А. М. XXIV Международный конгресс востоковедов в Мюнхене	186
А. А. Губер. Заметки о встречах с японскими историками и востоковедами	189
С. И. Тюляев. Выставка искусства Ирана в Государственном музее восточных культур.	197
Письмо в редакцию.	199
[С. Е. Малов.]	200
Содержание журнала за 1957 г.	201

CONTENTS

Preparations for the XXV International Congress of Orientalists	3
---	---

ARTICLES, DOCUMENTS, PAPERS

A. Rothstein (Great Britain) British Reformism and the Colonial Problem	8
R. G. Landa. The Struggle of the Algerian People for National Independence	26
Y. D. Lebedev. Monumental Art of Medieval Cambodia	39
K. A. Antonova. Genesis of Capitalism in India	54
V. M. Stein (Leningrad). From the History of the Relations between China and India	65
Z. G. Osanova. Abū-l-Qāsim Lāhūtī	74
G. Y. Aliev. Early Christian Sources of the Legend about Khusraw and Shīrīn	87
O. P. Sunik (Leningrad). Types of Word Stems and Endings in Tungus-Manchu Languages	97
I. Y. Kračkovski's Unknown Translation from Abū-l-'Alā al-Ma'arī	111

SCIENTIFIC NOTES

A. M. Muginov (Leningrad). Leningrad Manuscript of "The Life of Sheikh Rūzbi-hān"	114
K. Kurbatov (Kazan). Unification of the Alphabets of Turkic Languages in the USSR	117
G. M. Bongard-Levin. Picture of a Granary on the Seals of Mohendjo-Daro and Harappa	119

HISTORIOGRAPHY, BOOK REVIEWS, BIBLIOGRAPHY

A. M. Piatigorsky. Questions Relating to the History of Tamil Culture in the Magazine "Tamil Culture"	123
M. F. Yuriev. "The Great October Revolution and the Peoples of the East"	132
D. S. Zavriev (Tbilisi). G. L. Bondarevsky. Bagdad Railway and Penetration of the Middle East by German Imperialism (1888—1903)	135
F. S. Tsaplin. V. P. Leontyev. Foreign Expansion in Tibet in 1888—1919	139
T. A. Burdukova. G. I. Mikhailov. Outline of the History of Modern Mongol Literature	142
E. M. Pinus (Leningrad). A. E. Gluskina and V. V. Logunova. Outline of the History of Modern Japanese Democratic Literature	144
V. S. Garbuzova (Leningrad). L. O. Alkayeva. The Works of Halit Ziya Uşaklıgil [E. E. Bertels]. Publication of A. Zająčkovsky's Book. "Gazele Wybrane Hafiza"	146
M. I. Zand. Dějiny perské a tádzické literatury. Za redakce akademika Jana Rypky	147
L. N. Kudashev. The War in the Pacific from the Viewpoint of Japanese Historians	150
D. I. Goldberg (Leningrad). Izu Kimio. History of Japan	156
A. A. Dmitriev. J. Ingram. Economic Changes in Thailand since 1850	162
Y. E. Borshevsky (Leningrad). Islamic Art and Archaeology. A Register of Works Published in the Year 1954	169
Bibliographical Notes (Y. Georgiyev, P. Pak Ir, Y. Belson, D. G. Reder, V. N. Popov, L. Dadiani, K. I., I. M. Filshinsky, V. D. Kushev, Y. E. Borshevsky, D. D., R. D. Gilarevsky, V. D.	173

SCIENTIFIC NEWS

A. M. 24th International Congress of Orientalists held in Munich	177
A. A. Guber. Talks with Japanese Historians and Orientalists	186
S. I. Tiulyaev. Exhibition of Iranian Art at the State Museum of Oriental Culture	189
A Letter to the Editors	197
[S. E. Malov.]	199
Contents for the year 1957	200
	201

內容

論文

社論	3
羅特希丁(英國)——不列顛的改良主義及殖民地問題	8
浪達——阿爾及利亞人民為民族獨立的鬥爭	26
列別捷夫——賽國中世紀的雄藝術	39
安東諾娃——論印度資本主義的萌芽	54
希旦因(列寧格勒)——中印關係的歷史片段	65
奧斯曼諾娃——阿布爾格新拉湖金	74
阿利也夫——古代基督教神語中關於花斯羅夫及希林的傳說	87
蘇尼克(列寧格勒)——論突古斯—滿文的基本字的典型數別及尾字	97
克拉乞谷夫斯基的從《阿布阿拉阿爾摩阿里》中未知的譯文	111

科學短評

木根諾夫(列寧格勒)——列寧格勒的原稿《陸子璧 亨魯長的傳記》	114
谷爾巴特夫(嘉柔)——論蘇聯突厥族語言的字母統一化	117
泊加爾特——列文——摩海覺——搭羅及嚇拉伯印上的倉庫的形像	119

史料及書報評介

皮帝谷爾斯基——“Tamil Culture”雜誌中關於搭迷爾文化史的問題	123
油列夫——《偉大十月革命與東方人民》	132
雜夫立也夫(梯比里斯)——布達來斯基。布克大特的大道和德國帝國主義在近東的侵入(1888—1903)	135
蔡別林——列昂節夫。外國在西藏的侵入(1888—1919)	139
布爾多谷娃——米海羅夫。現代蒙古文學史大綱	142
比奴司(列寧格勒)——格羅斯基哪，羅公諾娃——現代日本民主文學史大綱	144
格爾布若娃(列寧格勒)——阿爾格也娃。嚇利達實依伍賽克立拉利的創作	146
別爾特立斯——載印乙谷夫斯基的“Gazele Wybrane Hafiza”一書的出版	147
讓特——Dějiny parské a tádzické literatury. Za redakce akademika Jana Rypky	150
古達雪夫——日本書藉中所提到的太平洋戰爭	156
戈爾特堡(列寧格勒)——伊豆公夫著的日本史	162

基米特利也夫——J.Ingram. Economic changes in Thailand since 1850.	169
布爾雪夫斯基 (列寧格勒) ——Islamic art and archaeology. A register of works published in the year 1954.	172
書籍的短評 (齊阿爾 齊也夫, 伯克。柏爾森, 列夫, 達其阿尼, 非梁金斯基, 戈雪夫, 布爾雪夫其克, 科學生活	
滿海的第二十四次的國際東方學大會	186
古具爾——與日本的歷史家和東方學家會見的簡述	189
突遼也夫——國家東方文化博物館的伊朗藝術展覽會	197
給編輯部的來信	199
馬羅夫	200
本雜誌一九五七年的內容	201

О Т Р Е Д А К Ц И И

В редакцию поступило письмо О. Л. Вильчевского, в котором он просит довести до сведения читателей, что рукопись, рассматривавшаяся им в статье «Новый источник для характеристики мировоззрения городского населения Ирана в X—XI веках» («Советское востоковедение», 1955, № 1), представляет собою ранний список одного из разделов сочинения Газзали «Кймийй-и са'адат».

Адрес редакции: Москва, Армянский пер., 2. Тел. К-5-91-64

Т-00031. Подписано к печати 29/I—1958 г. Формат бум. 70×108^{1/16}.
Бум. л. 6^{1/2}. Печ. л. 17,81+4 вкл. Уч. изд. листов. 19,8 Зак. 2186.
Тираж 2750 экз.

2-я типография Изд-ва АН СССР. Москва, Шубинский пер., 10